

нам свыше
РОДИНА ДАНА

**Псковская земля, ее история и достижения
в свете духовного возрождения общества
и человека и возвращения
к нравственной традиции бытия**

**В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ
ПСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Псков

2014

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СЛАВА РОССИИ

Н 24 «Нам свыше Родина дана». Псковская земля, ее история и достижения в свете духовного возрождения общества и человека и возвращения к нравственной традиции бытия в поэзии и прозе псковских писателей / Псковское отделение Союза писателей России. – Псков, 2014. – 448 с.

ISBN 978-5-94542-307-7

Настоящая книга предназначена для различных возрастных групп читателей и, надеемся, станет для них надежным помощником в укреплении жизнеутверждающих, позитивных идеалов и ценностей, таких как любовь к Родине, патриотизм, понимание величия, самобытности и красоты Родной Страны, ее непреходящего значения в мировом историческом процессе; в возрастании уважения и привязанности к родному краю — Псковской земле; в утверждении высших потребностей человеческого духа, а также — в приобщении молодого поколения к высокому духовному наследию русской литературы.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-94542-307-7

ПСКОВЩИНА

Сколько новых слов к себе ни кликаю,
а душа всё прежними жива:
вольный витязь Псков, река Великая,
быстрая, плескучая Пскова...

Каждый раз, когда в судьбе морозило,
грел её родных имён огонь:
древний град Изборск, Чудское озеро,
крепость Порхов и река Шелонь...

Хоть корми меня на чистом золоте —
снова уведёт дорожный дым
к ситцевым полям над синью Сороти,
к трём горам, единственно Святым..

Станислав Золотцев

Мы жили в Великой стране, стране грандиозных побед и немыслимых свершений, в стране, где богатство не кружило голову и не лишало разума, а бедность и нищета не заглядывали в окна пустым мертвящим зраком. Мы верили в свое великое предназначение и пели «Широка страна моя родная...» А теперь? Во что верим? В деньги? В инвестиции? В кредиты? В возможность поехать на неделю в Турцию или Египет? Как же ничтожна, мелка эта вера! Какая во всем этом пустота!

Нет, слава нашего Великого прошлого никуда не исчезнет и всегда пребудет с нами. Она звучит, и будет звучать! И скрытая, оболганная она будет обнаруживать себя в исповедальных рассказах современников; и растоптанная, будет воскресать на страницах честных книг.

*Люблю тебя, святая Русь,
Твои луга, леса, и горы!
В глаза-озёра окунуть,
Люблю твоих полей просторы!*

(Александр Рябихин)

Эта книга учит нас не стыдиться своего прошлого, но гордиться им, она учит нас любить тех, кто с нами рядом, дорожить каждым их словом, беречь каждую, написанную ими строку. Ведь потерянного потом не вернешь никакими слезами и раскаяниями. Эта книга побуждает нас учиться у жизни лучшему и самим становиться лучше».

В данном разделе помещены поэтические и прозаические произведения псковских писателей, раскрывающие славные страницы истории Родного края, рассказывающие о наших замечательных земляках, о важности сохранения исторической памяти и борьбе с фальсификацией нашей истории, а также — о неизвестных и мало известных фактах и событиях родной истории.

СТИХИ О РОССИИ

Мне все яснее год от года,
Полнее истина видна:
Россия вечна, как природа,
И неподвластной рождена
Ни хану дикому, ни хаму
Цивилизованной страны...

Иди к России, словно к храму,
Где всюду свечи зажжены.
Но даже втайне покуситься
На этот дивный свет не смей!
С Россией можно только слиться,
И раствориться нужно в ней,
И вдруг поверить: не загадка,
Не тайна — как ни назови —
Идея высшего порядка
России все-таки в любви.
И в том ее особом складе,
И в той особой колее,
Когда всегда и все в ней ради
Добра и мира на земле.

Не потому ль, когда сжигала
Ее поля стихия зла,
Она из пепла восставала
Сильней и краше, чем была.
И все дивились: «Что за воля?» —
«У ней особенная статья»,
Россия — Сказ, Россия — доля.
И с нею нам не растерять
Ни в годы горького сиротства,
Ни в дни печального родства
Ни красоты, ни благородства,
Ни широты, ни естества.

В ней все едино. Все навеки
Полно значенья. И равно
Доныне в русском человеке
И в свете звезд — отражено.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Здесь нет понятия времени, здесь нет
Иных вседневных суетных понятий.
Здесь звук идет на звук и свет — на свет.
И в этом поединке чистых пятен
Рождаются вдруг очертанья дня
С его бетоном, трубами завода,
С его молчаньем Вечного огня.
Здесь говорит, безмолвствуя, природа

О чем она тревожится? Зачем
Здесь вольно так сменяются виденья?
Я слушаю. И я забыл совсем
Про эту остановленность мгновенья.
Огонь души и памяти — горит,
Сжигая нас, горит, не угасая,
И каждый шаг наш бережно хранит...

Взметнется листьев пепельная стая.
В гранитное скрещенье мечей
Ударит ветер... И огня коснется...

...Я слушал соловья в тиши ночей.
...Смотрел, как по утрам играет солнце.
...Испепеляли грозами меня
Все бури... Но сполна и ежечасно
Лишь только здесь, у Вечного огня,
Я понимал, как эта жизнь прекрасна.

Станислав Золотцев

* * *

Белокаменным витязем дремлет
утопающий в сумерках Псков.
И плывёт из глуби его древней
вольный голос минувших веков.
Но его только сердцем возможно
услыхать, этот клич вечевой,
и понять, что гласит он тревожно
над Великою и над Псковой.

Ярой медью взрывая потёмки,
льётся чести и совести зов.
Это предки взывают к потомкам,
пробуждая сегодняшний Псков.
Пробивая веков расстоянья,
дышит слово их гневом святым:

«Что же сделали вы, россияне,
с неразменным наследьем своим!
Опились вы бесовского зелья
и дозволили своре волков
растщить необъятную землю
на десятки кровавых кусков.

Вольный Псков! Ты для Третьего Рима
стал духовным отцом в старину.
Что же смотришь ты невозмутимо
на лежащую в прахе страну?

Ведь уже чужеземцы-соседи
на поля твои зарятся вновь.
Что ж набатной не полнится медью
в псковских гражданах древняя кровь?
Неужели плевать вам, что славу
прошлых лет продают по частям,
а хозяева нашей державы
лижут пятки заморским гостям?..»
...Так, пронзая веков расстоянья,
кличут предки нас в Смутной ночи.
...Что же сделали мы, россияне?
Что мы скажем в ответ, псковичи?

РОДИНА

Невероятной синевы
река.
Плывут над берегом Псковы
века.
И отражается в воде
собор.
И становлюсь я, как нигде
собой.

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ

Такой развал и разделение,
что даже дышится с трудом...
И от моей родной деревни
всего один остался дом. ...

На самых гибельных корнях
настоян воздух этих дней.
Не умирай, моя деревня,
хотя бы в памяти моей.

Я эту память горевую
не сдам в музей или в архив,
отдам в наследье внукам, в улей,
где русский мёд духовный жив.

Последний дом — совсем не древний
стоит, века в себе храня.
Не умирай, моя деревня,
хотя бы в сердце у меня...

Последний дом... и с каждым годом
мертвее жизнь в любом селе,
всё меньше сельского народа,
всё меньше русских на земле.

Но сколько бы нас ни гасили —
горим, как свечи подо льдом.
Не угасай, моя Россия —
последний в мире Божий Дом...

Андрей Бениаминов

ЕСТЬ В РОССИИ МЕСТА

Есть в России места,
Где природа чиста,
Где сердца у людей не остыли.

Там, вдали от столиц,
Больше искренних лиц,
Там родник русской славы и силы.

Там не бросят в беде,
Не откажут в еде,
Там помогут, чем могут, всем миром.

Там невест чистота,
И людей красота,
Там не строят дворцов и кумиров.

А у тихой реки
Там сидят рыбаки —
Ждут удачу свою на рассвете.

Там живёт мой народ,
Там природа цветёт,
Там смеются залиvisto дети.

Деревенский уклад.
И, наверно, стократ
Буду Господу Богу молиться,
Чтобы тысячи лет
Тёплый искренний свет
Освещал эти русские лица.

* * *

Всё как было — так есть,
С юга вновь возвращаются птицы,
Чтоб продлить птичий род,
И под осень назад улететь.
Мне же выпала честь
На Российских просторах родиться,
Ну, а коль повезёт —
Посчастливится здесь умереть.

В этой странной стране
Где бескрайни поля и погосты,
Где звенят провода
И молчат вековые дубы,
Теплый дождь по весне
Омывает дорожные вёрсты,
А любовь и беда
Как синонимы общей судьбы.
Мы проходим сквозь страх,
Привыкаем к ветрам и туманам,

Ищем правду в себе,
Но находим её у других.
Только часто в умах
Сочетается правда с обманом,
И в бесцельной борьбе
Создаётся лишь призрачный миф.

Так живёт моя Русь,
Забывая прощать и молиться.
Нам ковыль да полынь
Пахнут слаще изнеженных роз.
И российская грусть
Здесь святою водою сочится
Сквозь небесную синь
По израненным душам берёз.

* * *

*С.А. Золотцеву —
Поэту и Гражданину*

Память засыпало пеплом, зарыло золою,
Солнце обуглило сердце, умы обожгло:
Так и живем, в серость будней уйдя с головою,
Не вспоминая о том, что навеки ушло.

Только беспамятство — самая худшая доля,
Злая беда и большой человеческий грех
К нам возвращается приступом горя и боли
К тем, кто заветы отцов променял на успех.

К тем, кто забыл их дела, и пограл их наказы,
Кто растерял сам себя, позабыл про свой род.
И расплзлась по Руси безучастья зараза,
В злую толпу превращая великий народ.

Только мне хочется верить, что главное цело,
Если поэты слагают такие стихи,
Значит, живёт, продолжается Русское дело,
Значит, замолим своими стихами грехи.

Выдюжим, встанем, расправим могучую спину,
Вспомним откуда мы родом и кровь у нас чья.

...

А для иуд на Руси подрастают осины,
И для борьбы подрастают у нас сыновья...

«ПО СНЕГУ РУССКОМУ — ДОМОЙ»

День такой тихий, что этой тишиной заражается снег и идет реденько и стеснительно, стараясь не попадаться на глаза. Сад Михайловского пуст и как-то равнодушно скучен — перемогается до весны. Седая прошлогодняя трава утомлена, бессильна и не смягчает неровного шага по иззябшей, окаменевшей земле, застывшей на бегу, как взморщенное море. Сорока-игуменья в черной мантии и белом подряснике (все на ней такое новое, что она вначале вертится во все стороны, но смотреть на нее некому) устраивается на спящем улье и больше не суетится, сидит. По-домашнему покойно, как сидят коты или курицы. (А еще летом они летали по саду с чеченской перестрелкой, длинные, как немецкие гранаты). Ни души. Только далеко за разливом Сороти, на озере Кучане, в его еще не вскрывшейся части, черными точками сидят рыбаки, и полоса льда похожа на неровно оторванный лист, засиженный мухами.

Рижские издатели привезли в Михайловское выпуск своего альманаха «Лукоморье». Он по-нынешнему наряден, с щегольской версткой, чудной бумагой, и это поначалу смущает, внешне противореча печали интонации об ослаблении почвы русской культуры в Прибалтике, но понемногу слово загораживает одежду альманаха, и, когда я дохожу до посмертной публикации стихов ушедшего эмигрантского поэта Игоря Чиннова, наследника долгого рода «золотопогонников» и средней руки помещиков, душа уже сбита одиночеством и предчувствием тоски, словно и сам уже не дома, не на родной земле. И вот уже не одному поэту, а и мне —

...Мне нужно вернуться
за скрипом колодца,
за криком детей у реки,
за плеском в тумане,
за плеском у сходней,
за лесом у светлой реки,
за иволгой ранней,
за ивой прохладной,
за тихим дыханьем реки.

Да ведь, похоже, и впрямь нам всем нужно вернуться за этими простыми, необходимыми сердцу «вещами». Почему я и гляжу так жадно на Михайловское и думаю вовсе не о Пушкине, а о том, как бы «починить» сердце и не ловить себя на странной наблюдательности, словно стараешься наглядеться, запомнить или вернуть утраченную связь. И все лучше понимаю побуждение рижских издателей напечатать эту подборку И.Чиннова, как будто и они, оставаясь дома, там, где жили с колыбели, тоже обречены не жить посреди родной природы, а только

вспоминать ее: «Чем-то нежным и русским/ Пахнет поле гречихи/ Утешением грустным/ День становится тихий/Пахнет чуть кисловато/ Бузина у колодца.../ Это было когда-то/ И едва ли вернется».

Именно так — «это было когда-то...». Дикость какая-то. Ведь есть, есть! Вот же вокруг — этот присмиривший сад, этот разлив Сороти, эти деревни под дальним солнцем, а разум ухватился за строку и не оторвется — это было когда-то... Было там, в прошлой жизни, где мы, говорят, были бедны, унижены, загнаны преследованием (да, кажется, и впрямь были таковы), но почему тогда при воспоминании о минувшем, как и у тех, изгнанных и ушедших, так невпопад и вопреки очевидности вспоминается совсем не это, и —

Душа становится далеким русским полем,
В калужский ветер превращается,
Бежит по лужам
В тульском тусклом поле,
Ледком на Ладоге ломается.
Душа становится
Рязанской вьюгой колкой,
Смоленской галкой в холоде полей
И вологодской иволгой, и Волгой...
Соломинкой с коломенских полей.

Мы, кажется, потому с такой жадностью и кинулись читать эмигрантскую поэзию и прозу, что затосковали о Родине. И не в одном этом противоестественном «ближнем зарубежье», внезапно выкинувшем человека из дому, не коснувшись его ни пальцем, и не в одних наших стремительно забывающих «мать-отца» столицах, но уж и в калугах, тулах, рязанях...

Началось, конечно, не сейчас. Когда я, торопясь, читал чинновские стихи гостю Михайловского, директору Грибоедовского музея «Хмелита» В.Е. Кулакову, он не зря тотчас вспомнил Рубцова. Ведь и там, странно сказать, нас уже волновало, почти мучило это острое чувство прощания, словно «тихая наша Родина» отплывала на наших глазах в необратимое минувшее, а мы оставались на чужом берегу. И вот остались...

В тот же день подвернулся мне в Михайловском и недавний, уже нашего издания, Георгий Иванов, его «Зеркальное дно». Вначале я удивлялся тому, как книги поджидают нас «в кустах», чтобы прийти в то мгновение, когда душа готова или неожиданно зажжена болезненной мыслью, но теперь уж знаю, что когда мысль действительно ранит душу, необходимое подтверждение ее современности найдет тебя хоть в чистом поле. Книги ждут нас на всех путях, и не всегда с утешением. Иногда, как вот в этот михайловский день, они приходят, чтобы ты мог отчетливее почувствовать опасность и успеть защититься хоть самым ведением о ней.

Георгия Иванова я уж лет двадцать читаю, но все как будто эстетика и умозрение перевешивали, а уж теперь не до красоты — хоть лицо руками

закрывай. Чиннов еще утешает светом, печалью и как будто тенью надежды на возвращение домой. А этот уж нет. И ослепительность формы только усугубляет остроту боли.

...Грустно, друг. И тем еще грустнее,
что надежды больше нет.
Это уж не романтизм. Какая
Там Шотландия! Взгляни: горит
Меж черных лип звезда большая
И о смерти говорит...

И как-то буднично говорит, почти скучно, с житейской обиходностью, с чеховской безжалостностью, как — помните? — в «Скучной истории», где старый профессор на горячий шепот героини о спасении: «Вы умны, образованны, вы долго жили, вы были учителем... Что мне делать?» — отвечает: «По совести, Катя, не знаю... Давай, Катя, завтракать». Вот и Георгий Иванов:

Ну, мало ли что бывает?
Мало ли что бывало —
Вот облако проплывает,
Проплывает, как проплывало...

А кончит:

Сегодня меня убили.
Завтра тебя убьют.

И это все о том же — о России, о чувстве ее в сердце, о неотступности ее, когда уж, наконец, она делается так тяжела своим преследованием, что хочется защититься вызовом, срывом, желанием расчесть с этой настойчивой мыслью хорошо сыгранным равнодушием:

Мне больше не страшно. Мне темно
Я медленно в пропасть лечу
И вашей России не помню
И помнить ее не хочу
И не отзываются дрожью
Банальной и сладкой тоски
Поля с колосащейся рожью,
Березки, дымки, огоньки.

А только себя не обманешь — отзываются, отзываются дрожью и поля, и березки, и чинновские галки, дожди, «тонкий запах осенних лесов, серосизые краски реки» — все отзывается, и уже не заговоришь себя, не спасешься готовностью к окончательному разочарованию: «Россия — счастье, Россия — свет. А может быть, России вовсе нет...» Не было бы, не болела бы она так в русской поэзии.

Но не зря вопрос вертится. И сегодня уже не только в той «тамошней» поэзии — у нас теперь завертелся. Вот-вот и мы теперь засомневаемся: «А может

быть, России вовсе нет» — так легко она ускользает из реальности в отвлеченную эстетику, в предмет спекуляций и пререканий, в художественный образ, в рекламный буклет на продажу. Удалая, бесстыдная общественная жизнь с иллюзиями ежедневных обновлений и перемен все настойчивее выталкивает человека из реальности в газетно-телевизионное умозрительное пространство, в бумажный мир, где прежние земные нравственные законы слишком «неповоротливы» и слишком «мешают жить». И мы сдаемся, сдаемся...

Но душа, слава Богу, не поспевает за умом и вот внезапно, в неожиданный час и на неожиданном слове, вдруг схватывает нас за полу, останавливая на бегу, и мы со смятением обнаруживаем себя вовсе не там, где собирались находиться. И стихи, пленявшие Г. Адамовича «перламутровыми переливами», и смущавшие В. Вейдле тем, что «в каждом затаились слова, что «и в раю — я», открываются иной, куда более горькой стороной, напоминая о Родине, которая все ждет нас и все светит ненаглядной красотой, дожидаясь нашего возвращения из всеобщей эмиграции.

Выглядывает солнце, и Сороть вспыхивает ликующим зеркалом — молодая, весенняя, давняя, вечная... Это было когда-то... Это будет всегда.

МОЛИТВА О РОССИИ

Россия, Россия, святая невеста,
Душа для любого из нас,
Да только в столице от лобного места
Звучит Государев Указ,

И эта усмешка царёва косая —
Проблемы решались сплеча, —
Когда ты всходила в крови и босая
Под тяжкий топор палача.

И малой ошибки тебе не прощали —
Уж так выходило само,
К тебе подступали с чужими клещами,
Пытаясь поставить клеймо.

Считали тебе и часы, и минуты,
А имя врагам — легион,
Тебя ненавидели злобою лютой
С дремучих хазарских времён.

Россия, Россия, какое заклатье
Тебе изначально дано? —
И пути на длинное белое платье
Враги намотали давно.

Но вот твоё знамя трёхцветное взвилось,
И поднят клинок за эфес —
Казалось, свобода неожиданно явилась
По воле высоких небес.

Да тёмные силы пошли на уловки,
И скоро победу трубя,
Как только разрезаны были верёвки,
Так в саван одели тебя.

Россия, Россия, мы все твои дети,
И вот, с темноты до утра
Ты молча стоишь на изломе столетий
На грозных вселенских ветрах.

Но сыщутся люди, откроется зелье,
В руках озарится копье, —
Твой враг вековечный провалится в землю
До самого центра её —

Ведь есть во Вселенной и светлые силы,
Что миру и щит, и броня, —
Мой Боже, я молча молюсь за Россию —
Спаси и её, и меня.

* * *

Ближнюю границу
Заняли враги.
Бьют о твердь гранита
Наши сапоги.

С выкладкой по-русски, —
Скатка наискось,
Дождик петербургский
Режет вкривь и врозь.

Серый мрак вокзала,
Ужин без вина.
Прежний мир взорвала

ПЕЛАГЕЮШКА

(Из повести из жизни спецпереселенцев)

Завитюливай, Колька!

За сценой этого просторного шахтерского дворца культуры находились узкие удобные комнатки — уборные для артистов. А между ними посередине светлая большая мастерская — здесь художники-декораторы обитали.

Как мне здесь радостно было, когда зашел в первый раз, сколько яркого, необыкновенного для глаз! Слева узенькая деревянная лестница, по которой довольно шустро взбирался Яшка Пчелинцев, помощник художника.

— Ты, Николка, пиши объявления так, как я написал, видишь? А я покимарю часок-другой. Пока Владислав насчет халтуры договаривается... Потом и нам придется помахать кистью... А чего ж — заработаем... Корочки себе купишь блескущие, как у артистов... Придешь на танцы — сразу к тебе порхнет какая-нибудь... Кружиться-то умеешь? И не жди пока я встану... Там внизу большой щит стоит, положи и наискосок крупно напишешь — КОНЦЕРТ. Первую букву покрупнее и поярче... Чтоб издали бросалось... Усёк? Чтоб еще издали народ увидел и к нам поспешил. Полный зал наберется, денег немало в кассу привалит. И твоя тут помощь будет. А со временем таким оформителем станешь — хоть зал, хоть сцену украсишь. Всем на заглядение и радость. Такое твое полезное и заметное дело.

А пока напиши эту рекламу и завитюливай. Больше ж некому. Поначалу не понимал, что это такое. Но Яшка, ехидно улыбаясь, согнулся и ловко взгромоздил этот фанерный щит на горбушку, пронес несколько шагов:

— Видал? Вот так и завитюливай аж до трамвайной остановки. Поставишь там и такое сразу тебе облегчение, бежишь вольно без груза, отдыхаешь можно сказать. А потом еще один оттартаешь, на другую остановку. И еще раз...

— Я ж не носильщиком сюда нанимался...

— Да, учеником художника. Все у нас так начинают. Была еще недавно лошадка при клубе, но завхоз пропил ее. Вот тебя и взяли на ее место.

— Лучше б с лошадкой, я умею запрягать.

— Что ж, запрягайся сам — вполне заменишь животину...

— А если и меня этот мужик пропьет.

— Этот может, но ты не поддавайся — при нашем дворе оставайся. У нас веселее...

Веселее? Кому как? Оглядывается на меня проходившая дивчина и бросает:

— Таскать тебе, не перетаскать...

— Лучше помогла бы...

— Обойдешься — лошак надежный...

Другой раз бабка прошамкала:

— Ишь запрягли болезного, далеко ль тащить? Давай поддержу сзади...

— Да тебя саму надо поддерживать, — заговорил мужик в заиндевелом тулупе и взялся за щит, — вдвоем надежнее...

И каждый раз кто-нибудь норовил помочь, одна бабуся варежки свои протянула: бери, бери, я еще такие свяжу...

— Ой, спасибо бабушка, приходите на концерт завтра, я Вас бесплатно пропущу.

— Дома у меня концерты. Почти каждый вечер бесплатные — мужик шибко дурит. Ну, хоть беги.

— Сочувствую Вам, мамаша. Да как же Вы с таким иродом живете?

Вздыхнула: крест мой тяжкий.

Но были и праздники у меня. В день концерта робко входил к директору.

— Что, Коля, опять контрамарку тебе? С барышней решил появиться... А что? Парень ты бравый, выдающийся в полке... И налево, и направо сохнут девушки по мне. Так что ли? Получай... Тебя хвалят, замечают, что стараешься в художестве. Нам нужны такие работники.

Начало моего искусства

Весь 1943 год Московский театр оперетты действовал в Прокопьевске, во дворце культуры имени Артема. Там я работал уже помощником художника-оформителя, одновременно занимаясь и в студии. Главной моей обязанностью было писать рекламу — несколько щитов, чтоб ежедневно было готово, завтра, допустим, «Сильва», послезавтра — «Баядера» и прочие не менее увлекательные вещи. Я был ими очарован — куда б ни пошел, чтобы не делал, а в голове звучало: «О, Баядера, ты чаруешь меня...» или «Сильва, ты меня с ума сведешь, если замуж не пойдешь...»

Что и говорить, эти вертявые «красотки кабаре», так живо изображенные Кальманом, меня смущали, к ним и вечерами устремлялся. Да и не было иного яркого зрелища в унылом шахтерском городке. Кроме надоевших танцев под баян. Их тоже на фанере малевал. Тоже искусство. Берешь малярную кисть и, макнув в банку с самой яркой краской, крупно выводешь число, а пониже наискось название завлекательного действия, в коем и сам иногда живо участвовал без билета, конечно. — Свой парень говорят...

Дело это мне нравилось — разные шрифты осваивал, иногда и затейливый рисунок добавлял — смешную маску набрасывал, тощую балеринку с веером. А к новому году разноцветные гирлянды развешивал:

— Спешите к кассе!

Владислав Аркадьевич, главный художник, похваливал меня и сам иногда брал кисти, нагибался над чисто загрунтованным щитом и на наших глазах иногда такое сотворял, что залюбуешься. Он ничего не намечал заранее, а будто видел всю графическую композицию, которая рождалась у него легко, просто и очень стройно. Ничего лишнего, все на своем месте и каждый штрих хвалит мастера — dasWerklobt den Meister — как замечают немцы.

Для нас, начинающих декораторов, это были яркие уроки убедительного мастерства. Я с гордостью нес на горбу такую расписную фанерину, ставил ее на место видное издалека. Отходил в сторонку, потирая задубевшие руки: смотрите, люди добрые, любуйтесь и устремляйтесь к кассе — вечером оживут перед вами эти затейливо намазанные клоуны, танцовщики и акробаты. Так развеселят, что ухочаетесь, вдоволь наулыбаетесь и будете всем рассказывать об этом потешном зрелище — Алчевский и во сне долго будет сниться: — «Да что я вас такой влюбленный?»

За горами, за долами шла, гремела яростная война, плакали женщины и в шахтерском нашем городке. Но каждый день поднимались вагонетки на гора, беспрерывно уголек везли на металлургические заводы. Строгий голос Левитана призывал до победы сражаться с «фашистской силой темною, с проклятою ордой».

Сражались мои сверстники в цехах заводов, эвакуированных в Сибирь, сражались лесорубы в горной Шории, сплавщики на Кондоме и на Оби. Но и песня раздольная, широкая укрепляла дух народный, картины художников открывали красоту любимой Родины, музыка сердечная возвышала души. Чистые разнообразные мелодии звучали каждый день по радио.

Чайковского и Рахманинова люди слушали в дальней таежной деревушке, в небольшом поселке на берегу Енисея, в тихих избушках рыбаков и охотников. Эти великие народные богатства доблестно защищали молодые сибиряки под Москвой. Уцелевшие из них послушали бы русские народные, Русланову, Зыкину, оркестр народных инструментов, обыкновенную гармошку или балалайку.

Но кто ж им это позволит?

С утра до вечера передается что-то грохочущее, дикое, часто совершенно убогое и пустое. Кому это нужно? Почему так умаляется и отвергается коренное, истинно народное и совершенно здоровое как для взрослых, так и для подростков.

Есть еще немало разных «старателей», заинтересованных в духовной сивухе. Никто и не пытается их как-то ограничить, напомнить, что живут они в России, издавна песенной, талантливой.

Утро чугунное

Радио в шесть часов подавало свой голос — во время войны тревожный, часть печальный: опять тяжёлые потери, разрушения, пожарища.

Матушка уже у плиты, беспокоится, чем бы наполнить наш большой семейный чугунок, внушительно возвышающийся над махонькой кастрюлькой, сиротской сковородкой.

Уже слышны шипящие капли, падающие на горячую плиту из-под крышки.

Братцы ещё спят — Стёпа на нарах у стенки, а Ваня в углу на шатком топчане.

А мне не спалось... В школу во вторую смену, ещё успею и почитать, и задачку решить. Схожу потом к Юрке Куваеву — сверюсь. Нас в классе человек пять таких было — ни у кого не списывали, всегда справлялись.

Строговатый Сергей Матвеевич сдержанно похваливал нас и добавлял ещё задачку другую: подумайте, поднатужьтесь...

— Николаша, ты уже проснулся? — слышу тихий голос. — Ну и кстати — надо бы уголька подбросить в эту ненасытную утробу. Слышишь — гудит, як наш бык Яцыко, когда задурит, ты ж помнишь?

Всё сожрёт она, разгорячённая, ишь чугуна взбадривает, уже закипает варево.

Ну пусть ещё попытит, побулькает — капуста дойдёт, свеколка умлёт... Пшеница немного бросила, чтоб погуще — повеселей хлебать будете... Вот и лучок с салцем поспеет на сковородке.

— Да уж который год одно и то же хлебово у нас — утром начинаем, а вечером пустая эта посудина. Артельная... Хотя бы иногда кусочек мяса...

— А что? Вот поросёнок-то добудем и дождёмся, глядишь — заспиваем пшеницу веселеньку. Матушка умела вовремя ободрить каждого из нас... Никакого уныния! Весною побольше картохи посадим, может, и на базар кое-что снесём.

Посылочка

Полегче жилось, когда посылочку приносили. От тётки Фроси, иногда от дяди Васи, её брата. Жили они неподалёку друг от друга в старинном городке Славянске, на Черевковке.

Обретались там и другие односельчане. Но они нами не интересовались, слышали, что вывезли Гончаровых в Сибирь, так и других туда же, а то и подальше куда...

Из Карповки больше десяти семей вывезли, опустели казачьи хаты, задичали сады, затравенели огороды. Иные подались в Красный Лиман, Славянск, Краматорск — рабочие и в Донбассе были нужны.

Наш дядя Вася, мамин брат, на шахте поработал, по потом всё же вернулся в родную Карповку, в старую хату, исправно в колхозе робыл и с домашним хозяйством управлялся.

Тётка Фрося трудилась на масложире — так назывался небольшой заводик на Черевковке. Мужа её забрали и отправили на Север. Она изредка получала письма из Хибин; множество крестьянских мужиков осваивали и этот суровый край.

Две дочери были при ней — Варя и Нина. В низковатой хатёнке обитали, стены были глиной обмазаны, сверху нависала посеревшая соломенная крыша. Малый садочек был, да огородик, в сараюшке поросёнок похрюкивал.

— Мам, как же они там братцы наши — Коля, Ваня, Стёпа? В этой холоднющей далёкой Сибири? — спросит бывало старшая дочь — Варя.

— Господи, за что ж им такое? — всхлипнет и тётка Фрося, — из тёплого дома выгнали, всё отобрали, со стариками разлучили, ох, горе, горе!

Будем молиться за них, чтоб укрепил Господь в их тяжких страданиях. С батюшкой-то им легче было бы, но его, бедолагу, ещё дальше загнала в тайгу дику. Лес рубят наши мужики.

— А тётка Поля там одна с тремя хлопчиками маётся, — вздохнула Варя.

— Давайте посылочку им соберём, — откликается и молчаливая Нина, — салца пошлём, нашей пахучей олиии да крупы хоть немножко.

— Ой, Ниночка, добрая ты душа! Да и Варя готова всем поделиться, уже и сама трудиться начала. А хлопчики ещё не скоро укрепятся.

— Ящичек нам дядя Вася смастерит, — сказала Нина. — Они у него такие ладные получают.

— Конечно, не откажет, — завтра же сходи к нему, — кивнула мать.

Одно время наш дядя Вася, в шахте поработал, но ушиб ногу, захромал и вернулся в свою хату на Черевковке. Устроился в столярку на заводе, жил как и другие рабочие. Но и сельское бытие в нём держалось — водились куры, две козы, поросёнок подрастал...

Сестре своей, Пелагеюшке многострадальной, очень сочувствовал, помогал и даже приезжал в этот дальний шахтёрский городок. Помнится, привёз маме тёплый кожаный, одеяло шерстяное... Оно нас так родственно согревало в прохладном нашем пристанище.

Скудноватая житуха была, но держались.

Гришка

Однажды комендант привёл к нам Гришку. Видно, решил, что его только нам и не хватало. Парень среднего роста в серой свитке стоял, прислонившись к двери и уныло оглядывал наше неприглядное жилище. В одном углу широкие нары, застеленные плотным сероватым рядом. Стёпа укладывался возле стены, а мать с краю ложилась. Мы же с Ваней спали на полу возле другой стены. Вечером расстилали соломенный матрас, под головы — старый заплатанный кожаный сворачивали. Укрывались изрядно затоптанными половиками. Проснувшись, сворачивали эти штуковины и засовывали под нары. До вечернего сна.

Между окнами помещался узкий стол. Перед ним скамейка, а по бокам садовые табуретки, отец успел смастерить.

Мать сразу в слёзы:

— Та куда ж я его положу? Свои на полу маются, простывают.

— А я куда его определяю? — мрачно проговорил комендант, дебелий мордатый мужик. — Всем тесно. Парень, оставайся, барахло своё принесёшь, на полу и будешь дрыхнуть...

Плачет матушка, плачем и мы с ней, злобно поглядывая на этого сиротливого чужака. А он сидит на скамейке, опустив чубатую голову:

— Тётя, простите, да разве ж я решился бы вас стеснять. Я ж понимаю, но комендант заорал на меня: больше некуда — здесь твоё место. И не вздумай опять бежать — в тюрьму быстро попадёшь...

— Так ты беглый, сынок?

Мать вытерла слёзы, пригорюнилась, вздохнула:

— Сколько ж горя у каждого! Разорили ироды, разграбили. Да ещё и вывезли. Одному-то легче, а как с ребятишками? Ну, чем я их кормить буду? Где одежку возмю?

И снова заплакала.

— Ой, да не плачьте вы, тётю, как-нибудь перебьёмся. Я выпишу уголька, дровишек привезу — на стройке найдутся отходы... А потом, может, другое место найдётся — мне же не хочется вас стеснять.

— Ладно уж, сидайте все за стол, налью шей, да по картошечке, по огурчику...

Гриша рассказал, что отца, донского казака раньше других взяли и куда-то сослали... Мать умерла с горя... Есть тётя, её сестра в деревне, но чем она может ему помочь.

Вскоре мы все поняли — нам и в самом деле не хватало такого Гришки — добродушного, улыбчивого и работающего. Мы-то по-детски ещё приленивались, больше играли во дворе, а Гришка за любое дело охотно принимался, и всё у него ладилось, сверкало.

Дровец надо было подрубить — извольте... Гришка сразу же отправлялся в стайку, выволакивал полено или берёзовый дрючок, резко взмахивал — раз! — и щепки, чурбачки послушно взбрыкивали и отлетали в разные стороны... Залюбуешься такой работой! Воды надо из водокачки наносить — глядь, Гришка уже зашагал с ведрами, огород ли надо было вскопать — лопата заходила, занаклонялась в его крепких руках.

Так и остался у нас этот несчастный приймак, по утрам уходил на свою стройку, а вечерами гулял с хлопцами да девушками в поселковом клубе. Но не задерживался там — приходил и ложился спать на полу, развернув тонкий матрас с соломой. Укрывался старым заплатанным кожушком, в котором зимой и на работу ходил.

Позже мама сшила ему ватные бурки, а чуни он сам добыл и напялил. Обувка лёгкая и тёплая, многих там спасала.

Через много-много лет увидел я однажды на рынке такие знакомые с детства бурочки. Подержал в руках, потискал — мягкие, лёгкие. Будто для меня и сшитые — ласковые, домашние. Примерил — как раз. Дома надел, походил, сел в кресло. Как хорошо! Бывает довольно прохладно в комнате, а в них, как на печке... И снимать не охота. А зачем?

Позже купил галоши на бурки. Напялил, немного походил, разносил — ну и ладно! Чего мне ещё надо? Не модно, ну и что? Уже и по возрасту ладно.

Особенно весной подходяще, уже и подтаивает, а тебе хоть бы что — шлёпашей уверенно — только брызги летят. Тепло и сухо, легко и весело! Убажывают они меня... И детство сибирское напоминают.

За родителей помолимся

Раз в год приезжал ко мне из далёкой Сибири дорогой браток мой Стёпа, Стёпушка, как звала его мама в детстве. Было время простые трудяги-шахтёры получали путёвки в дальние санатории или дома отдыха. Попутно и в Великие Луки устремлялся.

Вот радость была нам тогда! С утреннего поезда — в баньку Лазавицкую, а за тем и за стол — простой, холостяцкий, но довольно сытный — сковорода с жареной картохой, колбаской, а салце отдельно нарезано, с луком, чесноком.

Тут же огурчики, капуста... Всё это, с детства такое отрадное, что ещё и вилкой не ткнувши, радовались — мы дома!

Дома, хоть у меня на втором этаже, хоть у него на Тыргане, в Прокопьевске, в тихой бревенчатой избе. Неподальёку от тайги, где полно в августе кедровых шишек. Стёпа добывал их успешно и мне привозил небольшую сумочку орехов.

У меня же он охотно выбирал два-три свежих этюда, написанных на берегу Жижицкого озера или в Пушкиногоёе. На память, так сказать.

Очень радовался за меня: встал ты утром и на автобус — через полтора часа в музей Мусоргского, а если к Пушкину, то подальше немного... В тот же день по аллеям Михайловского походишь.

Браток любил всё доброе и прекрасное, но особенно увлекался музыкой — играл на баяне, пел старинные песни и романсы. Иногда даже выступал в шахтёрском дворце культуры им. Артёма.

А вечерами мы садились на диван и начиналось самое приятное для нас, самое дорогое с детства — мы слушали любимые песни и сами пели — то, что слышали от матушки нашей, подрастая в ссыльном голодном бараке на Бийской, возле самого кочковатого болота.

Сначала в добром согласии мамину печальную:

Виють витры, виють буйни,
Аж деревья гнуться,
Ой, як болить мое сердце,
А слёзы не льются...

Годами лились её горькие безутешные слёзы — сначала, когда нас вытряхнули из своего дородного дома на зелёном холме, затем в душном телячьем вагоне, куда натолкали не только молодых ещё крестьян, но и стариков убогих, детей, «малых сих», которые ничего не понимали, плакали вместе с горевавшими матерями: за что нас выгнали с зелёной, душистой полянки, из сада цветущего?

Куда-то медленно волокут, а куда? — никто не знает... В Сибирь какую-то холодную. Неужели без солнышка жить будем? Да чем же мы провинились?

А батяка нашего Семёна Константиновича, столяра отменного ещё дальше загнали — в тайгу Уссурийскую, строить Комсомольск-на-Амуре. Оттуда редкие весточки приходили. Не вернулся он, бедный... До конца горевал:

Маю жинку, маю диток,
Та я их не бачу...
Як загадаю про их життя,
Сам гирко заплачу...

— Давай, Стёпа, по стопарику кинем за нашего батю. А вечером лампадку зажжём и помолимся за него и за матушку нашу многострадальную Пелагеюшку, нас вырастившую в вере Православной. За батюшку Лариона, за всех ридных:

Ну, легенько им згадається, як дедушка
Наш казав...

А теперь, братец, спой свою шахтёрскую, тоже печальную, но памятную.
Давно я её не слышал.

— Что ж, а у нас, в Прокопьевске, ей часто можно услышать — обвалы-то не остались в прошлом.

Степан встал, подошёл к окну, взглянул на желтеющую листву на ближних тополях, слегка прокашлялся. Тёплым задумчивым баритоном поведал:

На шахте «Крутая Мария»
Недавно случился обвал,
На уголь, на груды сырые
Товарищ мой бедный упал.
— Скажи мне, Мария Крутая,
Ужель меня смерть здесь найдёт?
Я молод, Мария другая
Меня на поверхности ждёт...

Эту грустную песню я услышал впервые возле нашего барака под лестницей на чердак, где стояли две крепкие длинные скамейки.

Наши мужики их изладили и усаживались по вечерам. Неспешный разговор шёл о разных недохватках, тревогах... Что там на шахте? Не ушибло ли кого? Газом не отравились ли?

Метан время от времени зловеще напоминал о себе — берегитесь, мужики! Шахта тот же фронт — не все и не всегда возвращаются к семьям, иных клеть поднимает ушибленных породой, изуродованных бревном-стойкой. Мрачные тогда поднимаются на-гора чумазые шахтёры. С плачем их встречали женщины, раньше всех узнавали о беде.

Горестно бежали они к громадному копру, где вверху медленно крутились чёрные колёса, поднимая клеть.

Не миновало сие и братца моего трудяги Стёпы. Один раз тяжёлым куском угля, от нависшей глыбы по плечу задело. Повисла рука, пальцы скрючило, целый месяц проболел...

Случались и другие ушибы.

Пострадала однажды и матушка наша — вагонеткой прижало к деревянной стойке. Больше месяца проболела... Только после окончания войны разрешено ей было уволиться.

ПОБЕДА

Ветеран ведёт беседу
Нынче с правнуком своим:
— Не отнять у нас Победу,
Мы её не отдадим.
За свободу для народа.
За Отечество своё
Мы не зря четыре года
Свято верили в неё.

Стрелы вражеского клина
Чётко метили на «ост».
Но от Волги до Берлина
Шла Победа в полный рост.

В рукопашной, из окопов
Разбегалась немчура,
И катилось до Европы
Наше дружное «Ура»!

Видишь Родина — сумели...
А за первый год прости,
Мы себя не пожалели,
Чтобы Родину спасти.

А теперь сыны на страже.
И для мирного труда
Ты сияй, Победа наша,
Как заветная звезда.

МАТЬ-РОССИЯ

Неописуемые дали,
Пути равнинные,
Где мы воочию узнали
Дороги длинные —

От Гдова до Владивостока,
От града Невеля,
Они от запада, востока,
От юга, севера.

Какие здесь гремели брани,
Сраженья сильные.
Стояли гордые славяне —
Вои двухжилые.
И было общее моление
В своей неспешности.
Врагов несметных впечатленье
О нашей внешности.

Грущу по поводу земного
Следа огромного.
Все меньше взгляда голубого
В оттенках темного.
А коренных бы опросили —
(Условия равные),
Как уберечь для всех Россию —
Мечту державную.

ЖИВАЯ РУСЬ

Мы спали в старом бревенчатом доме, пятистенке с шиферной крышей. Спали, как в тяжёлом забытии, почти без снов, больше выполняя обряд сна, чем действительно отдаваясь его мощному течению.

Между столом и печкой, на двух табуретах, стоял обитый красным ситцем гроб. Не тикали часы на стене, потому что уже давно в них села батарейка. Не мычали коровы, не ржали лошади, не кричали петухи. Деревня давно перестала быть богатой на живность, за исключением десятка тощих кошек да дворняжек. Тихо, как в траурном карауле. Не было слышно даже крыс. Они словно бежали из замершего разом пространства, словно с гигантского корабля, который по привычке называется русской деревней.

Я пытался спать, ворочался на соломенном тюфяке. Могильная тишина заползала в уши, леденила сознание. Дыхания четверых живых гремели почти набатом в напряжённой пустоте пятистенки. Старенькую кошку Катюку взяли соседи, а баба Дуня вчера умерла.

Она сильно мёрзла и под утро захотела забраться на печку, где теплее. С трудом волоча ноги, она поплелась к печке и почти у самой лестницы упала, сильно расшибив колено. Она, наверное, плакала, а, может, и не плакала, а просто упала. Может быть, даже, что всё это случилось не под утро, а чуть раньше, в такой же ночной тишине, но только на календарный день раньше.

Бабка с трудом поднялась с кровати. Охая, отдышалась и тяжело спустила ноги, опираясь на прибитую к полу рейку. Что есть силы вцепилась в железную спинку кровати с чуть поржавевшими шарами внизу, выпрямилась. Переводя дух, через несколько минут она с силой двинула вперёд себя деревянный табурет, крашенный синей и красной масляными красками, оперлась на него двумя руками, со стоном протащила по полу ноги. Снова долго переводила дух, слушая тишину, снова двинула табурет по полу, двигаясь за ним, как за ледоколом в густом и враждебном пространстве.

Может быть, во время этого последнего пути она думала о своих сыне и внуке, моём отце и мне, отце, умершем от инсульта три года назад, и мне, ещё живом, а, может, и не думала. Она тяжело дышала, руки и ноги не слушались её, тело было чужим, неповоротливым, вялым. Её навещали каждый день, регулярно к ней ездили, возили гостинцы, топили печку, развлекали какими-то новостями, но этого всё равно было мало.

Она слышала поступь приближающейся смерти, и люди помогали бабке сосредоточиться на другом, находить радость в сладкой конфетке, мытье головы над жёлтым эмалированным тазом, разглядыванием фотографий тех, кого можно определить словом «свои». Свои — это, значит, те, кого ты можешь ругать на чём свет стоит, ненавидеть даже, но в определённый момент они оказываются самыми дорогими и незаменимыми.

Я всегда боялся деда, он был суровым, закрытым, знающим одну только работу. Я всегда очень хотел спросить, за что он получил свою медаль «За отвагу», да так и не спросил. Вообще, не состоялось ни одного нашего с ним так называемого доверительного разговора, ни разу я не называл его дедушкой от полноты душевных чувств, а не потому, что так надо называть старшего. И всё равно, с его смертью от моего существования словно бы отрезали какую-то серьёзную часть, словно бы меня самого в этом мире стало меньше.

С бабкой эта отрезанная часть казалась равной части отца. Я лежал на кровати лицом вверх. Я не плакал, а просто задыхался от того, что моё привычное тело, моё сознание были измяты, раскромсаны в лоскуты. Гроб словно бы качался в сумерках. Его несли какие-то волны, и я уже знал, что именно так выглядит время.

Потом гроб везли на телеге до кладбища за деревней. Норовистая сивая кобыла всё порывалась пробежать рысью, и дачник Сергей с силой дёргал за узду. Они на пару с Ванюшкой осаживали неразумное животное, а кобыла всё выпендривалась и, видимо, сама до конца не знала, чего она хочет. За гробом шли и ехали оставшиеся свои и всем хотелось простить всё на тысячу лет вперёд только потому, что они свои и они рядом.

У нас ведь нет ничего другого. Вот этот кладбищенский песок, насыпанный в карьер прежнего асфальтового завода. Вот эти стволы сосен, неправдоподобно светлые среди тяжести зелёных крон. Эта извилистая речушка под трассой Москва-Рига. Эти неугомонные дымчатые облака. Соловьиные вскрики. Упругие пружинки травы под ногами. Серебряный плеск рыб.

Я понимаю, что Русь большая и её много. Она нужна мне и я даже не хочу проверять: а смогу ли без неё. Сама мысль об этом страшит и раздражает. Но я знаю, как знал это всегда, ещё до своего рождения, что моя Русь там, где покоятся части меня. Я потерял их живых и не хочу терять теперь уже мёртвых, потому что их сила сейчас — во мне, их правда — моя правда. Живые и мёртвые свои — они моя Русь, мне дорого всё это, потом что это — я сам.

— Можно называть тебя братом? — говорит Сергей.

Никакой он мне не брат. Мы родственники настолько далёкие, что для обозначения степени нашего родства и слов специальных не придумано. Но я отвечаю:

— Можно.

Мы, кажется, немного выпили колючего самогона, но мы не пьяны. Мы сидим на деревянной скамье за широким столом. Здесь все свои, наши. Полковник дядя Саша, две тётки Тони, родня деда, деревенские из тех, кто ухаживал за бабкой в последние дни.

И это — моя живая Русь. Это моя плоть и кровь. Спи спокойно, Евдокия Павловна, ты будешь жить столько, сколько захочешь. Жить во мне. Все мы будем жить друг в друге всегда. Мы — свои. Это наш общий русский пароль, пусть бы земля вся закачалась и перевернулась. Мы — свои.

* * *

Неля мечтала быть летчицей,
А прослыла юлой-переводчицей.
Надевала
Платье из ситчика,
Объяснялась у дома
С зенитчиками.
И дивились
Девчонке-подростку:
«Как лопочет
По-ихнему просто!»
Но дразнили
Её ребята:
«Ты изменница,
Не вожатая».
Но откуда мы знали,
Что Неля —
Героиня, не пустомеля.
Что, играя
Словцом иноземным,
Помогает
Вываться пленным.
Говорили —
Была расстреляна.
Пулей жизнь
Отсчитана Нелина.
Но не слушай
Речей пустомелей,
Не погибла,
Жива наша Неля!
В каждой дочке
И в каждой матери,
В нашем русском
Геройском характере.

ПСКОВСКИЙ ЛЕС

Голубеет вокруг голубица,
На полянке осинник зачах.
Очень просто в лесу заблудиться,
Закружиться во клюквенных мхах.
Хоть чащоба страшит непролазная,
Нам тропинка сумеет помочь.
И коварная рысь быстроглазая
Не ударит, бросится прочь...

Но вступающим в лес фашистам
Страшен был каждый шорох и хруст,
И палил во врага ненавистного
Каждый пенёк трухлявый и куст.

Заросли медуницею доты,
Зеленеет на бункерах мох,
И порою вздыхает болото —
Это словно о Родине вздох.

Вера Сергеева

А КРИВИЧИ СЮДА ПРИШЛИ С ДУНАЯ

Душа, ты любишь песню скрипки,
Она тебя уносит в край,
Где сильных пращуров кибитки
И синий ласковый Дунай.

Где пряным солнечным настоем
Объят магический простор,
Хмельные травы с ворожбою
И первобытный голос гор...

Мудрейший вождь, тая тревогу,
Увёл славян из тех краёв
Сюда, где лес встречает строго
И ветер северный — суров.

Они прижились. Хлеб растили.
Врагов разили палашом...

И голос родины — забыли,
Но — только разумом-умом.

Душа, заслышав звуки скрипки,
Через века летит в тот край,
Где волхований корни — глыбки,
Костры и кони, дети, зыбки...
И синий батюшка-Дунай.

ПИСЬМА С ФРОНТА

*Памяти Сергеева Д.А., пропавшего
без вести в боях за г. Севастополь, и
Сергеева А.М., погибшего в бою под
г. Смоленском*

Читаю письма фронтовые —
Дрожит, дрожит моя рука...
В них — запахи пороховые
Из огневого далека.

В морщинах старческих бумага
И охра времени на ней.
А в ней — горячая отвага
И верность Родине своей!

«Окоп, июнь, год 41-й...» —
Начало этого письма.
Струной натянутые нервы,
Реки бегущая тесьма.

Бегущих строчек свет и нежность
И теплота — к своим родным,
И напускная безмятежность:
«Вы не волнуйтесь, победим!
Мы защитим вас, дорогие!
Не плачь, маманька, здесь вполне
Дуная волны голубые
Напоминают Волгу мне...»

Он свёртывал письмо, как фантик,
И был судьбе грядущей рад —
Красноармейский лейтенантик —
Сергеев Митя, сын и брат.

Но не на Запад, а назад он
С боями начал отступать.
Он поднимал солдат в атаку,¹
Шёл в схватку, как в акулю пасть.

Был смел и дерзок. И награды
Звенели в списке послужном...
А Севастополь сущим адом
Кипел в году сорок втором.

Смешалось всё: земля и люди,
Вода и небо, гул и чадь...
Летела смерть из всех орудий
И норовила всё объять...

С накалом мужества и чести
В дом — вновь письмо, как ураган:
«Ваш сын-герой пропал без вести,
Сергеев Дмитрий, капитан».

О, горе! Суть письма такого
Для сердца матери — напалм.
А впереди — известье снова:
«Ваш муж... на поле боя... пал...»

Их — миллионы. Скорбь слезится,
А им — не встать, хоть как проси!
Но надо им не позабыться,
Должна быть память у Руси!

ВЕРЬ, БОЙСЯ, ПРОСИ!

Слово о радости отцу Павлу Адельгейму

1 августа приход святых Жен Мироносиц будет поздравлять с 70-летием своего пастыря, а до недавних пор и отца-настоятеля протоиерея Павла Адельгейма, известного и почитаемого исповедника православной веры, проповедника, богослова, церковного публициста.

Промысел Божий

Снова и снова всматриваюсь, вдумываюсь в давнюю, 1940 года, фотографию: на ней двухлетний мальчик и его молодой отец. Взгляд отца обращен на сына.

Через два года этого красивого, талантливого тридцатилетнего человека расстреляют по 58-й¹ статье с традиционным для тех лет перечнем подпунктов (58-1, 58-10, 58-11). Потом, конечно, реабилитируют... Останутся стихи:

Да, с правдой столкнуться опасно
Один на один, говорят,
И встретить нельзя безнаказанно
Ее немигающий взгляд...²

А мальчика ждет впереди сиротское детство, детдом, а когда мать отсидит срок по той же статье, жизнь с ней в ссыльном Актау под Карагандой.

Потом, уже в свои тридцать лет, — свой срок по статье 190-1³ и тоже — реабилитация.

И все же главным содержанием жизни отца Павла станет уже почти 50-летнее теперь священнослужение. Тогда, в Караганде, он начал помогать в богослужениях келейнику последнего оптинского старца Нектария отцу Севастьяну, ныне прославленному Церковью святому:

— Да, выпало промыслом Божиим такое счастье — сопровождать его по приходу, — вспоминает отец Павел. — Приход был огромный, приходилось очень много ходить. И все-таки он ежедневно, вернее, еженочно, по частным до-

¹ УК РСФСР. 1927 г. Особенная часть. 1. Контрреволюционные преступления. Ст. 58-1. Контрреволюционные действия. Ст. 58-10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений. Ст. 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений. Все статьи предполагали санкцию в виде «высшей меры социальной защиты — расстрела».

² Стихи Анатолия Павловича Адельгейма, отца Павла Адельгейма.

³ Ст. 190-1 УК РСФСР — «Распространение заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский общественный строй».

¹ В газете того военного времени была публикация «в атаку на врага», в которой говорилось, как «...лейтенант Сергеев поднял бойцов и повёл их в атаку...».

мам (иначе было нельзя) совершал Божественную литургию. Это продолжалось на протяжении многих лет. ...Думаю, тогда у меня и возникло такое совершенно четкое убеждение, что это мой путь: я хотел быть священником, и никем больше себя не представлял.

Мысленно возвращаюсь к этой фотографии всегда, когда задаюсь вопросом: почему следование правде и истине неизбежно превращает человека в изгоя, неуютного миру сему, и ставит на путь таких страданий и преодолений, которые, кажется, выше человеческих сил и возможностей? И которых в жизни священника Павла Адельгейма было, да и остается предостаточно. Почему, в конце концов, так устроено, что одна из Заповедей Блаженств, преподанных Спасителем в Нагорной проповеди, — «Блаженны изгнанные правды ради...» — еще и закономерность? Самый понятный и близкий синоним блаженства — счастье. «Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые...» — знаменитые строки Ф. Тютчева. Был черновой вариант: «Счастлив, кто посетил сей мир...» И все-таки «блажен»! — утвердился поэт. Стало быть, есть в благе, благодати, блаженстве нечто отличающее его от счастья, которого мы привычно и банально желаем близким в дни рождения.

Рядом с первой фотографией ложится другая — тюремные анфас и профиль. То же лицо отца, но уже непоправимо иное, уже тронутое тенью Голгофы, которая у каждого страдальца — а у нас их было не перечесть — своя. Отец Павел:

— По делу проходили 15 человек, всех их расстреляли...¹ А потом здесь, в Комитете госбезопасности, я прочитал уже более позднее, реабилитационное рассмотрение, — оказалось, что в общем-то никаких поводов даже не было, чтобы их судить. Ну... все это делалось так, как мы уже в общем-то знаем. На первом допросе все они отвечали как нормальные люди, а начиная со второго стали хором сознаваться в выдуманных преступлениях. Например, отец мой, в то время актер и директор театра, сознался в том, что собирался при входе немцев в Иваново захватить власть над всем искусством Ивановской области...

А вот еще пара снимков: мать, Татьяна Никаноровна Пылаева. На одном она — юная красавица, студентка актерской студии Рубена Симонова при театре им. Е. Б. Вахтангова, на другом, спустя десять лет, — ссыльная вдова врага народа, с той же тенью-печатью тюремных лет на лице. И еще — отец Павел до ареста и после трехлетней отсидки: в облике — те же перемены. В зоне из-за того, что посмел отстаивать права заключенных, едва остался жив, но вернулся без правой ноги, — такие ставило печати на своих гражданах возвращенное на ненависти государство-человековладелец. Последние перед освобождением дни оставили по себе и поэтическую память:

Время тоже потеряло ногу,
Ковыляют дни на костылях.

¹ Отец Анатолия Павловича, дед отца Павла, Павел Бернадович Адельгейм, был расстрелян в Киеве в 1937 году. В связи с этим сыну «врага народа» было запрещено поступать в вуз. И он стал актером.

Уступает нехотя дорогу
Прошлого в прокуренных усах.

То, как нищий, милостыню просит,
То грозит костлявою рукой,
И кусок души моей уносит,
Часть того, что я зову собой.

Ухожу домой, прощайте, вышки,
Что меня три года стерегли.
Вы мне лучше, чем любые книжки,
Разобраться в жизни помогли¹.

«Не верь, не бойся, не проси», — формула жизни политзэков советской эпохи, сложившаяся еще в тридцатых годах. Песня Сатаны, сложенная в аду. У Бога песнь иная: верь, ибо верующему возможно всё; бойся, т. е. исполнись страха Божия, который есть благоговение перед Святостью Его; проси, ибо «всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». (Мф. 7, 8.) Призванный на путь пастырского служения Христу и Церкви Его, отец Павел, верный призванию несмотря ни на что, познал эту истину на себе, своим потом и кровью.

Служение Богу

Но тогда, в 1969-м, была истинная, не вымышленная в КГБ причина ареста молодого священника: во времена, когда само слово Бог было под запретом, он дерзнул построить храм в городе Кагане (Узбекистан), где тогда служил. Собственно, вынужден (читай — призван) был построить. Храм, по заключению экспертизы, был в бедственном состоянии, и само пребывание в нем было опасно. Стало ясно, что любая попытка привести его в порядок просто обрушит стены. Так и случилось. Кирпич был заготовлен заранее. И когда спустя месяц комиссия пришла посмотреть, как идет ремонт, она увидела новый, уже под крышей, храм. Естественно, что такая стройка у такой власти не могла остаться безнаказанной...

— Да, действительно, всю жизнь приходится строить. Хотя никакой склонности к строительству я не имел и не имею, да и специального образования у меня нет. Хотелось бы заниматься другими вещами — богословием, литературной работой, проповедью. А вот всю жизнь занимаюсь строительством...

Когда двадцать лет назад М. С. Горбачев впервые принял членов Священного Синода, и широко отмечалось 1000-летие крещения Руси, мы решили, что пора, и стали оформлять просьбу к властям о возвращении верующим храма. Но прежде сели с о. Павлом в машину и отправились по городу. Тогда и помыслить было нельзя о каком-либо из храмов в центре Пскова. Когда мы в кабинете зампреда горисполкома И. Е. Калинина заикнулись о церкви Архангела Михаила, что на площади Ленина, ответ был: «Только через мой труп!»

¹ Стихи отца Павла Адельгейма.

Но воистину, человек предполагает... Теперь уже и храм давно открыт, и Иван Егорович, слава Богу, здравствует. Выбор наш выпал тогда на церковь святых Жен Мироносиц, которая и стала первым из нововозвращенных псковских храмов. А первым настоятелем по просьбе «двадцатки»¹ правящий архиерей митрополит Владимир (ныне Санкт-Петербургский и Ладожский) назначил отца Павла, оставив его настоятелем и церкви св. Апостола Матфея в Писковичах.

Первое богослужение при невероятно огромном стечении народа состоялось на Радоницу, которая совпала в 1989 году с Днем Победы 9 мая. Собственно, служили на крыльце, чтобы видно и слышно было всем. Да и в храм войти было сложно: в последние годы в нем располагался склад псковского почтамта. Запущенность была полной, во время дождя сверху падали куски штукатурки и кирпича.

И снова о. Павел оказался призванным к строительству. Строили все, недостаток в добровольцах не было, но душой и организатором непочатого края работ стал, конечно же, отец Павел. За удивительно короткое время ему удалось не только привести в порядок храм и колокольню, провести свет, воду и газ, но и на месте заросших кустами остатков фундамента отстроить здание школы регентов, существующей при храме уже 16 лет.

А потом была построена деревянная красавица церковь св. целителя Пантелеймона на территории областной психиатрической больницы в Богданово:

— Этот храм возник потому, что мне было необходимо продолжить свои взаимоотношения с детским психиатрическим отделением. На протяжении нескольких лет ситуация была очень тяжелая... с питанием очень тяжелая, детей было не вывезти (у них одежды не было), в общем, жуткая была ситуация. И я постоянно ездил в эту больницу, общался с детьми, и мне разрешили их покрестить.

Я их брал по несколько человек, привозил на машине в Писковичи, там они у меня торжественно крестились, где-то сто человек детей я имел возможность покрестить. Потом мы для них устраивали праздничные обеды с пирогами. Помогали прихожане... покупали мяса достаточно, чтоб их хоть разок хорошо покормить. Мы гуляли с ними, потом вечером я их всех возвращал обратно в палату. Конечно, им все это понравилось, они хотели продолжать общение.

Некоторое время мне разрешали приезжать в больницу со своим престолом, и я совершал литургию прямо в фойе детского отделения. Ну и в других отделениях тоже... А потом мне сказали, что это закрытое лечебное заведение, что так нельзя, и отдавать детей за пределы территории они не могут. В общем, изменилась ситуация. И тогда я решил, что на территории нужно построить храм. На это и облздрав, и больница как-то очень легко пошли. А евангелическая община Голландии дала деньги на строительство храма. И в течение трех лет мы сами срубили лес, вывезли его, насыпали холм на полтора метра, потому что там низинка была, и на этом холме построили храм. Но волею архиерея служить я там не смог...

Тяга к обездоленным, обделенным жизнью детям коренится в батюшке, вероятно, еще с лет собственного сиротства. Приют в Писковичах для детей-инвалидов существует с начала девяностых, а большой дом для них из-за недостатка

¹ Инициаторами создания религиозной общины в то время могли стать не менее двадцати человек.

средств строится до сих пор. Первые воспитанники уже выросли, кто-то обзавелся семьями и детьми, а кто-то и посейчас живет там же, в Писковичах, помогает на богослужениях в Мироносицком храме, трудится в школе регентов.

Отношение его к детям удивительно. Рядом с ними он оттаивает, расцветает радостью, и они моментально откликаются любовью на любовь. Могу это сказать и о собственных детях, которых он крестил и которые теперь взрослые, и о других, прежде всего, об учениках школы регентов. Он преподает им церковные дисциплины, они участвуют в богослужении, поют в хоре, исповедуются и причащаются Святых Тайн. Спрашиваю его, трудно ли проповедовать детишкам слово Божие?

— Очень трудно. Гораздо трудней, чем взрослым. Потому что перед ними гораздо сложнее ставить проблемы так, чтобы проблемы эти были им понятны. А просто давать информацию... информация не учит благоговению, милосердию... Они получают какие-то сведения, а сердце может остаться пустым, незаполненным.

— Но они же еще не в том возрасте, когда человек способен на сознательный выбор?

— Как?! Я думаю, что сознательный выбор начинается гораздо раньше, чем они в школу идут. Вполне сознательный выбор. Только он может быть не рациональным, а эмоциональным. Ну, как ребенок выбирает, допустим, доверие к матери, к родителям своим, любит их, доверяется им. Конечно, это выбор. Так же и в вопросах религиозной жизни, — я думаю, что там есть сознательный выбор. Но он не рациональный. А уже в старших классах — там можно, конечно, с детьми разговаривать на уровне интеллекта. Но это попозже приходит...

Как-то моя дочь, ученица второго класса школы регентов, спросила меня: «Папа, а когда тебе восемь лет было, ты какие молитвы знал?» Что я мог ответить? Только то, что я не знал даже такого слова — «молитва». И что Евангельское слово пришло ко мне через проповедь отца Павла.

Дары Божии

Мне довелось слышать много проповедей в храмах разных городов, но никогда — равных по силе воздействия проповедям отца Павла. Они обдуманно выверены по мысли, неопровержимо логичны, безупречно точны богословски и в то же время захватывающе эмоциональны. Основательные познания в истории, литературе, культуре, искусстве позволяют ему на равных общаться с людьми высокообразованными и не препятствуют говорить с амвона или на исповеди с теми, кого почему-то принято называть простыми людьми, которые всегда жаждут слова живого.

Как-то, в Великую Пятницу, проповедь перед Святой Плащаницей была начата словами: «Сегодня все мы свидетели того, какой ценой Господь исполняет наши молитвы...» И, наверное, не было в храме человека, которого не пронзило бы сознание собственной нерадивости, недостойности, не перехватило горло чувство вины перед Ним, лежащим во гробе, ни в чем не повинным Сыном Человеческим, принявшим за меня — вместо меня! — смертные муки.

Собственно, с проповеди и началось наше общение, которое сразу захотелось продолжить и сделать более близким. Теперь могу сказать не только от себя, но от многих и многих почитателей пастыря и проповедника отца Павла: как Христос, даже в окружении множества людей, никогда не говорил с толпой, но всегда обращался к человеку, так и его проповедь всегда — здесь и сейчас — обращена к каждому из нас. Словно он, проповедник и исповедник, знает, ведаёт мою главную болевую точку, ставит диагноз и предлагает лекарство, иногда горькое, но всегда полезное, могущее очистить от духовного шлака. А кто сказал, что с Господом должно быть приятно? «Бог не сентиментален, Он — человеколюбив», — как-то услышал я от архимандрита Зинона.

Так в чем же феномен проповеди отца Павла, в чем секрет, если он есть? Однажды я спросил его об этом.

— Проповедь должна быть построена так, как Христос заповедовал апостолам. Он послал их проповедовать Евангелие Царства Божия. То есть весь смысл проповеди — в том, чтобы проповедовалось Евангелие. Но проповедуется не просто текст, написанный евангелистами, этот текст должен быть пережит, и передано должно быть то, что проповедника в настоящий момент волнует. Если эта проповедь как-то обращена ко мне самому, если я могу сделать из нее какие-нибудь для себя полезные выводы, она оказывается удачной, и только в этом случае есть надежда, что кто-то воспримет ее на себя. ...Я не знаю, что я скажу. Т. е. я, конечно, подробно готовлюсь к проповеди, но когда говорю, то не всегда четко знаю, что скажу. Она строится, окончательно выстраивается в момент произнесения. Есть какие-то предположения, мысли, но когда начинаешь ее произносить, может произойти так, что скажешь совсем не то, что ты собирался говорить...

Конечно, как когда-то и слово Христово, проповедь отца Павла не касается чьих-то сердец, даже в алтаре, и кто-то в храме стоит с диктофонами, дабы понести слово дальше, а кто-то считает возможным поговорить о своих житейских, более насущных, с их точки зрения, делах. Так было и так будет. Как были и не проходят скорби о снятии отца Павла с должности настоятеля возрожденного им храма. Но, думается, у понятия блаженства есть еще один полноценный синоним — радость, когда она о Господе. Есть в Евангелии заповеди, заключенные в одно слово, и одна из них — «Радуйтесь!» Сегодня мы радуемся о нашем пастыре, что в этот день Господь даровал ему жизнь и поставил его на нашем жизненном пути.

Поздравляя близких с днем рождения, мы обычно благодарим их за те особые качества, которые нам особенно дороги. Христиане благодарят Бога: «За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе». (Фес. 5, 18.) Сегодня мы благодарим Бога за те дары, которыми Он так щедро одарил слугу Своего, и дал ему силы эти дары приумножить. Благодарим (памятуя слова Антония Великого «блажен, кто с юности несет иго брака»), что Он послал ему верную матушку Веру, которая почти полвека делит с ним тяжкие скорби, большие и малые радости; что даровал им детей, которых они вырастили, и внуков, которых растят их дети. Благодарим и молимся, чтобы Господь продлил дни его на радость близких и многочисленных духовных чад, что любят и почитают его во всех концах Земли.

ТРИ СВЕЧИ

Поставили три храма псковичи,
Вернувшись от трудов в первопрестольной.
Три песни, три голубки, три свечи
Град осветили гордо и достойно.

Истаяли в столетях имена,
Но не померкнет память о прекрасном.
Сменились поколения, времена —
Над красотой лета и мрак не властны!

Богоявления церковь вознеслась
По — над Псковой, Георгий — над Великой,
Варлам Хутынский — кружевная вязь!
Изящны, и стройны, и белолики.

Коль будете вы в городе моём,
То поклонитесь гениальным зодчим.
И храмов величавый окоём
В сердца вольётся неизбывной мощью!

Энвер Жемлиханов

ПЕСНЯ

Все то, что в нас впиталось с колыбели, —
Неужто память выветрит из нас?
Вчера я слышал ветераны пели:
— Артиллеристы, Сталин дал приказ...

И у пришедших пить и веселиться
За дружеским — за праздничным столом
Увидел я доверчивые лица
Солдат, когда-то шедших напролом.

А детвора притихшая сидела,
С поющих дедов не спуская глаз.
И песня незабытая звенела:
— Артиллеристы, Сталин дал приказ...

Затихла песня, певуны устали.
А тамада по фронтовой налил.
— Скажи, дедуля, кто такой он, Сталин? —
Мальчишка вдруг у дедушки спросил.

И замолчало шумное застолье,
Когда старик ответил малышу:
— Кто Сталин, говоришь? Да он — история...
А песню я тебе перепису.

УЧАСТНИК ВОЙНЫ

Я помню, как участвовал в войне —
Писал бойцу, неведомому мне.
Молчал работой занятый барак,
В бараке печка освещала мрак.

И мне диктует дедушка Прутьян,
Нас двое, мужиков-то хуторян.

Потом к Прутьяну возвратился сын
И так кричал: «Видали мы Берлин!..»

А бабы — помню все их имена —
Печалились: «Проклятая война...»

Тогда встречали сорок третий год,
Барак посылку отправлял на фронт, —

Подшлемники, перчатки, свитера
И втиснуто меж этого добра

Письмо бойцу неведомому мне.
Светло мое участие в войне!..

ЦАРСКИЙ КРЕСТ

И вновь мне посчастливилось побывать в Царском Селе, что под Санкт-Петербургом. На этот раз — по приглашению научного сотрудника Татьяны Сергеевны Саркисовой, работающей в Александровском дворце (музеем последний счастливый приют последних русских царей язык не поворачивается назвать). Благодаря ей посетила по-своему уникальную выставку «Царский Крест»...

1/13 августа 1917 года, на следующий день после того, как был скромно отмечен день 13-летия Наследника Цесаревича Алексея, Царская Семья навсегда покинула Александровский дворец. Именно отсюда, из Царского Села, начался Ее последний этап восхождения в селения Царя Небесного.

«Отчий дом ваш в сердце берегу...»

Проходя анфиладаю дворца, через половину Императрицы Александры Федоровны, и видя множество знакомых и давно уже *бесхозных* вещей — предметов подлинного искусства, которые язык опять же не поворачивается назвать экспонатами, с какой-то неизбывной болью (иссякнет ли она когда-нибудь?) я прикасалась к иным приметам жизни Царственных Мучеников. Приметам жизни — из заточения. Приметам жизни... после жизни. Своими крестными муками Царская Семья сделала долгим и пронизывающим до глубины душевной существование всего того, что Ее когда-то окружало. И это, конечно же, чудо.

...«В 11 часов приехали в Арзамас, — читаю написанное в дневнике за 1903 год рукою Государя. — В шатре и на платформе были встречены дворянством, земством, горожанами и крестьянами Нижегородской губернии. (Царь описывает торжества по случаю прославления преподобного Серафима Саровского — *прим. Л. С.*). Сели в экипаж и отправились в путь по хорошей и пыльной дороге...

... В 6 часов вечера выехали в Саровскую обитель. Ощущалось какое-то особое чувство при входе в Успенский собор».

А вот Манифест от 22 октября 1894 года, сообщающий о том, что «Нареченная Невеста Наша», приняв имя Александры, стала «Дщерью Православной Церкви».

Дневник Святого праведного отца Иоанна Кронштадтского в переплете светло-серого бархата... Одежды Царственных княжон — безукоризненно белые, расшитые серебром и жемчугом... Фотография лестницы Ипатьевского дома — 23 ступени, ведущие в расстрельную комнату...

Маленький клочок выцветших обоев из того же страшного, долго кровото-чившего и фатального для всей православной России дома с едкой надписью на немецком: «В эту самую ночь Валтасар был убит своими слугами». «Эта самая ночь» — 17 июля 1918 года, когда Романовы были принесены в жертву, а надпись, которую писавший ее, якобы позаимствовал у Гейне, все-таки имеет отли-

чие. Ибо Гейне называет последнего вавилонского царя по имени — Валтасар, а автор цитаты это имя искажает, подменяя его другим. Так Валтасар становится у него буквально Белым Царем, то есть Николаем II...

А вот еще один подлинный документ! Предписание Верховного правителя адмирала А. В. Колчака генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу от 17 января и 10 апреля 1919 года с возложением на него обязанностей по розыску вещей и документов убиенной Царской Семьи. С этим делом курировавший расследование боевой генерал и преданный монархист, возложивший на себя в 1922-ом на Дальнем Востоке бремя последней русской власти, справился блестяще.

Как давно все это было, а переживается до сих пор явственно. К тому же (как не вспомнить?) и поезд, идущий из Великих Лук на Петербург, еще недавно делал длительную остановку в Пскове. Там, где командующий Северным фронтом генерал Рузский, по сути, арестовал своего Государя, окружив Его литерный поезд солдатами, якобы для охраны Венценосного Вождя.

Записка или манифест?

Теперь все, кому не лень, муссируют тему «Царского отречения» и приводят, если читали, конечно, текст «Царского манифеста». Но являлся ли он таковым на самом деле?

Чтобы придать силу какому-либо важному государственному документу, Государь, согласно Основным Законам Российской Империи, должен был собрать Правительствующий Сенат и объявить ему Свою Монаршую волю. В нашем же случае этого сделано не было. Царскую записку, составленную в поезде на станции Псков, адресованную начальнику штаба Ставки Верховного Главнокомандующего генералу М. В. Алексею, в которой Государь сообщал о якобы Своем решении отречься, коварные заговорщики самочинно объявили манифестом, добавив к нему привычную шапку: «Мы, Николай Второй...», и опубликовали в газетах.

Кроме того, этот серьезный для судьбы русской монархии «документ» Государь почему-то подписал *карандашом*.

Станным был и сам текст «отречения», особенно в финальной части: «Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества, — писал Царь, — к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжкую минуту всенародных испытаний...»

Оставляя Трон в пользу Брата Своего, Великого Князя Михаила Александровича — *на бумаге*, оставлял ли его Государь Николай на самом деле? Оставил ли, если бы не был в узах?

Заключительными словами записки Он как будто бы намекал на нечто большее, о чем не смел сказать прямо. Возможно, Он надеялся на все еще преданную Ему, в отличие от Ставки, армию. Надеялся и ждал...

Надо думать, пойдя на подлог — публикацию Царской записки под видом Манифеста об отречении, заговорщики-генералы и заговорщики-депутаты Государственной Думы знали, что они делали. Знаем теперь и мы. А посему ко всем назначениям, осуществлявшимся после рокового 2 марта 1917 года, то есть после

«отречения», имеем полное право относиться лишь с некоторой долей условности. Царские генералы — командующие фронтами и армиями, командиры корпусов и начальники дивизий только тогда что-то собой и представляли в морально-нравственном смысле, когда находились на службе у Государя, под водительством и заступничеством своего Державного Вождя, которому они присягали на верность, чью честь обещали блюсти.

Лишившись Его, они и на метафизическом, и на привычном — земном уровне теряли свою исключительность, свою притягательную силу, свою значимость перед войсками, перед которыми блекли теперь возводимые генералами важнейшие стратегические задачи. Да и сам генеральский корпус, отныне не освященный лучами, исходившими от Помазанника Божия, превращался в неприглядную колоду, в которой чьи-то нечистые руки перетасовали карты. Без Царя — без будущего!..

Ставшая возможной «воинская присяга Временному правительству» — плод многовекового и многослойного лукавства одних, обычной доверчивости и неосведомленности в области государственного права других, оскудения любви и страха Божия третьих. Но главное, без сомнения, коренилось в области мистической и указывало на то забвение страшной народной клятвы, что давали наши предки за себя и своих потомков на Земском Соборе 1613 года при избрании на Царствие первого из рода бояр Романовых — Михаила.

Итак, жребий был брошен. Рубикон перешли без Армии, заручившись поддержкой Главнокомандующих фронтами. Генералы-заговорщики отказались исполнять приказы Государя — своего Верховного Главнокомандующего, солдаты на фронте не считали должным после февральской революции повиноваться своим офицерам. Божественная симфония власти, ее полезная, Богом утвержденная иерархия, была нарушена. Отныне судьба Отечества находилась в руках тайнственных сил, по указке которых разворачивались над Петроградом и в Царском Селе красные флаги величайшей в мире трагедии. Первым сигналом к ее началу должен был послужить арест оклеветанной Царской Семьи и увоз Ее подальше от столицы, подальше от еще находившихся там в избытке монархически настроенных и пока не расстрелянных офицеров Русской гвардии, в уральскую глухомань.

Давая оценку обстановке в войсках, один, еще ни о чем не подозревавший, верноподданный генерал признавался: «Мы на позиции были далеки от жизни. В гости к нам никто не приезжал, письма политики не касались, газеты были старые. Мы верили, что великая бескровная революция прошла, что Временное правительство идет быстрыми шагами к Учредительному собранию, а Учредительное собрание к конституционной Монархии с Великим Князем Михаилом Александровичем во главе. На совет солдатских и рабочих депутатов смотрели как на что-то вроде нижней палаты будущего парламента».

Кто тогда догадывался о мистической подоплеке такого «отречения»? Ведь те, кто честно сражался на полях Великой войны и впредь собирался служить Царю, даже не подозревал и о той драме, что развернулась 2 марта в Царском литерном поезде, остановленном заговорщиками в Пскове. Не подозревал и о той демонической интриге, вмиг сплетенной, опутавшей и пресекшей волю еще одно-

го представителя Династии Романовых — благородного командира «Дикой» дивизии, бесстрашного в бою, но деликатного и скромного в общении Брата Государя — Великого Князя Михаила Александровича. Именно в Его пользу, спасая русский Престол от видимого уничтожения, якобы отрекался Царь Николай II.

Еще одно «отречение»?

Документ об отказе принять верховную власть Великим Князем был мгновенно состряпан конституционным демократом Набоковым, «специалистом по государственному праву» бароном Нольде и депутатом Государственной Думы Шульгиным и имел фатальные последствия для Российской Империи. Он был подписан 3 марта 1917 года. Великому Князю даже не оставили времени поразмыслить.

Но кто тогда из представителей военной интеллигенции, не говоря уже о массе народной, глубинно вникал в суть хитро составленного акта. Большая часть общества ухватилась, как за соломинку на воде, за почти магически звучащий лозунг: «Вся власть Учредительному Собранию!» и напрасно ожидала его созыва, его ответственных решений. Российская смута стремительно приближалась к очередному перевороту — большевистскому, который неминуемо вызывал Гражданскую войну.

Оглядываясь назад, мы теперь вполне можем констатировать: Великую войну 1914-1918 годов Царская Россия не проиграла, нет! Ее позорно, по тайному и явному сговору, медленно сворачивала Россия республиканская, Россия Временного правительства. Мир, заключенный в Брест-Литовске большевиками, — логическое завершение тех событий.

И вот перед нами текст акта об отказе принять верховную власть, подписанный Великим Князем Михаилом Александровичем (полностью приводим его по книге русского историка и общественного деятеля И. П. Якобия «Император Николай II и революция»): «Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнения народа.

Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа Нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые Основные Законы государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созданное в, возможно, в кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

В чем же тайный смысл этого акта для России?

Как справедливо замечает все тот же И. П. Якобий: «...если бы Великий Князь Михаил Александрович, или точнее Император Михаил I, формально от-

рекся от Престола, то, согласно Основным Государственным Законам, право на Престол автоматически перешло бы к следующему по старшинству Представителю Императорского Дома; отрекись и он, право это переходило бы последовательно к другим представителям Династии, и среди них могло бы оказаться лицо менее покладистое, чем Великий Князь Михаил Александрович».

Но разве этого жаждала мировая закулиса, принявшая решение положить конец христианской Монархии вообще и русской Монархии в частности?

Русский престол ждет...

...Александровский парк, обрамляющий Александровский дворец, огромен и дивен. О, как любил гулять по нему Царь-Мученик Николай II вместе с Детьми! По возвращении домой Он непременно делился впечатлениями от долгих пеших прогулок на страницах дневника, во время которых Он обдумывал многие серьезные государственные решения.

В Царское Село, в Александровский дворец, перед отъездом Святых Царственных Мучеников на Урал, приехал попрощаться с Ними и Великий Князь Михаил Александрович...

Он родился в 1878 году, в день, когда Русская Православная Церковь празднует память Святого благоверного князя Михаила Тверского (1318), умученного в Орде. Во время Великой войны Великий Князь командовал Кавказской Туземной кавалерийской дивизией, II Кавалерийским корпусом, затем был назначен генерал-инспектором кавалерии. Сослуживцы вспоминают Его как отважного военачальника, не кланявшегося пулям, человека воинского долга. Это был настоящий русский офицер, в жилах которого текла Царственная кровь. Женившись морганатическим, то есть неравным браком, на бывшей супруге своего однополчанина — Н. С. Вульферт, он, естественно, терял все права на Русский Престол. Впрочем, Великий Князь к Нему и не стремился. Исключительные или, точнее, роковые обстоятельства вовлекли его в страшную мартовскую мышеловку, выбраться из которой Он уже не смог.

«...не отрекаясь от Престола, а лишь временно отказываясь от «восприятия» верховной власти, — настаивают вместе с русским историком и общественным деятелем И. П. Якобием современные исследователи, — Великий Князь парализовал на неопределенный срок всякую возможность не только реставрации, но хотя бы предъявления другим лицам права на Престол, который вакантным еще не мог почитаться. С другой стороны, в акте заключалось указание на недействительность существующих Основных Законов — что превышало права не только Великого Князя, но и Царствующего Монарха, — и впервые признавалась законная власть самозванного Временного правительства».

Вот и выходило, что гражданского подчинения (а для военных — согласия принять присягу на верность) Временному правительству просил Сам Брат недавнего Венценосца!.. А если так, если был введен в заблуждение Он, находившийся в гуще революционных событий в Петрограде (по этому поводу Николай II заметил: «И кто надоумил Мишу подписать эту мерзость?»), то, что должны были

чувствовать те, кто воевал на Северном, Юго-Западном или Западном фронтах, находился со своей дивизией или полком в районе Пинска или Мозыря?.. Кто мог предположить тогда, что актом, который подписал не умевший интриговать Великий Князь на маленьком столике детской во дворце князя Путятина, прервется крепкая доселе цепь Престолонаследования, будут отменены Основные Законы Российской Империи, прекратит свое существование историческая Россия с ее особенным путем?..

Великого Князя Михаила Александровича арестовали 7 марта 1918-го, почти через год после известных событий. По предложению Урицкого, Совнарком постановил выслать Его в Пермь. Кстати, в селе Ныроб Пермской губернии был замучен в 1601 году далекий предок Великого Князя — дядя первого русского Царя Михаила Феодоровича — Михаил Никитич Романов. Так трагически замыкался этот исторический и наследственный круг.

Великий Князь был убит большевиками 12 июня 1918 года в два часа ночи, в лесу, под праздник Вознесения Господня. Причем, будучи раненым, Он сумел оказать достойное сопротивление Своему убийце. Стрелявший в Великого Князя в упор с близкого расстояния, тот наповал поразил Его. Как было принято у бандитов, исполнители большевистского приговора ограбили мертвого, сняв с Него золотые шестиугольные именные часы и золотое именование кольцо.

Так остановились часы Царственной России.

Некоторые итоги

...Переходя от экспозиции к экспозиции, точно выстроенных в залах Александровского дворца, и не раз возвращаясь к серьезным историческим документам, что хранит Российский исторический архив, невольно представляла некий послужной список всего того, что сделал Царь-Мученик Николай II, оболганный еще при жизни либеральной, псевдонациональной прессой, исподволь готовившей весь февральский ужас так называемой бескровной революции, взнуздавшей самые темные нравы российского общества.

Именно благодаря нечистоплотности прессы и мемуаристики тех лет, у нашего современника сложилось предвзятое мнение, к примеру, о Русско-японской войне, как о проигранной нашими предками. И никто почему-то не удосуживается учесть тот факт, что измотанные русскими под Мукденом японские сухопутные войска не могли вести наступления в течение 5,5 месяцев. Не учитывают, говоря о «поражении» Императорской России в войне, и того факта, что именно заключение мирного Портсмутского договора спасло Японию, этих переговоров запросившую, от полного разгрома.

И неслучайно: в отличие от России, для которой эта война имела всего-то локальный характер, Япония была вынуждена отдать ей все свои ресурсы — и экономические, и человеческие. А кое-какие другие — занять у более богатой Америки.

Но это так, к слову о «слабой воле» Царя-Мученика Николая II и «гибельном пути», по которому якобы шла Его Россия.

Как известно, Монаршее служение приравнивается к монашескому. Это особый крест — бремя Царской власти. Посему, прежде чем предпринять какое-либо дело, Государь, как Помазанник Божий, долго молился. И... получал вразумление свыше. Такова православная практика.

В начале Великой войны именно Царская, Николаевская Россия спасла Сербию от австро-венгерского, а Францию от германского разгрома, не закончив мобилизации, преждевременно вторгшись в Восточную Пруссию и притянув на себя довольно крупные силы противника.

После того, как Государь Николай II сменил Великого Князя Николая Николаевича на посту Верховного Главнокомандующего (август 1915), Русская Армия прекратила отступление, которое началось после Великой Галицийской битвы. Уже весной 1917-го, окрыленная Луцким прорывом (май-июнь 1916), хорошо снабженная снарядами и патронами, имевшая вместо 35, как это было в начале войны, 60 корпусов, Армия готовилась к последнему наступлению. Готовились к нему и революционные силы, чей лозунг: «Сейчас, или никогда!» подогревал чьи-то неосуществившиеся надежды, давно затаившиеся зависть и злобу, непомерные амбиции.

Царский Крест из розового гранита, установленный близ Александровского дворца, напоминает: никакая темная сила не поборет силы крестных мук, которыми Царская Семья вззошла в Царствие Небесное для свидетельства Божией правды. Подле Царского Креста духовно укрепляется русский человек. Укрепляется, чтобы надежнее было его предстояние на родной земле, над которой, сменяя одна другую, проходят бури страстей, вскормленных теперь уже нашим отступничеством и окаянством.

Святые Царственные Мученики, молитесь Бога о нас!

ДА РАЗВЕ ПЕРЕЧИСЛИТЬ ИМЕНА...

Свистели пули и рвались снаряды,
Солдат свой долг священный выполнял.
На Запад с боем шёл не за награды,
А просто путь Победе пролагал.

И, взяв Берлин, солдат домой вернётся,
Жену к груди отчаянно прижмёт,
Но странной болью сердце отзовется,
А память птицей раненой замрёт.

Он вспомнит недошедших до Берлина,
Тех, кто с Победой к семьям не придёт.
А через год родившегося сына
В честь павшего комбата назовёт.

Иван, Валерий, Михаил, Гаврила...
Да разве перечислить имена,
Что навсегда отнять у нас решила,
Да не смогла жестокая война?

Храни, Господь, мужское поколение —
Детей послевоенных трудных лет,
За две судьбы ответственных с рождения —
Свою — и тех солдат, которых нет.

ПСКОВСКИЙ ГЕНИЙ

*Изобретателю термоядерного синтеза
и водородной бомбы, почётному граж-
данину города Пскова О.А.Лаврентьеву
(1926-2011) посвящается.*

Жил ядерной физики гений —
Обычный на вид человек,
Он был наречён при рождении
По-русски: Лаврентьев Олег.
Всё было: и детство, и книжки,
И Псков предвоенный в цвету...
И верил пытливый парнишка
В свою голубую мечту.
Он страстно тянулся к науке
И начал за партой мечтать
Энергию атома в руки
Для блага Отечества взять.
Проблему решить, над которой
Великие бились умы...
Но всё это будет нескоро —
Другие мечты у Войны.
На фронт добровольцем — так нужно!
В свои восемнадцать — солдат.
Потом Сахалин, снова служба.
И формулы строились в ряд.
А в ядерной сфере смятенье,
Тупик и решения нет!
И Сталину пишет Лаврентьев:
«Мне бомбы известен секрет!»
Так все начиналось — с солдата.
Был Кремль и работа, и взлёт,
И Сахаров был, и Курчатов,
И с ними Лаврентьев идёт.
На равных идёт, а не сзади,
Вступая в державный анклав,
Отечества нашего ради
Энергию сердца отдав!

* * *

*Посвящается Ивану Афанасьеву,
матросу с крейсера «Варяг»*

Где ложь, где, правда — обнаружат.
Не зря в народе говорят:
Что правда вылезет наружу,
Как скрыть её ни захотят.
Но что скрывать—то: был матросом,
В команде крейсера «Варяг».
Служил Отечеству он просто —
Царю присягу дал моряк.
В России смута (схожа ныне)
Не стало царского венца.
Матрос не предал, как иные...
Был верен клятве до конца.
Года летят как будто птицы.
Вновь почитаем наш земляк.
Потомкам надобно гордиться
Матросом с крейсера «Варяг»!

ОЛЕГУ ПОГУДИНУ

Звенит над родною строною
Серебряный голос певца —
Своей добротой и любовью
Он будит людские сердца.

Красавца я вижу на сцене
И слушаю трель соловья...
Олега Погудина пеньем
Гордится Россия моя.

Лети же, сверкай над планетой,
Таланта серебряный глас,
Пусть души нам радуется спетый
Тобою — старинный романс!

ВЛАДИМИР И РОГНЕДА

Рассказ

1

Вся площадь Полоцка была завалена трупами и ранеными, свободного места нет, ступить некуда. Защитники крепости, несмотря на то, что в самом начале битвы лишились предводителя конунга Рогволода, а еще раньше его сыновей, оказывали отчаянное сопротивление. В отдельных частях града, на его улицах-переулках долго продолжались стычки. Особенно упорно не давался отряд под началом статного и ловкого воя в плотно обтянутой кольчуге с мелкими медными пластинами на груди и в особо изготовленном шлеме с серебристым шишаком — все это показывало: сражающийся не простой дружинник или гридман, а, видимо, воевода или княжеского рода.

Дело чести князя Владимира сразиться с таким молодцеватым и самоуверенным храбрецом, всем своим видом показывающим презрение к смерти. Отбивая удары слева и справа тех, кто охранял отважного витязя, Владимир пробился к нему и удивился, увидев воительницу с нежными очертаниями лица и с глубокой ненавистью в очах. Князь, отступив и вложив меч в ножны, бросил окружавшим его дружинникам:

— Не бьюсь с женами-воями! С ними лучше полюбовно сойтись!..

И повелел разоружить храбрую воительницу и привести ее к нему. Это сразу не удалось. Прежде, чем у нее выбили меч и щит, она нанесла немало смертельных ударов, а потом долго извивалась, кусалась и царапалась в руках дружинников. Наконец-то ее связали, подталкивая сзади, привели к князю. Владимир, встретившись с ней взглядом, подумал, что только на Руси могут быть такие жены — храбрые и красивые, но строго спросил:

— Ты кто?

Она, еще не остывшая от жара схватки, с гневом выпалила:

— Разве не знаешь? Не угадал? А к кому присылал послов? Та! У ней убил отца и братьев! Та, что защищала свою жизнь и честь! Что теперь ты хочешь от мя? А ведь просил моей руки, а сча их заломили твои гридманы!

— Рогнеда! — произвольно вырвалось у Владимира, пораженного ее смелой речью и прекрасным выражением гневливого лица. — Не токмо рук, но желаю взять ты всю! От прежнего слова не отказываюсь!..

Она, освободившись от пут, снова произнесла со злостью:

— Ненавижу ты и всех вас! Слышишь, ненавижу!..

Владимир, ведающий толк в сечах и битвах, мало знал нрав и характер женщин, попытался миролюбиво пошутить:

— От ненависти до любви бывает мене сажени. Люба не знает мести, а дружба лести. Хочу, чтоб полоцкая княжна разувала великого князя и рожала ему сынов!..

Рогнеда сорвалась на крик:

— Лучше заруби мя, но замуж за тя не пойду! Ты лишил живота моего отца, убил моих братьев! Какая может быть меж нами любя?..

Князь не терпел, когда его укоряли понапрасну, да еще женщины, стал грубо выговаривать:

— Посылал вам грамоту, предлагал мир, установить ряд на вечные времена. Твоему отцу обещал сохранить конунгство, лишь бы честно служил Руси. Он же от всего отказался. Мне доподлинно известно; твоих братьев прикончили ваши же каты...

— Не верю! Ты жадный и кровавый головник!..

Один из дружинников схватил Рогнеду за распущенные волосы, намотав их на кулак, пригнул голову к земле.

— Как ты, полонянка, смеешь так с великим князем?

Она, ловко извернувшись, быстрым движением ноги нанесла дружиннику удар в пах. Тот, вскрикнув, отпустил девицу и от боли присел на карточки. Владимир, чуть улыбнувшись, подумал с восторгом: ай да варяжка, ай да полоцкая княжна, не уступала по воинскому искусству любому из дружинников. Видимо, такой же смелой воительницей была и его бабичка, княгиня Ольга. А Рогнеде вынес приговор:

За твои неразумные словеса заслуживаешь смерти. И не одну, а тройную. За робичича, головника и лютую злобу ко мне и моим воям. Сколько ты их положила?.. Такие муки примешь — смерть покажется подарком...

Князь только и повел головой, как тут же дружинники еще боле заломили Рогнеде руки за спиной. Резкая боль пронзила ее тело. Со слезами на очах она обратилась к Владимиру:

Збродню и татю разрешают исполнить последнее желание. Позволь мне оплакать и отправить в Палаты Валгаллы моих любимых отца и братьев, потом и мя поселишь рядом с ними...

Владимир, добрый сердцем, согласно кивнул головой. Дружинники погрузили дорогих сродников девушки на конную повозку. Она с похоронщиками и под охраной отправилась за ворота крепости. Торопиться некуда, та же участь ждала и ее, княжну, некогда обожаемую и любимую всеми именитыми и низинными людьми Полоцка. Обычно людей глубоко тревожит ожидаемая неизвестность, а ее близкое будущее уже определено...

На погребение родичей ушел весь длинный летний день. Вместе с Рогнедой плакали и небеса. Пока копали рвину, пушистые облака медленно собирались в тяжелую черную тучу, а стоило возжечь погребальный костер, как сплошным потоком полился дождь. Он затушил огонь. Из-за дождя снова не возжечь костра. Но как только согласно ритуалу Рогнеда закончила исполнение заунывных песен, прекратился и дождь. Поднявшийся ветер разогнал низкие, навесистые тучи. Показавшееся солнце мигом преобразило мир. Каждая капелька на ветвях деревьев и кустов засверкала и заиграла яркой звездочкой, даже темные лужи заблестали, отражая высокое небо, однако прошедший день дал ей многое, словно повзрослела за короткое время сразу на несколько лет.

После погребения с тяжелыми и смешанными чувствами возвращалась Рогнеда в крепость. Повязанная по рукам и ногам, лежала на повозке, на которой только что везли ее убиенных родичей. А кто станет хоронить ее или бездыханное тело кинут голодным псам? Она старалась не думать об этом. Если она до сей поры жила беспечно под защитой отца и братьев, в последнее время ее только волновало, за какого правителя ее отдадут замуж, то сейчас задумалась о кратковременности бытия на земле. Еще до вчерашнего дня размеренно протекала жизнь, а ныне все разорено и опустошено.

Поразил один из верных гридманов отца — Ингрид, который помогал погребать убиенных. Он сообщил нечто невероятное: собственными очами видел, как умертвили еще до сечи братьев Роальда и Свена в гриднице. И в доказательство показал на них раны, нанесенные в спины тонколезвийными лангсаксами, коих у русичей никогда не имелось. Она сама припомнила, как до осады крепости братья в разговоре с отцом убеждали его не вступать в сражение с русичами, открыть им ворота крепости и выдать сестру замуж за Владимира.

Ведь именно отец научил дочь ответить послам князя, что он робичич и не желает выходить за него замуж и станет женой Ярополка, что княжил в Киеве. И великое подозрение в смерти братьев пало на отца...

2

Вернулись в крепость на закате солнца. От высоких построек на земле протянулись длинные тени, а вверх еще блистали последние, предвечерние солнечные лучи. Все мысли Рогнеды заняты о приближении с каждым шагом мгновения смерти, которую тоже надо встретить достойно. Она с ужасом вспомнила, как во время посещения с отцом Смоленска, на площади казнили изменницу-жену. Что-то, а последователи Сварога и Перуна умели придумывать и применять всякие изуверства не только к врагам, но и своим соотечественникам.

Боль, ужас и скорбь долго преследовали Рогнеду и сейчас заставляли вздрагивать от увиденного в прошлом. Да, обыкновенная простая смерть в сравнении с подобной казнью становилась радостью, о чем предупредил князь Владимир. И мысль о том, что не выдержит и будет кричать, стонать и реветь, чего не хотела показывать свои мучителям, угнетала полоцкую княжну. Ей известно, что многие не выдерживали испытания, а та женщина стала мученическим символом Рогнеды на всю жизнь.

Медленно поехали через ворота Полоцка. На все теперь княжна смотрела отчужденно. Всё это уже не её. Нет отца и братьев, нет даже угла, где можно на время приклонить усталую голову. Всё изгажено и опоганено. Прежде чистая и опрятная площадь с каменным покрытием превратилась в отхожее место. От небрежно убранных трупов несло смрадным мерзким запахом. Во многих местах крепости пылали пожары. Повсюду бродили вои-победители, искали богатую поживу, выкатывали из погребов бочки с вином, садились вокруг них, с жадностью хлебали хмельное. Затевали свары по самым незначительным поводам.

Более всего отличались псковские мальцы. До крови передрались меж собой из-за неподделенной юницы. Одни хотели отвести ее князю, второй — воеводе,

а третий тянул к себе. Пока кровянили друг другу носы, другие увели юницу в неизвестном направлении. Ничего не оставалось, как замирился и затем после питья хмельного снова передрались.

Взгляд Рогнеды упал на девицу, отбивающуюся от окруживших её сладострастных ратников. Это была служанка Фрида. Увидев свою госпожу, с возгласом «Спаси, княжна!» попыталась пробиться к ней.

Рогнеда, лежа на повозке повязанной, приподняв голову, гневно воскликнула: «Кто ее тронет, будет иметь дело со мной! Аз — жена великого князя Володимера!»

Она сама удивилась своим словам, но их повелительный тон заставил дружинников, охранявших княжну, отнять Фриду от насильников и посадить ее рядом с госпожой.

Остановились у дворца. Один из охраны побежал с намерением узнать, как поступить со знатной пленницей, кричавшей, что является женой князя Владимира. Вскоре вернулся, но не один, а с суровым воеводой по прозвищу Волчий Хвост в окружении своей охраны. И вид у воеводы суровый и непримиримый: шлем глубоко надвинут на чело. Железная кольчуга плотно обтягивала широкие плечи. Весь обвешен оружием: лук с тулой стрел, щит, меч, на поясе два кинжала для каждой руки.

Повелением воеводы дружинники стали поспешно стогнать народ ко дворцу. И вскоре на высоком крыльце появился князь Владимир с личными гриднями. Все они в воинских доспехах, кольчугах и шлемах, казалось, целиком склепаны из железа. И под стать голос князя — властный и звонкий:

— Полотчане! Вчера аз предлагал вашим конунгу и ярлам мир и ряд. Они отвергли. Тогда мне пришлось войти в град. В сече, аки в сече. Кровь, убитые, раненые. Но мы люди русские. С сего часа и сим словом запрещаю моим воям творить зло и беззаконие. А кто нарушит се установление, получит воздаяние, аки головник. И еще мое соизволение освободить пленников.

Скосив взгляд на стоящих перед крыльцом измученную и по-прежнему повязанную Рогнеду и рядом с ней на коленках служанку, добавил:

— И пленниц!..

Рогнеда еле держалась на ногах. Со вчерашнего дня очей не сомкнула, не пила, не ела, всю ночь сражалась на стенах, а с утра плен, затем погребение близких. И сейчас уже была безразлична к смерти, лишь бы побыстрее уйти в Палаты Валгаллы и в них навечно успокоиться. Не ослышалась ли она, когда князь повелел освободить от пут. Гридни немедленно исполнили повеление.

Своей свободой она была обязана не только князю Владимиру, но и его воспитателю и дяде Добрыне. Некоторое время назад между ними произошел нелицеприятный и серьезный разговор. А начался с того, что из оконца третьего яруса и главной палаты дворца, где раньше на троне восседал конунг Рогволод, Добрыня наблюдал всю мерзость, творимую победителями: грабежи теремов и построек, убийство граждан за их сопротивление, насиливание молодых жен и девиц. К тому во многих местах полыхали пожары, тушить их некому. Он высказал воспитаннику свое отношение к происходящему в крепости, начав с некоего мудрствования:

— Князь, легкие победы окрыляют рать, но и оглуляют от воеводы до простого воя-пещца...

Владимир насторожился, выразив недоумение:

— Разве нам досталась легкая победа? Сколь polegло в брани моих славных воев!..

Добрыня подозвал князя подойти к оконцу и посмотреть на то, что творится в крепости.

— Зде земля Руськая, зде веками людии горбанились себе на живот, а ныне мы, аки люты звери и збродни, отбираем не токмо от бояр и именитых, даже от челяди и холопов, Всё жжем, грабим и рушим. Предались пьянству и разврату...

Владимир хорошо понимал, что творимое в крепости не красит русское воинство, однако не мог противостоять давним сложившимся традициям.

— Посадник, Сварогом и Перуном повелено на три дня отдавать воям в полное владение град. Они несут тяготы в походах, сражаются в сечах, их убивают, делают калеками... Победители не судимы нашими богами.

Добрыня продолжал убеждать и наставлять:

— Покон древний и правез славянский касаемы чужеземья, а не родной Отчизны. Боги покарают за гибель невинных и надругательство над отроковицами и юницами. Князь, запрети всяк глумление над местным людом, освободи пленников. Они, аки и твои вой, исполняли долг. Ведь нам завтра выступать на Киев, а ты хошешь займети ворогов за своей спиной? Прекратишь безобразие, молва о твоей доброте побежит попереди тя. Ты приговорил Рогнеду к казни, ведь еще вчера добивался ее руки, а теперь решил испытать ее крови? Она — не простая гражданка, а княжна и любимица Полоцка.

Это возымело действие. Владимир послал Волчьего Хвоста утихомиривать распоясавшихся воев, а сам, выйдя на крыльцо, объявил о помиловании пленников и пленниц.

3

Князь подошел к Рогнеде, которой только что освободили руки. Вот и стоит перед ним неприступная княжна Полоцкая. Еще вчера дала отказ робичичу, а сегодня его именем защищала свою служанку. Княжна невольно опустила на колени перед Владимиром, приложила устами к омету красного корзно, медленно прошептала:

— Прости мя, князь. Аз быв неправа. Зрю, аки ты милостив и добр ко мне...

После битвы за крепость, когда еще не улетучились картины жестокой сечи, а в ушах стоял звон мечей, Владимиру непривычно слышать слова благодарности, хотя, конечно, понимал: высказать их заставили Рогнеду обстоятельства.

Князю, как человеку молодому и влюбчивому, княжна понравилась с момента первой стычки в сече, сражалась в рядах защитников града и тем, что не обижена особой привлекательностью и красотой. Даже сейчас, крайне утомленная, обладала силой притяжения своих открытых большущих очей и лучезарной улыбки. Встретившись взглядами, Владимир внутренним чувством видел, в испрошении прощения она искренна. И он не остался в долгу:

— Рогнеда, ты можешь быть свободной. Иди, куда хошешь, и живи, аки пожелаешь...

Княжна не знала, что доброта Владимира исходила из его тяжелого детства в псковской веси вкупе с выгнанной из Киева мати, княгиней Малой.

Однако Рогнеда особой радости не испытала. Но что ее ждет впереди? Вот держится за ее подол служанка Фрида. И как им теперь вместе жить? Уйдет Владимир из Полоцка и снова начнутся их испытания? Нет уж, лучше стать рабыней князя, чем свободной подзаборницей?!. Встав на ноги, заметила:

— Свобода тоже бывает разная. Со свободой шутить — огонь разводить...

— Что может быть лучше воли?! — произнес Владимир полувопросительно и полувосклицательно и показал вверх. — Се летит птица. И никто ей не указ. Куда захочет, туда и направится. Где удумает, там и сядет.

Рогнеда, осмелев, высказалась мудро:

— Вольного часто бьют больно. И свободную птицу может поразить меткий стрелок.

Князю еще более понравилась освобожденная им полонянка не только за красоту, но и за проявляемый ум. Он понял, к чему клонит княжна, потому распорядился:

— Оставляю тебе и твои служанкам весь дворец и беру на кормление. Дабы вас тут никто не тронул, приставлю гридней.

Княжна Полоцкая и ее служанка Фрида, низко поклонившись князю, осторожно ступая, не веря еще своему счастью, поднялись на крыльцо и последовали во дворец, в свои ранее занимаемые палаты.

У Владимира тоже было трудное и напряженное время. Всю ночь вел сечу, днем — погребение погибших воев и тризна на кургане. После короткого отдыха вечер провел в думах по определению дальнейших действий. Нужно спешить в Киев, пока нет в нем Ярополка и Свенельда, а без них некому организовать оборону первопрестольного града Руси. А поздним вечером обязательный пир с воеводами, дружинниками и гриднями во славу одержанной победы.

На рассвете Владимир покинул пирующих, устроился в малой палате на отдых, не снимая сапог, лег на широкую лавицу. Один из гридней, стороживших сон князя, тихонько его разбудил, таинственно сообщая, что в сенях ждет княжна Полоцкая. Владимир, приоткрыв око, разрешающе махнул рукой. В палату мягко и бесшумно ступила Рогнеда. Увидев ее, князь мгновенно отошел ото сна. Он хотел кинуться к ней навстречу, однако вовремя сдержался. Ведь не какой-нибудь робичич или трел, а великий князь Великой Руси.

Неторопливо сел на лавицу и в оба ока при начавшемся рассвете разглядывал несостоявшуюся невесту. На ней белое прозрачное платье из флера, перехваченное голубым поясом с опущенным хвостиком, подчеркивало узкую талию, высокую грудь и упругие бедра. Тонкий золотой обручок с мелкими сверкающими бриллиантами прихватывал на голове распущенные по плечам русые с блеском волосы, а волнистая обольстительная прядь спускалась с чела на правую сторону лица. Открытую бело-мраморную шею украшало ожерелье из солнечного камня, на запястьях рук — золотистые поручи.

Она приблизилась к Владимиру, опустила перед ним на колени, с придыханием прошептала:

— Князь, аз согласна разувать тя...

Это означало, что готова стать женой правителя. И от него теперь зависело, быть ей таковой или нет. Она проявила себя непомерной гордичкой, но сейчас признала его великим князем. Его не могли не привлечь кротко склоненное нежное лицо княжны, ее припухлые малиновые уста, под прозрачной тканью белые перси.

— Разувай! — коротко бросил Владимир и важно поставил ногу.

Она, наклонившись, поочередно стянула с ног сапоги, поставив их под лавицу, стала со смирением ждать решения князя. Он, истомленный долгим любовным ожиданием, крепко обнял гибкое тело княжны, впился в ее сладкие уста.

Несколько часов любви пролетели быстро, войску в полдень выступать в поход. Нежно прощаясь с Рогнедой, князь пообещал, когда возьмет Киев, пришлет за ней и устроит свадебный пир. Собрав перед выступлением дружины и полки, объявил Рогнеду своей женой, велел любить-жаловать княгиню Руси.

Сразу раздалось со всех сторон:

— Слава великому князю Земли Русьской Володимеру!

— Честь и хвала княгине Рогнеде!

— Стоять Киевской Руси вечно!

4

Владимир имел много жен, даже очень много, но самой любимой всегда оставалась Рогнеда. Как повествуют летописи, в трех селениях содержалось восемьсот возлюбленных. По их числу только уступал иудейскому царю Соломону. У них Владимир проводил время после длительных походов и войн. Однако искреннюю ласку и неподдельную заботу, уют и спокойствие находил у Рогнеды.

Летописи называют, что от водимых жен имел двенадцать сыновей, из них четверых да еще двух дочерей родила Рогнеда — Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода, а также Предславу и Прямиславу. Не случайно в именах чад, за исключением Всеволода, повторялось одно и то же слово — «слава». Она и сопровождала сыновьям, а через них и восхваляла отца и всю Землю Русскую.

Он дал им на управление большие и богатые княжества и города, причем порубежные, от которых зависела судьба всей Руси. Так, Мстислав получил Тмутаракань, что зорко стояла на охране южных пределов от постоянных набегов степняков, прежде всего печенегов. Полоцк, которым владел Изяслав, вместе с Псковом и Витебском надежно преграждал путь завоевателям с Запада.

Особый сказ о Новгороде. Им правил любимый сын Рогнеды и Владимира, что вошел в историю как Ярослав Мудрый. Его мудрость заключалась не только в приумножении славы Руси, укреплении ее рубежей, но и в заботе о культуре, укреплении православной веры, о которой особо радел в последние годы жизни Владимир.

Рогнеда, терпимо относясь к любовным утехам мужа со многими женами и наложницами, умела быть у него всегда на виду и оставаться всегда первой и самой любимой. Прославилась княгиня прежде всего своим разумением, способ-

ностью выйти из трудных, порой самых безнадежных ситуаций. Так случилось в самом начале, когда Владимир объявил ее женой и княгиней, а взяв Киев, словно забыл о своем обещании прислать гридней.

Владимир, войдя в первопрестольный град Руси, тут же велел приводить в спальные покои жену убитого брата Ярополка. Другая на месте Рогнеды растерялась бы и отступила от князя, но не такой оказалась она. Что предприняла?

Снарядила роскошный поезд и поехала без приглашения. А впереди себя послала гонцов, дабы те в каждом селении и граде трубили и оповещали: «Шествует великая княгиня, жена великого князя Киевской Руси Рогнеда!» И везде ее встречали с торжествами, поклонами и воздавали высокие почести.

Об этом известили князя. Он, отослав от себя жену убиенного брата, при громадном стечении киевского люда, с воеводами, боярами и дружинниками встретил Рогнеду и закатил богатый свадебный пир. На нем Владимир, довольный красавицей женой, прилюдно нахваливал ее:

— Ну и мудра ты, княгиня! Ну ты, варяжка, и проворна!

И ответ был достойный:

— Князь, язык не токмо доводит до Киева, но берет и его неприступные стены!..

Уже почти в конце жизни она спокойно встретила сообщение князя, что берет в жены царевну Анну из Византии. Когда он сам крестился и крестил Русь, надеялась, что отпустит всех и оставит ее, давно крещеную. Однако тут надежды не сбылись. И на сей раз спокойно вышла из щекотливого положения, решив, ей нужно достойно удалиться от мужа.

Узнав о приезде Анны, укорила Владимира:

— Князь, а ты так и не сдержал слово и нарушил славянский покон?

Он сразу насторожился, сообщая, в чем допущен его промах. Она напонила:

— Взял в мя жены, а вено не внес?

Владимир, вспомнив, стал шутливо оправдываться:

— Мои слы обещали положить пред твои нози Русь. И она положена.

— Твои слы — ослы. Сколь у ты жен? И всем им принадлежит Русь. А мне ничего конкретного не дал?

— Тебе в Предславине терем построил?

— И все жены в теремах живут. Вот за Анну грекам даже возвратил Корсунь?

— Хорошо, — надумал князь. — Прости за оплошность. Хотя и поздно, в качестве вено отдаю тебе с Изяславом Полоцк. Правь им до скончания.

Она осталась довольна тем, что снова попала в свой родной и любимый град. После ее кончины Полоцком стал владеть сын Изяслав.

Подорванная многими родами, страданиями и испытаниями, скончалась Рогнеда, едва достигнув сорока лет. Когда князь Владимир узнал, умирает его первая жена, бросил все неотложные дела в Киеве, меняя постоянно коней, отдыхая в сутки не более двух-трех часов, прискакал в Полоцк. Застал Рогнеду в последнюю минуту жизни и успел сказать всего лишь три слова: «Прощай, моя любимая...»

Это случилось в 1000-м году...

РУССКАЯ ДУША

Воевал четвертый год,
Свыкся,
Битва — как работа,
Только сердце жгла забота
Неуемней всех невзгод.
Сквозь огонь вела солдата
День и ночь —
Вперед, вперед,
В ту страну, что виновата
В бедах русского солдата
До кровинки!
До конца!

Но пришел далекий срок —
Долгожданная расплата:
На чужой шагнул порог
С наведенным автоматом.
Фриценята у стены
Жмутся в кучу, как зверята, —
Дети горя и войны.

В окна ластится закат,
Догорает день на склонах...
А в груди —
Набат, набат!
А в глазах — огней зеленых...
«Дочка!
Доченька Алена!..

Вот он,
Вот отмщенья час —
Полоснуть из автомата!..» —
Воин зло сощурил глаз:
«Что, спужались, ребята?..»
И, скривив в усмешке рот,
Из мешка достал краюху:
«Ничего, бери народ,
Ни пера вам и ни пуха!
Эх!..» —
И вышел из ворот.

* * *

За деревню сквозь желтую осыпь
Вел проселок
То прямо, то косо,
Опоясав низину подковой,
Заворачивал в клевер медовый.

Вдоль раkitника вел над рекою,
Прятал в спелую рожь с головою
И волнистым шуршащим навесом
Убегал к синеватому лесу.

Тот проселок за долгие годы
Утоптали, как ток, пешеходы.
По нему шли туда,
Где раскаты,
Шли на смерть
В сорок первом солдаты.

Укатали проселок обозы
И листвою застелили березы,
Сапогом да узорчатой шиной
Пропечатана вязкая глина...

Выбегают проселки такие
На большие дороги России.

СВЯТАЯ ТРОИЦА

Такой туман, что от подножья
Видны лишь купола черты.
И крест святой, как милость Божья,
Благословляет с высоты.

Остановись хоть на мгновенье
И в созерцание впади,
Прими Всевышнего веленье,
Земные страсти остуди.

Отторгнем суетность желанья
И соблазнительный успех.

Добро души и созиданье
Искупят сотворенный грех.

Внемли: окрест предельно просто —
Великая, Пскова-река,
Простор от Ольгинского моста,
Печалью тронутый слегка.

К Чудскому, в зоревые воды
Плывет величественный Кром.
А за кормою — годы, годы
Страданий. И победы гром.

Как парус, Троицы великой
Неповторимый силуэт.
Над ней святых земные лики —
Сынам и внукам ясный свет.

От созерцанья до виденья —
Не две руки, а два крыла,
В душе ни капельки сомненья:
Россия вечна и светла.

Ростислав Микрюков

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

*Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.*

Эту песню старую
Я мальчишкой пел,
Со своей гитарою,
Да ещё свистел...

Повзрослевший, сторону
Не беру ничью.
Это слишком дорого,-
Жечь страну свою!

Правды нет у ратников:
Ни у красных рот,
Ни у белых всадников,-
Чтоб стрелять в народ...

Больше так не делаю,
Не пою...Молчу...
Я Россию целою
Уберечь хочу!

ВАЛДАЙСКИЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Висит мой друг— валдайский колокольчик
В молчании унылом на окне.
Ну что висишь, дружок— сказитель, молча?
Поведай что— нибудь о старине!

Встряхну его рукой и нежным тоном
Всплакнёт он, как— то грустно, о былом,
Растаяв тихим мелодичным звоном...
И замолчит, объятый прежним сном.

Навеет сердцу милою картину:
В морозный полдень тройка в даль летит
По русской, по заснеженной равнине
И колокольцами звенит, звенит...

И проплывают сказочные сёла,
Церквей над ними чудо— купола.
И слышится опять за дальним долом,
Как медные звонят колокола!

В покое спят загадочные ели,
В просторе снежном тонут небеса.
Величественны белые леса...
Укутали их русские метели...

СТРАНИЦЫ ИЗ НЕФОРМАЛЬНОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО ГОРОДУ ПСКОВУ

Монастырский берег

Там, где теперь псковичи в купальниках и плавках получают солнечные ванны на городском пляже, наши предки об этом и не помышляли. Этот берег Великой легко можно было назвать монастырским, потому что на этой прибрежной полосе между двумя известными и крупнейшими монастырями — Мирожским и Ивановским, располагались еще несколько малознакомых нынешним поколениям: Клементовский, Никольский на Изборской улице, Никольский Кожин монастырь. Ближе к Ивановскому располагался Ильинский, а чуть дальше — Симеоновский в Печищах и Степановский монастырь на Лугу. Церковь, принадлежавшая Никольской обители на Изборской улице, и сегодня действует совсем недалеко от перекрестка улиц Максима Горького и Розы Люксембург. А на территории седьмой школы Пскова, что расположилась на самом берегу Великой, во дворе среди школьных хозяйственных построек скрываются руины и фундаменты Никольского Кожина монастыря. Не проходите мимо... Тем более, что остановиться здесь есть и более веские основания. Именно здесь во время оккупации Пскова фашисты устроили один из фильтрационных лагерей, где погибло немалое число псковичей и других советских граждан.

Взрыв был мощный

Кстати, с псковскими монастырями частенько происходили неприятности и целые трагедии, связанные именно с действиями неприятеля. Так в 1615 году Ивановский монастырь, а если быть точнее — Иоанна Предтечи, оказался захваченным войсками шведского короля Густава Адольфа, осаждавшими Псков. Здесь, на левом берегу Великой, были размещены артиллерийские батареи шведов, которые вели обстрел псковской крепости на правом берегу реки. А на территории Ивановского монастыря, наиболее обустроенного и подходящего, в деревянных постройках шведы разместили магазины — склады с боеприпасами и порохом. Но в один из осадных дней, а может, ночей все шведские магазины на территории монастыря взлетели на воздух. Существует версия, что это произошло по неосторожности охранников или тех, кто работал на складах, что вполне допустимо, ведь курение в Европе того времени, (а в войске Густава Адольфа было много воинов различных европейских национальностей. — Авт.), было распространено намного раньше, чем эту табачную заразу завез в Россию царь Петр. Кто-то бросил окурок, то есть, вытряхнул трубку со старым табаком, в сердцевине которого тлела искра, а там пороховая пыль и... Хотя, можно предположить и другое. Взрыв на пороховых складах шведской армии устроили смельчаки из

числа псковичей — защитников города. Правда, в любом случае их имена так и останутся в неизвестности. Так или иначе, но без артиллерийских припасов вести осаду стало невозможно и это тоже одна из причин поражения сильнейшей европейской армии того времени у стен Пскова. Монастырь же, пострадал очень сильно. Хотя главный собор монастыря уцелел и сегодня благополучно предстает на своем привычном месте в окружении лип. Которые, кстати, были посажены в середине 80-х годов, честно признаться, не на своем месте. Об этом, кстати, еще тогда предупреждала сажальщиков известный псковский искусствовед, личность поистине легендарная Елена Морозкина, говорившая, что через двадцать лет эти маленькие липы вырастут и закроют вид на собор со стороны города, его не станет видно со стороны реки Великой. Так и случилось. Сегодня выросшие липы почти полностью, вместе с макушками куполов скрыли за собой собор. А посадить их нужно было всего лишь чуть по-другому — со стороны заводских корпусов ... Что ж, возможно, вскоре эти липы просто спилят, а жаль — все могло бы быть по-другому, если бы послушали умного человека.

Несельскохозяйственное убийство

Девятиэтажка из красного кирпича на углу улиц Розы Люксембург и Петровской ничем особым была бы не примечательна, если бы не перестройка и не годы развала и безобразий... До того времени в ней спокойно размещались Управление сельского хозяйства Псковской области и соответствующие институты. Но в середине декабря 2001 года среди бела дня здесь был застрелен новгородский предприниматель Игорь Бодин, который вышел из здания управления вместе со своей женой, и спокойно было направился к своей машине, в которой его, так же спокойно, ожидали собственные охранники. До машины предпринимателю дойти не удалось: его расстреляли двое неизвестных, вооруженные автоматом и пистолетом. Жена бизнесмена, находившаяся рядом, не пострадала... А преступники скрылись, успев еще ранить и охранников. Кстати, очень интересно, что девятиэтажка бывшего сельхозуправления стоит буквально напротив здания областного и городского суда. Но чей-то суд над предпринимателем свершился таким вот образом.

Вход в прошлое

Идем по тротуару Советской улицы от Октябрьской площади к церкви Николы со Усохи, которая белеет своими стенами за сверкающим стеклом и огнями современным ЦУМом. Огибая полукруглые формы храма, видим, почти сталкиваемся с маленькой пристройкой, открывающейся двумя полукруглыми столпами прямо на тротуар, как бы призывая прохожих зайти, ведь эта пристройка очень похожа на вход... Но, войдя внутрь, любопытный прохожий упрется в стену, задавшись мыслью: а зачем же здесь вход, если нет двери, а только побеленная гладкая стена? На самом деле ни тайной, ни явной двери тут быть и не должно. Эта пристройка — часовня. И, по мнению некоторых историков, это не она стала пристройкой, а церковь Николы была позднее пристроена к часовне, которая

называется Неугасимая свеча, потому что здесь на протяжении долгих столетий, постоянно, невзирая на погоду и время года, горел огонек лампы перед древней чудотворной иконой св. Николая, которая была написана прямо на стене, в специальном иконном углублении. Огонек лампадки давно не теплится, не видно и иконы. Но вход здесь все же есть... в прошлое. Попробуйте войти и вспомнить.

Пещеры с сокровищами

Давайте пойдем дальше по набережной Великой. Видим довольно оригинальное сооружение, будто врастающего в высокий речной берег, отчего ряд широких ворот в больших полукруглых арках похожи на таинственные пещеры, уходящие вглубь земли и таящие несметные сокровища. Сокровища там действительно есть... В 70-80-е годы прошлого столетия Псков заслуженно носил славу гребной столицы России. Тогда река Великая была настоящим водным стадионом, на котором готовились чемпионы не только страны, но и мира по гребле на различных видах спортивных лодок: академических, байдарках, каноэ. Две спортивные базы: «Спартак» и «Динамо», расположенные на разных берегах реки не только готовили отличных спортсменов, но и просто давали мальчишкам и девчонкам из Пскова хорошую спортивную закалку. В 90-е годы слава гребной столицы Псковом была потеряна, тому способствовали разные обстоятельства, но самое главное, что мы все потеряли даже большее — огромную страну СССР. И сейчас мы стоим у бывшей спартаковской гребной базы, от былой славы которой осталось немного... Хотя по старой памяти в Псков на соревнования еще приезжают гребцы из других городов, да и структура школы олимпийского резерва еще сохраняется. Но этого, к сожалению, мало... И пскович Сергей Матвеев, олимпийский призер, — это своеобразная «последняя ласточка» тех псковских спортсменов, которые вышли на самый высокий уровень спортивного пьедестала.

У Василия на Горке

В раскопе возле храма Василия на Горке в 2005 году археологи обнаружили несколько десятков кошачьих черепов, на них специалистами были обнаружены надсечены крест на крест, по мнению специалистов, это одно, если не единственное дошедшее до нас свидетельство процветавшего в древнем Пскове, а более всего в 16-17 веке ремесла по добычанию кошачьего меха, который ценился в ту пору очень высоко. Это предположение археологи подтвердили и тем, что нашли рядом инструмент для сдирания шкур... Кроме того, археологи получили данные, что этот район Пскова с 15 века был крупным ремесленным центром. А восстановительные работы на церкви Василия на Горке принесли и новые исторические находки. Реставраторы, работавшие на объекте, были растроганы до глубины души, когда в толще стен, в одном из каналов выгнивших связей, обнаружен детский гробик, в котором был захоронен младенец. И хотя его костюмчик и туфельки хорошо сохранились, возможно, мы никогда не узнаем имени младенца и его родителей, которые, по всей видимости, были людьми близкими к приходу этой церкви. Однако сама находка, по мнению известного псковского искусствоведа

и историка Игоря Лагунина, весьма символична... Этот интереснейший и очень живописный храм, по преданию был построен на горке среди болот в начале 15 века, на месте ранее здесь стоявшей деревянной церкви. Рядом находилась Васильевская башня крепостной стены Среднего города, на которой висел большой сполошный колокол. Позже в своей истории церковь Василия на Горке была и старообрядческой, и приписанной к церкви Николы со Усохи. В конце 90-х годов прошлого века школьники, устроившие вандальные пожары в этом храме, стоящем в самом центре Пскова, сами того не ведая, выявили критическую аварийную ситуацию с этим древним строением. В результате реставраторам и строителям пришлось не только устранять последствия пожара, но и реставрировать весь храм. По предложению архитекторов восстановлена колокольня, именно такую, какой она была в 18 веке. И теперь, после обновления, хочется надеяться, церковь получит долгую новую жизнь.

Вундеркинд с ядерной закалкой

Этот памятник на углу Октябрьского проспекта и улицы Гражданской не просто малозаметен, о нем чаще всего просто не упоминают, и экскурсоводы не говорят о нем ничего в своих рассказах о Пскове. В лучшем случае прогуливающиеся парочки, да любознательные пенсионеры подходят к серо-коричневатой стеле, увенчанной бюстом человека, где могут прочесть, что таким образом здесь выражена память псковичей об академике Исааке Кикоине, который нашел себя в исследованиях ядерной физики. И все... Мало кто знает, что еще в детстве этот мальчик, сын учителя математики, был настоящим вундеркиндом, готовым перевернуть научный мир, и еще в школе, зная, чем будет заниматься в дальнейшем. В землемерное училище юноша поступил сразу на третий курс, потом был политехнический институт и далее — взлет его научной деятельности. Псковский вундеркинд стал членом-корреспондентом Академии Наук СССР, дважды Героем Социалистического труда, имел семь орденов Ленина и многие другие награды...

Маймин

На здании нынешнего здания факультета русской филологии давно бы пора повесить мемориальную доску или поставить памятный бюст учителю, который здесь читал свои лекции. Евгений Александрович Маймин — его жизнь и труды уже превратились в легенды, которые передают те, кто его знал, кто учился у него, а молодым, пришедшим в филологию уже после учителя, остается только сожалеть, что они не застали его при жизни в силу своей молодости. В своих лекциях он показывал не только русскую литературу, но и саму жизнь, неразделимость искусства и жизни. Поэты и писатели, о которых он рассказывал, оказывались нашими современниками, жившими в соседней квартире, за стенкой, пившие чай и гремевшие столовыми приборами... Легенд о том, как он учил понимать и познавать литературу, жить со словом в тесной дружбе множество. Это лишь

одна из них. После окончания университета молодой Маймин стал преподавать в Ломоносовском мореходном училище, где учились парни на штурманов и механиков. И после его лекций по литературе из этого учебного заведения стали выходить не только будущие морские волки, но и... профессиональные литераторы: псковский писатель Александр Бологов и петербургский поэт Николай Беседин — одни из той «золотой» майминской курсантской литературной плеяды. После своего ухода из жизни Евгений Александрович оставил не только литературную школу в науке, но и тысячи учеников, которые творят добро и по сей день, потому что учились у самого доброго учителя.

Площадь Победы

Одно из самых интересных мест города — площадь Победы. Названа так, естественно, в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Подобные площади ранее были практически в каждом городе Советского Союза. И все же, псковская имеет свои особенные черты и отличия, у нее даже Вечный огонь непростой... До лета 2010 года площадь выглядела несколько по-другому, с центральным кругом в виде клумбы, которую огибает потоки машин. На эту центральную клумбу претендовал не один памятник. В декабре 2004 года в Пскове в зале управления строительства и архитектуры работала выставка конкурсных работ на проектное предложение по установке памятника в честь 60-летия Победы. Всего было семь проектов, но жюри не дало первой премии никому, поскольку, якобы представленные проекты не в полной мере оправдали ожидания жюри. Второе место было присуждено проекту, в авторскую идею которого входила бронзовая фигура псковского барса, душащего в лапах змею. Памятник, планировалось установить в самом центре площади Победы, именно на месте цветника, круглой клумбы. Где за год до этого, в 2003 году планировали поставить один из памятников княгине Ольге, которых в юбилейном году у Пскова получилось целых два. Но об этом другая история. В результате памятник народной славе и героизму на площади Победы все же родился, но позже. В 2010 году Пскову присвоено звание Города воинской славы, и в городе появилась стела в честь этого события, возведённая на средства государственного бюджета. О её архитектурных особенностях говорить не имеет большого смысла, поскольку это типовой памятник, который на очень высоком уровне решено устанавливать в городах, носящих звание Города воинской славы... Просто он встал на место, где должен был стоять другой памятник.

Вопрос с клумбой был решен. Но мемориальная часть площади все же так и остается недоделанной — тот уголок, который посвящен партизанам и подпольщикам, боровшимся с фашистами в тылу врага — партизанский уголок. Остается неполной и галерея Героев Советского Союза, барельефы которых в полном составе должны висеть на каменной крепостной стене Пскова, проходящей по площади. С удовольствием перепису эти строки в другом издании, если что-то изменится в лучшую сторону.

Монумент, который был открыт в честь 30-летия Победы, в комплексе площади Победы сделан с использованием стволов настоящих боевых зенитных орудий, прошедших войну и утилизировавшиеся из воинских частей в послевоенные десятилетия — настоящее монументальное произведение искусства. И вот уже более 35 лет у подножия монумента горит Вечный огонь, зажженный 23 июля 1974 года, в дни празднования 30-летней годовщины освобождения Пскова от фашистов. Пламя было не просто зажжено от обычной спички, а привезено из Ленинграда, как часть ленинградского Вечного огня, в специальной чаше, установленной на бронетранспортере Воздушно-десантных войск. Сопровождал доставленный огонь коренной уроженец Псковщины, бывший партизан и учитель Виктор Мягков. На протяжении двух десятилетий это был один из главных мемориалов города, где по заведенной традиции в памятные даты выставлялся и Пост №1 из военных и пионеров. Правда, в 90-е годы прошлого века в бреду лжедемократических переустройств был забыт и Пост №1, и сам Вечный огонь предлагали притушить из экономии. Именно в те годы у местных беспризорников и бомжей вошло в привычку греться у этого пламени во время холодов. Только более десяти лет спустя, в Пскове у Вечного огня Славы был восстановлен символический Пост №1 — почетный караул из юноармейцев заступил на службу в феврале юбилейного для города 2003 года. И с тех пор пост регулярно выставляется в торжественные и памятные дни. Юноармейцами становятся победители городских и областных финалов игры «Зарница», воспитанники военно-патриотических клубов города. Хочется надеяться, что Вечный огонь останется в Пскове вечным, и попыток его загасить, даже на время, больше не будет.

* * *

Нас подбили над родиной где-то...
Здесь особые право места.
Роща в русскую осень одета,
И в озерах вода так чиста.
Так чиста, так прозрачно-печальна.
Как от чашки восходит парок.
И бодрит холодком неслучайно! —
Первый утренник, как сахарок.
Оперевшись на купол, качнемся,
Зачерпнув парашютом озон.
И от ран мы с Серегой очнемся,
В новый, кажется, падая сон.
Там — стернею топорщится жито.
На меже позабыта соха.
Там — пунцовая клюква нашита
На зеленых подушечках мха.
Призовут нас на райские сушки,
И на чай призовут, но пока...
Словно ангел крылом у опушки
Машет девочки русской рука.
Подо мною парит золотая,
Золотая Россия моя!
И все выше и выше взлетает,
Потому ли, что падаю я...

НО НЕ СДАЕТСЯ БАРАБАНЩИК КОЛЯ

Так пелось в песне — «В лунном свете штык.
Слеза прольется и на грань щекою
Прокатится». Но паренек привык
Петь: «Не сдается барабанщик Коля».
Что ж, так на слух легло, и песня пусть
Ему-то в общем нравилась не очень,
Что там любовь какая-то и грусть,
Но про него там пелось — это точно.

И он горланил аж до хрипоты,
Он непременно всех старался боле,
Когда тянули дядьки и братья,
Что не сдаётся барабанщик Коля.

Ах, как он счастлив был и горд тогда,
И пацана разубеждать не стали.
И даже в шутку, просто, иногда
Его слова при нем же распевали.

И тут же он солдата-новичка
Подбадривал мальчишеской рукою,
И пел дискантом строгим мужичка,
Что не сдаётся барабанщик Коля.

И если кто вдруг скажет что-нибудь
С усмешкой, он уже и драться
Готов. А после руку, знаете на грудь
Положит, скажет: «Ей богу, братцы,

Не посрамлю!» — Глаза его горят.
А все ему: «Не в этом дело, в песне».
Но про слова ему не говорят —
Он сирота, войны суровой крестник.

Но вот однажды в крепости сырой
Окружены и вынуждены сдаться
Все — все. Как все же, тяжело порой
Нам выбирать — сдаваться или стреляться...

«Что пасть?! — Смешно, нелепо, будем жить», —
И командир всех вывел с белым флагом —
Его успели из исподних сшить
Своих рубах и вышли шаг за шагом.
И вот, в кольцо их приняли штыки,
И смерть уже отхлынула на время.
— Вы все сдались? — Спросили их враги.
— Не все, один — он не пошел со всеми.

Ему послышалось — в той песне все не так,
Но разве вразумишь ему такое! —
Нет слов таких, а он поет чуждак,
Что не сдаётся барабанщик Коля.

СТАРЫЙ ПСКОВСКИЙ ДВОРИК

Два столика седых, берёзы росчерк,
да девять покосившихся столбов,
забывших запах стиранных сорочек,
но сохранивших преданность рабов —
доверие верёвкам, что держали
бесценный груз, застиранный до дыр —
и простыней любви, и древней шали,
хранящих запах обжитых квартир...

Как тени на заброшенной картине —
уже в забвении, но ещё в миру —
застыли посреди людской пустыни
столбы в поклоне старому двору

Николай Рассадин

1918

Страшнее не было утраты,
Но очевидно вышел срок.
Все мы той армии солдаты,
Все мы шагнули за порог.

И нам, в бою неискушённым,
Кому кресты, кому кресты,
Войною той душелишённым,
Придёт пора сжигать мосты.

И рукописи, и наветы
Всё прогорит. А берег тот
Небрежно примет эполеты
И солнце больше не взойдёт.

Весна семнадцатого года:
Капель и колокольный звон.
Не святы больше для народа
Ни царь, ни скипетр, ни трон.
Алеют пятнами петлицы,
Предвестницы кровавых рек...
Октябрь исказит их лица
Гримасою, почти на век!

СЕМЬ ЦВЕТОВ, СЕМЬ ДНЕЙ, СЕМЬ РУЧЬЁВ, СЕМЬ НОТ...

Семь цветов, семь дней, семь ручьёв, семь нот.
За семь долгих лет до красного понедельника,
С якорей снимался балтийский флот,
Поправляя крест нателный под тельником.

Проходя под радугой гряньте марш,
Впереди просолённых странствий месяцы,
Кто-то будет ядрами смолот в фарш,
Кто-то от тоски на рее повесится.

Бело-голубая соль четверга,
Выступит на каждой детали брига...
В Питере декабрь, мороз, снега,
В кабаке спивается поп-расстрига,

Этот ли кричал в паруса псалмы
И крестил кормы золотым распятием?
Если Бог позволит, вернёмся мы,
Обретём прощенье в его объятьях.

Воскресенье. Господи дай мне си...
Кожи цвет становится фиолетовым.
Семь цветов, семь дней — в один ком меси —
Семь ручьёв, семь нот, моряками спетыми.

СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖЕЧКА

Памяти О.А. Калкина

Все-таки барыня порошинская добрая была. Ксения Андреевна. А могла бы, могла возгордиться-то! Как-никак сам царь-государь в гости к ней приезжал. От города до Порошино — шесть верст с гаком, но однако станция железнодорожная. Остановился там раз царский поезд. Начальство — на перрон, крестьян согнали, все — шапки долой. Дорога до имения ковриком постланная, чтобы, значит, Их Величество мог сапожек не замарать.

И в лес тоже половичок. Царь-батюшка очень до природы охоч был.

А бабка Маслиха уже в те годы Маслихой была. Хотя ее еще об те времена Авдотьюшкой кликали. Возраст-то все ж поменьше считался, чем теперь.

Очень Ксения Андреевна — барыня — Авдотьюшкино маслице любили. Это целый процесс получался, научно выражаясь, как Авдотьюшка масло свое взбивала. Была у нее специальная маслобойка такая, какой ни у кого окрест не имелось. Из натуральной березы, и стояла всегда на солнце, чтобы дерево сохло. Высушена была так, что аж щелкало.

И вот сделает, бывало, Авдотьюшка свежее маслице да в господский дом и несет. Через аллею дубовую, мимо пруда — барыне на крыльцо. Ксения Андреевна пробу снимут серебряной ложечкой, глазки закатят. Вкусно, значит.

— Ты, — говорит, — Авдотьюшка, в дом-то не заходи. Пахнет от тебя. По-дожди тут чуток.

И с лакеем рубелек серебряный вышлет. Добрая была барыня Ксения Андреевна. И лакей у них важный такой. По-французски, как птица, поет:

— Же в узел, же в узел, я вас люблю, мадмуазел, — и свидание назначает вечером у овина.

А Авдотьюшка тогда ух и хороша была! И личность, и наличность, и статья — все при ней. Полдеревни сохло. Вот и лакей у барыни туда ж. Хоть масла не носи.

— Ну почему, почему вы не пришли к овину, проказница? Я вас так ждал.

— Дак холодно было и поздно.

— Мое сердце разбито, — жаловался лакей и уходил тискать Дуську-горничную. Для утешения, видать.

Так и жили. А в 1917-том году все с ног на голову возьми и перевернись. Вроде как Авдотьюшка чуть ли не барыней стала. По последнему декрету. Главным человеком в деревне — точно. В комитет бедноты ее избрали. И жизнь такая интересная пошла, что и не до масла Маслихе. Маслобойка ее знаменитая пылью покрылась. А в барских хоромах двухэтажных свинарник открыли показательный.

Мужики, правда, по несознательности рядились, будто школу б туда. Чтоб детишки в красоте росли. Так и что с того, что картины?! Свиньям тоже уют нужен. Не царский «прижим».

— Раньше ведь как было, — председатель ей рассказывал, Мишка Шебутов — главный безобразник в деревне что при царе, что при Советах. — У бабы одна дорога: от печи до порога. А таперь все дороги пред тобой, Авдотья. Кого на сеновал не пришла вчера? Ждал ведь.

— Не могла я.

— Контрреволюцию разводишь, Маслиха, нехорошо. А еще свободная женщина. Эх ты...

А до сеновала ли ей, Авдотьюшке, когда своя любовь на носу, Коленька.. И может быть, дети будут. А тут почему-то так получилось, что при царе треклятом все работало, хоть и эксплуатация, а при новой власти — свобода, равенство и братство, да только жрать нечего.

Председатель Авдотье саботаж и клеил, мол, барыне — масло завсегда пожалуйста, а рабочему классу — шиш! Вылетела Маслиха из комбеда как ошпаренная. Отряхнулась, перекрестилась:

— И шут с ним. От начальства подальше, себе поспокойней.

И как в воду глядела: Мишку-то Шебутонова, председателя комбедовского беляки в аккурат через месяц и шлепнули. А масло — оно всем масло, и белым, и красным.

Так и жили. И вот сидит как-то Авдотьюшка у себя на завалинке, семечки лузгает. Из комбеда ее хоть и выперли, а почет остался. Вроде как герой гражданской войны. А мимо по тракту женщина идет, в черном вся, в лохмотьях каких-то...

И что-то Авдотье в ней такое знакомое поблазнилось.

— Не признала, Авдотьюшка? — женщина говорит.

— Ксения А...

— Тихо, милая, не кричи так.

Барыня-то как постарела. За три года всего из цветущей женщины в старуху обернулась.

— Хлебушка нет ли у тебя? — Видать, голодная. Маслиха ей от всей души щей чугунок и вытащила. Ложку сует деревянную, чистую, а барыня:

— Да у меня своя. Только и осталось имущества, — серебряную ложечку достает и крестьянские щи кушает. Прямо из чугунка. Не брезгует...

— В Питер я иду, Авдотьюшка.

— Дойдете ли, Ксения Андреевна?

— Не знаю, милая. Но и здесь жить немоготу совсем...

Так Авдотьюшка и не узнала, дошла ли — не дошла ее барыня до Питера? Времена-то беспокойные, убили небось старуху лихие люди в первом же лесу. За серебряную ложечку.

А жаль. Барыня добрая была, хорошая...

ПСКОВСКИМ ВИТЯЗЯМ

*...И где гибли русские витязи —
вставали на Руси Храмы высокие
(из былины)*

Олегу Калкину

И распахнув объятье автотрассе
Навстречу Псковской выехать весне,
Где белый аист кружит в белом вальсе,
И белый Храм привстал навстречу мне,
Чуть сдвинув на бок шлем, в веках пробитый,
И показалось, в сумерках огня:
То воин, захмелевший после битвы,
Глаза прищурив, смотрит на меня.

А у черемух — пьяные объятья,
О встречный взгляд обжечься не хочу...
Уже сирень вот-вот примерит платье,
Зажжет каштан венчальную свечу.
Гуди, весна, играя куполами,
Греми, Гремячей выправляя стать.
Пусть навсегда останется меж нами
То, что ты мне успела рассказать:

Как разбивались о кольчугу стрелы,
Но враг напрасно метил самострел:
Летел над куполами всадник белый
И вдаль сквозь порох времени глядел.

Им не стоять на пышном пьедестале
Сгоревшим в схватке, в огненной пыли,
Тем воинам, что не легли, но — встали,
Здесь навсегда на рубежах земли.
Так поднимались Храмы, как поэмы...
А я опять все вижу издали
Чуть на бок лихо сдвинутые шлемы
Усталых победителей земли.

ДУЭЛЬ

*Гений и злодейство — две вещи несовместные.
(А. Пушкин)*

Поэту дали пистолет... Поэту — дали!
Заместо далей и карет, заместо талий,
Взамен гусарских эполет
Поэту дали пистолет...
И пулю круглую в живот
Поэту дали.

Поэту дали пистолет в живую руку,
Как будто может он держать такую штуку,
Чтоб осквернилась на века чужим предметом
Одна нежнейшая рука — рука поэта.

Поэт умеет восхищать и восхищаться,
Он может вызов принимать и отказаться,
Бокал шампанского пускать рукой по кругу,
И, без сомнения, держать другую руку,
Он может рифмой на ходу вас уничтожить...
Но убивать? Но убивать — поэт — не может!

Не в том тут дело, что рука его дрожала,
Что на ногах его земля не удержала,
Ведь если б даже он тогда убил Дантеса —
Он все равно бы не убил тогда Дантеса!
И, как бы там не изощрялась после пресса —
Он защищал бы честь поэта — от Дантеса!

И потому не он убил — тушите свечки!
И потому там кровь его, на Черной речке!
Виски сжимаю с наступающим рассветом —
О, лучше не был никогда бы он — поэтом!
Был светским щеголем,
Картежником,
Повесой...
Тогда бы он, наверняка,
Убил Дантеса!

ЗИМНИЙ ПСКОВ

Псков удивительный, картинный,
Весь белый, перистый, старинный,
Купеческий, сторожевой,
Плывет над башней часовой.

Как белое ему пристало,
В нем все клубилось и блистало,
Как в белом плыли купола,
Как грудь кремля была бела.

А я спешила к тем окошкам,
Где, может, ждут меня немножко.
Чтоб сердце городу отдать —
Всегда в нем кто-то должен ждать.

ПСКОВСКИМ НАЗВАНИЯМ

В расточительной зелени Пскова
Закружились церковью купола.
Храмы меряют платьев обновы,
Что росистая ночь принесла.

И летит и звенит над Великой
Тех раздольных имен благодать:
«Со усохи», гора Соколиха,
Где встал Невский, просторам под стать.
А Мирожка звучит как морошка,
Снетогорский привстал монастырь
Так на цыпочках, так осторожно,
Что не смял придорожный ковыль.

А над улицей Радостной песня
И неспетая — вольно звучит.
Виснет Завеличье в поднебесье
И роняет на землю ключи.

Тамара Соловьева

РУССКИЕ КРЕПОСТИ

Крепости русские — башни, шатры их и стены —
Время разрушило больше войны и беды,
Но средь земного разора, духовного плена
Нам они видятся чашами чистой воды.

В прошлом остались сраженья и пламя пожаров,
В прошлом — победы, а ныне — забвенье и тлен;
Лишь коробейники россыпи ярких товаров
Снова разложат у кровью пропитанных стен...

Старые крепости башнями тянутся в небо,
Дружат с ветрами, дождями: такая судьба —
Быть побелёнными временем будто бы снегом,
Ждать, когда вновь позовёт боевая труба...

« И БЫСТЬ СЕЧА ЗЛА...»

*И бысть сеча зла, и треск от копий лом-
ления, и звук от сечения мечного, яко же и
озеру промерзшию двинуться. И не бе виде-
ти льду: покры бо ся кровию.*

(Из старинных летописей)

Нам негоже ходить под врагами, одетыми в латы,
Александр дружину за Русскую землю ведет.
Берегитесь, псы-рыцари, в шлемах зловещих, рогатых
Нынче солнце — не солнцем! — возмездием к небу взойдёт.

Враг надменен и горд, но он будет бежать от погони,
Оставляя надежды и взятые в плен города.
Загребая копытами лёд, к небу вздыбятся кони,
Черным рыцарям — черною бездной чудская вода.

И когда у Вороньего Камня на Узмени солнце
Показалось едва, начиная привычный свой круг.
Грудью храбрые русичи ринулись в бой на ливонцев
И попятились те, удивляясь, как быстро бегут.

И на запад, на запад, на запад уносит их сеча,
И струится по русским челам с солью смешанный пот,
И сбиваются льды, всё на свете круша и калеча,
И от вражеской крови дымится и плавится лед.

«ЖИВОЙ, КАК ЖИЗНЬ...»

Путешествие «котловастого» камня

Выдающийся русский историк С.Ф. Платонов отмечал, что, несмотря на известность Пушкинского края, о его древнем прошлом мы знаем крайне мало. О том же еще в 1897 году писал археолог А.А. Спицын. В минувшие столетие в изучении древнего прошлого края сделано немало. По инициативе С.С. Гейченко в разные годы проводились раскопки в заповеднике и его окрестностях. Много сил вложил изучение и описание края историк М.Е. Васильев.

Наши земляки — кандидат исторических наук В.О. Терентьев и Н.М. Терентьева открыли новые страницы «о старом» в первом номере историко-краеведческого альманаха «Святогор».

В течение многих лет Вячеслав Терентьев и Наталья Терентьева вели самостоятельные полевые исследования одного из самых загадочных мест нашего края — Городка на озере Белагуль и прилегающих земель. Некоторые ученые не раз пытались ответить на вопросы о его прошлом, однако эти сведения отрывочны и крайне скудны.

Авторы альманаха впервые многостороннее исследовали местность и научно организовали обширный материал, отражающий как современный уровень наших знаний о древнем крае, так и о его недавнем прошлом — уходящем и ускользающем на фоне современных преобразований.

На основе комплексного подхода авторами тщательно описывается Средневековый город и его окрестности. Практически впервые к данной местности доказательно прилагаются такие общеисторические понятия, как Кром, Детинец, Оплестье, Верхний окольный город, Нижний окольный город, Внутренний посад, Внешний посад. Оказывается, основание Городка восходит еще к 1 веку — времени прихода славян-кривичей. В 9 — 14 веках здесь существовало значительное поселение с пригородами-слободами Рыбной, Стрелецкой Торговой, Конной, Мясной. Однако поселение разрушено татарами и литовцами в 14-16 веках. С этим связан перенос храмов и освоение нового места на Ворониче. А при Иване Грозном Городок прекратил свое существование. В отдельных разделах рассматриваются темы древних славянских захоронений — курганов, обнаруженных исследователями в ходе полевых работ

Самостоятельную отрасль знания представляет собой исследование культовых камней. В свое время, в 20 веке, их изучал С.Н. Ильин. При участии одного из его последователей — А.Н. Попова у нас в д. Марамохи найден камень с углублениями, условно названный «котловастый». С.С. Гейченко перевез его и расположил у дороги на деревню Носово, вблизи «Трех сосен». Разнообразные загадочные ритуальные камни найдены и нашими исследователями вблизи Городка, описаны с весьма подробными комментариями. Поскольку известны и

другие культовые камни на территории района, необходимы, по крайней мере, их учет, систематизация и изучение.

Зачастую названия населенных пунктов, озер и рек трудно объяснимы, так как утеряны «ключи» — многие древние исходные значения слов. Но следует учитывать, что Северо — Запад России в древности — место встречи разных народов на торговых или военных путях: славянских племен, варягов, гуннов. Позже — литовцев, шведов, немцев и поляков. Справедливо упоминается о нашествиях восточных народов, которые в поисках новых земель, источников питания и корма для скота в глубокой древности продвигались на север и запад.

Народы, как по кровеносной системе, разносили слова, выражения, которые подхватывались, сталкивались с местными наречиями и переплавлялись в нечто новое. В русском разговорном языке чужеродные слова настолько «обкатываются» и поглощаются, что часто теряют свой изначальный облик. Не случайно книга о русском языке К.И. Чуковского так и называется: «Живой, как жизнь». Например, в близком нам названии старой усадьбы и деревни Алтун, где имеется озеро с зеркальной гладью, сейчас трудно рассмотреть финское Аалото — (тихое, спокойное озеро, аатолар — русалка). Поэтому современное народное творчество ищет и находит более знакомые исходные варианты (типа Алтын или западноевропейское Альтон).

В названии нашей деревни Свинухи сейчас не слышно упоминания о бывшем на этом месте лагере шведов, которых местное население называло «швенохами» или «свенохами». (На старых картах Швеция именуется Свеей). А поздние поколения, забыв о шведах, называли деревню так, как было удобнее русскому произношению, заменяя «Ш» на «С». Но нередко были и случаи искажения исходных названий переписчиками, так как они воспринимали ответы населения на свои вопросы на слух. Вероятно, в чистом виде сохранилось только упоминание о литовском лагере — деревни Литово по пути в Новоржев. Примеров немало. То же и с названием озера Белогуль, конечно не имеющем никакого отношения к «белым гулям» или «бормотанью» речки Белогулки (эти толкования бытуют) — скорее наоборот.

Авторы справедливо усматривают во втором слове названия озера тюркское — куль (озеро). Осталось рассмотреть в первом слове тоже распространенное в восточных языках слово — балых (-к) (рыба). Когда-то озеро называли Балых-куль или Балыкуль. В русской разговорной речи за многие века оно «обкаталось» и преобразовалось в Белогуль — рыбное озеро, о чем свидетельствуют и приводимые в альманахе исторические данные.

Хорошо рассмотрены авторами альманаха восточные корни названия бывшей деревни Мажары — от тюркского мазар (кладбище), деревни Бюрюли — от знатного гуннского имени Иллак-Абн-Дуло-Бирюли. Мы полагаем, что в той же логике находится и название деревни Буруны. Бурун — также тюркское слово — нос. Этот выдающийся полуостров в озеро «нос», возвышенность на берегу озера, как таковой описаны авторами. «Нос» ясно просматривается на приведенном топографическом плане. Названия с участием слова «нос» нередки и на современных картах (Лисий Нос, Канин Нос, Святой Нос, и др.)

Весьма сомнителен упомянутый в исследовании вариант названия островка на озере — Буян. Подчеркнем, что, ни на старых картах, ни в литературе этого названия нет. Нет его и в известной книге «Пушкинские Горы» А. М. Савыгина, уроженца тех мест, который явно бы его запомнил. Но автор пишет иначе: «Озеро и в самом деле удивительное. Воды его чисты и прозрачны, богаты рыбой. Посредине украшены зеленым холмом островка. Не острова — их везде много, — а островка, так величают его в округе».

Буян — с нашей точки зрения, пример народного творчества, которое припоминает остров Буян в сказке А.С. Пушкина и, как обычно, пытается найти аналог художественного образа в действительности. И даже «присваивает» названия из художественных произведений. (См. об этом подробнее очерк «Загадка Лукоморья» в моей книге «Пушкинский заповедник: музей и жизнь».)

Но верить в легенды хочется...

«Мы должны неустанно помнить и беречь все здешние исторические места...» — этот завет создателя Пушкинского заповедника С.С. Гейченко авторы сделали своим эпиграфом к первому номеру историко-краеведческого альманаха «Святогор», и последовали ему.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ А.С. ПУШКИНА ПО ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ (новые материалы)

Наши знания даже о важных событиях прошлого нередко переплетаются с преданиями, слухами и легендами. Относиться это и к сведениям о пути траурного поезда с телом А.С. Пушкина из Петербурга в Святые Горы.

Даже в современных публикациях порой утверждается, что гроб с телом А.С. Пушкина якобы проследовал через «почтовую станцию» Врев. Некоторые авторы раскрашивают эту легенду упоминанием о знакомом поэту священнике Иларионе Раевском («попе Шкоде»), который будто бы встретил здесь процессию и «на руках» (!) нес его 17 верст, чтобы отслужить панихиду в приходской церкви деревни Воронич, а уж потом передал его в Святогорский монастырь. ...

При этом как-то забывается, что местное население в 19 и даже в начале 20 века мало что знало (за редким исключением) о «михайловском барине», а тем более о погребении поэта, которое, как известно, было тайным. А там, где тайна — благодатная почва для слухов.

Что же на самом деле происходило на Псковской земле в трагические дни февраля 1837 года? Известно, что сопровождать гроб с телом поэта из Петербурга в Святые Горы Николай I поручил Александру Ивановичу Тургеневу, близко знавшему Пушкина с детства. В 1811 году именно Тургенев посоветовал отдать мальчика учиться в Царскосельский Лицей. И на его же долю выпала печальная миссия сопровождать траурный поезд в далекую псковскую глушь — в Святые Горы.

«3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви Спаса Нерукотворного Образа с телом Пушкина в путь, — писал А.И. Тургенев своей

двоюродной сестре, — а к 9-ти часам вечера того же дня уже во Пскове». Здесь Тургенев встретился с губернатором А.Н. Пешуровым. Алексей Никитич ознакомил его с официальным письмом, где объявлялась воля государя императора, «чтобы Вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию, кроме того, обыкновенно исполняется при погребении тела дворянина». Указывалось также, что «отпевание тела уже здесь совершено». С этим предписанием Александр Иванович вновь отправился в ночную дорогу.

Траурный поезд благополучно миновал забытые сегодня почтовые станции Глоты, Орлы, и прибыл в г. Остров, где путников встретили исправник и городничий. Здесь к сопровождающим (жандарму, почтальону и «дядьке» Пушкина Никите Козлову) добавился чиновник. Таким образом, кроме А.И. Тургенева, за выполнение царского предписания отвечали три официальных лица, что исключало какие-либо отклонения от маршрута.

Выполняя волю императора, следовали быстро и кратчайшим, прямым путем. Поскольку участок Киевского шоссе между Островом и Опочкой был открыт только в 1849 году, старый почтовый тракт проходил по противоположному современной дороге берегу реки Великой. Дорога эта местного значения существует и сегодня. От Острова она идет в направлении старой дороги на Новоржев и вскоре, у д. Городище поворачивает к югу.

Старый тракт приводит из на берег Великой, где русло реки делает крутой поворот к востоку и через 5-6 км. вновь поворачивает на юг.

Старая дорога обрывается берегом Великой, где у впадения реки Синяя располагался погост Синское Устье. Деревня Синск и погост существуют и сегодня. Здесь находилась древняя, 16 века, каменная Покровская церковь (перестроена в 1878 году, ныне руинированная).

Далее путник продолжал путь по противоположному берегу, перебравшись к нему на пароме. Старая дорога на Святые Горы шла через деревни Огурцово, Вагали, Дарьино, Васильевское, Забоево. Сегодня прежний путь между Дарьино и Васильевским безлюден, но дорога эта еще просматривается. Только в середине 19 века ее заменила более надежное шоссе через Новгородку. (Не придавая этому значения, авторы путеводителей с начала 20 века обычно называют этот новый участок пути в 22 км. «старой пушкинской дорогой»)

В начале 19 века Синск был небольшой станцией на правом берегу Великой. Здесь к услугам проезжающих для смены должно было находиться шесть лошадей. А. С. Пушкин не раз останавливался здесь на пути в Псков. «Видел я в Синске некоторые нескромные гексаметры и сердечно им позавидовал», обмолвился он в письме к тригорскому приятелю Алексею Вульфу (7 мая 1826).

В декабрьские дни 1825, когда поэт мечтал быть с друзьями на Сенатской площади и тайно отправился в Петербург, разумеется, он не хотел привлекать к себе внимания на почтовой станции, а потому поехал окольными путями, через Врев, но, как известно, передумал и вернулся

Согласно последним данным, установленным сотрудником Пушкинского Дома С. В. Березкиной, в начале апреля 1836 А.С. Пушкин и сопровождавший его тригорский приятель Алексей Вульф, везли через Синск в Святогорский мо-

настырь гроб с телом Н.О. Пушкиной, матери поэта. Однако, вероятно из-за ледохода или весеннего разлива реки переправляться на другой берег было опасно, тем более, что далее дорога шла по низкому, а весной особенно топкому берегу Великой. Поэтому продолжить путь пришлось не по тракту и не на почтовых, а на «своих» лошадях.

За ними послали слугу к Вревским, в усадьбу Голубово (вблизи старинной крепости и села Врев), находящуюся от Синска примерно 15 верстах к востоку. Дорога между Синском и Вревом как полевая показана и на современной карте.

По описаниям дорог тех лет, почтовой станции во Вреве не существовало, но здесь жили близкие друзья А.С. Пушкина и его родителей — Евпраксия Николаевна (упомянутая в «Евгении Онегине» «Зизи, кристалл души моей») и ее муж Борис Александрович. Гроб с телом Надежды Осиповны повезли через Голубово и далее по прямой дороге (часть её используется и сегодня) в Святые Горы.

«В ту зиму морозы стояли страшные», — вспоминала одна из тригорских знакомых поэта М.И. Осипова.

Передвижение А.И. Тургенева в феврале 1837 года оказалось настолько срочным и быстрым, что после Синска одна из лошадей была загнана и пала.

Зимний путь («зимник»), удобный и быстрый прокладывался по замерзшей реке. По нему и следовала печальная процессия в Святые Горы.

Последней деревни на этом пути — Забоево — сегодня не существует. Однако на довоенной карте показана ведущая от нее к Вороничу и проходящая вблизи Тригорского дорога. Нужна она была потому, что при Забоеве находилась водяная мельница. Кроме того, весь правый берег Великой на интересующем нас участке представляет собой довольно высокий обрыв. Вблизи Забоева берега относительно пологие, возможно искусственно скрытые для переправы летом по мелководью. Поднявшись здесь на правый берег, путники через две версты рассмотрели впереди колокольню Георгиевской церкви на городище Воронич, возможно, приняв ее за монастырь. А.И. Тургенев подъехал к ближайшему дому, чтобы навести справки.

Дальнейшее мы знаем из рассказа дочери хозяйки Тригорского Екатерины Ивановны Осиповой: «Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ними длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям, видим, наш старый знакомый Александр Иванович Тургенев. По-французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенько дороги в монастырь и перезябши, вместе с везшим гроб ящиком, приехали сюда. Какой ведь случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы...».

Спору нет, легенды украшают жизнь. Но все-таки необходимо соблюдать границу между легендой и реальными событиями. Особенно когда дело касается заветных страниц нашей истории, связанных со священным для сердца каждого русского человека, именем Пушкина.

ПАМЯТИ ПОДЛОДКИ «КУРСК»

Минута дольше тянется, чем час,
Дни в дымке проплывают мутно-серой,
И Баренцеву морю в такт сейчас
Стучат сердца — с надеждою и верой.

Гонг слабо отбивает: «SOS!» Вода!
Спасите, умоляем, наши души!»
Им эхом вторит шторм: «Беда! Беда!»,
Девятым валом падая на сушу.

Мы в этот миг — единый нервный ком:
Готовы хлынуть слёзы, как лавина;
Отчаянье охватит нас потом,
Когда норвежцы люк на лодке сдвинут...

Ну, а пока страна родная ждёт,
На чудо, как обычно, уповая,
Они надеются: Отчизна их спасёт —
Хоть правду горькую уже, наверно, знают...

Оплачет сыновей Россия-мать,
Кляня за всё бездушную стихию,
А мы в душе им будем отправлять
Ответ на «SOS»: «Простите, дорогие...»

ПЛАЧ СЛАВЯНКИ

Наши деточки, наши росточки,
Повзрослевшие дочки-сыночки,
Никого нет родимей на свете,
Перед Богом за них мы в ответе.
Мы ль кровинок своих ни лелеяли,
В их сердца доброту ли ни сеяли,
Мы ли чад ни любили, ни холили
Иль напрасно их в чём-то неволили?

Мы ль ночами очей не смыкали,
Когда наши малютки хворали?

Вы простите, простите нас, дети,
Что сберечь не смогли вас от смерти —

Что амбиции чьи-то и глупость
Горьким горем для всех обернулись,
И что снова «горячие точки»
Вашей кровушкой тушим, сыночки...

Вы простите нас, дочки родимые,
Что делить меж собою любимых
На двоих, на троих вам придётся:
Дальним эхом война отзовется...

Я б хотела, чтоб всё было сном,
Я б хотела не верить в это!
Но уже новый век за окном,
А солдат погибает где-то...

Евгений Трофимов

НАД ВЕЛИКОЙ

Всё в окопах и траншеях,
В дотах, дзотах, блиндажах.
Дно траншей — в солдатских шеях,
Небо — в дымных виражах.
Сколько раненых, убитых.
Сколько горя, сколько слёз...
На Великой — лёд разбитый,
Кровью пахнувший мороз.
После боя — переправа.
Стала розовой вода...
Бой — не детская забава,
Жизнь уносит навсегда.
Но плацдарм уже захвачен
Там, на левой стороне...
Только так, а не иначе,
На войне как на войне.
Слякоть, дождь, в окопах сырость,
Смерть кружит у головы...
Боже правый, сделай милость,
Там, вверху, поговори!

Расскажи, как неохота
На рассвете умирать...
Нетуга тяжестней работы —
Трупы с поля убирать.

Выпить стопку фронтовую,
Да забыться хоть на час.
Да гармонь, да плясовую —
Жизнь один даётся раз!
Дай же, Боже, дай же силы,
И успех военный нам...
Эх вы, сопки чертовские,
Крепкий «Стрежневский плацдарм»!

ЗЕМЛЯ МОЯ

Мы исцеляем землю от недугов,
Её мы любим, как родную мать.
Она для нас была надёжным другом,
Ну как нам за неё не постоять?

Мы лечим землю, и она в награду
Нас поит, кормит, силы нам даёт.
И нам, землянам, жить лишь в мире надо,
Пускай война в зародыше умрёт!

Она нам о себе напоминает:
В лесу — «пантеры» злобные следы,
В траншеях — дух фашизма истлевает-
Земли не нашей горькие плоды.

Я не хочу такого повторенья,
Чтоб где-то снова сын не знал отца,
Земля — природы дивное творенье,
И буду ей я верен до конца.

Земля моя, одна во всей вселенной,
Где можно слушать песню соловья...
Нам нужен мир. Мир будет непременно,
И вечно будет Родина моя.

БЕССОННЫЕ НОЧИ

Город готовился к празднику — к Дню освобождения его от фашистских захватчиков. Накануне главных торжественных событий в городском Совете ветеранов войны и труда было организовано праздничное мероприятие. Среди гостей были участники войны, узники фашистских лагерей и блокадники, пережившие трагедию города на Неве.

Его тост за праздничным столом сразу выбился из колеи, обозначенной организаторами этой встречи.

— Я был лётчиком гражданской авиации. Мне было всего сорок семь лет, когда по профзаболеванию меня списали с полётов. Понимаете, всего сорок семь лет! Сначала я был инженером наземной службы, а уж потом стал летать. Лётную академию закончил. Мы с женой — вот она, сидит со мной рядом — вместе прожили пятьдесят лет. О нас писала городская газета. Я всё не о том. Меня списали из авиации по профзаболеванию. У меня сильный звон в ушах. Из-за этого я не всегда хорошо слышу. Опять я не о том. Из-за этого звона в ушах я часто просыпаюсь ночью и после этого не могу заснуть. И всю оставшуюся ночь я вспоминаю своё детство. Я в тридцать четвёртом году родился. Вспоминаю разные эпизоды и всё думаю, почему пришлось пережить такое трудное детство.

Инна, молодая журналистка, приглашённая на эту встречу, чтобы осветить её в газете, в которой работала, с интересом рассматривала говорившего. Среднего роста, загорелый, моложавый, никак не скажешь, что ему под восемьдесят. Крепыш. И седина в светло-русых волосах не бросается в глаза.

— Тост. Пожалуйста, тост, — поторопила ведущая, тоже не молодая женщина, но выглядевшая очень стройно и бодро.

— С двух-трёх часов ночи я уже не сплю. Нет уже многих моих одноклассников — Кольки Смородинова, Сашки Быстрова, Витьки Нефёдова — а я всё живу. Кто виноват, что их давно нет? — невозмутимо продолжил тостующий.

— Владимир Александрович, пожалуйста, тост, — снова прервала его ведущая.

— Хорошо, Татьяна Ивановна, сейчас. Мне хочется рассказать кому-нибудь о том, что думаю по ночам, пусть об этом напишут. Инна, — обратился он к журналистке, сидевшей рядом с его женой, — давайте я вам про всё расскажу, а вы про всё напишете.

Инна слабо кивнула головой. По молодости лет её не увлекало тяжёлое прошлое её страны.

— Давайте выпьем за то, чтобы наши дети, внуки и правнуки не пережили того, что пережили мы, — закончил лётчик, давно списанный в запас и мучимый бессонницей и воспоминаниями своего детства.

Мероприятие снова пошло, как ему положено было пойти. Инна, которой пятьдесят лет семейной жизни лётчика и его жены казалось чем-то нереальным, спросила её:

— Скажите, а вы когда-нибудь сердились на мужа так, чтобы хотелось навсегда от него уйти?

Самой Инне часто приходится испытывать такое желание, и ей хотелось узнать, не в великом ли терпении жены Владимира Александровича секрет нерушимости их долгого брака. Может, ей тоже следует быть терпимее к недостаткам мужа? Людмила Сергеевна, так звали жену лётчика, чуть призадумалась и, улыбнувшись, ответила:

— Нет, уходить от него никогда не хотела, а вот сковородкой ударить часто хотелось.

«Да, это счастливый брак. По-настоящему — счастливый», — сделала вывод молодая женщина.

Ведущая пригласила всех на фотосессию (модное словечко, входившее в речевой оборот), а проще говоря — сфотографироваться на память о встрече возле стенда, посвящённого ветеранам Великой Отечественной войны. Подуставшие уже сидеть за столом, гости охотно поднялись со своих мест. Инна хотела присоединиться к убелённым сединой людям, но Владимир Александрович удержал её за руку.

— Нет, вы послушайте меня, Инна. Мне хочется рассказать вам о том, что мучает меня ночами. Вы молодая женщина, вы не пережили того, что досталось пережить нашему поколению (и не надо, чтобы это всё повторилось), но знать об этом должны. Я местный, псковская земля — моя родина. Родился в деревне Тупы. Почему Тупы — потому что за деревней было болото, тупик. В семье был младший, и воевать, как самому старшему брату и отцу, мне не пришлось. Но беды и страдания, выпавшие нашей семье, хорошо помню. Они вспоминаются мне по ночам и не дают мне покоя. Непонятно за что, но перед войной всю нашу семью отправили в Сибирь. Мне было тогда четыре года, но я помню, как мёрз, как мне очень хотелось есть. Матери и отцу запретили брать лишние вещи и запас продуктов. Я до сих пор не могу понять, зачем Сталин был так жесток к своему народу. Мы же ничего плохого ни делали. Трудились на земле, пахали, сеяли. В пути отец заболел. Вместе с ним на одной из станций нас высадили из вагона. Отец велел матери возвращаться в Тупы в свой дом, не дожидаться его выздоровления. «Чем раньше вернётесь домой, тем больше шансов выжить», — сказал он матери. Дорогой мы побирались. Помню себя с протянутой рукой и постоянно голодного. Очень часто вспоминаю это ночами. А когда вернулись в деревню, то оказалось, что наш добротный дом занят двоюродным братом матери. Его жена сунула маме две хлебины и сказала, чтобы нас на пороге дома больше не видела. И вот чего я думаю, а не по вине ли маминого братца нас отправили в Сибирь. Ведь дом наш был хороший. Узнать бы об этом как-нибудь поточнее. Началась война. Мы оказались в оккупации. Отец ушёл с отступающими частями, а старший брат — в партизаны. Войну я помню ещё лучше, чем тридцатые годы. Ведь когда нас освободили, мне было уже десять лет.

Инну начал тяготить длинный рассказ бывшего лётчика. О войне ею прочитано итак немало. Что нового она может услышать от него? А задерживаясь за столом, она упускает дальнейший ход вечера.

— Владимир Александрович, — мягко прервала она воспоминания ветерана, — я вас обязательно выслушаю о войне, но не сейчас. Мне необходимо получить как можно больше впечатлений для своей статьи. Вы извините меня.

Фотосессия закончилась, но ветераны не спешили возвращаться к столу. Звучали мелодии 30-х и 40-х годов — песни и вальсы их молодости. Кто-то танцевал, кто-то подпевал, а иные разговаривали друг с другом, сочувственно глядя друг другу в глаза. Инна прислушалась к беседе двух женщин, продолжавших стоять у стенда ветеранам войны.

— Нас тоже угоняли на работы, — говорила та, что была пониже ростом, по сравнению с Инной — совсем маленькая. — Нас у матери было шестеро. Мне пять лет, я с тридцать седьмого. Старшей сестре тринадцать. И мать со всеми нами погнали на запад. Пешком шли в колонне.

— Мы тоже пешком шли, до самой Германии, — перебила её другая.

— А отставать, сама знаешь, нельзя: немцы не церемонились — пристреливали. Помню, один немец всё подгонял мать: «Матка, шнель, шнель». А то наведёт на нас автомат, а потом смеётся: весело было ему от нашего страха. Кирюшке тогда два годика было, по очереди несли его на закорках. От меня тогда толку мало было, но и я сотню, другую метров на себе его несла. Не знаю, дошли бы до Германии или нет, но нас в Латвии оставили батрачить. Фермер оказался злющим. Чуть что по лицу хлещет или пнёт. Бывало, от пинка далеко лечу. Мать всё старалась, чтобы я и Кирюшка ему на глаза не попадались. Работали много, а кормил он нас из одной лохани со свиньями, сам выливал из вёдер помой и другую бурду, чтобы мать до этого не успела бы оттуда чего-нибудь выхватить. Мать, рискуя, что свиньи руку сожрут, пыталась из лохани вытащить куски хлеба, картошку: что успеет, то и ели. Ослабела мать от плохой еды, и злющий фермер от нас отказался. И тогда к другому латышу определили. Тот фермер был хороший, кормил отдельно, но за столом. Да и среди немцев тоже разные были. Ещё до того, как нас угнали, помню, один немец поманит меня пальцем, подойду, и он мне конфету даст или кусочек шоколада. Как и Владимир Александрович, проснусь ночью — и всё о своём детстве да жизни думаю. Отца с фронта так и не дождались. Выросли сиротами. Нынешней молодёжи это не понять, — закончила женщина, посмотрев на Инну чистым взором выцветших голубых глаз.

«Какой светлый взгляд. А ведь много пережито», — невольно подумала Инна.

И ей отчего-то стало неловко за своё благополучное детство, за радужные годы студенчества, за обеспеченную жизнь, за богатую интересными впечатлениями работу. С лёгкой досадой подумала: «Как эти старики любят быть назидательными. В школе на уроках мужества учат, на улице учат, дома учат. Пойду лучше покурю».

Инна вышла на крыльцо. Там оказалось несколько сгорбленных стариков с медалями и орденами на груди. Они не курили, а, опершись кто на палку, кто на перила крыльца, вели свою беседу.

— Понимаете, восемнадцать атак отбили в тот день на этом пятачке. Когда начался бой, нас немало было в окопе. Но после каждой атаки чувствовалось,

как нас становилось всё меньше, всё дальше от меня отодвигалась стрельба моих товарищей. А когда была отбита восемнадцатая атака фашистов, мне показалось, что на всём этом невском пятачке я остался один. Пошли бы немцы ещё раз в атаку, и я бы уже был убит. Ночью, бывало, проснусь, как вспомню про этот бой, и всегда плачу.

Инна сошла со ступенек крыльца, чтобы не слышать воспоминания ветеранов.

В этот вечер она заснула легко, как обычно. А среди ночи вдруг проснулась. Сразу представилась измотанная трудами оборванная женщина, которая среди свинячьих рыл вылавливает размокшие куски хлеба, чтобы накормить ими голодных детей. Представился широкий берег реки, как поле огромное, и на нём в окопе всего один живой советский боец с воспалёнными от бессонницы и усталости глазами, напряжённо вглядывающийся в затуманенную от разорвавшихся снарядов даль с одним выражением на лице: ни за что не отдать врагу этот клочок русской земли! Представился босой мальчик с протянутой рукой и с огромными глазами на истощённом лице. Замелькали другие картины этого вовсе не далёкого прошлого, о которых она слышала, читала или видела в кино.

Нет, это не была ночь кошмаров. Это была ночь нового яркого осознания великих испытаний, выпавших на долю народа её страны, и его великого подвига, оставившего в бесконечном пространстве мировой истории свою яркую веху.

* * *

Тот прекрасный город над Великой
Называли просто: «господин».
Никогда не звался он «великим»,
Хоть достоин этого один.

Короли из Швеции и Польши
Пробовали прочность Псковских стен,
Но склонялись перед башен мощью,
И едва не попадали в плен.

Выдержав осаду за осадой,
Город возрождался вновь и вновь...
Снова разбегались вдаль посадки,
И сияли главы куполов.

Так красуйся над речною синью,
Не считая прожитых веков,
Западный форпост — оплот России —
Город, с непростым названьем — Псков!

* * *

Городище древнее над озером,
Крест старинный наклонился чуть...
Ладога, Изборск да Белоозеро,
Кривичи-славяне, либь да чудь.

Холм крутой усыпан анемонами,
Лебеди по озеру плывут...
Так и ждешь: под яркими знаменами
Трувора драккары приплывут.

И причалят у холма зеленого,
Где ключи Словенские журчат.
В воздухе, что пахнет анемонами,
Звуки чуждой речи зазвучат.

Не умрет старинное предание,
Если люди сердцем чуда ждут...
Пусть всегда, как будто в годы давние
Лебеди над озером плывут.

Александр Березов

БАШНИ

Время съедает камни,
Выпивает реки,
Вдыхает туманы,
Меняет цвет неба
И вкус хлеба.
Уставшими странниками
Дремлют башни
Век за веком.
Возможно, странным
Им кажется вид,
Когда они просыпаются
И в их узких глазах
Тень недоумения —
Внизу кривляются,
Плачутся-каются.. —
Внутренний холод
Верный призрак старения.

Глядя в воду
Можно увидеть прошлое
И забытые лица,
И заткнуть на груди
Пеплом ранку,
Ноющую к непогоде,
Когда, бросив чёлн,
Пересела в княжии сани
Смелая и гордая,
Бедная псковитянка.

На покатых плечах
Пыль, птицы и тяжесть,
Важность
Новых одежд —
Надежда на вечность.
Время ломает зубы
О мудрость башен,
Уходящих фундаментом
В твердь,
Где течёт бесконечность.

В розовом пухе
Завтрашнего прихода
Серовой ватой
Прижался к Пскове
День вчерашний,
Завидуя резкости и свободе
Собранному из крупниц
Монолиту башен.

И ВВЫСЬ ПО ЛЕСТНИЦЕ ВЕКОВ

«Светить всегда, светить везде, до дней последних донца...». Этот призыв — из «культурного слоя» первой половины XX века — от Владимира Маяковского. Что тут скажешь? Есть светильники ватт так на сорок — темновато с ними жить, скучновато. А есть светила, чья мощность позволяет разглядеть и глубину, и ширь бытия...

Гуляла я однажды по Летнему саду и колечко обронила. Вернулась по следам своим, но оно как сквозь землю провалилось. Ну, провалилось и провалилось, что тут попишешь. А на днях познакомилась я с археологом, профессором, кандидатом исторических наук Ингой Константиновной Лабутиной. И, представьте, порадовалась даже грядущим потерям (кто их минует?). Убедилась: «посеянные» нами колечки, монетки, часики потомкам в радость. Только вообразите: как-нибудь на заре третьего тысячелетия нагрянут в Летний сад археологи, «вооружённые» лопатами, ножами, кисточками и блеснёт им навстречу моё или ваше колечко, по которому они многое узнают о нашем времени и о нас. Впрочем, у грядущих искателей наверняка будет иной инструментарий. Уже в наши дни, благодаря разведке с высот небесных, учёные видят под землёй фундаменты зданий, заложенных в глубокой древности. Наша Инга Константиновна шестьдесят лет в «глубь веков» вглядывается, в глубь земли Псковской. Это сегодня она в науку ушла — над письменами корпит, труды научные пишет и редактирует. А прежде частенько с рюкзачком по городам и весям хаживала да со студентами, да с песнями: «Нам придётся с рулеткою, с нивелиром дружить. Нам придётся разведкою по полям проходить. Чтоб история на фактах крепла, чтоб вставляли из руин и пепла города, сожжённые врагами, погребённые в земле веками». И всё пешим ходом: тут тебе и связь с природой, и ... открытия.

Памятен круг из камней в Палкинском районе: «Жальник, ну точно жальник», — радовалась юная тогда Инга. Надо же, первая в жизни разведка и такая удача — древнее славянское захоронение! Блокнот достала, план чертить принялась с ориентировкой по сторонам света. А мимо колхозники с вопросом: «Что рисуете? Тю! Да тут у нас мельница была!». Вот тебе и жальник... Так что основательница псковской археологической школы с молодых ногтей усвоила: память народная к тому же обогащённая легендами, мифами, сказками — палочка-выручалочка в лабиринтах истории.

Путь к познанию псковской археологии Инга Лабутина (тогда Голунова) начала в 1952 году. Второкурсницу истфака МГУ «зацепило» признание А.В. Арциховского: «Я люблю Псков не меньше Новгорода». Артемий Владимирович в ту пору руководил в Новгороде раскопками и практикантами. Это был человек энциклопедических знаний, полиглот, он стоял у истоков археологической науки в Московском университете, с тридцатых годов возглавлял кафедру археологии

на истфаке.. Интересный факт из жизни учёного: он был консультантом при съёмках фильма «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна. «Итак, — вспоминает Инга Константиновна, — сентябрьским утром мы, студенты, из Новгорода приехали в Псков на экскурсию. Шли по Октябрьскому проспекту, обсаженному старыми деревьями, вдыхали аромат антоновки. Яблоками торговали везде. В Новгороде таких аллей не было и яблок — тоже: война сады повыбила...». Много времени ушло на знакомство с Детинцем, ещё не реставрированным после войны. Желание разглядеть Кром со всех сторон, привело молодёжь на Завеличье. Постояли у часовни святой Ольги на берегу Великой, откуда она, по преданию, увидела три луча над возвышенным мысом и повелела построить храм Святой Троицы. Тогда Инга ещё не знала, что совсем скоро примет участие в раскопках на территории Кремля.

Но вернёмся из Пскова в Новгород пятидесятых, можно сказать, на археологическую родину Инги Константиновны. «Душа на Волхове, сердце — на Великой» — такой вот поэтичной пословицей, дошедшей до нас из глубины веков, «закольцевала» она два старинных города.

В романтической археологии много черновой работы, сказал Артемий Владимирович Арциховский в «день открытых дверей». Конечно, бегать день-деньской по шаткой лестнице в раскопе, образно говоря, «в глубь веков» — нелёгкое дело, а ещё мотаться по разведкам, такая романтика на любителя. Очищать от вековых наслоений артефакты, дышать пылью веков, листая древние летописи, примерно таков производственный портрет археолога. Он — спец по топонимике, археограф, знаток архаичных языков, историк, краевед.

Москвичка и золотая медалистка Инга Голунова призналась на собеседовании в вузе, что хочет заниматься новой историей. Но летом 1951 года Россию всколыхнуло известие — 26 июля в Новгороде найдена первая берестяная грамота! Экспедицией руководил доктор исторических наук А. В. Арциховский. Драгоценный свиток нашла работница мебельной фабрики Нина Акулова, за что и получила премию -100 рублей. Теперь на месте, где найдена грамота, установлен памятный знак, а день 26 июля стал местным праздником — Днём бересты. Эта грамота в 13 строк была самым большим письмом из XIV- XV веков. Кстати, в тот сезон раскопок археологи извлекли из земли десять посланий из прошлого. (Кстати, на Неревском конце с 1951-го по 1962 год найдено 398 грамот). «Это меня вдохновило», — призналась Инга Константиновна. А когда кафедра археологии объявила набор студентов на раскопки в Новгород, решительно записалась. Правда, с опасением: вдруг не возьмут? Хотя надежда была: экзамен-то по археологии Артемию Владимировичу на пятёрку сдала. И вот он, Неревский раскоп (по названию племени нерева). Здесь студентка трудилась во время полевой практики в 1952-1954 годах как начальник участка, заместитель начальника раскопа. Руководила работами на Неревском XII раскопе два следующих года. Начальником Новгородской экспедиции был А. В. Арциховский.

Известный археолог, многолетний руководитель раскопок в Новгороде В.Л. Янин считал, что благодаря берестяным грамотам впервые слились воедино два мира, которые до тех пор лишь соприкасались друг с другом: мир летописных

событий русской средневековой истории и мир вещественных, археологических источников. Грамоты позволили по-новому взглянуть на многие стороны средневековой истории и культуры, осветив самые потаенные их уголки, заглянуть в которые еще недавно казалось абсолютно нереальным.

А вот средневековый Псков пока не может похвалиться таким обилием письменных артефактов из земли. Едва ли в приграничном Пскове было мало горожан, умеющих читать и писать. За всё время раскопок в Пскове найдено лишь восемь берестяных грамот. Почему? А потому, говорит Инга Константиновна, что в Новгороде древний культурный слой несколько иной. Влажная без доступа кислорода почва прекрасно хранит органику. В Пскове подобные участки есть в районе улиц Пушкина, Ленина, Профсоюзной. К тому же новгородские земли были обширнее псковских.

Первую псковскую грамоту 26 сентября 1958 года «раскопала» близ площади Ленина учащаяся вечерней школы Валентина Сергеева. Теперь здесь магазин, известный в быту как «стекляшка». Псковичи в то время работали в составе экспедиции Эрмитажа. Раскопками руководил Григорий Павлович Гроздилов — главный хранитель отдела истории первобытной культуры. Кусок бересты, извлечённый с трёхметровой глубины из ямки возле фрагмента печи, предназначался, должно быть, для растопки. После обработки послания из XII века выяснилось, что в нём сохранились лишь части слов: «солю», «де» и шесть букв.

И.К. Лабутина причастна к находке третьей берестяной грамоты — первой для неё в Пскове. Она была начальником экспедиции, состоящей, в основном, из студентов Псковского педагогического института. Молодёжь работала на раскопе там, где теперь вузовская столовая. На дворе стоял 1970 год, 15 июля. Тамара Карпеченкова и Павел Терашкевич при разборе слоя заметили свёрнутую в трубочку бересту, различили буквы на ней. В трёх строчках из-за плохой сохранности коры Инге Константиновне удалось разобрать только, что это письмо от Герасима с Кир... (Кириллом? Кириком?). На крыльях радости она «полетела» в Москву к М. Н. Кислову, заведующему камеральной лабораторией кафедры археологии МГУ. Художник и реставратор, он с 1951 года работал в Новгородской археологической экспедиции. Михаил Никанорович создал методику сохранения и реставрации берестяных грамот и внёс, как полагает Инга Константиновна, неоценимый вклад в дело их прочтения. М. Н. Кислов подтвердил: Инга правильно расшифровала «своё» письмо. Только через много лет И. К. Лабутина смогла подтвердить свою догадку: да, грамота «пришла» к нам из XII века.

«Через восемь лет, в 1978 году, и опять же 15 июля студентам пединститута Ларисе Кашниковой и Александру Новополину -рассказывает Инга Константиновна, — посчастливилось обнаружить, также в пределах улицы Ленина, четвёртое послание из средневековья. Оно читается почти целиком. Речь идёт про «двои сапоги» (две пары сапог), в тексте есть упоминание о других предметах быта, «звучат» имена.»

«Жизнь — учитель, а я в ней — ученик» — редкое признание для человека, прожившего долгие годы. И как оно созвучно с умозаключением Сократа: «Единственное, что я знаю, это то, что я ничего не знаю». Правда, многочислен-

ные ученики и друзья Инги Константиновны Лабутиной с лёгкостью оспорят этот постулат. Ученики и коллеги посвятили ей два выпуска сборников научных статей «Древности Пскова» с посвящением: «Инге Константиновне Лабутиной — известному археологу и историку России, одному из крупных исследователей Пскова, организатору экспедиционных изысканий, высококвалифицированному «полевику», прирожденному педагогу».

Кстати, учеников своих Инга Константиновна зачастую называет по имени-отчеству: школа незабвенного А. В. Арциховского. В 1954 году он, член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, декан истфака, автор учебника «Основы археологии», подарил его студентке с автографом: «Инге Константиновне...». А Инге Константиновне едва исполнилось двадцать...

В двадцать два госпожа Голунова (не удивляйтесь: «госпожа» — это одна из версий её имени) окончила университет, получив диплом с отличием. Её ждали в аспирантуре, но она отклонила лестное предложение. «Интуитивно, — комментирует Инга Константиновна сегодня, — хотела окунуться в живую археологию». В школе в Вологодской области, куда её направили по распределению, оказалось, что нет свободных мест. И тогда университет в лице её научного руководителя Артемия Владимировича хлопотал, дабы её приняли в Псковский музей-заповедник. Младшему научному сотруднику положили поначалу не слишком «хлебный» оклад — 45 рублей. Первое время жила вместе с археологической экспедицией государственного Эрмитажа в «шатре», в небольшом здании во дворе Поганкиных палат. Но в сентябре экспедиция съехала, оставив на столе букет из полевых цветов. И вот она, самостоятельная жизнь, — пора искать крышу над головой. «Крыша» нашлась на Паровозной, 3, у добрейшей Екатерины Евдокимовны Васильевой. Через два года музей выделил Инге угол в восстановленном после войны домике «Искры» на Плехановском посаде. Немного экзотики для коренной москвички: как и её ровесницы тысячу лет назад, девушка бегала на Пскову — бельё в проруби «мыть». К родителям в Подмоскovie летели добрые вести: «За меня не волнуйтесь, у меня всё хорошо». Так и правда славно: жизнь, что называется, ключом била.

Инга работала на раскопках в экспедиции Г. П. Гроздилова и Псковского музея в Кремле и на посаде. Также руководила археологическими разведками и раскопками в Псковском, Печорском, Палкинском районах. Со всей ответственностью относилась к обязанностям научного сотрудника музея, главная из которых — подготовка начальной части экспозиции по истории Псковского края. Пришлось «перелопатить» массу научной литературы, побывать на стажировке в Эрмитаже, посетить музеи Псковской области и Эстонии, много потрудиться в музейных фондах над археологическими материалами. А ещё — читала заочникам исторического факультета в пединституте курс «Основы археологии». И не стеснялась ставить неуды взрослым студентам. Один заочник при погонах даже обиделся: «Двойка — мне? Да как она посмела, эта девчонка?». А «девчонка» — единственный, но авторитетный специалист-археолог в Псковской области.

На 1958 год пришлось два интересных дела. Инга приняла участие в одном из первых проектов в Пскове архитектора-реставратора Бориса Степановича Скобельцына: как археолог вела наблюдения при восстановлении храма Святого Николы в Устье. Известный военный историк и писатель Георгий Николаевич Караев пригласил Ингу в Комплексную экспедицию, предпринятую по решению Президиума Академии Наук СССР, по уточнению места Ледового побоища. В состав экспедиции входили гидрологи, топографы, историки, аквалангисты. И. К. Лабутина отвечала за раскопки. Теперь каждый школьник знает, где именно славный полководец XIII века князь новгородский Александр Ярославич Невский со дружиною разгромил крестоносцев и вернул Псков России.

Кстати, с будущим мужем в те же годы Ингу познакомил «подвижник духа», создатель Древлехранилища Псковского музея Л. А. Творогов. Вот так, запросто, когда в кабинет к нему заглянул столяр Витя Лабутин — Леониду Алексеевичу требовались шкафы для древлехранилища.

«Виктор Иванович Лабутин достоин глубочайшего уважения, — абстрагируясь от семьи, поясняет Инга Константиновна. — Главное его детище — хранилище археологических находок, в котором сегодня много больше двухсот тысяч единиц. Виктор Иванович организовал систематизацию и размещение находок, ранее в большинстве своём хранившихся в ящиках». Историк В. Лабутин — один из авторов книг «Псков. Справочник для туристов», «Новгород-Псков», составителей «Атласа Псковской области». И, наконец, исследователь рода псковских купцов Поганкиных. А ещё — замечательный муж, отец, дед...

Инга поступила в аспирантуру Института археологии Российской академии наук в Москве. На годы учёбы пришлось замужество: в 1960 году Инга Голунова и Виктор Лабутин поженились. Свадебное путешествие молодые предприняли по верховьям Западной Двины и Ловати. Интересно, что эти голубые артерии — частица древнего водного пути «из варяг в греки».

В 1962-м у Лабутиных родилась дочь, которой дали древнеславянское имя Варвара. Варвара Викторовна — кандидат психологических наук. Внучка Татьяна Станиславовна — дипломированный филолог, училась в Санкт-Петербургском университете, занимается интернет-технологиями.

В 1964 году Инга окончила аспирантуру, её научным руководителем в аспирантуре был академик, доктор исторических наук Борис Александрович Рыбаков. В 1971 году Инга защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историческая топография Пскова XIV -XV веков». Диссертация легла в основу фундаментального труда, который увидел свет в 1985 году в издательстве «Наука». Существенно дополненная автором «Историческая топография Пскова XIV — XV веков» переиздана в 2011 году. Книга, адресованная историкам, краеведам, учителям, студентам и школьникам стала бестселлером, поскольку тираж её всего 800 экземпляров. «Историческая топография Пскова XIV — XV веков», по определению друзей, учеников и коллег Инги Константиновны, единственное полное исследование и обобщение письменных источников по всем памятникам города этого периода. Большая часть научных работ, а их у Инги Константинов-

ны более ста пятидесяти, посвящена истории и археологии Пскова и Псковской земли. Есть среди них и учебные пособия. Скоро увидит свет двухтомник «Древнерусский некрополь X- начала XI века», где ответственный редактор — Инга Константиновна Лабутина.

Во время учёбы в аспирантуре молодая семья жила в подмосковной Балашихе у родителей Инги. Замечательные были люди её папа и мама — Галина Александровна и Константин Николаевич. Сполна испили чашу испытаний, выпавших на долю их поколения. Когда началась Великая Отечественная война, Константин Николаевич записался на фронт добровольцем. Но его, инженера-химика, направили в город Чирчик под Ташкентом. Перед войной здесь был построен завод по производству удобрений. К пуску этого предприятия, как и ещё трёх подобных в стране, был причастен К. Н. Голунов. Галина Александровна, биолог по профессии, бралась в Чирчике за любую работу. «Я и моя младшая сестра Надя, — вспоминает Инга Константиновна, — всей своей детской шкуркой чувствовали ответственность перед родителями, которые трудились дено и нощно, и старались быть самостоятельными». В Чирчике, где семья жила ещё год после войны, Инга получила начальное образование. После войны Голуновы осели в Балашихе. Здесь Константин Николаевич вплоть до пенсии был директором кислородного завода. А квартира в столице «пропала» вместе с имуществом во время войны. К счастью, глава семейства сохранил многие документы и снимки — тяжеленный чемодан всюду путешествовал с ним. Вот перед объективом фотомастера из Чирчика две крохотульки в сатиновых платьицах — Инга и Надя, ещё «предвоенные» папа с мамой. А на этом снимке старшие Голуновы спустя тридцать лет — приехали в Псков внуку проводить.

Есть в архиве Инги Константиновны фото худощавого улыбающегося человека в спецовке. Это Г. П. Гроздилов. И он стал первым, кому удалось защитить раскоп от набега строителей, у которых всю жизнь планы «горели». Вот как сегодня комментирует эту ситуацию научная общественность: «В середине прошлого века археологу приходилось прилагать огромные усилия для проведения раскопок, так как система законодательных актов, защищающая памятники от разрушения, еще не сложилась».

В рамках проекта «Средневековый Псков по данным археологии», инициатором и руководителем которого выступила И. К. Лабутина, издан первый том «Раскопок в древней части Среднего города (1967 — 1991)». Коллективный труд посвящён памяти археолога Григория Павловича Гроздилова.

В 1967 году, когда Инга Константиновна получила свой первый Открытый лист (разрешение) на раскопки на улице Карла Маркса, ей удалось на основе правительственных постановлений, регламентирующих порядок проведения археологических полевых, в том числе спасательных работ, доказать необходимость оплаты археологических изысканий за счет заказчика строительных работ. С тех пор охранные раскопки, предваряющие строительство, проводятся в Пскове беспрепятственно. Благодаря подвижничеству Инги Константиновны и, как она подчёркивает, при активной поддержке центрального Совета Всерос-

сийского общества охраны памятников и местного отделения этой организации — культурный слой Пскова был поставлен сначала на местную, а в 1974-м — и на республиканскую охрану. Так были заложены основы авторитетной в стране археологической школы Лабутиной.

В общем, сидеть бы сейчас Инге Константиновне в кабинетной тиши и творить доброе и вечное во славу Пскова и науки — заслужила. Только как тут усидишь, если в городе закипают почти шекспировские страсти.

«Теперь вы помолчите, я скажу» — так распорядился на заседании Градостроительного совета в начале 2014 года, его председатель, глава администрации Пскова Игорь Калашников. Должно быть, его утомили возражения общественности на волонтеристское решение городских властей установить памятник героям Первой мировой войны там, «куда ткнул пальцем министр культуры Владимир Мединский». В обход как народного «веча», так и специалистов по культурному наследию. Член Градостроительного совета, Инга Лабутина сказала на заседании, что идея увековечения памяти псковских участников Первой мировой хороша. Однако у неё вызывает возражение непродуманное и необоснованное решение о месте установки памятника. «Нам не предложено никакого визуального материала. Если инициатор идеи, Военно-историческое общество, позиционирует себя как авторитетную организацию, то это общество должно было вместе с авторами памятника представить членам Градостроительного совета его идеологию и обоснование. Монумент размещают в охранной зоне Кремля, (в непосредственной близости от него) — между рекой Псковой и улицей Леона Поземского — в прошлом Званницей. В средневековом ансамбле, помимо Кремля, находятся церковь Космы и Дамиана, палаты Трубинских. Памятник никак не связан с этой территорией. Его установка здесь нарушит целостность восприятия, создаст дисгармонию. Городским властям, как мне представляется, нужно прислушаться к рекомендациям специалистов и выбрать иное, подходящее с исторической точки зрения, место».

Архитектор Владимир Шуляковский был согласен, как и другие члены совета, что обсуждение архитектурного решения монумента безусловно, включает в себя его привязку к местности. А вот ещё слово в подкрепление правоты И. К. Лабутиной: «Мое мнение: сохранение исторического облика — это правильно. Я за то, чтобы сохранять уникальную историю Пскова. И старину люблю». Никогда не догадаетесь, кто автор этого заявления! Да это же он, Игорь Викторович Калашников. Признание «прозвучало» на страницах одного из СМИ. Ну, так что же это — рецидив чиновничьей болезни под названием «сроки поджимают»? Но у И.К. Лабутиной есть опыт лечения подобного недомогания. Конечно, силы уже не те, однако доброе подспорье во всех делах — ученики. Да, Инга Константиновна Лабутина вырастила плеяду последователей, чьи имена вошли в науку. Это кандидаты исторических наук старшие научные сотрудники АНО «Псковский археологический центр» Елена Салмина и Борис Харлашов, заведующая отделом хранения археологических коллекций Псковского музея-заповедника Эльвира Королёва, преподаватель Псковского государственного университета

Ирина Колосова, директор ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области» Марина Кулакова, начальник научно-экспертного отдела этого же центра Татьяна Закурина. И как не отметить ещё учениц Лабутиной директора АНО «Псковский археологический центр» заслуженного работника культуры РФ Ольгу Волочкову и Елену Яковлеву, которая недавно возглавила новую структуру — Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия. Можно назвать ещё десятки имён её учеников, посвятивших себя археологии — Сергея Степанова, Сергея Салмина, Татьяну Ершову, Розалию Подгорную, Александра Михайлова, Надежду Малышеву ...

Студенты И.К. Лабутиной несут по жизни бережное отношение к отечественной культуре. Многие из них — выходцы из археологического кружка, организованного ею в пединституте без малого пятьдесят лет назад. Инга Константиновна, по словам её ученика Льва Шлосберга, остаётся для многих псковичей «центром профессионального и духовного притяжения. В десятках научных изданий стоит скромное: ответственный редактор И. К. Лабутина, составитель И. К. Лабутина. Это и есть — создание культурного слоя XXI века, от масштабов и мощности которого, по существу, и зависит судьба Пскова. И не только в культуре и науке».

Инга Константиновна — Лауреат Всероссийской премии «Хранители наследия». За многолетний труд и большой вклад в формирование системы охраны историко-культурного наследия Пскова и Псковской области И. К. Лабутина удостоена высшей городской награды — медали «За заслуги перед Псковом».

ПСКОВЩИНА

Грозное побоище Чудского,
Рыцарям принесшее позор:
Гордость Пскова, Острова и Гдова
Мужество Изборска и Печор.

Как зима — История сурова.
Как весна прекрасна с давних пор
Слава Пскова, Порхова и Гдова,
Красота Изборска и Печор.

И восходит пушкинское Слово,
И выносит песни на простор —
Песни Гдова, Острова и Пскова,
Музыку Изборска и Пушгор.

И своими славными делами,
Псковщины раздвинув горизонт,
Вместе с Ольгой, вечно будут с нами —
Пушкин, Трувор, Невский и Довмонт.

ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ

Там, где Великая с дочкой Псковой
Слились в едином теченье, —
Старый собор на земле вечевой
Видит своё отраженье.

Стены под башнями Кром облегли, —
Служат, хоть воля иная, —
Будто внимают набату вдали
Ратную жизнь вспоминая.
Над берегами — полёт куполов,
Плавный, в ликующем свете.
Мягко срываются с колоколов
Вздохи прошедших столетий.

Вот он, великого времени дух,
Тот, что в столетьях родился;
Тот, что в народе ничуть не потух,
В душу его — воплотился.

СВ. АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ — СОЛНЦУ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В высокий час высоким песнопеньем
Любой народ и каждая страна
Произнесут с мольбой, с благоговеньем
Заветные святые имена.

У нашего российского народа
Один герой воистину велик.
И ярче, и светлее год от года
Его великорусский строгий лик...

Как будто бы душа твоя живая
Над всей страной, как яркая звезда,
С народом всю судьбу переживая,
Из века в век в пути его всегда.

Мы помним всё о времени суровом:
Как землю защищал ты от врагов,
Как рыцарей топтал ты подо Псковом,
С триумфом возвратившись в гордый Псков...

Идя по неизведанным дорогам,
Мы нынче растеряли пол-Руси.
За свой народ, предстатель перед Богом,
В жестокую годину нас спаси.
Ты в каждый дом и в каждую обитель
Войди сегодня, в наши сон и явь.
Святой заступник, ангел и хранитель,
От наших бед немыслимых избавь.

СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО

Здравствуй, матушка моя!
 Сколько долгих лет
 ожидаешь ты меня,
 а меня всё нет.
 Я вернусь! Вот выйдет срок,—
 ты утри глаза,—
 вновь шагну на наш порог
 и под образа
 опущусь, перекрещусь,
 обниму тебя,
 и уйдут из сердца грусть,
 страхи за меня.
 Я вернусь! Растает снег,
 обнажит поля,
 и весна с замёрзших рек
 скинет якоря,
 и с озябнувшей души
 сбросит панцирь прочь:
 ты лампадку не туши —
 пусть горит всю ночь.
 Пусть горит! Увижу я,
 что ты ждёшь меня,
 и вернусь, свой путь пройдя
 с верою в тебя!
 С верою в любовь твою,
 матушка моя,
 сотню раз я повторю:
 — Здравствуй! Это я.

В НИХ «СЛЫШЕН СТОН ОСЛИНЫЙ...»

(неизвестные страницы из истории Бугровской мельницы)

*...Так только поет до рассвета
 Любимый Михайловский бор.
 (Николай Ольхин)*

Восприятие истории сквозь призму отдельной личности — применимо не только к Пушкину. Немало примечательных людей, живших на земле Свяготорья, обогатили ее историю. Биография одного из них, Николая Николаевича Ольхина, интересна и как судьба отдельной яркой личности, наделенной, среди прочего и поэтическим даром, и как возможность обратиться к истории Пушкинских мест в один из самых драматических периодов — годам революции и гражданской войны.

Дом мельника и мельница в деревне Бугрово... Они исчезли еще в довоенное время. Сейчас на их месте восстановлены музейные постройки, но...

Но остались легенды, которые будят воображение и заставляют нас двигаться в поисках фактов.

Каким же образом судьба Николая Ольхина оказалась связанной с судьбой Бугровской мельницы?

В 1994 году вышла в свет книга С.Д. Яковлева «Пред солнцем бессмертным ума...», благодаря которой в научный оборот был введен огромный массив ранее неизвестных фактов и документов, относящихся к периоду становления пушкинского музея. Но, кажется, что именно это значительное пополнение фактической базы поставило еще больше вопросов. Главное достоинство книги — убедительное доказательство тому, что ни одно из свидетельств современников не может считаться истиной в последней инстанции. Сам автор, кажется, не избежал влияния «Записок» В.В. Тимофеевой-Починковской. Более того, его оценка роли ряда личностей в истории носит еще более жесткий и однозначный характер.

В первую очередь, это относится к Н.Н. Ольхину: «Летом 1917 года в Опочецком уезде, к которому приблизился Северный фронт, так же, как почти везде в России, бушевали страсти, происходили бурные собрания. На политическую аре-

Н.Н. Ольхин

ну выходили люди, которых на Псковщине никто ранее не знал, но отличавшиеся активностью, напористостью, наглостью, сметавшие все на своем пути к власти. Среди них были большевик Карусин, свергнувший силой на волостном земском собрании его председателя Михайловского, человека уважаемого; известный бугровский мельник эсер Н.Н. Ольхин, которого вспоминает в своих записях Тимофеева-Починковская и другие.

Н.Н. Ольхин действительно был весьма колоритной личностью. Он писал стихи, о которых сам говорил, что в них «слышен стон ослиный», постоянно попадал из-за своего строптивого характера в различные истории. С первых революционных событий, мельник провозгласил себя начальником милиции и арестовал военного контролера Померанцева. Затем он выставил свою кандидатуру по списку №3 (эсеров). Вскоре вихрь бурных событий закрутил Ольхина и он исчез в водовороте революции. В его доме поселился новый милиционер. Такие люди были типичными представителями своего времени».

К сожалению, ни одной ссылки на свидетельства современников или же документы автор в данном отрывке не приводит.

Итак — мельник....

Спустя некоторое время нам повезло услышать и зафиксировать устные свидетельства местных жителей, помнивших бугровского мельника. В 2008 году вышла в свет книга Л.Г. Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи», в которой были обнародованы факты политической биографии бугровского мельника. В том же году произошло наше знакомство с потомками Ольхина: Владимиром Федоровичем Ольхиным и Еленой Владимировной Елецкой, живущими в г. Москве. В их домашнем архиве хранятся документы, связанные с жизнью и деятельностью Н.Н. Ольхина, а также тетради с его стихами.

В результате сложения фактов оказалось, что многие, изложенные в книге Яковлева «наблюдения», не более чем домыслы. Да и в целом, портрет «колоритного» мельника обрел более разнообразную и более светлую цветовую гамму, нежели та, в которой «живописал» упомянутый исследователь. Стереотип организатора бунта, «бессмысленного и беспощадного», рассыпался в прах. Иначе как, например, соотнести образ «напористого», «наглого», «все сметавшего на своем пути к власти» Н.Н. Ольхина с образом поэта Н. Н. Ольхина, в 1932 году, написавшем глубоко лирическое стихотворение «Тоска», пронизанное любовью к родному, пушкинскому, краю. Вот из него отрывок:

В застенках Бутырского рая,
Где солнца почти не видать,
Одна есть отрада, страдая,
В напевах тоску выливать.

Бывало, лишь только с востока
Заря совершает полет,
А я уж брожу одиноко
По берегу Михайловских вод.

Нет, нет, то не слезы поэта,
Не воля зовет на простор,
Так только поет до рассвета
Любимый Михайловский бор.

Вон там, в золотистом тумане,
Где вспыхнул цветущий пожар,
Избушка виднеется няни,
Объятая крыльями чар.

Там сказочно синие своды
Оденут свой звездный наряд,
И глянут в бездонные воды
И в них всю красу отразят.

О чем же вдруг Сороть забьется?
Кто звездную песню поймет?
Быть может, призыв раздается —
Что ж Пушкин на брег не идет?

(Бутырская тюрьма, 1932)

Возможно, это не шедевр, но далеко и не «стон ослиный». Точно так же, некоторые другие выводы в книге Яковлева и «Записках» В.В. Тимофеевой-Починковской требуют значительной корректировки.

Первый вопрос: где же родился Н.Н. Ольхин? Вопрос, на наш взгляд, принципиальный. По версии Яковлева, главными смутьянами, разрушившими идиллию Пушкинских мест, стали «люди, которых на Псковщине никто ранее не знал». То есть, выходцы из других мест. Доля правды в этом утверждении, конечно, есть.

В 1917-1918 гг. в стране активизировалась партия большевиков: «В провинцию отправлялись уполномоченные, с целью захвата власти на местах. Борьбе псковских большевиков за установление Советской власти в губернии повседневную помощь оказывал ЦК партии, направляя в уезды и волости из Петрограда большевиков — рабочих, солдат, балтийских моряков, присылая систематически инструктивные письма и телеграммы.

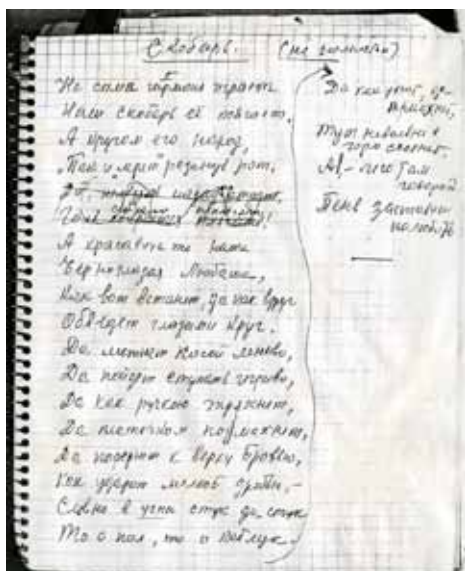
По указанию ЦК партии Петроградский ВРК только в период с 25 октября по 25 ноября 1917 года отправил в Псковскую губернию 42 агитатора.

В январе 1918 года среди отобранных ЦК партии для работы в деревне в разных губерниях 240 петроградских рабочих на Псковщину было направлено 5 человек. Один из них — коммунист И. И. Иванов, прибывший в Островский уезд, вспоминает, что перед отъездом, когда он с двумя рабочими получал литературу в Смольном, с ними беседовал В. И. Ленин. Он расспросил их, куда едут, интересовался, как будут вести работу среди крестьян? Ленин просил их доносить живое слово партии до каждого крестьянина, чтобы всем было понятно, чего партия добивается...

Но, во — первых, Ольхин состоял во враждебной большевикам партии социал-демократов. Во-вторых, согласно всем фактам, к январю 1918 года «мельник» уже покинул родное гнездо. И, в-третьих, определение «пришелец» к нашему герою не имеет никакого отношения.

В его рукописях сохранилась неоконченная поэма под названием «Скобарь». «Скобарь» — это прозвище главного героя произведения — Павла, в литературной «жизни» которого явно просматриваются факты биографии самого автора — Ольхина:

Не сама гармонь играет,
Наш Скобарь ее тягает,
А кругом его народ
Так и «мрет», разинув рот...

В тексте слово «Скобарь» написано с заглавной буквы, как имя собственное. По-видимому, по мысли автора, это кличка или даже фамилия героя, персонифицирующего в себе всех жителей Псковской губернии — «скобарей».

Николай Ольхин родился о в центре Псковщины в Новоржевском районе в сельце Незнанихе. В настоящее время этот населенный пункт исчез с карты Псковской области. Между тем, в XIX-XX веках сельцо находилось на оживленной дороге «Новоржев — Дубровы — Жадрицы».

Место это хорошо знакомо пушкинистам, так как: «Жадрицы — имение Пушкиных. П.С.Пушкин — декабрист. Проживал в Жадрицах с 1825 по 1835 гг. «Здесь он

встречался с А.С. Пушкиным, которого ранее ввел в масонскую ложу «Овидий». Существует также легенда о том, что Жадрино в пушкинской повести «Метель» «списано» с новоржевских Жадриц.

В особом почете Незнаниха находится и у новоржевских краеведов, так как изначально возникла как родовое имение помещиков Бухвостовых. Самый известный незнанихский владделец — герой Цусимы Николай Михайлович Бухвостов, родившийся 2 мая 1857г и похороненный на погосте Дубровы. «Капитан 1 ранга командир эскадренного броненосца «Император Александр III». Имел награды: ордена и медали: «Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 и 3 ст., Св. Станислава 2 и 3 ст., серебряную медаль в память царствования Императора Александра III, прусский орден Красного Орла 4 ст., французский Орден Почетного Легиона Кавалерского Креста, Мекленбург-Шверинский орден Вендской Короны 4 ст., французский орден Офицерского креста, золотой перстень с драгоценными камнями, португальский орден Бенедикто-Овизского Командирского креста».

Доживал свой век Бухвостов в родном сельце.

Здесь с ним, человеком, заслужившем и награды, и лавры, и почет, встречался будущий герой другого времени — юный Ольхин. Но, кажется, военная карьера и защита Отечества не прельщали крестьянского паренька. По примеру своего однофамильца А.А. Ольхина, народовольца и автора знаменитой «Дубинушки», Николай с головой окунулся в стихию революционной борьбы и поэтического творчества. Но сначала он закончил земскую школу и уже в возрасте 15 лет обратил на себя пристальное внимание карательных органов.

В материалах Учредительного собрания отмечается: «Ольхин Николай Николаевич. Из крестьян. Окончил земскую школу. Мельник. Поднадзорный с 1903, эсер. 11 раз подвергался обыскам».

Раннее ли чтение, взросление и романтика борьбы за «Землю, за Волю, за лучшую долю» — черты, характерные для людей того времени.

В 1905 году Ольхина подвергают аресту и осуждают по ст. 129 Уголовного уложения, которая предусматривала наказание за произнесение или чтение публично речи или за распространение или публичное выставление сочинения или изображения, возбуждающих: «...к учинению бунтовщического или изменнического деяния; к ниспровержению существующего в государстве общественного строя».

Об этом эпизоде в бурной биографии «мельника» сообщает В.В. Тимофеева-Починковская в мемуарных записках «Шесть лет в Михайловском», в связи с происходившими Святых Горах выборами в марте 1917 года: «Но выборы идут туго. «Вожаков хороших» совсем не оказывается.

— Почему же вы Ольхина не выбираете? Он ведь хорошо защищает вас, — говорю я стоявшим рядом со мной. «Что, не гош и он, в ём тоже неправильность есть», — отвечают мне.

«Они с отцом своим оба в острогах сидели... За худые дела привлекались к суду», поясняет кто-то в толпе. А баба все крестится и умиленно вздыхает, глядя на высокую, сухощавую фигуру оратора в заплатанном пальтишке и меховом картузе, из-под которого сверкают беспокойным огнем горячие черные большие глаза на бледном и худом лице «полуинтеллигентного пролетария».

«Худые дела» — это революционная деятельность Ольхина за светлое будущее трудящихся и крестьянства. Еще один «острог» под названием «Бутырская тюрьма» был у Ольхина впереди: во времена развитого сталинского социализма (в 1932г). Пока же Ольхин боролся за этот самый «социализм» со всем пафосом, романтикой и верой в светлое будущее.

Следует отметить, что политическая карьера бывшего мельника в качестве одного из местных «предводителей» оказалась яркой, хотя и короткой.

После освобождения Ольхин вернулся в родные пенаты, о чем сообщает в «Автобиографии», опубликованной в псковской газете «Крестьянское Дело» 13 октября 1917 года: «Вернувшись в 1911 году в деревню и, не имея возможности продолжить ученье, я поселился на мельнице Бугрово, Опочецкого уезда, Воронечской волости, где прожил 4 года».

Итак — 1911 год. Биография Ольхина связывается с судьбой Бугровской мельницы.

Переезд Николая Ольхина в находившееся рядом с пушкинским Михайловским Бугрово, мог быть связан и с его литературными интересами. О том, что муза посетила мельника задолго до событий, описанных в «Шести годах...», сообщает сама мемуаристка: ««Оратором», — продолжает рассказ Тимофеева-Починковская, — выступал мой знакомый, бугровский мельник, Николай Николаевич Ольхин «ходивший ко мне за книжками и советом на-

счет своих «литературных» произведений, — «поклонник» Шиллера и Гете — «хоть и мало читал их»...». Последняя фраза заключена в кавычки и, по-видимому, это слова самого Ольхина, самокритично сетовавшего на недостатки своего образования.

Но именно «михайловский» период в жизни мельника стал своеобразным трамплином в большую литературу. В 1918 году в Москве выходит в свет его книжка «Сказка о дураке Ермиле и мелкие стихотворения». В 1920 году он становится членом Всероссийского Союза Поэтов и получает удостоверение, подписанное Валерием Брюсовым и Адалис.

На литературном поприще Ольхин достиг больших успехов.

Стихи он писал на протяжении всей своей жизни.

Впрочем, причины переезда Ольхина в Бугрово могли быть и весьма прозаическими, далекими как от политики, так и от литературы.

В 1913 году Николай Николаевич женится на Елене Алексеевне Елецкой, о чем свидетельствует архивная справка из Архива Псковской области: «В метрических книгах Успенской церкви погоста Ашева Новоржевского уезда за 1913 год имеется запись №35 о бракосочетании 12 июля 1913 года новоржевского мещанина Жадрицкой волости сельца Незнанихи Николая Николаевича Ольхина, православного исповедания, первым браком, двадцати четырех лет и оставшковской мещанской девицы Елены Алексеевны Елецкой, православного вероисповедания, первым браком, семнадцати лет».¹¹

Брак, будущее рождение ребенка, семейные обязательства побудили Ольхина к поискам новой работы. Возможные адреса мест работы человека с профессией «мельник» легко просчитываются. Это — мельницы. Активная миграция мельников с одной мельницы на другую, третью, десятую — дело обычное. О «кочевом» характере этой профессии свидетельствуют и письменные источники, и устные рассказы местных пушкиногорских мельников М.И. Жукова и А.И. Сергеева.

В 1914 году у Ольхиных родилась дочь Людмила. К ней и жене обращено стихотворение, написанное позже:

С лаской, друг мой, одинокий,
С верой в радость подойди,
Детский ум на путь жестокий,
Ясный месяц, не вежи.

Расскажи, что я из клетки
В тот же день вернусь к ней,
Как найду конфет для детки,
Умной пайники моей.

Елку, кукол и салазки,
Дам ей все, что Люся ждет.
Пусть она прищурит глазки
И счастливая уснет.
А жене, голубке Леле,
Передай больной жене —
То, что видишь сверху, с воли
На решетчатом окне...

...Расскажи: мой плен-ошибка
Что опять сойдемся мы
Пусть не ведает малютка
Черных ужасов тюрьмы.

Жена и дочь Ольхина покинули Бугрово в августе 1917 года. Об этом дважды свидетельствует В.В. Тимофеева-Починковская. В записи, датированной 23 августа 1917 года, читаем: «Вчера приходила прощаться ко мне жена Ольхина. Она уезжает с ребёнком в Москву, так как «немцы Двину перешли и здесь теперь ничего хорошего ждать нельзя». И 14 ноября 1917-го: «Мучительные дни. Опять никаких газет. Одно только письмо мне из Москвы, от Ольхиной (жены «орла», не выдержавшей «орлиных» полётов супруга и улетевшей с ребёнком к родным)».

«Ребенок», она же Людмила Николаевна Ольхина, в рукописи «Моя биографии» сообщает, что ее детство: «...прошло на Красной Пресне. Школа — простая и музыкальная». Однако, если учесть, что родилась Людмила Николаевна в 1914 году, а уехала из Святых Гор в 1917, три года ее жизни были проведены на Псковщине. Она так же, ее как отец, писала стихи. Несколько стихотворений посвящены Пушкинским местам. Одно из них называется «Родина»:

Под голубым покровом ширь,
По долам полночь сказкой бродит,
За Святогорский монастырь
Луна-красавица заходит.

Над Тоболенцем ловит взор
Мерцанье звезд и блеск их линий,
А прямо ряд холмов и гор
Край оборвал у выси синей.

Правей сползла дорожка в ров,
Туман блестит за косогором,
Дома и Гаек, и Бугров
Слились с Михайловским бором.

От них в сторонке, над рекой,
Как бесприютная старушка,
С таким же деревцем-клюкой
Стоит за мельницей избушка.

От жизни все у ней взято,
И мох покрыл ее корою.
Давным-давно уже никто
Не нарушал ее покоя.

«Избушка», о которой упоминает Е.Н. Ольхина ни что иное, как «Дом мельника», где, учитывая название произведения, по всей видимости, она и родилась. Ее отец, по версии Тимофеевой-Починковской, уехал в Петроград поздней осенью 20 ноября: «Николай А-вич рассказывал, что в волостном встретил знаменитого «орла» здешних мест, Н.Н. Ольхина. Очевидно приехал для предвыборной агитации. В одной из псковских газет на днях помещено его стихотворение, под заглавием: «Кому?» Начинается оно так:

«Не затмить вам зарю
Лучшей жизни долю.
С бурями поспору
За «Землю и Волю»...

А последний куплет этого стихотворного воззвания на век предreshает наши судьбы:

«В чем я провинился?
Посудите сами, —
Что орлом родился,
И что вы — ослами».

Зварковский застал его в споре с солдатом-большевиком (сам Ольхин — под флагом эсеров) и задал ему вопрос: — За кем теперь власть? — «За штыками». — А штыки за кого? — «Ну, за кого придется. Сегодня за одних, завтра

за других...» Ответ Ольхина афористичен и точно передает смуту, охватившую Россию в 1917 году.

После этого эпизода Ольхин на страницах «Записок» не появляется. Причина простая — переезд в Петроград. Но до этого, в 1917 году мельник сделал головокружительную политическую карьеру. Сначала стал начальником милиции Воронического уезда, затем председателем волостного Совета Крестьянских депутатов. 12(25) ноября он становится членом бюро фракции левых эсеров. Далее, он в числе восьми представителей в Учредительном собрании от Псковской губернии. Участвует в знаменитом заседании 5 января 1918 года, разогнанном большевиками. Несмотря на то, что именно эсеры стали главными противниками большевиков, Ольхин остается в политике и под флагом все тех же социал-демократов участвует в работе 3-го Всероссийского съезда Советов РСД и 3-го Всероссийского съезда Советов КД. Более того — он не рядовой участник съезда, а член ВЦИК.

В эти годы на бугровской мельнице вращались не просто жернова, а жернова истории. Не исключено, что даже профессию мельника Ольхин мог выбрать в связи со своей революционной деятельностью. Здесь, ожидая своей очереди, собирались толпы помольщиков. Лучшей трибуны для массовой политической агитации было не найти. Развитие ситуации показало, что мельничное ремесло для Ольхина действительно было делом вторым и служило скорее прикрытием его основной деятельности. Во главу угла стали революционная деятельность и литература. То есть, мельник вел работу с массами и занимался литературной пропагандой.

Позднее, в 1925 году Ольхин закончил «Высший литературно-художественный институт им. Валерия Брюсова» (нынешний литературный институт имени М. Горького). В числе «успешно» сданных им предметов были и такие, как «Устная словесность», «Класс литературной пропаганды», «Методология работы с массами».

Но это было потом.

А пока... Пока «подготовительные курсы» мельник эсер Ольхин «заканчивал» самостоятельно: на мельнице, на фоне Пушкина и сгущающейся атмосферы, наполненной предчувствием гражданской войны и надвигающейся смуты...

Я помню свой дом над рекой,
Заглохший, запущенный сад.
Как рамой ковер луговой
Обвил его в дивный наряд.

А дальше обрыв и на нем,
Бросая прохладную тень,
Песчаным любитесь дном,
В цветах утопая сирень.

Бывало, взойдешь на обрыв,
Далекий от жизненных бурь,
И смотришь, как пенный залив,
Ласкает на водах лазурь.

Скорей же на лоно широт-
Туда, где поют соловьи,
Где плавно и вольно несет
Красавица Сороть струи.¹

* * *

Люблю тебя, святая Русь,
И не на что не променяю!
В дубраве с дубом обнимусь,
Берёзку в роще обласкаю!

Люблю тебя, святая Русь,
Твои луга, леса, и горы!
В глаза-озёра окунусь,
Люблю твоих полей просторы!

Люблю тебя, святая Русь,
За то, что ты меня взрастила!
Ни перед кем я не прогнусь —
Во мне твоя святая сила!

Люблю тебя, святая Русь,
На службу шёл я не за чином!
И у тебя во всём учусь,
Чтоб быть надёжным твоим сыном!

Люблю тебя, святая Русь,
Земля возврата для Мессии!
Живу и праведно тружусь
На благо родины — России!

Люблю тебя, святая Русь,
Рождалась ты в боях и муках!
И трижды Русь моя горжусь,
Что я живу в Великих Луках!

2012

НАПИШУ НА РУССКОМ

Родной язык, ты звуками красивый,
И на тебе сошёлся клином свет.
Я напишу на русском о России,
Ну, например, как Тютчев, или Фет.

¹ Полная работа Вячеслава Козмина с прилагаемым списком используемой литературы называется «Дом на Волостновской горе» (обращаться к автору).

Люблю свой русский, что в простом народе,
Ведь это мой язык, в конце концов.
Я напишу на русском о Природе,
Ну, например, как Пушкин, иль Рубцов.

Родной язык, тебе в оковах тесно,
Ты так напевен и красив твой слог.
Я напишу на русском очень честно,
Ну, например, как Лермонтов иль Блок.

Наступит завтра светлый день весенний
И о тебе моя святая Русь,
Я напишу на русском, как Есенин,
Как Жемлиханов — эхом отзовусь!

МОЯ ЖИЗНЬ И СУДЬБА — РОССИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поклонился деревне
Победитель Берлина.
Небо, крыши, деревья
Приветствуют сына.

Лай веселой дворняжки,
Робкий щебет касатки...
Крест, и горький, и тяжкий,
Сын пронес без оглядки.

«Дома, дома ты, дома!...» —
Бьется сердце солдата.
Дорогая солома,
Потемневшая хата.

Тропка, тын у дороги,
Палисадничек в маках...
Подгибаются ноги,
Стальные в атаках.

Игорь Григорьев

Россия... «Разве можно говорить о ней? Она — как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая ее, блюсти ее в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать...» Так начинает свои размышления о России певец русского духа Иван Александрович Ильин. И продолжает: «Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины — да будет сказано в благоговении и тишине».

Без веры в Россию жизнь мучительна, без любви к России — беспросветна и бесполезна. Лишь они, вера и любовь, исполняют душу восторгом, а жизнь наделяют высшим смыслом и делают счастливой.

Лишь в благоговении и тишине можно думать и говорить о России — как о самом великом, самом дорогом. Она всегда перед нами, но кто может сказать, что понял, разгадал ее? Она — вечно рождающаяся тайна! Как появление зари, как новый день...

Поля, кустарники и рощи...
Моя берёзовая Русь.
Я в ней живу намного проще:
Люблю, работаю, молюсь.

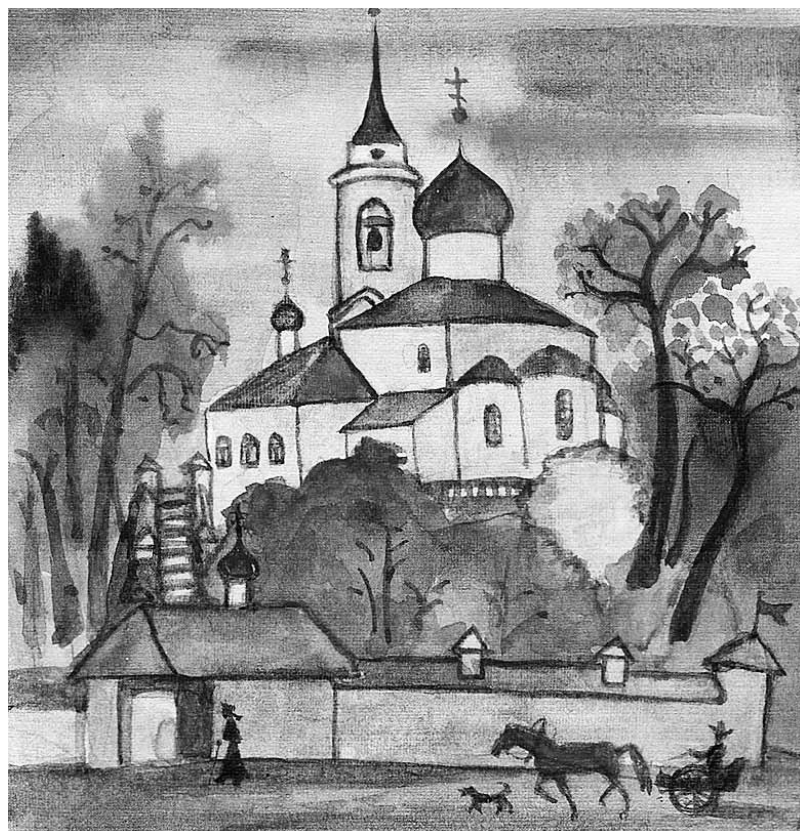
Бывает: радость — ниоткуда.
Кругом осенний серый цвет.
И всё же жизнь — такое чудо,
Особенно небесный свет.

Звон лебединых колоколен...
И крик гусей над головой...
Я этой жизнью так доволен,
Что мне не хочется другой...
(Валерий Мухин)

В данном разделе помещены поэтические и прозаические произведения писателей, рассказывающие о любви к Родине, о патриотизме, о подвиге, о глубинных творческих силах нашего народа, и животворного влияния родной земли на творчество.

ВЕРШИНЫ СВЯТОЙ РУСИ

(О подвиге и воинской славе)

У России много вершин. Географических, исторических духовных... В России вообще невозможно жить вне вершин — такова ее метафизическая суть. Именно поэтому — «умом Россию не понять...» Можно увидеть ее вершины, поднимаясь в небо на воздушном шаре или шагая с рюкзаком за спиной к линии горизонта; можно наслаждаться ими, читая Карамзина, Ключевского, Соловьева; можно поклоняться им, перелистывая страницы четьих-миней. «В Россию можно только верить». ¹ И лишь верой постигать ее самые величественные, самые значимые вершины, иные из которых так высоки, что теряются где-то среди невообразимых просторов вселенной. Жизнь человека — это тоже восхождение к вершинам, по крайней мере, по замыслу Божию о человеке. Немощи человеческой природы мешают движению вперед, вверх. Ноги соскальзывают с уступов, теряют силы руки, кружится голова. Человек может совершить катастрофическое падение, он может достигнуть дна самой немыслимой пропасти. Но вдруг подняться и через мгновение оказаться на вершине, своей вершине... Так свершаются подвиги.

Какова логика подвига, логика героизма? Иногда это долгая дорога от начала жизни до яркой вспышки в ее конце. Каждый шаг здесь — это воспитание мужества, стойкости, воинского умения и мастерства. Таковой путь, например, проходили мужчины в древней Спарте...

Певец Кавказа Расул Гамзатов однажды сказал: «Искры рождаются от ударов камня о камень. Война не прибавляет людей на земле, но она прибавляет на земле героев». ² Очень точная мысль...

Ударяются друг о друга камни войны. Энергия удара рождает искры, которые еще за мгновение до этого были частью камня. А теперь они улетают в вечность. Это герои, зачастую мы даже не знаем их имен...

У каждого народа есть своя дорога к подвигу. Иногда по ней следуют единицы, иногда — целые отряды, роты, полки. Но даже если их много — они все равно избранные и поэтому притягивают к себе взгляды, мысли, думы обыкновенных, живущих на грешной земле, людей. Но задержим взгляд на тех, кто идет дорогой подвига нашего народа, русского народа. Что двигало ими, что определило их выбор?

Девяностые годы двадцатого столетия. Раздрай, разлад, разброд. Ложь, грязь, воровство, предательство. Все святое попрано, изолгано, изорвано. И в это

¹ Ф.И. Тютчев, «Умом Россию не понять...», 28 ноября 1866.

² Расул Гамзатов «Мой Дагестан», изд. «Лотос», Махачкала, 2008, стр. 172.

безвременье растут, становятся личностями миллионы молодых людей. Что это за личности? Чем наполненные? К чему стремящиеся? Заглянешь в их глаза и, увы, опускаются руки. Кажется, нет ни малейшего повода для оптимизма. Все проиграно. Но...

Самое начало марта 2000 года. Даже у нас в Пскове тогда еще мало кто знал, что есть на свете 6-я рота, а в ней девяносто русских чудо-богатырей — «крылатая пехота небесного полка». Помню, как по следам события, 13 марта 2000 года, в первый день Великого поста, написал для городской газеты такие слова: «Прощеное воскресенье. Почти середина марта, но — мороз и холодный ветер, который обжигает и бросает в лицо злые колючие снежинки, будто только что сорванные с чужих заснеженных вершин... Истыкорт, высота 705,6... Возможно, такой же недобрый ветер со снегом с горных вершин врывается в изрытые пулями, изломанные яростью вражеской атаки окопы шестой роты — последней надежды на защиту для сотни русских парней. Была ли у них возможность избежать этого рокового боя и сохранить свои жизни? Наверное, да. Но они сделали выбор и стояли на смерть. Это был сознательный шаг, момент истины. Они сделали выбор и рядом с раскаленными стволами автоматов положили свои драгоценные (а что же еще дороже?) жизни прямо на бруствер, ставший в то мгновение тем самым алтарем Отечества, который никто не видел воочию, но который незримо всегда рядом, когда Родина нуждается в наших жизнях...».

Война высекла свои искры. Совсем недавно они были парнями из толпы футбольных фанатов, а теперь они искры, они герои, павшие герои, и их души, пронзая небесный купол, летят к своему Творцу и Богу...

Известно, что один из воинов 6-й роты совершил на родине преступление и чтобы скрыться от руки закона, завербовался в контрактники. Он погиб героически и награжден посмертно. Если бы он мог знать об этом, — меня мучает этот вопрос! — если бы знал, повторил бы свой выбор? «Да!», — отвечаю я за него, но вопрос все равно остается, пусть не для меня, для кого-то другого. Ведь столько сил было положено, что бы ответом всегда звучало «нет». Столько средств, изобретательности, изворотливости, столько денег потратили на это враги России, как внешние, так внутренние. У них нашлись (и находятся по сей день) для этого силы. Все, что было у нас лучшего, святого, красивого, неповторимого они сложили в ящик, закрыли крышкой, и закрутили на ней колесо «Поля чудес», запустили фабрики звезд, развесили кривые зеркала. Они, верно, надеялись, что отголоски этого бесконечного шабаша закроют уши нашим воинам там, в ущелье Истыкорта, парализует волю, что ничто родное, исконное, святое уж не придет им на память, не вспомнится, не поддержит, не укрепит. Какой вздор! Читайте Гоголя, господи. «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Один из воинов-десантников, пулеметчик, уже неоднократно раненый, все стрелял и стрелял во врага; он оперся спиной о дерево и пули противника, попадая в его тело, словно гвоздями, прибивали его к стволу, смешивая его кровь с древесным соком. Позже, этот смертельный союз двух теперь кровных братьев,

разъяли с большим трудом, и смертоносный свинец, словно боевые награды, остался на древесном мундире... «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила...» Воистину!

У русского человека была и есть своя дорога. Да, можно его запутать, забить его голову дрянью, запорошить сором и пылью глаза, но суть России, ее смыслы все равно останутся у него внутри. И когда судьба, время сделают его камнем войны, он вспомнит: кто он, откуда и для чего предназначен. И превратится в искру... Кем бы ни был русский человек, откуда он не растерял свою русскость, он останется тем самым искателем Китеж-града, у которого, по большому счету, кроме тощей котомки и Евангелия ничего нет, да и не надо ему ничего другого. А Евангелие всегда напомним о том, что нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 3). Поэтому подвиг для него — всегда рядом, всегда желанен, даже если (по забывчивости) он этого и не знает.

Невозможно без духовного восторга и умиления вспоминать подвиги наших предков. В 1341 году отряд рыцарей-латинян опустошил селения в районе города Гдова. Пятьдесят псковичей под предводительством Карпа Даниловича Колеки двинулись «воевать Занаровье» за обиду, нанесенную гдовичам. Не удивительно ли — не зная с каким числом противника придется столкнуться, крохотная дружина псковичей отбывает практически в неизвестность. А вдруг там сотни, тысячи врагов? Это же верная смерть. Нет, совесть не велит русскому человеку оставить брата в беде. Вперед, в бой! А там уж будет ясно все остальное. Летопись сообщает, что дружинники эти, встретившись с немцами при Кушельском озере, дали бой рыцарям, из которых 20 убили, а прочих обратили в бегство.

Древний Псков всегда был средоточием мужества, подвига. Неслучайно лишь единожды его удалось взять врагам. В 1240 году изменник Твердила открыл ворота перед ливонскими рыцарями. На помощь псковичам пришел Александр Невский. Он освободил Псков, а в апреле 1242 года одержал славную победу над немцами в битве на Чудском озере, получившей в наших летописях наименование Ледового побоища.

Когда св. благоверный князь Александр с толпой плененных врагов возвращался во Псков, весь город вышел навстречу к своему избавителю. Вот, что говорит об этом летописец: «О, псковичи! Если забудете это и отступите от рода великого князя Александра Ярославовича: если кто из самых дальних Александровых потомков приедет в печали жить к вам во Псков и не примет его, не почтите, то назовётесь вторые жиды».

Псков, осененный знаменем святыни Животворящей Троицы, взращивал героев из среды своей, Псков притягивал к себе героев из далеких городов и весей, из иных краев. Так однажды его защитником, его героем, образцом воинской славы стал выходец из Литвы благоверный князь Довмонт-Тимофей. Тридцать три года его пребывания у власти ознаменовались мудрым управлением, государственным строительством, созиданием храмов и, конечно же, воинскими подвигами. Во главе девяти десятков псковичей он выходил на поле брани против се-

мисот литовцев; его дружина из шестидесяти человек противостояла восьмистам немцам. И всегда святому князю сопутствовала победа. В чем же причина такой необыкновенной силы псковского воинства? А если точнее — то всего русского воинства? В чем тайна древнего Пскова? Да и любого города Святой Руси? Можно написать целые научные трактаты и не найти ответа... Но если просто взойдешь под сень Святой Троицы, поклонись святым иконам, раскроешь свое сердце для молитвы... то ощутишь вдруг силу веры православной, исполнишься евангельским утверждением: если Бог за нас, кто против нас? (Рим.8, 31) и все поймешь... С нами Крестная Сила, с нами Животворящая Троица, Пресвятая Богородица, святые угодники Божии и все Небесное воинство! Как тут возможно не победить? Как не стать героем? Совесть не позволит!

Но пройдемся еще раз путями-дорогами воинского подвига псковичей...

«1343 год ...сташа псковичи воополчившись противу немец боеви, помолвившися Святеи Троицы и взяша прощение между собою и рекоша: братие, не посрамим отец своих и дедов, кто стар той отец, кто млад той брат; се же, братие, живот и смерть нам предлежит; постражем за свои живот. И сступишася с немцы и бысть бои и сеча велика; на первом ступе оубиша немцы Кюря Костинича и Кормана посадника, Онтоня сына Ильина и инех мнозех муж пскович. А билися на том бою месяца июнь в 1 день, в самыи Троицын день. Молитвою же блаженнаго князя Всеволод и князя Тимофея Бог поможе мужем псковичем; Немец овых побиша, овых раниша, а инии прочь побегоша посрамлени. И сташа псковичи на костех. И оубиша Немцы на том бою 17 человек пскович, а инии безсонием издурели, и тако блудящи по лесу много их изгибло...»¹

В 1380 году псковский отряд во главе с князем Андреем Ольгердовичем принимал участие в Куликовской битве.

31 марта 1463 в ожесточенной схватке столкнулись две рати: псковская и Ливонского ордена. «И пошла на них вся сила псковская: одни секли, другие кололи... И гнали их 15 верст до Коховы — реки, а потом погоня продолжалась и за рекой.

Во Псков возвратились в добром здравии с великой победой и честью, с множеством пленных».

В то же время «иная сила» псковичей — «не рубленые люди, охочей человек», то есть добровольцы, не попавшие в обязательную мобилизацию, — во главе со своим предводителем («воеводой») Ивашкой-дьяконом совершили поход в немецкие земли за Изборском, вернувшись с богатым полоном.

«Дивное это было, братья, чудо! — продолжает летописец. — Такого дива никто не помнит. Но памяти достойно то, что в этой великой и страшной сече не погиб ни один человек из Псковской рати, тогда как немецкими трупами была устлана вся дорога в том направлении, куда они бежали».

Несколько слов об Изборске, этой исторической колыбели России... Старый Изборск сам по себе всегда был духовной вершиной Руси. Тут рождалась ее главные смыслы, свершались величайшие события. И именно здесь убеждаешься, что

¹ Псковская 1-я летопись Тихановский список, 1343, стр. 11.

Святая Русь скована из крестов, и через кресты восходит солнце... Сколько их, этих славных свидетелей православной старины — святых крестов — вырастающих прямо из матери-земли в цветущих долинах, на вершинах и склонах холмов, у святых источников? Кресты поклонные, памятные, надгробные, вырубленные из огромных цельных камней — это не только свидетели славной истории Святой Руси, но и охранители, оградители западных русских рубежей от бед и напастей, от врагов и супостатов. В них, крестах, сила этого места! Они в своем вечном воздвижении поднимают в небеса все, что им предлежит и предстоит. Это они освящают землю, камни, холмы, исполняют их энергией, смыслом, силой. И сила эта не пропадает втуне, но воскрешает дух русского воинства и увлекает его к подвигу, к победе...

1480 год. Князь-наместник Василий Шуйский и псковичи 1-го марта соединились с пригородами, пошли на немцев и сошлись с ними на озере в Пецкой губе; но после одной сшибки враги разошлись. Немцы схитрили: они показали только вид, что ушли, а сами вдруг явились опять и начали жечь исады, сожгли Островцы и подошли к городку Кобыле (по некоторым вариантам — Кобылий городок) и стреляли по нему из пушек, многих побили камнями и сулицами и порубили мечами, сожгли город и церковь арханг. Михаила и Гавриила, а бежавших от огня забирали с собой. Это было 5-го августа, а 18-го подошел к Изборску магистр. Ничего, однако, не сделавши городу, 20-го августа он подошел к Пскову и станом расположился на Завелицком поле, между тем как псковичи сами зажгли Завеличье; на следующий день в 13-ти шнеках прибыли юрьевцы и начали громить из пушек Запсковье и Полонище; но псковичи отняли у них шнеки, сами же немцы частью были побиты, частью бежали, а некоторые утонули в р. Великой...

1496. Псковский князь Василий Федорович, посадники и псковичи 6-го сентября поехали под Выборг на шведов и были там 15 недель. В том же году немцы взяли «Ивангород супротив Ругодива» 26-го августа. Князь псковский и, вообще, все псковичи выезжали против врагов, а в начале декабря все возвратились домой.

1498. Великий князь прислал в Псков гонца с грамотой, в которой приглашает свою отчину — Псков выступить со всею ратною приправой к Ивангороду (февраля 2-го). Князь псковский не ослушался, и желание великого князя было исполнено.

1502. Немцы пошли к Изборску и, благодаря своей хитрости, побили изборских граждан. — Немцы, соединясь с литовцами, сговорились идти к Пскову. — Октября 18-го великий князь прислал в Псков воеводу своего, князя Александра Оболенского с москвичами и татарского царевича с татарами с тем, чтобы эти рати шли с псковичами воевать Немецкую землю. Войска выступили в поход 24-го октября. В первой стычке убили кн. Александра Оболенского, — тем не менее русские гнали и били немцев на протяжении десяти верст, и «не оставиша их ни вестоноши, а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и татарове, аки свиней, шестоперы»...¹

¹ А.В. Экземплярский «Свод летописных сведений о Псковской земле». 1450-1510.

«Летом 1702 года генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, вышедший из Пскова с войсками, разбил войска шведского генерала Шилиппенбаха у Гуммельсгофа.

Вслед затем взята старинная крепость Мариенбург (Алуksне), где в плен русским попало семейство пастора Глюка с 17-летней служанкой Екатериной, ставшей впоследствии женой Петра Великого.

В этом же году на Псковское озеро ходил с казаками Иван Степанович Псковитин. «Шведов многих побили и потопили две шведские пушки и привезли домой 56 фузей», — писал он в донесении царю.

В августе 1702 года Б. П. Шереметев ходил из Пскова за свейский рубеж, где были завоёваны города Вольмар и Алыст, и возвратился в Псков 9 сентября».¹

Так свершались и свершаются подвиги — не по приказу, а по Божию благословению и по велению совести!

Совесть... как только станет она основой, средоточием существования народа, главной его жизненной силой, к нему, народу, тотчас вернется его величие, гордая осанка, и твердая поступь. И тогда расцветет наша страна, наша Россия! Зазеленеет она, заколосится, покроется яблочно-вишнево-сливовым цветом. Над Сибирью, Уралом, Среднерусской равниной, над Псковским краем полетят клином, подавая нам голоса, белые журавли, как вестники мира земного миру небесному. Мы будем махать им вслед и немного сожалеть, что не видим сейчас с высоты птичьего полета просторы и шири родной Русской земли. Но ее вершины, вершины России, всегда рядом, они осеняют нас крестами с золотых куполов, они призывают нас к подвигу — ратному и христианскому — и если мы откликаемся, то незамедлительно окажемся на вершине, каждый на своей. А оттуда можно заглянуть в вечность. И восхититься ее неизбывной красотой!

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ ПСКОВ

Названья русских городов и сёл:
Ростов Великий, Новгород Великий,
Великий Устюг и Великий Дол,
Великих наших Лук родные лики...

Недаром же такие имена
родным давали гнёздам россияне —
чтоб города величием сияли,
чтоб даже сёла слышала страна.

А город Псков издревле слишком скромн:
Великой в нём зовётся лишь река,
хотя в земных трудах и ратном громе
он величаво прожил все века.

Под колокольный звон многоязыкий
пахал и строил, пел и воевал
с великою душою — но великим
наш город сам себя не называл.

Не покоряясь лихолетьям чёрным,
он возрождался, светел и красив.
Во все века он был столпом опорным
нетленного величия Руси.

И навсегда стяжали славу Пскову
его соборы, плуги и мечи.
Но всё ж великим города родного
ещё не называли псковичи.

И потому сегодня все мы вправе
в меже тысячелетий и веков
сказать, перед Россией не лукавя:
наш город — Господин Великий Псков!!!

¹ Из книги В.Ф. Виноградова «Псков в годы Северной войны (1700-1721)». Пыталово. 1989.

ГДОВ

На озере Чудском есть город Гдов,
один из тех районных городков,
где летом — пыль, а осенью — рыданья
дождей застойных. И, пока вниманьем
державным не изнежен город Гдов,
он знаменит единственным преданьем —
что в древности носил название — Вдов.

...Спустилась ночь, когда пришли тевтоны,
на птиц прибрежных нагоняя страх,
и, лязгая бронёю в камышах,
увидели они рыбацье войско.
Оно не отступило ни на шаг,
но панцирь деревянный — мягче воска
для рыцарских мечей. Все было так.
Да, это было так! Пришли тевтоны,
изрядно поредевшие в числе,
к рыбацкому селенью. Но не стоны
услышали они из-за валов,
не плач готовых на бесчестье вдов:
навстречу вышли матери и вдовы,
топор в руках у каждой или лук —
а что страшней, чем смерть от женских рук

Да, это было так... И остаётся.
И был тот город назван —
город Вдов.
Но именем не этим ли зовётся
любой другой из русских городов...

* * *

Как легко быть печальным пророком
в нашей богохранимой стране
и вещать о столетье жестоком,
что наступит в кровавом огне.

Можно было надёжно и смело
на Руси с незапамятных пор
прорицать и чуму, и расстрелы,
лихолетье, и голод, и мор.

И предсказывать запросто можно
злодеянья грядущих властей:
русским людям поверить несложно
в правду самых недобрых вестей.

Мы не верим пророчествам добрым:
через миг, через век, через час
плюнут в душу нам, двинут под рёбра,
не бывает иначе у нас!

Не бывает... Но в смерчах напастей
как же всё-таки хочется мне
стать однажды оракулом счастья
в нашей богохранимой стране.

Чтоб моим предсказаниям поверил
истомлённый судьбой человек.
Чтобы ласковый ветер повеял
на Россию... хотя б через век!

ДВА КОНЯ

И однажды, в чаду
одуревшей от грохота площади
вдруг виденье мелькнёт —
словно древний припомнится миф:
два коня на лугу,
две усталых рассёдланных лошади
одинокое стоят, золотистые шеи скрестив.

Два коня на лугу, на вечернем лугу
затуманенном.
Два коня над рекой, уплывающей в красный закат,
у опушки лесной, где висит комариное марево,
и пушистых птенцов перепёлочки гнёзда таят.
И звенят за рекой и сверкают в некошеной свежести
две последних косы, луговые срезая цветы,
и сожмётся душа от нежданной-негаданной .. нежности
от земной и родной — и такой неземной красоты.

И куда б ни лететь через весь этот мир заположенный,
от себя самого никуда не отпустят меня

два коня на лугу, две усталых рассёдланных .. лошади
посредине земли. На вечернем лугу. Два коня...

Летописец любви, никого не прошу я о помощи,
только память мою — где в разливе добра и тепла
набухают росой
их червонные гривы до полночи,
и малиновый жар излучают большие тела.
Два коня, две красы, обречённо друг к другу . прижатые
той же силой земной, что гуляет по венам моим,
и рождает детей, и возносит колосья усатые,
и уводит людей от земли в галактический дым.
И какие вы рельсы на Млечном пути ни положите,
в них опять зазвенит неизбывный славянский мотив:
два коня на лугу, две усталых рассёдланных лошади
одинокое стоят,
золотистые шеи скрестив.
Два коня...

Игорь Григорьев

СИТОВИЧИ

Мое родимое селенье,
Тебя уж нет,
Да все ты есть,-
Волненье, тяга, повеленье,
Моей души беда и честь.

Вон там, за сонным косогором,
Вдали от зла и суеты,
Окружено былинным бором,
Дышало ты,
Стояло ты —

Всего житья-бытья основа.
Поклон вам,
Отчие кресты;
Нам выпало свиданье снова:
До встречи — только полверсты.

Как резво поспешают ноги,
Какая в сердце благодать,
Когда по ласковой дороге
Тебе даровано шагать!

Какая травная дорога,
Какие смолкшие луга.,
Как тут светло и одиноко.
Покой.
Ни друга, ни врага.

А ведь давно ль за землю дралось,
Пахало каждый бугорок,
Деревней Ситовичи звалось.
Теперь на тех полях —
Борок.

Теперь назад не возвратишься,
Моя деревня, — избы вить,
Не запоешь,
Не встрепенишься
(Эпоха! — некого корить).

Мне ж, опасенному судьбою,
Жалеть и маяться, любя...
Сейчас увидимся с тобою,
Хоть нет тебя,
Хоть нет тебя.

ПО РОСЕ

Алексею Никифорову

Затиленькала синица.
Дым с озер.
Окунула заряница
Крылья в бор.

Алой грудонькой лелеет
Крутояр...
Накаляется, белеет
Красный шар.

Ни угрюминки на небе —
Чистота.
Плачет чибис в тучном хлебе
Просто так.

Просто полно сердце птицы
До краев,
Просто нету над пшеницей
Соловьев.

Шаг шагнешь — и сразу хлынет
Праздник рос,
Ливень ласковой медыни,
Светлых слез.

Бросишь взгляд: все чибис вьется;
Сумрак сплыл.
Вдох всего — и в грудь вольется
Столько сил!

Захлестнет неодолимой
Жаждой: жить!..
Как тебя мне, край любимый,
Не любить!

РАЗВЕДКА

Ивану Хвоину

Третьи сутки непогодит,
Пьяный ветер колобродит;
Выйдешь — оторопь берет:
Не земля — сплошная лужа.
Под фуфайкой пляшет стужа...
— Кто на дело? Шаг вперед!

Как медведица-старуха,
Ночь буреет, мает глухо:
« Ты один? Один за всех?
Стой: на тропах лосьих топко!
В чаще муторно и знобко:
Ни попутчиков, ни вех.

Поверни, пока не поздно,-
Там, куда идешь ты, грозно:
Встренет выстрел, в темь швырнет!..»
Голосит и стонет ветер...
Где-то люди спят на свете.
А разведке — шаг вперед!

Андрей Канавицков

АМБРАЗУРА

Молодёжь твердила, словно сдуру,
Выпуская в нос табачный дым:
— Да закроем, если надо, амбразуру,
От гранаты телом тоже заслоним!

Не волнуйся, дед, не хуже прежних!
Встретим Брест, как раньше Порт-Артур!
— Но зачем же вечно, неизбежно
Доводить дела до амбразур?!

Почему без амбразуры скучны лица,
Почему и долг, и честь сейчас — в пыли,
Почему нельзя не воевать — трудиться,
Поднимая в космос корабли?!

Почему лишь на изломах да на гранях
Русский Дух спасительно живёт,
И душа молчит, пока не ранят,
Пока тело не легло на пулемёт?!

Почему спокойствия нет ныне,
Почему шатает отчий дом?
— Успокойся, дед, — смеялись молодые,
Рот смочив продвинутым пивком.

Что ты всё «когда глаза разуешь»?
Что твердишь про тени хиросим?
Что ты нас пугаешь амбразурой,
Может всё лишь ей и воскресим?!

24.10.2013

БОКС

Азартом сдерживая стоны,
Мутузят, словно пацаны,
Два Олимпийских чемпиона
Почти одной ещё страны.

То вдруг один приложит крепко,
То вдруг другой порхнёт легко,
То приоткроется Поветкин,
То отыграется Кличко.

А по трибунам мчит лавина,
И крики кровь внутри зажгли:
Столкнулась нянька-Украина
И с нею в ринге — москали.

В горячке боя ноздри вздулись:
Но со смешком глядит от касс
На драку эту Леннокс Льюис:
Блестя белками чёрных глаз.

Друг друга бейте без резона,
Деритесь, выучке верны,
Два Олимпийских чемпиона
Одной, но всем чужой страны.

2013

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Русский город, силпый с перегара,
Словно Византия при конце,
И пьянчуга, выглянув из бара,
Мочится аж прямо на крыльце.

На него презрительно, вельможно
Поглядев, садится в «Мерс» под визг,
Тётка рыхлая в богатой чёрной коже,
Сторонясь нахальных этих брызг.

Матерясь привычно и постыло,
Молодняк решает, кто здесь крут,
Подвывая рэпу под мобилы,
Вдумчиво, старательно блюют.

Вслед летит окурок прямо в спину,
Смех и лай. И будней чехарда.
— Господи, а если мир покину
Это всё закончится тогда?

— Не закончится. Никто не будет с краю, —
Отвечает с облака Господь, —
Ближних мы себе не выбираем,
Претерпеть — почти перебороть.

Пусть завалы дел пустопорожних,
Выходи из дома. Можешь — выдь!
...И смывает долгожданный дождик
Всё, что может, горемычный, смыть.

2013

С КОРНЯМИ

Вечно стремились с поклоном
Люди заимкой, затоном,
По лугу пройти, как в раю,
Чтобы таким камертоном
Душу поверить свою.

Русской традиции верный,
Ты не последний, не первый,
Кто без родного угла
Рвался отбиться от скверны,
Чтобы короста сошла.

Вроде себе ты хороший,
Только всё тягостней ноша,
Медленней бег облаков,
Луг лет пятнадцать не кошен
И нету мычания коров.

Сгнуло всё, что воспето,
Тихо, натужно, до бреда,
Тщетно считаешь до ста,
Нет на горе сельсовета,
Нет под горою — моста.

Кто бы подумал бы, кто бы?!
Только кусты да чащобы,
Нити стальных паутин.
И глохнешь от боли и злобы,
И страшно, что ты здесь один...

2013

Александр Гусев

* * *

Я оттуда, где речка Пскова
Ткет туманов шелка над водою,
И луна — золотою скобою,
И в скобарских глазах — синева.

Где березы под звон тишины,
Подобрав осторожно подолы,
Словно в синие, вольные волны,
Входят робко в глубокие льны.

Где земля и доныне хранит
Голоса позабытых преданий
И на месте отчаянных браней —
Чей-то меч, и кольчугу, и щит.

Жаждал враг не раз и не два
Из Черехи, Псковы ли испити,
Но: «Не терпе обидиму быти», —
Летописец оставил слова.

Потому — где б я ни был — горжусь,
Этим краем горжусь: — Я — оттуда!
И люблю это древнее чудо —
Величавую, скромную Русь.

* * *

Обождите меня
На своем берегу,
Я поймаю коня
На вечернем лугу.

А на утренний снег
Я его подкую,
Чтобы ровен был бег
На любом на краю.

С незапамятных лет
Я уздечку сниму,
И не только на свет,
Но проверю на тьму.

Чтоб сияла она,
Чтоб звенела она,
Направляя коня,
Охраняя меня.

Ведь не меч-кладенец
У меня под рукой,
Только ваших сердец
Перестук-перебой.

Только Божий закон
На пути через сад,
Где малиновый звон
И в пол-неба закат.

Где судьба — не судьба,
Но вселенский покров.
На испарине лба
Только отсвет миров.

ПОБЕДА

— Анютка-а! — донесся из горницы бабушкин голос.

— Чего?

— Глянь, сколь время-то уже! Поесть не успеешь, ребята уйдут. Будешь потом догонять...

— Успею.

Анютка сполоснула руки — смывала грязь с башмаков, — подошла к столу.

— Ешь давай, — поставила бабушка перед ней миску с картошкой. Близко стояла другая, с кислой капустой, в кринке — простокваша. — Снулая какая севодни.

Анютка промолчала. За три года, что жила у деда с бабкой, научилась терпеть, не перечить без толку. Не как раньше, когда совсем маленькой приезжала сюда на короткое лето.

— А дедушка? — спросила с полным ртом.

— На конюшне. Манефа жеребится, пришли за ним.

Анютка хорошо знала Манефу — хромую лошадь с пятном на лбу. Бурая, ровная в окрасе, Манефа носит это белое пятно как звезду на фуражке.

— Доноси-ила все же, — вздыхает бабушка. — Бог даст, все обойдется.

Анютка кивнула. Она тоже подумала, что все обойдется, и Манефа принесет еще одного жеребенка, последнего в своей жизни, как говорил дедушка. Он говорил, что их латышка, то есть Манефа, и так запоздала с этой своей охотой. Однако веселым был, когда уводил ее на случку в другую деревню.

— Собирайся живей, ничего тебе не осталось, — подняла бабушка глаза к ходикам на стене.

А в конюшне с ночи суматоха. Манефа перестала есть, забеспокоилась. Ходит по деннику, ложилась несколько раз. Молоко уже не держит. Когда подошел старый конюх, она уже улеглась насовсем, уже ждала своего часа. Но легла не ловко, крупом в стенку, и Лукич показал помощнице: надо двигать. Опорная нога была с порезом — из-за нее и забраковали лошадь на отборе, — Манефа никак не хотела вставать. И так, и эдак крутились — заставили подняться и опять лечь, — уже на чистую подстилку со свободным местом назади.

С самого утра и в доме какая-то суета. Проснувшись, Анютка увидела в хате соседок. Говор, охи, ахи. То выйдет какая, то опять зайдет.

— Назаровна, неужели? — допытывается Глаголиха, мать одноклассницы Анюткиной, Зинки. — Неужели правда?

— Сама же говоришь, — отзывается бабушка.

— Да и мне сказали, — торопится подтвердить что-то Глаголиха. — Ночью, говорят, по радио объявили.

— Дай Бог, дай Бог!.. — повторяет бабушка.

Тут Анютка и зашевелилась, слезла с полатей.

— Ой!.. Дитятко! — Зинкина мать обхватила ее, теплую, еще вялую со сна, прижала голову к фуфайке. — Одни остались-а!..

— Война кончилась, внученька, — переняла Анютку из ее рук бабушка. — Кончилась, Господи!..

Бабушка тоже притиснула к себе, припала губами к макушке. Однако не стала причитать, как Глаголиха, как сама полгода назад, когда получила похоронку на сына Колю. И Анютка поняла, что бабушке стоит немалых сил — не застонать, не упасть головой на стол, как это было осенью, когда они с Зинкой пришли из школы и узнали о похоронке. На второй день Зинка провела ее за руку до самой парты: «И у нее папку на фронте убило», — сказала. А Анютка кивала, пришла ее пора принимать жалость.

Бабы, и радуясь, и плача, разошлись на дойку. Потом одна за другой стали подходить с молоком, снимать с подоиников стиранные тряпки.

— Радость-то какая, Назаровна, — слышалось из сеней, где бабушка принимала молоко. — Ребята в Мохово бегали, там тоже все гомоном.

Было слышно, как позвякивают ведра, скрипят доски моста под ногами. Анютка знает, что там делается. Слева от лестницы на сеновал стоит стол с пробирками. Бабушка наливает в них молоко от каждой коровы, потому что у них разная жирность, и каждой хозяйке записывает в книжку, сколько та сдала. От шипения молока, когда его сливали в бидоны, от железного стука бидонов Анютка и просыпалась по утрам. Но этот день начался не так...

— Ну где ж бабы-то? — не раз слышалось из сеней. — Чо они, в самом деле?

— А и доить забыли.

И правда, не все в это утро подоили коров, сбиваясь в кучки у крылец да в хатах.

А на конюшне возле потной Манефы такой же потный Лукич. Трогает, щупает вздутое брюхо, говорит ласковые слова. Лошадь косит на него налитым глазом, кряхтит с натуги.

— Манефа, Манефа, — одно и повторяет конюх, свой, самый близкий ей. Теперь-то они оба хромые, а было время...

Было время, на кобылу-латышку смотреть приезжали, удивлялись стати. От нее одной колхоз и продал двух жеребят на племя. Когда Манефа повредила на косьбе ногу, Лукич волосы на себе рвал. Но, как говорится, нет худа без добра: военные спецы в первую выбраковку лошадей только языками цокали, оглядывая хромую красавицу. Хромота-то была невелика, но никак не излечима, и лошадь оставили в деревне. Не взяли ее и на войну, когда конюшни вычищали чуть не под ноль и отбраковывали, считай, самое старье и убогость. Опять глядели на Манефу, жалели, что припадает на ногу, а взять не взяли. Ну и Лукич, конечно, свою роль выполнил, — сам полступни потерял, соскользнул под трамвай в городе, знал, что это такое иметь порченную ногу. «Обое мы с белым билетом», — говорит. Он и содержал Манефу не как других, жалел. На вспашку ее не брали; а по ровному полю — на прикатке в посев, на косьбе — тут она справлялась. Молоко возила, воду с пруда. Уже с нездоровой ногой принесла жеребенка, и вот еще захотела, — напоследок, как сказал Лукич, увидав ее поведение.

Был у нее и грех большой; и все, может быть, из-за ее негожей ноги. Уехала на ней за почтой тогдашняя возница ее Егориха. Баба горячая, нервная, Егориха, как говорила, чуть не каждый день видела худые сны. «Что-нибудь с Павлом случилось», — догадывалась про мужа на фронте. Всю жизнь ревновала его к молодым, на войну провожала, об этом же беспокоилась. А детей у них не завелось. И в тот раз поехала раньше срока, упростила председателя, да и все в деревне рады были лишнему случаю получить письмо или что. Собрала угольники по дворам, у кого были на отсыл, отправилась. Прошло время, народ ждет. Дела, конечно, никто не бросает, все заняты. А вот и колеса услышали. Подъезжает телега, а в ней Егориха уже, считай, холодная. Ей Манефа копытом угодила, в самый висок. Это уже с участковым разобрались, когда дорогу проследили, откуда лошадь сама пришла. Как все вышло, Бог знает, не до следствий было, да и у кого спрашивать, кого привлекать. Может, по нужде решила Егориха остановиться, может, вожжу выправляла да за ногу хромую туго взялась, — кто знает. Но, видать, сумела в горячке сделать шаг да в телегу повалиться. Встала Манефа у конторы, чует неладное дело — дорогой никто не понукал, — фыркает. А что с нее возьмешь? Хорошо хоть сирот Егоровых не осталось. Пашке тоже не сладко пришлось, калекой домой вернулся.

А на конюшне все больше волненья.

— Видать, нога подогнулась, — сказал Лукич о жеребенке.

Никогда у Манефы ничего такого не было, выжеребки проходили грех жаловаться, всякий раз в полчаса укладывались. А с последним, вишь, расставаться не хочет.

— Манефа, — опять провел рукой по мокрому боку ее Лукич. — Ну давай, трудись, мать, трудись! — И тоже губами двинул, как и Манефа своими — пухлыми, тревожными.

Тут ворота скрипнули, председатель появился. Всегда молчком подходил, а тут на ходу еще пошел говорить. Просто новое для него, так и есть — выпивши.

— Дожили, Лукич! Победа... — поднял оба рукава вверх, один с рукой, другой пустой наполовину. — Дожили, етишкину мать!...

Степан Захарыч отвел культю и вытащил из-под нее, с-под фуфайки, бутылку с самогонкой. Но, оказавшись ближе, увидел все, что есть, и остановился.

— Видишь — что? — не подымаясь с колен, убирая локтем пот со лба, выдохнул Лукич. — Бастуит...

— Манефа! — скосоротился, будто только что и уразумел, что перед ним деется, председатель. Но грудь не могла удержать того, что в ней было, и он опять воздел кверху порожний рукав. — Наша взяла, Лукич... Победа!..

Он видел, что пособить тут ничем не может, и ушел. Двинулся к конторе, к штабу своей бабьей роты, как называл всю наличную силу деревни. Он им скажет, что не зря они мыкались все эти годы, жали не лобогрейками, а серпами, сохраняя зерно, слали на фронт, что могли. Не зря оплакивали мужиков, а то и сынов своих... Больше слез не будет...

До школы было три версты. Дорога уже подсыхала, грязь не липла лаптями на ногах, и шагалось легко. Да и что-то в сердце — теплое, светлое, — как волшебная сила, поднимало и несло вперед. Так бывало, когда все уроки были хорошо сделаны и не надо было ни чуточки бояться, что Мария Никаноровна вызовет к доске. Анютка как лучшая ученица сидела на первой парте и имела на ней со своего края красный флажок.

Она и еще трое ребят из деревни, — всем передалась эта лихорадка старших, — шли и рассказывали, каким выдалось нынешнее утро, как матери позабыли про их уроки и даже про печи, которые запалили не вовремя. Потом стали говорить про близкие каникулы, про то, как скоро станут бегать на речку и на плотину. Как ни весело было в школе, а вольное лето, уже совсем недалекое, кажется, уже шло навстречу, вытянув вперед на глазах теплевшие руки. Оттого и распирало все внутри и хотелось встать повыше.

— А мне папка из Германии охотничий ножик привезет и аккордеон. В письме написал...

— Аккордеон?

— Ага. И еще патефон с пластинками. Чуть не сто пластинок привезет. И новый патефон.

У одного Семки Горелова оставался еще жив-здоров отец; он да Степан Захарыч, двое в деревне, играли на гармошке.

А мой папка... — хотела что-то сказать Анютка, но остальные глянули на нее — совсем по-другому, чем на Семку, — и она остановилась. Потом на Зинку Глаголеву коротко поглядели, у нее тоже отца на фронте убило.

А за горкой и Мохово открылось, и школа с расшитыми во всю стену окнами. И дым над ее обеими трубами свежий, — тоже, видно, с задержкой затопили. Голоса оттуда издали слышны, они и шагу заставили прибавить.

— Эй, эй! — встретили их на школьном дворе, как будто они ничего не знали. — Война кончилась, уроков не будет!

Ребята бегали вокруг свежевскопанной клумбы, носились друг за другом, девочки смеялись и визжали. Из школьных дверей вышла уборщица тетя Клава; вытирая глаза, пошла к сараю.

— Тетя Клава, правда, уроков не будет?

Та замотала без слов головой, махнула рукой в сторону ворот.

— Ура-а! — уже в который раз заорали все как один. — Ура-а!

Их даже по классам не развели. Учителя, нераздетые, с порога собрались в холодном еще директорском закутке. В сообщении по радио верили, а радоваться боялись.

Вспоминали тех, кого учили в своей четырехлетке до войны и кто, как стало уже известно, погиб за эти годы. Плакали о павших близких. И никого не предаешь, — ни одного на своих погостах не похоронено.

Потом директор вышел на крыльцо и стал ждать тишины. Дождя, сошел со ступенек к передним, кто подошел почти вплотную. Набежал глазами на покрасневшую от игры Анютку, положил ей руку на льняную голову. Анютка запыхалась еще горячей. Показалось, что директор нетрезвый.

— Сегодня... ребята... не будем учиться, — сказал он, задерживая слова. — Сегодня праздник...

Все уже знали это, а все равно, как на новое, откликнулись одним духом?

— Ура-а!..

И директор — поднял кулак над головой и тоже округлил рот:

— Ура-а!..

Непонятно было только, почему у него, как и у тети Клавды, были мокрые глаза, раз праздник.

Назад шли — несли по очереди знамя: флажок с Анюткиной парты. Мария Никаноровна разрешила. Надвязали к нему длинную палку — издали виден. Шли и пели песни — «По долинам и по взгорьям» и «Вставай, страна огромная». Где не помнили слова, повторяли пропеты — все подходило и получалось, даже громче.

— Бабуля! — из сеней крикнула Анютка, зацепившись флажком за дверной косяк. — Нас отпустили.

В хате сидел дедушка.

— Ты пьяный? — быстро оглядела стол Анютка?

Лукич протянул к ней руки — обнять и приголубить последний светлый лучик. Анютка увернулась, бросила на ходу: — А бабушка где?

От деда сильно пахло конюшней.

— А как Манефа? — остановилась перед ним Анютка.

Лукич поднял большой палец.

— Ожеребилась? Дедушка!

Дедова голова мотнулась вниз, он кивнул.

...Манефа справилась. Она лишь шумно кряхтела и отдувалась, пока он выправлял жеребенку скосившуюся ножку. А когда, сам измученный и мокрый, Лукич принял вышедший плод и перевязал пуповину, благодарно ткнула его мокрым носом. Острыми глазами глядела, как он очистил жеребенку рот, нос и уши, а потом, шатаясь, встал: давай, делай свое дело. Манефа даже щурила глаза, жарко вылизывая легкое тельце дочери. А та подрожала, подрожала и поднялась на ноги, и все увидели на лбу ее такую же, как у матери, звезду. Так, с огоньком на голове, и ткнулась матери в вымя.

Через две недели подошли каникулы. Опять ребята из деревни шли из школы — пели песни. Дорогой рвали цветы, кидались сумками, обзывали неизбежно друг дружку. Как и сговаривались, сразу не пошли по домам, а с выгона повернули к конюшне. И возле нее увидели Манефу с жеребенком. Он стоял в стороне, и Манефа, увидав голосистую команду, коротко заржала. Жеребенок стрельнул под ее защиту

— Победа, Победа! — закричала Анютка, а за ней и другие.

Манефа тряхнула головой.

— Победа! — услышала опять.

Так называли ее дочку.

КЛЯТВА

Окрасил дым волнистые туманы,
Ночное небо стало розовей.
В такую ночь соберись партизаны
И дали клятву Родине своей:

«Родная мать! Мы все полны стремлений
Громить врага, как ночью, так и днём.
Скорей умрём, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрём!»

Прошёл отряд по просекам знакомым,
С тех пор — могуч и грозен тёмный лес.
Сосновый бор, ты стал родимым домом
Под вечной крышей — куполом небес.

Коварен враг, и цели его зверски,
Он за бронёй, но жмётся у дорог.
Страшны врагу леса и перелески, —
Стреляет в немцев каждый бугорок.

Строчит «максим» — не сунешься в лощину,
Бьёт автомат — свинцовый ураган!
Запомнит враг советскую Псковщину
И не забудет красных партизан!

За нашу кровь нам враг ответит кровью,
Где мы прошли, там путь непроходим.
Мы любим жизнь горячею любовью,
Но если надо — жизни не щадим.

Гордись страна отважными сынами,
Пройдём сквозь дым и лютую пургу.
Навечно жизнь останется за нами,
А злую смерть мы отдадим врагу!

И вздрогнет лес тогда в салютном гуле,
Исчезнут вмиг морщинки у бровей,
Мы встанем все в почётном карауле,
Мы — патриоты Родины своей.

«Родная мать! Мы все полны стремлений
Громить врага как ночью, так и днём.
Скорей умрём, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрём!»

1941

* * *

Да, Псков, я не забыл твоих огней,
В садах и парках шума, ликования.
Я много здесь провел отрадных дней,
Меня волнует каждое название.

Вот так бы взял тебя да и обнял,
Обвил твой стан горячими руками.
Здесь Пушкин жил, здесь Невский воевал,
И Ленина запомнил каждый камень.

Я встретился с тобой, как с братом брат,
Мы были рядом, были вместе...
Быть может, слышал, как мой автомат
Косил врагов в твоих глухих предместьях?

Тяжёлой тучей немец нависал,
Мы воевали в рощах и лощинах,
И разносилась песня по лесам:
«Запомнит враг советскую Псковщину...»

ПО БЕРЛИНУ — ОГОНЬ!

Ворвалась война на проспекты Берлина,
Слетели запоры с фашистских ворот.
Там армия наша — страны-исполина —
На штурм, на последний победно идет.
Как молнии, блещут орудий зарницы,
И грохот боев неумолчный кругом.
Россия прорвалась к фашистской столице,
Пришла рассчитаться с заклятым врагом.

Мы всем говорили недаром когда-то:
«Советскую Родину нашу не тронь!»

Но враг посягнул. Получай же расплату —
Огонь по Берлину, огонь!

Апрель 1945 г.

ПОЛДЕНЬ

Небо чисто. Воздух полон зноя.
В летний полдень выйду на поля.
Свой ковер цветной передо мною
Развернет колхозная земля.

Рожь густая задевает плечи,
Спелый колос солнцем опален.
И легко, раздольно мне навстречу
Голубые волны катит лён.

А в цветах, как вестник урожая,
Серебрится крупная роса.
Я иду. Полям не видно края,
Солнце бьет горячее в глаза!

1940

ЖАТВА

Чуть рассвет забрезжит розовый,
На траву легла роса,
Там, за рощицей березовой,
Загуляли голоса.

Зашумела нива, ожила,
Заискрились поля.
До чего же ты пригожая,
Наша русская земля!

До чего ж поля богатые!
Жди, Отчизна, прибылей!
Лён морскими перекатами
Заливает ширь полей.

До земли колосья клонятся,
Солнце льет потоки стрел;

Подошла пора-бессонница:
Не до сна, коль хлеб созрел.

Не до сна! Янтарным золотом
Налились посевы льна.
Звонкой песнею расколота
В чистом поле тишина.

Сергей Горшков

* * *

Я здесь опять! На этих берегах
Душа моя находит вдохновенье.
Сюда бегу от смуты, от сомнений,
От сладкой лжи на «царственных» верхах.

Есть магия в спокойствии воды,
Недаром манит глубина безумцев:
Прибежище прозревших вольнодумцев,
Она их души бережно хранит.

Дымки над трубами и колокольный звон,
Века в огранке позолоты храмов...
К чему тебе изменчивая слава,
Провинция, погруженная в сон?

Здесь ангелы спустились с высоты,
Сей уголок от бурь укрыв крылами.
Святая Русь, я — твой заблудший сын —
Спешу к тебе с наивными стихами.

ЛЁШКИ, МИШКИ И СЕРЁЖКИ...

В близком доме мамка плачет,
Голосит навзрыд:
Дом бедою обозначен —
Мамкин сын убит.
У заплаканных окошек
Горестно шепча
Вспоминают, сколько «Лёшек»
По Руси лежат.

«Лёшки» те не знали сами
Отчего легли,
Ведь нисколько не желали
Не своей земли.
Папка сникся головою,
Поседев за ночь;
Водку разводя слезою,
Прижимает дочь:
— Ты одна теперь отрада,
опустели мы... —
Под кулак: «За что награда,
сукины сыны?!
Гроб в железо заковали —
будет жить в веках!..»,
Только фото да медали
В жилистых руках...
Мало выпало удачи,
Да сполна беды:
В близком доме мамка плачет —
Сын её убит...

Я ДОЙДУ!

Живут воспоминания о сне:
Раскисший снег, проплешины земли...
В шинели нараспашку шёл к весне,
Полой цепляя сухостой зимы.

Мне солнце согревало дальний путь,
А ветер растрепал шутя вихры,
Лесные птахи наполняли грудь
Руладами разлившейся зари.

Остался за спиною дым боёв,
Друзья, которым выпало не встать...
А я иду — мне обещали ждать
И подарить желанную любовь.

Ведёт меня надежда: «Я дойду!».
Теперь я знаю правильный ответ! —
Коль Бог отмерил в жизни столько бед,
То и не грех из счастья зачерпнуть...

* * *

Позабылось?
Нет, не позабылось!
Вот оно:
С ватагой детворы
В синей майке я в лугах носилась,
Одурев от счастья и жары!

Затерялась в незабудках речка,
Обмелела так, что видишь дно.
Старенькое низкое крылечко
Тополиным пухом замело.

Как сейчас я вижу:
По дорожке,
Ливнями намытой добела,
Девочкой с берестяным лукошком
Ты ко мне, Поэзия, пришла.

И смешалось все.
И по-иному
Пел дергач и плыл вечерний дым.
Я от слов нахлынувших оскому
Запивала молоком парным.

С удивленьем,
С болью запивала,
Не запомнив ни одной строки...
Я не знала,
Я тогда не знала,
Что вот так рождаются стихи!

ДОЛГАЯ ДОРОГА

Памяти Зинаиды и Алексея Тимофеевых

Луг мой... трава голубая,
Серенький ситец реки.
Плавна вода огибает
В жёлтых цветах бугорки.

Вон, подоивши корову,
Баба идёт впереди.
— Дай подмогу я, Петровна,
Не заморися, гляди.

Тесно идём по тропинке,
Слово за слово, и вот:
— Помнишь, в сатин и сарпинку
В праздник рядился народ?

Вынесут бабы икону —
Как запоют на меже!..
— Жалко, Петровна, не помню,
Не захватила уже...

Низкий пылит подорожник.
— Дай отдышаться, постой..
Экие тощие пожни,
Ране-то был травосто-ой!

Ступишь на луг — да утонешь,
Море цветущей травы!
Нешто и это не помнишь?
— Нет, не застала, увы...

Еле ползём по пригорку,
Сухо, и солнце печёт.
Сядет соседка под ёлку,
Платом лицо оботрёт.

Лета весёлые блики
Пляшут у ней на груди.
— Сколь здесь росло неженки,
Ты не едала, поди...

Дале низком по омшаре,
В зарослях тонкой ольхи:
— Слышь-ка, а здесь не вчера ли
Пели всю петухи?

Помнишь, скатёркою ровной
Стлался ленок голубой?..
— Жалко, не помню, Петровна,
Лучше б родиться с тобой...

Выйдем в березничек редкий.
Звон стрекозиный да тишь.
— Что ж приумолкла, соседка,
Жалостно с боку глядишь?

Здесь я пока не чужая,
Помнят меня старики...
Луг мой, трава голубая,
Серенький ситец реки.

* * *

Край мой, край,
Задумчивый и росный,
С коромыслом радуг за плечами.
В той глуши оранжевые сосны
В мягких лапах солнышко качают.

Бабье лето там гуляет жарко,
Хоть гуляет —
Нас не забалует:
В полдень — жажда,
До заката — жатва,
Снов коротких крепки поцелуи.

Мы —
Еще девчонки-перепелки,
С быстрым взглядом, по-скобарски синим, —
О твои шальные солнцепеки
Обжигались,
И не раз,
И сильно!

Здесь теперь другие,
И не хуже,
Сноп к снопу, улыбчивые, вяжут.
Хмелем детства больше не закружит,
Прежних сказок сосны не расскажут.

Только сердце всюду отзовется
На глубокий вздох твоей тревоги,
Край мой — август,
Вызревшее солнце
И стихов невыдуманных строки!

Анатолий Москалинский

* * *

В доме детства моего окна,
Как глаза они моей мамы.
Только стеклышко, звеня, вздрогнет,
Из разошедшейся скользнув рамы,

Как слезинка упадет тихо.
К нам из сада забредут тени.
А еще вдруг налетит вихрь
И скворец к нам залетит в сени.

И березка прорастет робко
В крыше дома моего детства.
И его я обойду сопкой,
Испугавшись, но куда деться...

Так обходят стороной, мимо
Умирающего калеку.
Только станет вдруг глазам дымно
И зачесется, слезясь, веко.

Я почувствую — в груди ломит,
Кто ходы мне роет там, крот ли?
Все прощая, тихо так, домик
В два окна больших мне в след смотрит.

МАРИЯ РЕЗИЦКАЯ

Встреча с необыкновенной ясновидящей произошла в 1943 году. Шла война. В каждой семье горе, тревоги, печали. Всем хотелось узнать о судьбах своих близких. Каждый искал утешения по-своему: одни обращались к Богу, другие к гадалкам. Совсем случайно мы узнали, что в семи километрах от нас в деревне Резицы живёт удивительный человек — Мария, читающая мысли любого пришедшего к ней. И она может поведать о дорогах нам людям.

Рассказывали, что эта красивейшая девушка, на зависть подругам, была нежно любима и счастлива. Но неожиданно не стало её милого, и она сначала безутешно плакала, потом замолчала, почти не отвечала на вопросы. Уединилась, пустилась в библейские чтения.

Перед самой войной заговорила. Встреченных оповещала, что выходит замуж за немца и красный петух переклюет чёрного. «Господи — Боже мой!» — причитали услышавшие это. Рехнулась несчастная, зачиталась.

Вести распространяются быстро, и к ней пошли, поехали исстрадавшиеся женщины.

Немало интересного, связанного с этой удивительной женщиной можно было бы рассказать, но разве все упомнишь. Вот кое-что из того, что сохранилось в памяти. Шли к ней женщины издалека с узелками, чтобы чем-нибудь отблагодарить за предсказания. Развернули, посмотрели и решили: часть продуктов отдать ей, а остальное оставить в придорожных кустах, чтобы подкрепиться, когда отправятся в обратный путь. Пришли, положили продукты на стол, сказали: «Это тебе, Мария». Она слегка улыбнулась и ответила: «Спасибо, у нас все есть, а вы не забудьте свои гостинцы, что спрятали под кустом». Женщины были ошеломлены и покраснели от стыда. Еще случай. Мария смотрит в окно и видит: к ней идет женщина из соседней деревни. Она испуганно закричала: «Анастасия, беги домой, лес горит! Лес горит! Лес горит!» Та прибежала, глянула: в сених горит помело, которым она выгребала золу с углями из печки, и уже пламенем занимается стена. А в доме — двое маленьких детей, одна — в зыбке, другая — ползает по полу. Всю жизнь эта женщина считала Марию божеством, спасшим ее малюток.

Мою маму тревожила судьба сестры, раскулаченной во время коллективизации и увезённой неизвестно куда. Она попросила меня сходить в Резицы. Я не ослушалась и отправилась с одной солдаткой. Правда, побаивалась.

И что же? Заходим, Мария обнимает меня, смеется от радости. Она очень любила молодежь. Это можно было понять, ей было всего двадцать девять лет. И сразу сказала, как бы себе: «Ой, как я люблю шутить, меня так сегодня за это ругали». Сказанное шокировало. Не знала, что и думать. Действительно, я утром прочла маме какую-то смешную чепуху, она упрекнула: «Стыдно, голубушка, посмотри какое зарево на небе, там идёт бой, гибнут люди!»

Проводив меня на лавку, Мария продолжила: «Я хотела спросить о Прасковье (так звали мамину сестру). Да, одна Прасковья осталась». Позднее мы узнали, что у неё умер муж.

Я не могла надивиться: ведь не задала ни одного вопроса. У меня мелькнула озорная мысль: что Мария скажет о моём израненном брате-партизане, скрывающемся дома? Она приблизила моё лицо к своему и рассмеялась детским смехом.

Ошеломлённая, уходя, я всё же спросила: «Навестить мне вас ещё раз?» Она тронула меня за плечо, сверкнула нежной голубиной своих прекрасных очей и спокойно сказала: «Хорошо бы, но не навестишь».

Так и случилось. Во время боя, который шел неподалеку, шальная пуля попала ей в пятку. Она немного поболела и скончалась. И не стало у нас своей Ванги — Марии Резицкой. Если бы сама с ней не пообщалась, наверное, не поверила бы.

До сих пор наши люди поклоняются её скромной могиле у дороги, дотрагиваются до креста, молча просят помощи в горе.

Я знаю, что люди, не верующие ни во что, стали задумываться о чудодейственных силах, земных и небесных.

То же самое стряслось и со мной. Я часто обращаюсь к Земле, считая её живой, всемогущей силой. Недаром же на ней растёт и живёт этот многоцветный мир. А какие разрушения, неизлечимые раны она выносит! И потом сама же излечивается. Зарастает целебными травами, врачует себя и нас.

ЕЩЁ РАЗ О ПУШКИНСКИХ ПРАЗДНИКАХ

Мне посчастливилось много раз побывать на Пушкинских праздниках, более полусотни раз. Все они в своём роде прекрасны и удивительны. Но три из них самые запоминающиеся.

1942 год. Шла война. Мы — в оккупации. Казалось бы какие здесь могут быть радостные события для живущих среди немцев? Но в Святых горах, в ближайших к ним деревнях появились объявления: 6-ого июня в Михайловском утренник и праздничные гуляния в честь дня рождения А. С. Пушкина. Люди, знавшие всевозможные причуды немцев, пожимали плечами, думали, как это понимать и принимать.

Но молодёжь, не задумываясь, ринулась в Михайловское. Могли ведь и угнать в неволю. Всё могло быть! Но немцы в этот раз решили показать себя на высоте.

По берегу Сороти стояли в почётном карауле. А в Михайловском, на пепелище, среди груды камней и кирпичей, был организован своеобразный митинг.

Первым выступал высокий немец в очках, с блокнотом в руках. На ломаном русском языке он восхвалял арийский порядок, арийскую культуру. Говорил, что немцы ценят и русскую культуру и преклоняются перед российскими гениями. И самым великим из них он назвал Пушкина. Заверял, что он, как и многие образованные германцы, знает десятки его незабываемых творений. В заключение прочёл, заглядывая в блокнот: «Я Вас любил, любовь ещё быть может!»

Был позван скрипач из Косохново, исполнивший довольно недурно несколько народных мелодий.

А дальше было многолюдное народное гуляние: играли русские и немецкие гармошки, громко смеялись немцы и улыбались русские. Среди нас ходили и немецкие офицеры с какими-то дамами.

Запомнилась одна юмористическая картинка. Молча шествует длинноногий немец, его поддерживает разряженная мадам (к сожалению, наша, русская). Откуда ни возьмись юркий мужичишка, забегают то с одного боку, то с другого, заглядывают им в глаза, егозит: «Татьяна, Татьяна, шпациру, скажу камраду!» И побежал, довольный своим набором слов в немецком языке.

Я поинтересовалась, что это за тип. Ответили: «Местный староста!»

Да, в то время, как и во всякое, наряду с добрыми, умными людьми, водились прохвосты и негодяи. Но всему приходит конец. Нет войны! Плачем и смеёмся!

1949 год. 150 лет со дня рождения Александра Сергеевича. О, это было что-то фантастическое. Чтобы увидеть наших современников со всей планеты Земля, совсем не надо было делать кругосветного путешествия, томиться от африканской жары. Нужно было просто добраться до Святых Гор и Михайловского. На поляне, как в автобусе в час-пик, стоим плечо в плечо с неграми, китайцами, японцами, американцами и англичанами. И читают на эстраде стихи на всевозможных языках. Даже на тех, которые ещё не изучены и не найдёшь на земле переводчика. Десятки тысяч улыбающихся людей, больше всех радуемся этому мы, русские. Самые знаменитые певцы, музыканты, поэты выступали на эстраде. Несмотря на нелёгкое послевоенное положение, торговые палатки ломились от яств, икра красная и чёрная горками лежала на прилавках. Она стоила так дёшево, что можно не поверить. Странно, она немногим нравилась. Большинству была непривычной. Женщин привлекали яркие ситцы, и продавцы, ловко орудуя метром, удовлетворили их запросы. Дети забавлялись мороженым.

Не обошлось и без трагичного. Разразилась страшная гроза. Молнией, под высокой сосной, убило пятерых человек. Тогда не было ещё моста, железнодорожный был разрушен, и люди добирались домой на лодках, которые часто опрокидывались, и не умеющих плавать спасали тут же. Но никто не раскаивался, что пошёл, поехал, плыл или летел на этот, мирового значения, праздник. Воспоминания о нём сохранились на всю жизнь.

И, наверно, счастливейшими из смертных, можно назвать тех, кому довелось дожить до 200-летия Александра Сергеевича. К этим счастливым я отношу и себя. Иные люди, иные времена! Всё иное. Но неизменной остались любовь к русскому гению и его незабываемым творениям.

И давайте позавидуем тому, кто спит сном вечности у нас, у Святогорского монастыря. Его имя будет звучать, пока не погаснет Солнце!

О КЛАВЕ НАЗАРОВОЙ

Я в Острове и, как всегда, подолгу стою у памятника Герою Советского Союза Клавдии Ивановне Назаровой. О подвигах этой сильной духом девушки знают, даже за границей. О нас, ее земляках, и говорить не приходится. Это — наша гордость, наша слава! Сегодня мне хочется вспомнить о ней в более счастливое время, предвоенное. 1940 год. Я на педагогической практике в ее родной деревушке, Коромысловской начальной школе. Мне отвели небольшую комнатку, где я занимаюсь служебными делами: пишу конспекты, проверяю тетради своих гра-

мотеев». И вдруг стучат. Кто бы это мог быть? Наверно, местные подростки шутят над шестнадцатилетней учительницей. Открываю дверь, и мои глаза удивленно распахиваются. Передо мной улыбающаяся девушка. Пришла познакомиться.

Решительно подает мне руку: «Хочу знать, что за воспитательница у наших школяров появилась, притом такая молодая. Чем собираетесь занять сегодня свободный вечер?» Я пожалала в нерешительности плечами. — Знаете что? Махнем на танцы в Лаврово! — Согласны? — Идет! — Только прежде схожу в баню. Родственники всегда топят ее в день моего приезда. Страсть люблю помахать березовым веничком, а потом окатить себя водой из пруда. Вы не хотите составить мне компанию? — С удовольствием — отвечаю я. Я тоже большая поклонница этого деревенского мероприятия. Идем на танцы. С нами юноши из соседних деревень. Мы, кажется, им нравимся, но они никак не могут сделать нам признания. Просто забирают наши туфли и несут до клуба. Мои несет Алексей зубовский, а обувь Клавы — Павел жиденовский. По слухам кумушек, он давно ее поклонник (погиб в Великую Отечественную). Алексей искал меня в послевоенной суматохе.

А однажды всю субботу лил проливной дождь. Мы никуда не пошли. Ко мне с колодой карт ввалилась Клава. Я удивленно на нее посмотрела. Я никогда не увлекалась карточной игрой в дурака. — И все же сыграем! — утвердила она. Играем! Но как по-разному. Я не раздумывая бросаю эти дамы и валеты, она каждый раз думает, какой картой можно пожертвовать. Не результат, а смех — я осталась в дураках 19 раз. Клава хлопнула меня колодой по голове и сказала, смеясь: Эх, Вы, а еще собираетесь стать учительницей!» С этими словами мы расстались. Больше встретиться не пришлось. Началась война.

Мне 89. Но я не забыла этих радостных беззаботных встреч с Клавдией Ивановной.

Я, старшая пионервожатая, вместе с дружиной присутствовала при открытии памятника. Пока снимали чехол, вся пионерия отдавала салют. Первыми забили дробь барабанщики, среди которых был и мой подросток сынишка. Я плакала.

В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ (Воспоминания о генерале Шатилове)

Наш Святогорский край освобождала прославленная дивизия генерала Шатилова. Не стану описывать о победах и потерях её. Об этом достаточно рассказано у журналистов и маститых писателей. Мне же вспоминается всего несколько эпизодов, с боями, непосредственно не связанных.

В нашей землянке располагался штаб, а в одном из оставшихся от пожара домиков поселился сам Василий Митрофанович. Все мы в то время жили среди солдат, которые с нами делили чай, сахар, сухари, горести и радости.

Шатилов тоже жил в семье фронтовика, где было двое маленьких детей. Встреча с генералом не миновала и меня, хотя я не знала, что это именно он. Набираю как-то серебристую воду в колодец, — подходит подтянутый, стройный военный, довольно обаятельный и ещё молодой. Поздоровавшись, сказал: «А не испить ли мне, красавица, вашей чудодейственной водицы. Может, моложе стану?»

Я удивлённо посмотрела на него: «Пожалуйста». Он с наслаждением отпил несколько глотков. А потом оценил: «Где я только не пил, но такой вкусной воды пить не приходилось. Сразу десять лет с плеч сбросил. Большое спасибо!»

Поинтересовавшись, как меня зовут — величают и куда лежит мой путь, взял одно ведро и мы пошли. На дороге стояла машина, а в кузове — солдаты, наблюдавшие за своим товарищем, который стоял на голове. «Да, неистребим дух нашего войска, если после таких боёв дают цирковые представления», — покачал головой Шатилов.

Подошли к палаточной горке. В углублении топилась железная печка, жарились блины, а вокруг кучка бойцов с завидным аппетитом уплетала их. Все выскочили. Поприветствовав, Василий Митрофанович с некоторой укоризной промолвил: «Что же вы, лейтенант Юрченко, не угостите блинами своего генерала и девушку?»

Юрченко, совершенно смутившись, крикнул своему подручному: «Хведька, блинов!» И генерал, попросту усевшись, отпробовал и похвалил Федьку, дружески хлопнув его по плечу. Осмелев, лейтенант пошутил: «А я товарищ генерал, думаю за такое искусство Федьку к медали «За отвагу» представить». Шатилов весело глянул на искусника, спустился в землянку. Там его ждал племянник Николай Шатилов — военный корреспондент. Тот попросил и меня помочь удачно зарифмовать четверостишие.

Генерал лукаво усмехнулся: «Помочь-то — помоги, но не очень доверяйся поэтам, они каждой второй клянутся в любви и верности».

Пришлось видеть, как Василий Митрофанович от души, по-детски, смеялся на концерте выездной бригады, когда Николай Крючков пел частушки о Гитлере, заканчивая словами: «Нос вытащит — хвост воткнёт, хвост вытащит — нос воткнёт!»

Но война есть война, где рядом с победами великие потери. Солдаты боготворили своего командующего. Они рассказывали, как плакал генерал на похоронах погибших, стараясь при погребении заглянуть им в лицо. Он очень многих помнил.

Когда нависла над нашим убежищем опасность, стали бомбить и убило пять армейцев, генерал приказал всё наше население отвезти на танках в безопасное место. Не раз, по его указанию, солдаты помогали семьям с детьми, старикам.

Мы не забыли отважного генерала, человеческого человека, с богатой щедрой русской душой. Радовались сообщению, что его солдаты Егоров и Кантария подняли флаг над поверженным рейхстагом.

Посчастливилось мне быть на встрече с ним в городе Острове. Я послала записку Василию Митрофановичу, а потом подошла к нему. Он вспомнил нашу деревню, поинтересовался дальнейшей судьбой жителей. Подробно расспросил о семье, где ему пришлось жить: вернулся ли хозяин с фронта, что стало с маленьким двухлетним мальчиком, который к вечеру вползал к нему на колени и называл его папой.

Опечалились наши люди, узнав о его кончине. Светлой, благодарной памяти Василию Митрофановичу Шатилову!

ДЕНЬ 25-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Сколько лет, зим, весен прошло, сколько раз менялась трава на матушке земле, но мы живущие на ней, ничего не забыли. Да разве забудешь эту страшную войну и миллионы жизней людей, погибших смертью храбрых. Совсем мало остается тех, кто был непосредственным участником жарких боев и атак. Немного и тех, кто знал войну, кто ждал своих любимых, отцов, братьев, сестер и не перестал ждать до смертного часа. Авось, случится чудо, и он вернется. Такое случалось редко. Оставалось одно: ухаживать за их могилами, что мы и делали: сажали цветы, высвечивали имена, подкрашивали звездочки. Каждый год в День Победы, приходило все окрестное население к братской могиле на городище. На памятной доске значилось 226 воинов-освободителей разных национальностей погибших за наш кусочек земли. Большинство из них грузины и украинцы. Да разве не все равно? Все они наши сыновья. Мне не раз рассказывали, как во время безысходности грузины говорили юному русичу: «Доберись, браток, до своих, грузин за тебя умирать будет!»

Боже мой! Как мы были дружны во время войны!

Самым ярким в воспоминаниях остался праздник 25-летия со дня Победы. Праздновала не только Россия, а весь спасенный мир. Правительство издало указ: «Предоставить бесплатный проезд родственникам, друзьям погибших к местам захоронения (дальность не имела никакого значения)!

На нашу Вревщину приехало 55 человек. Встретили их, как самых близких родных с объятиями, со слезами. У нас в доме погостили две сестры украинки. В день 9 мая все, все, кто мог двигаться, пришли к братскому кладбищу с венками, цветами. Не было видно из-за цветов даже оградки. Приезжие встали на колени. Вслед за гостями и наши. Плакали молча. Солдаты-вревичи (а их погибло немало) лежат на берегах незнакомых рек, в холмиках под берегами...

Одновременно голосом диктора зачитывались фамилии, имена и года рождения погибших. А дальше был митинг, на котором выступил представитель из военкомата, председатель сельсовета, один из приезжих грузин поблагодарил за радушный прием, за память о тех, кто не пришел или в предсмертном забытье слышал победные салюты. Местные охотники произвели три оружейных залпа. А потом рядом с братской могилой расположилось великое разноязычное застолье. Каждый старался угостить, просил помянуть своих, не пришедших...

Особенно щедрыми оказались кавказцы. Навезли уйму виноградных вин. Обнесли все застолье. Ежеминутно слышалось: «Угощайся, дорогой!» А потом было такое смешение языков и наречий: кавказского с украинским, прибалтийского с сибирским, что-либо разобрать было не просто. Господи! Как хотелось, чтобы это слышали те, кто спит сном вечности!

А в это время на сцене шел концерт. Звучали песни военных лет: «Журавли», «Бери шинель, пошли домой», «Алеша» и другие. Читались со сцены отрывки из повести «Они сражались за Родину», стихи Симонова «Жди меня», и, наконец, солдатские пляски...

Расставаясь, обменивались адресами, приглашали погостить. И действительно, были письма, даже посылки. Некоторые приезжали второй раз.

А мы продолжали приходить на братскую могилу, прочитывать дорогие имена. Это было подобно поминовению.

Валентина Алексеева

* * *

Ветра над Ладогой, над Доном...
Простор да высь, куда ни глянь.
Россия — это не Макдоналдс,
Россия — Тула да Рязань.

Вся перепаханная танками,
Какую пядь земли ни тронь,
Россия — это не Останкино,
Россия — Порхов да Гвездонь.

Хлеб-соль да ласка — иноверцам,
А для своих — лишь пуд проблем.
Москва — она, конечно, сердце,
Да ожиревшее совсем.

Но нам ли гнуться под ударом,
Коль ухаты с кручи не впервой...
Россия — не Чубайс с Гайдаром,
Россия — это мы с тобой!

МАЧЕХА

*Сатанинская страна,
А земля — святая.
(Елена Родченкова)*

Турки, чеченцы, евреи —
Все за своих — горой.
Только в России русский
В доме своем — изгой.

Нет тяжелей мытарства,
Чем среди стен родных.
Мачеха-государство,
Что же ты бьешь своих?!

Что ж так усердно хочешь
По чьей-то воле злой
Гнать на панели дочек,
И сынов — на убой.

Всякий запас терпенья
Кончился. Вышел срок.
Снова щеку подставить —
Уж не хватает щек.

* * *

Любить твои дворцы и Храмы,
И друга крепкое плечо.
И речку, что из детства прямо
Через всю жизнь мою течет.
Гордиться доблестью и славой
Под звон и блеск золотых наград,
Любить всесильнейшей державы
Над Красной площадью парад.

Любить в увечьях и морщинах,
Любить с клюкою и сумой,
И безлошадной и в морщинах,
И со крестом, и под звездой.
Тебя, обобранную всеми
И все ж способную дарить,
Тебя, униженную всеми —
Любить, любить, любить, любить.

Татьяна Гореликова

* * *

Видишь, Родина, как в мирном небе играют зарницы?
Слышишь, Родина, как величальная песня звучит?
На заре псковичи в храм идут за тебя помолиться.
И горят купола язычками свечи.
Приезжайте на миг, белолицым церквям помолиться,
Чтоб рассвет не погас — посетите святые места.
Приезжайте на день, чтобы в город на веки влюбиться.
Тут молитву Святым шепчут сами уста.
По заслугам и честь: город орденом Славы отмечен.
И десант, и спецназ множат подвиги славных отцов.
Здесь ведут под венец самых верных и преданных женщин,
И венчает «союз» перезвон бубенцов.

Спи спокойно, страна, если древнему Пскову не спится.
У Отчизны родной есть надежный и сильный оплот.
Над Великой рекой упиваются синью синицы.
По заветам отцов славный город живет.

* * *

Высокий берег, глубока вода,
Как кружева кругом ложатся тени.
Берёзы моют ноги у пруда,
Подставив солнцу белые колени.

К воде сбегает стайей стебельки
Испить глоток серебряной водицы.
И первые над лугом мотыльки,
И по кустам пернатые певички.

Куда ни глянь — такая благодать,
А в томной тишине такая сила,
Что хочется от радости рыдать
У ног твоих, любимая Россия.

* * *

Еще вдыхают облака
Очарованье дивной ночи.
Спешит Великая река
И гребни волн о берег точит.

Оберегая древний град,
Застыли башни — изваянья.
И белокаменных палат
Едва заметны очертанья.

Когда скитаться надоест
По голубому небосводу,
Слетают звездочки с небес
И пьют серебряную воду.

Почти невидимый в ночи,
Туман над берегом струится;
Ночная музыка звучит,
Чтоб в наших душах повториться

* * *

Мне часто снятся города,
В которых я ни разу не был.
Там есть уютная звезда
И где-то виденное небо.
Мне часто снятся купола.
Потом — обшарапанные стены.
Там кофе девушка пила,
Старательно сдувая пену.
Там в желтых окнах темноты
Светились тысячи вселенных.
Мороз полировал кресты,
И необъятно пахло сеном..

Мне часто снятся города,
Которых нет на самом деле,
И очень трудно передать
Тревожный запах новоселья.

ОСТРОВ. ДЕТСТВО

Молоком и полем пахло лето.
Вечер шел над крышами домов,
Желтый и немножко фиолетов, —
Столько было в городе цветов.

Детство стало розовыми снами,-
Было или не было оно...
Мы ловили рыбу с пацанами;
Удирали вечером в кино.

Теплая, ночная, дождевая,
Побежала по земле вода.
Быстро мы о детстве забываем,
Уходя в большие города...

Мушкетер дерется с казаками,
Робин Гуд гуляет по дворам.
И летят над ближними домами
Два моста к любимым берегам.

Маленькие, желтые, осенние,
Листья налетят со всех сторон.
Слишком мало выпало рождений,
Слишком много стало похорон.

Сколько перепито, перепето
И других не водится идей.
Шел Господь гулять по белу свету
Собирать к Себе святых людей.

Их у нас теперь совсем не много:
Не дожили, Господи, прости.
Тяжела тернистая дорога:
Век скользить на глинистом пути.

Запахи асфальта и бензина
Святость извели наперечет.
Поутру идет до магазина
Сельский, неказистый мужичок...

УЗНИК № 15788

(отрывок)

Очерк посвящен памяти генерала Тимофея Яковлевича Новикова, родившегося на Псковщине и погибшего в плену, в концлагере Майданек. (Ред.)

«Этот мальчик далеко пойдет»

(О школьных годах Тимоши рассказывает ветеран-педагог О.В. Михайлова)

В дошкольные и школьные годы мне довелось близко познакомиться и некоторое время вместе жить рядом с бойким и шустрым мальчишкой Тимошкой, как звали его тогда, Тимофеем Новиковым из деревни Загорье... В 1911 году он начал учиться в Башово — земское трехклассное учебное заведение было одно на всю округу. Учились здесь дети и из дальних деревень. Ходить в школу далеко, интерната не было, поэтому ребят устраивали на частные квартиры. В частности, Тимофей, его брат Григорий и сестра Дуня жили, то есть «приставали» в нашей семье. На выходные и праздничные дни приезжал их отец и увозил домой. Из пятерых детей Якова Новикова только Тимофей окончил школу. Для остальных, как и многих других крестьянских детей, считалось, что двухклассного образования достаточно — надо в хозяйстве помогать.

Среди братьев и сестер Тимоша выделялся и больше других запомнился. Был не по годам рослый, крепкий, физически сильный, отличался озорством и смелостью. Его озорству, казалось, предела не было: то какой-нибудь подвох придумает, то забравшись на крышу хозяйственной постройки, бросится оттуда со смехом и гоготом в сугроб. Для нас, ребяташек, были «страшные» места, куда мы боялись ходить. Для него таких мест не существовало, он везде побывал. Мы, девчонки, боялись темноты, Тимоша изгонял из нас страх своим методом: запирал нас вечером в каком-нибудь темном помещении, пугал звериным рыком

Тимофей Яковлевич Новиков

или являлся привидением. Мы, конечно, визжали, оралы, мать отчитывала его, а он объяснял, что трусих именно так и надо учить смелости.

В играх, в разных занятиях он командовал нами, «мелюзгой», как он нас называл, мы подчинялись ему беспрекословно. С ним было интересно. Тимоша очень любил езду на лошадях. На Масленицу школьников отпускали на четырехдневные каникулы. Приезжал отец Новиковых, Яков, и забирал всех ребят на праздник в Загорье. Масленица в деревне превеселая была! Целыми днями катались на санках с горы, а в субботу и воскресенье запрягали в сани лошадь и носились по деревне, за деревню — до самой Красной горки. «Водителем» кобылы всегда был Тимоша. В шапке-ушанке, в больших отцовских рукавицах, он важно восседал на кучерском месте. И не мог обойтись без озорства, которое всем доставляло удовольствие: разогнав лошадь, он делал крутой поворот, сани оборачивались, и мы все летели в сугроб: писк, визг, а он хохочет...

Способный, Тимоша в школе был лучшим учеником. Учителя были им довольны и прощали ему его озорство. Сам он дома занимался мало — усваивал материал на уроках, но строго следил за младшими. Страстью Тимоши были стихи, которые он старательно заучивал и рассказывал нам их. Декламировал громко, с вдохновением, азартно — ну, настоящий артист. Он очень любил «Ивана Сусанина» Рылеева, «Москву» Ф.Глинки, а чаще других читал нам стихотворение «Школьник» («Ну, пошел же ради бога...») Трудные отношения у Тимофея были со священником. Младшие рассказывали родителям о его поведении на уроках священника. Выслушав их, мать сокрушалась:

— И что только выйдет из нашего Тимки? Не иначе разбойник будет...

Отец же, рассудительный и умный, спокойно говорил:

— Ну что выйдет? Выйдет, мать, настоящий человек.

Тимоша уже в мальчишеские годы проявлял организаторские способности и был правой рукой учителя Сергея Николаевича. В работе по благоустройству школы, озеленению школьной территории он сам принимал активное участие и вовлекал товарищей. Ими были привезены и посажены вдоль дороги клены, а также фруктовые и декоративные деревья и кусты...

И вот Тимофей Новиков закончил Башовскую школу. Мне запомнился подслушанный случайно разговор инспектора народных училищ с учителем о нем. Инспектор тогда сказал:

— Этот мальчик далеко пойдет.

Эти слова мной, тогда первоклассницей, были поняты в прямом смысле. И я потом спросила Тимошу, куда его далеко отправляют, куда он пойдет? Тимоша, кажется, не понял моей озабоченности и спокойно ответил:

— Куда ж я пойду? Домой пойду, в Загорье.

Впоследствии он действительно пошел далеко.

Башово, 1981 год.

Повторил Юлия Цезаря

СПРАВКА

Тимофей Яковлевич Новиков в 1921 году поступил в Пехотную школу в Петрограде. После ее окончания Новиков командовал различными стрелковыми подразделениями до 1932 года. Он служил в воинских частях Себежа, Великих Лук, Пскова, Архангельска...

Во время пребывания в Пскове Тимофей Новиков познакомился с девушкой по имени Мария, которая работала секретарем в воинской части. Между ними вспыхнула любовь с первого взгляда. Но дальнейшему её развитию помешало отбытие Новикова на новое место службы — в Архангельск. А там командирские обязанности и заботы так захватили и закружили его, что он никак не мог выбрать времени, чтобы написать Маше. Но всегда помнил о ней и жил мыслями о встрече с любимой.

Его молчание однако затянулось настолько, что девушка стала плохо думать о Новикове, решив, что он ее забыл, и постепенно приняла ухаживание другого командира. А тот свое ухаживание довел до логического конца: наступил такой момент, когда Маша согласилась выйти за него замуж. Но недолго музыка играла для этого жениха. Тимофей Новиков не был бы Новиковым, если бы и в этом возрасте не сохранил черты характера, которыми обладал будучи мальчишкой: озорство, настойчивость и решительность. В день, когда Маша стояла перед зеркалом и с помощью подруги колдовала над своей прической, чтобы идти в ЗАГС, где ее уже ждал жених, дверь шумно распахнулась и в ее комнату ураганом влетел Новиков:

— Маруся, я приехал за тобой!

Позиции соперника были смяты в один миг: обессиленная Маша счастливо плакала в объятиях Тимофея. В тот же день она уехала с ним в Архангельск. Возможно, кто-нибудь скажет, что так бывает только в кинофильмах. И будет прав.

Но с этой парой произошло именно так, как произошло. Ведь здесь присутствовал Новиков!!!

Вероятно, многие знают крылатую фразу: «Пришел, увидел, победил». Историки утверждают, что она принадлежит римскому полководцу Юлию Цезарю, жившему до нашей эры. О Новикове можно сказать так: «Пришел, увидел и увез». Умыкнул невесту из-под самого венца. А еще добавим, что они поженились, и Мария Михайловна подарила Тимофею Яковлевичу дочерей Зою и Евгению и сына Тимофея...

СПРАВКА

Т.Я. Новиков в 1932-1937 годах занимал должности помощника начальника и начальника оперативного отдела штаба дивизии. В 1937-1938 годах, был начальником разведотдела штаба корпуса.

В 1938—1941 годах командовал 406 стрелковым полком 124-й стрелковой дивизии. 28 ноября 1940 года ему было присвоено звание полковника.

124-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Суший, в бой вступила в первый день Великой Отечественной. И вскоре случилось так, что она попала в окружение. Особенно тяжелые бои завязались в районе города Корзина, где на пути 124-й оказалась крупная группировка фашистов. В жесткой схватке погиб командир 622-го полка майор Карцхия, был тяжело ранен командир дивизии генерал Суший. 14 июля 1941 года он скончался. В командование 124-й дивизией вступил полковник Новиков. В течение 32 дней с непрерывными боями выводил он части из окружения. Об этом героическом рейде написали многие советские газеты.

Был представлен к званию Героя.

25 июля 1941 года в жизни 124-й стрелковой дивизии произошло очень важное событие: в этот день после 32-х суток рейда по тылам врага, сохранив боевой порядок, в количестве 2000 человек она с боями вышла из окружения и соединилась с Действующей армией. Ее принимал командующий 5-й армией генерал-майор танковых войск М.И. Потапов.

И уже на следующий день он представил полковника Т.Я. Новикова к званию Героя Советского Союза. 2 января 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден орденом Ленина, а 10 января полковнику Новикову было присвоено звание генерал-майора.

В одном из сражений Новиков был серьезно ранен в ногу. Но и после этого продолжал командовать частью, разъезжая на обозной повозке. Во время 32-х дневного рейда в боях полковник Новиков со своей частью уничтожил в тылу противника более 3000 немцев, разгромил моторизованную дивизию, захватил 300 машин с боеприпасами, сотни мотоциклов и велосипедов.

СПРАВКА

19 февраля 1942 года генерал Новиков был контужен и госпитализирован. После излечения в апреле его назначили командиром 181 стрелковой дивизии. С 20 июля ее части в составе 62-й армии Сталинградского фронта вели тяжелые бои в районе хутора Лобакина. В августе дивизия попала в окружение. Генерал Новиков организовал прорыв, но сам 15 августа тяжело контуженным попал в плен. Содержался в Нюрнбергской тюрьме, в крепости Вайсенбург и многих контррационных лагерях».

Непокоренные генералы и в концлагерях воевали.

В конце августа 1943 года в фашистский лагерь уничтожения Флоссенбург под уси-

ленным конвоем эсэсовцев прибыл транспорт особого назначения. В нем, законных в наручники, привезли «нежелательных военнопленных», отказавшихся сотрудничать с гитлеровцами и приговоренных к пожизненному заключению в концлагерях уничтожения. Ими были три советских генерала: Д.М. Карбышев, Т.Я. Новиков и Г.В. Засманович. Генералов переодели в арестантскую полосатую робу с красным треугольником и номером на груди. Вместо сапог им выдали деревянные колодки. И отправили в карантинный блок.

Концлагерь Флоссенбург находился у чехословацкой границы. У подножия гор — авиазавод. Здесь в каменоломне работали заключенные. Лагерь был опоясан шестью рядами колючей проволоки под током высокого напряжения. За проволочным ограждением через каждые 50 метров стояли каменные вышки, с которых охрана могла простреливать запретную зону и прилегающую к ней местность.

За проволокой находился и крематорий, рядом с ним огромный котлован, где на кострах сжигали трупы. На воротах проходной концлагеря было написано: «Труд освобождает». В 1944 году здесь запустили 11 газовых камер. В крематории этого лагеря было сожжено 80 тысяч человек двадцати национальностей. Больше всех русских — 26400, меньше всех американцев — два человека.

В этом аду и предстояло находиться нашим генералам. Однако они жили там активной жизнью, внушали военнопленным, что советские люди даже в таких условиях должны бороться с фашизмом. Новиков сразу же наладил связь с действующим в лагере подпольем и вскоре был введен в его руководство. Упоминаемый выше В.И. Дегтярев автору этого повествования в одном из писем сообщал:

«До февраля 1944 года, то есть до того, как в концлагерь Майданек, в котором я в то время находился, из штрафного концлагеря Флоссенбург были привезены узники для истребления в газовой камере и сожжения в крематории, я Новикова не знал. Среди них были и три непреклонных советских генерала: Д.М. Карбышев, Т.Я. Новиков и Г.В. Засманович.

Узнав о прибытии советских генералов, действовавшая в Майданеке подпольная антифашистская международная организация поставила перед собой задачу любыми способами спасти жизнь советских генералов. Фашисты же поручили мне и врачу Михайловскому написать на этих генералов истории их болезни, в которых указать, что они не способны к жизни и умерли естественной смертью. Руководство же подпольной организации поручило нам сделать все, чтобы спасти этих генералов, хотя знали все, что сделать это не так просто. Это было связано с большим риском для собственной жизни. И все же нам удалось спасти их от газовой камеры. Обслуживая как врач два барака больных узников концлагеря Майданек, я взял к себе Новикова и Засмановича и предпринял все возможное, чтобы поставить их на ноги — они были доведены до полного истощения и бессилия. Преодолевая большие трудности, нам удалось это сделать...

С большим трудом и повседневным риском для жизни многих нам удалось получать информацию о положении на фронтах, об успехах Советской Армии.

Эту информацию мы тут же распространяли среди узников лагеря через надежных людей. С большим успехом эту работу выполнял Новиков. Я всегда диву давался, когда смотрел на действия этого человека, не знавшего страха. Из моих бесед с ним, а также из совместных бесед его с Карбышевым, Засмановичем и другими узниками, нам было известно, что в плен он попал на Сталинградском фронте, будучи раненым и тяжело контуженным».

Итак, теперь концлагерь смерти Майданек. Здесь немецкие фашисты впервые применили газовые камеры, загубив в них к февралю 1944 года более миллиона человек.

В одном из писем Дегтярев назвал Новикова «Человеком с Большой Буквы». Проникновенные слова сказал он о нем и в книге «Побеждая смерть»:

«Смелость этого человека не знала границ. Будучи тяжело раненым, измученным голодом и тяжелой работой в штрафном концлагере, Тимофей Яковлевич находил в себе силы сохранять бодрость духа, юношеский пыл борьбы. Высокий, худой, он с жаром говорил о мощи Советской Армии, о новой замечательной технике, о том, что наши войска стремительно продвигаются вперед и что недалек тот час, когда окончательно будет разгромлена гитлеровская Германия. Сколько страсти, непоколебимой веры было в его словах. Иногда такие беседы длились час-полтора. И хоть бы кто шевельнулся! Каждый ловил слова генерала, как свежий воздух. Измученные люди вновь обретали веру в свое освобождение, эта вера продлевала их жизнь».

Генерал Новиков и в концлагере продолжал воевать. Здесь главным его оружием было умное слово, подкрепленное фактами. Ему верили, оно поднимало дух узников, сохраняло в них последние силы и звало к действию. Они не ждали, пока их освободит Советская Армия. Был составлен план побега через туннельный подкоп под проволочные заграждения. В разработке плана побега принимал участие и генерал Новиков. Советским военнопленным он говорил, чтобы они не забывали, что находятся среди представителей других государств, что надо поднимать и вести их за собой.

К сожалению, план побега провалился. Приближалась Советская Армия. Гитлеровцы начали в спешке эвакуировать больных узников. В машины их бросали, как бревна. Генералы Новиков и Засманович выступили с резким протестом против такого

зверского обращения с больными. Эсэсовцы такую их вольность не стерпели и долго грубо избивали. Особенно Новикова, как зачинщика...»

Дегтярев в книге «Побеждая смерть» о последствиях этих избиений написал:

«Семнадцатого апреля 1944 года после тяжелых побоев на моих руках умирал генерал Тимофей Яковлевич Новиков. До последней минуты он был в полном сознании и говорил:

— Доктор, я чувствую, что скоро конец. Если останешься жив, разыщи мою семью и передай ей, что я не забывал родных, что я умер верным своему народу, Коммунистической партии...

Сказав это, генерал замолчал. На его глаза навернулись слезы. Окинув взглядом тех, кто сидел рядом, Тимофей Яковлевич произнес:

— Боритесь за Родину, товарищи, всегда, в любых условиях. Помните, что мы — советские...

Это были его последние слова. Мы повторили их как клятву».

Дегтярев выполнил предсмертную просьбу генерала. Написав книгу воспоминаний «Побеждая смерть», один экземпляр ее он отправил жене Тимофея Яковлевича — Марии Михайловне. Затем она перешла к их сыну Тимофею Тимофеевичу..

О, время! Ты не стоишь на месте, все куда-то торопишься, обгоняя человеческую жизнь и даже память человека, которая недолговечна. Хочется надеяться, что память о генерале Новикове будет жить долго.

МОСТ РАЗОЧАРОВАНИЙ¹

В Великих Луках речка Ловать
Смывает в прошлое века...
А вот теперь слышали новость:
Мостом срастили берега.
На перегруженных опорах
Гудят натруженные тросы.
А город полон разговоров,
И нет ответов, лишь вопросы,
А вдруг мост рухнет в речку вниз?
Но мост незыблем, как и прежде.
Родил свадебный каприз,
Служивший призрачной надежде:
В день свадьбы вешают замки
На заржавевшие перила,
В течение бурное реки
Ключи бросают в царство ила.
Обряд прижился. Ежедневно
Дно принимает семь ключей,
И горделиво псевдодевы
Ведут к закланию мужей.
Влетает наша жизнь в трубу,
И через год пойдут разводы.
Так можно ли скрепить судьбу
Ключи выбрасывая в воду.

* * *

Над Изюмом² небо в синей проседи,
За Кремьянец³ медленно маня,
Для кого вы счастья просите?
Отвечают: нет, не для меня.
Косогор, облепленный деревнями,
Ну, а дальше степи без конца,
И мелькает редко меж деревьями

¹ В городе Великие Луки есть подвесной мост между островом Дятлинка и крепостью. На перила этого моста молодожёны в день свадьбы вешают замки, поэтому этот мост называют «Мостом разочарований».

² Изюм — небольшой городок в Харьковской области.

³ Кремьянец — меловая гряда проходящая через город Изюм.

Синяя прожилочка Донца.¹
Вечерело, в небе лунный глянец,
Как фонарик. Многие века
Подпирает небеса Кремьянец,
И летят над нами облака.
На мечты похожие немного,
На простые детские мечты.
Хочется вернуться сюда снова,
Чтоб на год напиться красоты.

В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

Первый луч пробежал по склону,
На крестах осветив перекладины.
Колокольни молятся звону,
Только нужные ноты не найдены.
У листвы подслушав мотив,
Языки раскачает звонарь,
И над зарослью русских ив
Разливается звон, будто встарь.
И хоть звон по утру невпопад
Бередит, как солнечный луч,
Что сильнее миллиона лампад,
Даже из-за свинцовых туч,
Принимают его аллеи,
Как сакральную благодать,
И так хочется привкус елея
В этих звуках себе подгадать.
На душе чтобы не было тяжко,
И чтоб мимо промчалось горе,
Затянусь, как последней затяжкой,
Свежим воздухом Пушкиногорья.

* * *

Летом слишком поздно вечереет,
Затихает птичий балаган.
Ночью всё мне видится серее.
В ивняке запутался туман.
От прохлады Солнце покраснело,
И прогнало глупую Луну...

¹ Донец — река Северский Донец, протекает через город Изюм.

Только мне до этого нет дела,
 На вечерней зорьке я усну.
 Солнце меня будит слишком смело,
 Очень скоро день оно зажжёт.
 Поутру прекрасная Венера
 Оживляет скучный горизонт.
 Я пойду за ним в края иные,
 В те, где будет скука и уют.
 Только песни русские хмельные
 В тех краях не пишут, не поют.
 Я забуду акающий говор,
 Но ломая в языке хрящи,
 Я скажу, а ну-к, французский повар,
 Приготовь наваристые щи.
 Да такие, что б сводило скулы,
 И что б пар был словно бы туман...
 И вдруг вспомню, как наивно дуры
 Веруют в богатство дальних стран.
 И от грусти, может быть, заплачу,
 Жизнь в разлуке хуже, чем петля.
 Попрошу: сыграйте мне на сдачу
 Про тоску, раздолье и поля.
 Музыкант, конечно же, сфальшивит,
 Присушу печаль свою в вине...
 Он не знает, как на русской иве
 Набухают почки по весне.

Николай Иванов
 (Псков)

ПСКОВ

Я по городу древнему еду
 Вдоль старинной стены крепостной.
 Пережил Псков немалые беды,
 Защищая России покой.

Над стеной крепостной, возвышаясь,
 Словно воин, несущий дозор,
 В глади рек на заре отражаясь,
 Свято-Троицкий светит собор.

Будто копья, вокруг него — башни,
 Трубы фабрик, церковей купола...
 День сегодняшний рядом с вчерашним
 Воедино эпоха свела.

Он, как Феникс из пепла восставший,
 Вновь сверкает своей сединой.
 Малой родиной город нам ставший,
 Украшеньем — России родной.

Лев Маляков

РОССИЯ

За тебя, за неоглядную,
 Ненаглядную мою,
 С честью принял долю ратную
 И теперь на том стою.

Пусть в плечах опала силушка,
 В сундуке — матросский клеш,
 Боль катается по жилушкам,
 Но вернее не найдешь.

Мы ходили в рукопашную,
 «Черной смертью» звали нас...
 Вот бы силу ту, вчерашнюю,
 Да Георгия приказ!..

Не за тем полвека маялись,
 Гнали колос, словно плеть,
 Мы в свершенном не раскаялись,
 Дай Бог, сможем одолеть

Перевертышей-предателей,
 В черном золоте пловцов,
 Над Россией надругателей,
 Многоликих подлецов.

Ты же видишь, Русь-страдалица,
 Сыновьям не привыкать
 За тебя от века маяться,
 Если надо — умирать!

РОДИНА

Полыхает заря,
Голубые
За рекою теплеют снега, —
Все знакомо,
Но словно впервые
Я встречаю твои берега.

До чего же она многолика,
Наша тихая мать-земля!..
От истоков
До устья Великой
Исходил я леса и поля.

И от устья опять —
До начала
Разливанная лада-волна
Лютой вьюгой меня привечала,
Жар-цветами дарила сполна!

Здесь и летом,
И в зимние стыни
Без умолку гудят провода,
И столбы электрических линий,
Будто люди,
Текут в города.

За болотом фабричные трубы
Не дадут в глухомани пропасть.
Тянет солнышко жаркие губы,
Чтобы к росной поляне припасть.

По утрам дергачиные вскрики
Будоражат зеленую тишь,
И птенцами рассветные блики
Осыпаются в темный камыш.

Я дышал половодья кипеньем,
Слушал пульс потаенных ключей,
Упивался воинственным пеньем

Одуревших в любви косачей.
И не раз у лосиного стада,
Замирая,
Стоял на виду...
Как мне мало,
Как много мне надо!
Я к тебе,
Как на праздник, иду!

МОЕМУ СОВРЕМЕННОМУ

Пытаюсь прошлое осмыслить,
По капельке в себя вобрать
Церквей, соборов, башен мысли
И всем былым перестрадать.

Который год учусь я слушать
Мой древний город, гордый Псков.
В нем предков оживают души —
Свидетели иных веков.

Любой из нас — поэт, строитель —
Всевышним принят на учет.
Задумайся, беспечный житель,
Куда душа тебя влечет?

И сопоставь ее деянья
Со всем, что пращур завещал.
Прими бывшего созидање,
Запасы леса и леща.

Незамутненные рассветы,
Дожди, как детскую слезу,
Благоухающее лето,
Лугов приречных бирюзу.

Гордись оставленным богатством,
Умей беречь, приумножать.
И главное — людское братство
Храни, как Божью благодать!

НЕ ОДНОЙ ТОЛЬКО ПАМЯТЬЮ...

Рассказ

Баню Василий Александрович решил истопить всё-таки завтра, в субботу; хотел, было, сегодня истопить, после обеда, но сил для такого важного дела к вечеру уже просто не осталось. Оно, конечно, сегодня-то сподручнее было бы: так употёл, чурки берёзовые по снегу ворочая, что не только рубаху со свитером, а и саму телогрейку — хоть выжимай! Самое время пот бы смыть, да... где на всё сил-то набраться? Восьмой десяток уже к середине подкатил — шутка ли?

Да ещё и колун этот, чтоб его! Топорище с прошлой зимы, когда он колун в последний раз в руках держал, так рассохлось, что просто беда: того и гляди, что размахнёшься посильнее, а колун с него куда-нибудь в сугроб — фьють! — и улетит. И ищи потом, ползай по двору на четвереньках, соседям на смех...

А почему — топорище? И у топора — топорище, и у колуна — топорище? Может, если у топора — топорище, то у колуна — колунце? Хотя... один хрен: как эту деревяшку ни назови, а всё одно — рассохлась, что старухино корыто...

— Не-е, завтра истоплю, — подумал вслух Василий Александрович. — Вот встану утречком — и истоплю...

Телогрейку он снял и повесил на вбитый в бревенчатую стену гвоздь ещё в сених, чтобы налипшие на неё опилки и мелкие осколки щепок в дом не нанести — самому же и подметать придётся: мало ли что дочь Людмила, благо что по соседству живёт, каждый день к нему приходит — и прибраться, и покушать отцу приготовить — а всё ж негоже лишнюю грязь в доме разводить: нехорошо это. Второй год уже так повелось, как Нины-то не стало, второй год пошёл...

Василий Александрович долго, никуда не торопясь — да и куда ему теперь торопиться? — мыл руки под тонкой, вихляющей из-под крана струйкой холодной воды, потом так же долго вытирал их жёстким «вафельным» полотенцем — до тех пор, пока ни растёр докрасна. Наконец, повесив влажное полотенце на бечёвку, натянутую рядом с нетопленной со вчерашнего вечера «голландкой», подошёл к газовой плите, достал с полки спичечный коробок и долго чиркал об него тонкой спичкой, которая так и норовила вывалиться из непослушных, ещё не до конца отогревшихся с мороза пальцев.

Поставив на плиту кастрюлю со щами, Василий Александрович, шаркая по крашеному полу растоптанными валенками, которые носил в холода только дома, прошёл в горницу, включил телевизор и только после этого принялся растапливать «голландку», по ходу дела прислушиваясь к тому, что хорошо поставленным голосом вещал с телеэкрана молодой диктор... или как их там теперь называют. Растопив печь, он сел возле стола на жалобно заскрипевший под ним стул, ещё надеясь успеть досмотреть вечерние «Вести», но понял, что опоздал: стройная миловидная девушка, стоя у большой, во весь экран, карты России, рассказывала о погоде.

— Вот, понимаешь... провозился... — огорчённо вздохнул Василий Александрович. — Тьфу ты, мать честная!

Поев, он прилёг на диван; лежал, посматривая то на экран телевизора, то на притулившегося в его ногах кота Сёмку, и с нетерпением ждал, когда же, наконец, протопится печка, чтобы можно было перебраться с дивана на низкую скамейку возле неё и как следует прогреть ноющую поясницу сухим, жгучим жаром, источаемым сквозь тонкую жёсть печного каркаса раскалёнными кирпичами.

Вскоре от «голландки» невидимыми мягкими волнами по горнице стало растекаться ласковое тепло; оно наплывало хотя и медленно, но вполне ощутимо. Василий Александрович нехотя поднялся с дивана, сунул ноги в валенки и подошёл к печке; открыл скрипнувшую печную дверцу, помешал кочергой угли и снова улёгся на диван.

День заканчивался так же, как почти все дни, прожитые Василием Александровичем после смерти жены; а их, этих дней, со дня похорон Нины прошло уже немало. Теперь ему куда как проще было бы брать за единицу измерения своего вдовства уже не дни и даже не недели, а месяцы. А там, глядишь, и на годы счёт перейдёт — если, конечно, на то Божья Воля будет, и даст Он ему, старику, пожить на этой грешной земле ещё сколько-то времени. Хотя, наверное, не очень-то они ему, Василию Александровичу, и нужны теперь, эти будущие годы: что за радость-то в них без Нинушки? Её-то душенька теперь, поди, упокоилась, а вот у него на душе — и пасмурно, и тоскливо; мутно, если проще сказать. И вряд ли когда-нибудь будет светлее...

Василию Александровичу вдруг вспомнилось, как года три или четыре тому назад, перед Троицей, ходили они почти всем семейством — он сам, Нина и дети с внуками — в деревню Северик, откуда Нина родом была, на старое кладбище. Самой деревни давно уже и в помине нет — один дом остался, да и в том двери и окна давным-давно заколочены, — а кладбище сохранилось. Да и куда ему деться, кладбищу-то? Это живых людей, бывает, на новое место перебраться иногда тянет, а мёртвым... им последнее своё пристанище менять ни к чему.

Помнится, пришли они туда (а долго шли, и всё пешком: дороги в Северик лет уж двадцать как нет — лесом так заросла, что и на велосипеде не проедешь), поклонились старой берёзе, под которой Нинин родительский дом стоял, перекусили в её тени чем Бог послал, передохнули малость и принялись на могилках прибираться. Могил на кладбище немало, и в большинстве своём заброшены они давно: видно, время нынче такое, что живым всё больше не до мёртвых становится — самим бы как-нибудь выжить; хотя, конечно, грех это — покойных родичей своих по столько лет не навещать; ну, Бог им судья... а их, Семёновых, могил всего две: деда Нинино, Ивана Семёновича, и её отца, Михаила Ивановича. Даты рождения, что на приделанных к крестам табличках обозначены, у них, отца и сына, само собой разумеется, разные, а вот даты смерти — одинаковые: на обоих дощечках так одинаково и написано: «Убит 07.11.43». Такая вот судьба — вернее, судьбы...

А дело, как рассказывала ему Нина, было так.

Рано утром в деревне появился отряд немцев; ну, может, и не отряд, а взвод или разведгруппа. Были они, все до одного, на велосипедах (может, и вправду — разведчики), и сама деревня, судя по всему, их не интересовала; остановились, попили воды из колодца, да и покатали себе дальше, никого из сельчан не трогая и ни о чём не спрашивая. Люди, было, вздохнули с облегчением — слава Богу, мимо пронесло нечисть поганую! — да, как оказалось, рано радовались: только немцы успели за околицу выехать, только стали к лесу подъезжать, как на опушке, сразу за деревней, такая стрельба поднялась, что не только жители Северика в своих домах от страха замерли, а и все собаки в деревне разом лаять перестали, вмиг по тёмным подворотням попрятавшись.

В общем, уничтожили тогда партизаны ту группу — всю, полностью. И закопали вместе с велосипедами. И, не заходя в Северик, снова ушли в лес.

А ближе к вечеру в деревню нагрянули каратели; выгнав людей на улицу, они подожгли несколько домов, а всех до единого мужиков, не делая скидок на возраст, погнали в деревню Киверево.

Где в тот же день и расстреляли...

Тело Ивана Семёновича, деда Нининого, родичи как-то сумели у немцев выпросить и из Киверево вывезти, чтобы рядом с домом его похоронить, на своём кладбище. А вот отца её, Михаила Ивановича, среди расстрелянных тогда не нашли: не было его там, и всё! Долго потом Семёновы тешились надеждой на то, что, может, помог ему Господь выжить, уберёт от злой вражьей пули; может, удалось Михаилу как-то убежать, пока их на расстрел вели, и скрывается он теперь где-нибудь. Или у партизан с супостатами воюет...

Однако уже и зима прошла, и весна наступила, а вестей про Нининого отца всё не было и не было. А когда растаял снег, то кто-то из сельчан отправился по какой-то своей надобности в лес, да там, невдалеке от деревни, Михаила Ивановича и нашёл. Немного Нинин отец до родного дома не дошёл (или не дополз?) — и всего-то километров шесть или семь видно, кровью, что сочилась из ран, полученных им при расстреле, истёк...

Но ведь почти пятнадцать-то ему преодолеть всё же как-то удалось!

Вот так и оказались могилы Нининых отца и деда рядышком и с одинаковыми датами смерти...

А самой Нине тогда всего девять лет от роду было...

За воспоминаниями Василий Александрович и не заметил, когда перестали потрескивать в печке дрова, и засуетился: как бы тепло не упустить! Зима-то нынче — о-го-го! Вон, утром, когда рассвело, аж тридцать три градуса на термометре было. Днём, правда, малость отпустило, а к ночи, поди, опять мороз завернёт — не обрадуешься.

Он закрыл сел на диване и расстегнул душегрейку.

— Вот ведь напочегарил, — пробормотал он. — Ну, не беда: к утру выдует...

Сёмка перевернулся во сне на спину, что-то пробурчал и прикрыл нос ладью. Василий Александрович покосился на него и кивнул.

— Вот я и говорю, что выдует...

Шаркая валенками, он пересёк горницу и, пошуровав в печке кочергой, закрыл заслонку на трубе; потом сел на низкую скамеечку, спиной к «голландке», и, чувствуя, как тепло, разогревая кровь получше самого крепкого вина, начинает проникать в его уже далеко немолодое тело, закурил.

И снова задумался...

Да-а, немало пришлось его Нинушке в войну пережить; потому, видно, и не любила она то страшное время вспоминать...

А по самому Василию Александровичу и по его семье война ещё круче прошлась: такого повидать пришлось, что и врагу не пожелаешь...

Детство его прошло неподалёку от станции Карамышево — в небольшой деревеньке Горбухино; и её, как сотни и тысячи других деревень, война пожарами не обошла. А деревни тогда жгли не только немцы, но и партизаны; немцы — в стороне от больших дорог, в захолустье, чтобы партизанам никто не смог приют под крышей своего дома дать, а партизаны наоборот — на большаках, чтобы немцам притулиться негде было. Так вот и Горбухино партизаны спалили; люди говорили, что какая-то девчонка дома поджигала. Мама, помнится, как услышала это, так аж побледнела — видно, подумала, а ни дочь ли её, Шура, такое сотворила? Ведь как убежала Шура в первые дни, как немцы пришли, к партизанам, так ни слуху о ней, ни духу. Это только потом, после войны, выяснилось, что то ни Шура дома в Горбухино подожгла, а другая партизанка; а тогда-то Семёновы страху натерпелись...

В общем, только один дом после той ночи в деревне уцелел — Семёновых (так уж вышло, что и у Василия Александровича, и у его будущей жены фамилии были одинаковыми); помнится, вся деревня после пожара в их доме жила, но недолго: фашисты дом вскоре сожгли. И тогда, собрав уцелевшие пожитки, отправились Семёновы вместе с остальными жителями дотла сгоревшего Горбухино в недалёкую деревню Пасьяково — в надежде, что немцы их там не достанут.

Но война — она и есть война: коль уж покати́лась огненным валом по земле, мало что на ней уцелеть сможет. Вот и в тот раз так вышло...

Только, было, бывшие горбухинцы стали кое-как в Пасьяково обустраиваться, как и туда немчура проклятая нагрянула, да не армейские части, а каратели; эти долго не церемонились, а сразу приказали всем из домов на улицу выйти. Большинство, конечно, приказ выполнило — а куда под дулами автоматов денешься? — а тех, кто не подчинился, немцы особо и не уговаривали — сожгли вместе с домами, и всё...

Семёновы — а было их шестеро: Вася с братом Колей, отец с матерью и бабушка с дедом — тогда немцем подчинились, чем и спаслись от верной гибели. Однако дальше семью ждали страшные испытания...

В деревне Гнильно, куда они перебрались, собралось много народа из других сожжённых деревень. Но фашисты, преследуя несчастных людей, явились и туда. Ни с кем по отдельности немцы не разбирались: повыгоняли всех на улицу, согнали, как стадо, в одну кучу, кое-как построили в колонну — и в Карамышево. Там двое суток продержали в каком-то бункере, не давая ни воды, ни хлеба. На

третий день всех сначала построили у железнодорожных путей, пересчитали, а затем загнали в товарные вагоны и повезли в Псков. В Пскове выгнали на перрон, пересчитали, дали каждому из невольников по буханке хлеба — и снова в вагоны. И уже через неделю Семёновы оказались в Латвии, в городе Двинске, а потом — на станции Низголь.

Выгнав людей из вагонов, немцы принялись сортировать их по каким-то своим принципам, никому ничего не объясняя. Потом возле вагонов появились латыши, которые стали отбирать себе невольников. Так Семёновы оказались в латышской деревне Самогол, где и начался их подневольный труд на чужих людей.

Работу пришлось делать всякую — и дрова в лесу заготавливать, и за скотиной ходить, а мама с бабушкой ещё и пряли по вечерам. Трудились с раннего утра и до позднего вечера: за красивые глаза или из жалости хозяева кормить бы не стали. Однако Семёновыми они, видимо, были довольны и потому кормили неплохо — не то что дедушку, который попал в работники к другим, очень жадным людям: бабушке даже приходилось его подкармливать, чем могла...

Но через полтора месяца нелёгкая, но более или менее сносная и размеренная жизнь для Семёновых неожиданно закончилась: из двинской комендатуры пришли повестки с требованием немедленно вернуть невольников для дальнейшей отправки их в Германию. Хозяева, было, хотели откупиться, чтобы оставить хороших работников у себя — даже в комендатуру ездили, возили немцам сало и пиво. Но ничего не вышло — хотя, если сказать точнее, вышло наполовину: Васю с братом и родителями забрали и повезли на станцию, а деда и бабушку оставили. И больше Вася их не видел: дедушка там, в Латвии, и умер (ему к тому времени исполнилось уже 86 лет), а бабушка хотя и вернулась после войны домой, в Горбухино, но до встречи с возвратившимися из фашистского рабства родственниками не дожила: умерла, так и не узнав, остались они в живых в чужедальной стороне или нет. Только Шура, вернувшаяся домой после расформирования партизанского отряда, её и видела. И она же бабушку и похоронила...

Вот так и оказались Семёновы в Германии, в городе Шпандау. С вокзала колонну под конвоем автоматчиков погнали в лагерь, где наскоро накормили какой-то баландой и сразу же, даже не позволив как следует осмотреться, отправили измученных дальней дорогой людей на работу — разбирать образовавшиеся после бомбёжки завалы и убирать территорию лагеря. И только этим делом невольники почти четыре месяца и занимались.

В бараке, куда определили Семёновых, жило человек семьсот, в основном — славяне. Были в лагере так же французы и итальянцы, но от наших их отделяла колючая проволока.

А потом лагерная жизнь стала входить в более или менее определённое русло. Взрослые с утра до вечера месили раствор, из которого потом под руководством мастера-немца делали плиты для строительства небольших домиков, а ребята — особенно те, что помладше — была, по большей части, предоставлена сама себе. Вот, осмотревшись, и приноровился двенадцатилетний Вася днём, пока взрослые были заняты на работах, убежать из лагеря; подлезет, бывало, под колючую проволоку — и на вокзал, чемоданы немцам подносить. Охрана лагеря, как ни странно, на такие «побеги» глаза закрывала и, видя, что подростки каждый раз

возвращаются, за это не наказывала. Иногда на местном вокзале никакой работы не было, и Вася вскоре стал ездить на заработки в Потсдам и в Наум: вскочит, бывало, в вагон третьего класса — и вперёд! Правда, однажды, опаздывая на последний поезд, идущий из Потсдама в Шпандау, он малость ошибся и забрался в вагон не третьего, а второго класса. А там, как назло, предатели-власовцы ехали; они схватили Васю и, как бездомную собаку, вышвырнули его из поезда — прямо на серый асфальт перрона. При падении Вася сильно разбился, потому, наверно, и до сих пор понять не может, как ему тогда вообще удалось в лагерь вернуться. Как добирался, как потом под «колючку» лез — ничего не помнит. Долго потом пришлось ему отлёживаться — ох, долго... И ведь не скажешь никому, кроме матери, не пожалуешься.

Наши войска пять суток вели бои на подступах к лагерю; утром вроде как русское «ура» слышится, и кажется — вот она, свобода, совсем рядом! А к вечеру, глядишь, немцы наших опять назад отбросили. А на шестой день поутру вышли Семёновы из барака, а от сосняка, что почти вплотную с одной стороны к лагерю подходил, красноармейцы цепью бегут. Немцы, было, в bunker, что под двухэтажным зданием комендатуры лагеря был, попрятались, но наши их быстро оттуда выкурили. Так вот и закончился для узников фашистский плен.

Правда, потом почти целую неделю в лагере хлеба не было, и питаться приходилось только сырой свёклой. Наши тоже есть не давали: опасались, что от сытной пищи у изголодавшихся людей может случиться заворот кишок. И позже, когда бывших пленников переводили в другой лагерь, и они, спотыкаясь от изнеможения, семь километров шли по разбомблённому в крошево асфальту хваленых немецких дорог, а попадавшие навстречу красноармейцы норовили сунуть исхудавшим, похожим на ходячие привидения людям что-нибудь из съестного, капитан медицинской службы, сопровождавший колонну, срывая голос, орал на солдат:

— Вы что, вашу мать, убить их хотите?! Фашисты не успели, так вы хотите?!

В новом лагере, когда всех без исключения осмотрели военные врачи, бывших узников стали кормить очень хорошо; того, что им давали, и в нынешние-то времена, пожалуй, не в каждой семье на столе увидишь: хочешь — котлеты ешь, хочешь — отварное мясо. Будто сказочная скатерть-самобранка вдруг перед ними развернулась!

Но и этот лагерь не стал последним для Семёновых: довелось им и ещё один повидать — самый страшный; ничего страшнее, пожалуй, Вася в своей жизни и потом не встречал: одно слово — Бухенвальд...

Огромные стога волос, и среди них — отдельно сложенные кипы русских, каштановых, чёрных девичьих кос...

Уходящие высоко в голубое майское небо закопчённые трубы крематория...

Жуткие, холодные зевы огромных печей, поглотивших десятки тысяч человеческих тел...

Длинные ряды колючей проволоки, по которой фашисты пропускали электрический ток...

Колченогие вышки с прожекторами...

И долгое ожидание отправки домой в бараках, из которых до них, прибывших сюда уже после Победы, живыми не вышел почти никто...

В Бухенвальде Семёновым, как и почти всем бывшим заключенным, пришлось прожить почти год.

— Ну, куда вы поедете? — чуть ли ни ежедневно отвечал на вопросы о сроках отправки уставший от объяснений комендант. — Некуда пока вам ехать — не-ку-да! Пепелища там одни, разруха, голод... Сидите пока здесь, отъедайтесь на казённых харчах...

Кормили, правда, хорошо: тут тебе и щи с мясом каждый день, и каши разные с тушёнкой. Но хотелось-то домой!

И вот, наконец, настал тот долгожданный день, когда их снова погрузили в «теплушки» и отправили домой. Но сначала эшеленом удалось доехать только до Польши; там их почему-то пересадили на «студебеккеры» и отвезли в Белоруссию, на станцию Каргуз Берёза, где снова посадили в эшелон и довезли уже почти до самых Великих Лук. А это, считай, уже Псковщина, родные места. А добраться сначала до Дно, а затем и до самого Карамышево было уже нетрудно.

Вася с матерью и братом пешком отправились домой, оставив на станции отца с нехитрым скарбом: хоть и невелика была поклажа, а тащить её на себе ... километров им было не под силу — чай, не с курорта возвращались, а из неволи. Уж как их встречали — до сих пор мурашки по коже бегут: ведь и не чаял уж никто живыми их увидеть. Сестра Шура запрягла колхозного коня и помчалась в Карамышево за отцом, а мальчишки с матерью стали потихоньку обустраиваться в баньке, построенной из окопных брёвен солдатами из сапёрного батальона.

Вот так и вернулись Семёновы домой.

Вот так и началась их новая, мирная жизнь...

Да-а, жизнь... Это сейчас просто то время вспоминать, когда возле тёплой печки сидишь да покуливаешь, щей с мясом наевшись. А тогда...

А тогда, в сорок пятом, после возвращения из неволи, было и холодно, и голодно — чуть ли не так же голодно, как и в немецком лагере. Что и говорить, тяжёлое было время: страна — в разрухе, всё вокруг сожжено, разрушено; люди в землянках ютились, да не по одной семье в каждой.

Любоваться просторами родной Псковщины, что почти каждую ночь снилась Васе в фашистском плену, было некогда; как ещё дед, царствие ему небесное, говорил: не потопаеть — не полотаеть! Вот и топали по двадцать километров от Горбухино до Пскова и обратно, да не раз в неделю, а трижды, и не с пустыми руками, а впрягшись в санки с нагруженной на них вязанкой дров, чтобы дрова те продать и купить на вырученные деньги хлеба. Цену же своему товару определяли просто: если стоила буханка хлеба сто двадцать рублей, то и санки дров (или, как они называли свою поклажу, воз) сто двадцать стоила. Так и ходили: в Псков — с дровами, обратно — с буханкой хлеба...

А дрова те, само собой, не с неба падали — их ещё заготовить надо было, напилить и наколоть, и не только на продажу, а и для дома, чтобы в Шуриной бане не замёрзнуть...

В пятьдесят втором Василия Александровича призвали в армию. Правда, не обошлось без путаницы: в Ленинграде, куда поначалу привезли молодых солдат, их команду возглавил какой-то полупьяный майор, который завез доверенных ему новобранцев аж в Тульскую область, в каменные карьеры, где и бросил.

Вот тут-то и начались мытарства новоиспечённых воинов: неизвестно, кто и на каком основании посчитал их сынами полицаев и старост, высланных на «сто первый» километр, а только вместо воинской службы стали они грузить, возить с места на место и разгружать какие-то трубы разных диаметров. День возили, другой, неделю...

Вскоре парням это надоело, и они, прихватив повестки, отправились в ближайший военкомат. Правда, первый их поход закончился тогда ничем: в военкомате их никто и слушать не стал — завернули обратно, и весь разговор. Тогда они выждали с неделю и снова отправились по тому же адресу — теперь уже с твёрдым намерением добиться встречи с самим военкомом и сказать ему следующее: или, дескать, забирайте нас в армию, или мы поехали домой!

Идут они по дороге, а навстречу им — старший лейтенант с тремя солдатами.

— Ребята, помогите нам!

— А что?

— Да вот ищем тут тридцать три человека: должны быть в армии, а сами где-то здесь потерялись...

— Так это мы и есть!

Вернулись вместе с новым командиром в свой барак, распродали соседям всё своё имущество, что у кого было, вплоть до кальсон, погрузились на машины — и поехали в часть, расположенную в городе Щёкино. А там для них уже и баня приготовлена. Помылись в бане, обмундировались, как по уставу положено, — и в Москву. Вот тогда-то и началась для Василия настоящая солдатская служба...

Спину Василию Александровичу за каких-нибудь полчаса прогрело — будь здоров! Теперь на неделю здоровья хватит, если, конечно, морозы ещё круче ни завернут. Эх, если б ещё и баньку истопить, да кости старые пропарить; жаль, сил на это дело сегодня не хватило, с дровами этими... Ну да ладно: завтра истопим, завтра...

Он поднялся, окинул горницу хозяйским взглядом и, выключив свет, направился к дивану.

«Сёмку б не придавить, в темноте-то, — думал Василий Александрович, осторожно присаживаясь на краешек загодя разостланной постели. — Спит себе, забот не зная... А Пушок всё гуляет где-то, гулёна хренов: и мороз ему нипочём! Эх, друзья мои — приятели; и чтоб я без вас делал? Днём-то — что: днём и Людмила с Володей, зятем, навещают: и приберутся, и сготовят. Ну, и поговорим, конечно, о том о сём; а ночью как, если б ни Пушок с Сёмкой? С ними-то, вроде, и спится спокойней: всё не один в доме...»

Подумал так — и вдруг опять захлестнуло его такой горькой тоской одиночества, какой и в прежние, прожитые им во вдовстве дни нечасто захлёстывало.

— Эх, Нина ты моя, Нинушка... — прошептал он, укрываясь стёганным ватным одеялом, и тяжело вздохнул. — Знала б ты, Нинушка, как мне без тебя живётся...

Из армии Василий Александрович вернулся в пятьдесят пятом. Оглядев-шись денёк-другой, пошёл в правление колхоза.

— Дай мне год, отпусти на заработки, чтоб хотя бы приодеться, приобуться, — попросил он председателя.

— Какие такие заработки? — вскинулся председатель. — Ишь, чего удумал! Да мне самому трактористы позарез нужны!

— Ну, коли не хочешь по-хорошему, тогда так: я тебе — не работник, а ты мне — не начальник! — повысил голос и Василий.

— Да куда ты денешься! — рявкнул председатель и грохнул кулаком по обшарпанному столу.

В кабинет заглянул одноногий инвалид — сосед Василия.

— Вы чего орёте, мужики?

— Права друг другу качаем... — усмехнулся Василий.

И отправился в деревню Подборовье, к своему тёзке, Василию Алексеевичу — начальнику участка на торфодобывающем предприятии. А там как раз один человек от их колхоза оказался недовыделен. И как ни бушевал председатель, требуя возвращения Василия обратно в колхоз, но так своего и не добился. Вот так и стал Василий работать в Подборовье. И там же вскоре и с любовью своей познакомился: Нина тоже на торфоразработки завербовалась. Хотя нет, не в самом Подборовье они впервые встретились, а в деревне Белый Мох, что километрах в семи от Подборовья. В пятьдесят пятом это было — да, в пятьдесят пятом...

Там же, в Подборовье, Василию и все нужные документы выправили — кроме, конечно, паспорта: ну, про то, как в те времена колхозникам паспорта давали, теперь все знают: политика такая была, чтоб народ из деревень по городам не разбежался. Так что паспорт он уже позже получил, в пятьдесят шестом, когда у них с Ниной Людмила родилась. А человек с паспортом на руках — птица вольная: езжай, куда хочешь! Правда, сразу молодая семья тогда полученной свободой передвижения не воспользовалась и с продуваемым всеми ветрами бараком, в котором они жили, не рассталась. Но когда в пятьдесят восьмом Нинушка Василию ещё и сына подарила, Серёжку, то они всерьёз стали подумывать о том, чтобы перебраться в город.

Однако сразу распрощаться с Подборовьем по разным причинам у Семёновых опять не получилось, и переехать в Порхов они смогли только в шестьдесят третьем, когда Людмиле их настала пора в школу идти. Поначалу жили у родственников, которые по доброте душевной выделили молодой семье старый дом, по размерам больше напоминавшей баню, и одновременно строились. Поставили сруб, покрыли крышу, настелили полы, сложили печку — и справили новоселье, хотя до ума к тому времени дом ещё и не довели: так и жили некоторое время на кухне, а все остальные помещения достраивали постепенно.

Так вот и жили — в любви и согласии, как принято говорить. Людмила с Сергеем росли, учились и, слава Богу, стали людьми, за которых им, родителям,

никогда не было стыдно в глаза людям смотреть. А теперь и у самих у них давно уже свои дети выросли — их, Василия с Ниной, стало быть, внуки. И тоже правильные люди получились — и за них ему, деду, не стыдно, а даже совсем наоборот — радостно!

Вот, наверное, ради этого и стоило такую жизнь прожить и пережить всё то, что и ему, и Нинушке его пережить довелось — и войну ту проклятую, и лагеря фашистские, и голод, и холод, и походы с братом Колей в Псков с вязанками дров. И многое, многое другое — тяжёлое и страшное, что пришлось вынести на своих плечах, чтобы продолжить род свой на этой земле, чтобы оставить после себя не только доброе потомство, но и добрую о себе память.

И Николай, брат Василия Александровича, как и они с Ниной, тоже двоих детей после себя оставил, и тоже — мальчика и девочку; жаль, что самого его уже в живых нет: погиб в семьдесят четвёртом — машиной сбило.

И у сестры Шуры, что в войну партизанила в псковских лесах, пока они в немецкой неволе томились, трое детей...

Так что живы ещё Семёновы — живы! И будут жить, покуда светит солнце над этой землёй...

Сквозь оконное стекло, затейливо разрисованное морозными узорами, в комнату робко пробила полоска лунного света, и Василий Александрович только теперь сообразил, что, предаваясь воспоминаниям, всё время лежал с открытыми глазами.

«Ты смотри, как разъяснило, — подумал он. — Точно к утру мороз под тридцать завернёт. А может, и побóле... Ну, не беда: не такое выдывали... А баню завтра обязательно истоплю; вот встану — и с самого утра и затоплю... Вот и славно будет, вот и хорошо... А пока баня топится, и другие дела найдутся: а как же без дел-то? Надо и дела делать! Не одной же только памятью о прошлом жить...»

На стене, спугивая накатывающуюся дрему, зашипели большие часы. Отбив одиннадцать размеренно-торжественных, гулких ударов, они умолкли, и теперь лишь негромкое тиканье механизма нарушало обволакивающую тёмную горницу тёплую тишину.

«О, как время-то быстро пролетело, за думами-то! — удивился Василий Александрович. — Быстро, однако... Вот так и жизнь: и не заметил, как прошла... Хотя — что это я? Нет, не прошла ещё жизнь, не прошла! Дел ещё — куча мала: вот и баню надо завтра истопить, — чем не дело? Так что давай, дед, спи, набирайся сил!»

Он зевнул, повернулся на бок и, уже засыпая, пробормотал понравившуюся ему фразу:

— Ну, не одной же памятью...

У ПЛОСКОЙ БАШНИ

Эхо столетий —
Крепости эти,
С думой стою...
С возрастом память
Сердце мне ранит
В древнем краю.

Нет, не безмолвны
Псковские холмы:
Слышу набат!
С башен и вышек
Колокол слышу,
Звонниц раскат!

Злые метели
Ядрами пели
Горькую песнь...
Веки открою,
А над Псковою
Благостный день!

ПУСТАЯ РЖЕВА

Исчезла Ржева — божий свет...
Нигде тебя сегодня нет!
Но ты столетия жила,
Твои сияли купола.

Тебя ливонцы жгли дотла!
Красны твои колокола
От крови, жара и огня
Среди задымленного дня.

Кололся Псковский бегунец,
Казалось, городу конец...
Погибли все в огне костров
Творенья зодчих, мастеров...

Ещё над Ржевой дым и чад,
А топоры опять стучат.

И побеждая смерть и страх,
Ты вновь росла на головнях...

И снова крепость над рекой
Бдит завоёванный покой...
Но как мне место то узнать,
Где ты стояла, город — мать?

Пустая Ржева, — ты была.
Слышны твой колокола:
Они гудят и всё сильнее
В тревожной памяти моей...

Валерий Мухин

БЕРЁЗОВАЯ РУСЬ

Поля, кустарники и рощи...
Моя берёзовая Русь.
Я в ней живу намного проще:
Люблю, работаю, молюсь.

Бывает: радость — ниоткуда.
Кругом осенний серый цвет.
И всё же жизнь — такое чудо,
Особенно небесный свет.

Звон лебединых колоколен...
И крик гусей над головой...
Я этой жизнью так доволен,
Что мне не хочется другой.

Она мне выпала случайно
Из суеты житейских смут,
Мне приоткрылась эта тайна,
Не все которую поймут.

И снова — в церкви или в роще,
С молитвой «Господи спаси»
Я оброну: «Живите проще,
Как жили предки на Руси».

У той земли такая сила —
В траве нехоженных дорог...
Она сто лет бы вас носила,
Не уходила б из-под ног.

Где некошены внешние травы,
Не смолкают в ночах соловьи,
Я пойму, что воистину правы
Роковые просторы твои.

Где колдуют леса и болота,
Где молчит обомшелый гранит,
Мне почудится вешнее что-то,
Что тебя бережёт и хранит.

Вековые сойдутся дороги,
И по-новому станут видны
И сомненья мои, и тревоги,
И сыновнее чувство вины.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Сколько по земле бежит дорог:
Взад-вперёд и вдоль и поперёк?
Вниз беги, взбирайся до небес,
Век иди — и всё не надоест!

Как ни лучше дома, но всегда
Тянет нас в другие города.
Сколько на земле цветущих мест?
Век смотри — и всё не надоест!

Всюду молодые голоса,
Всюду происходят чудеса,
Всё смеётся и поёт окрест.
Слушай век — и всё не надоест!

Голубые реки и луга,
Сена ароматного стога —
Всё твоё: вода и щедрый лес...
Век дыши — и всё не надоест!

Эти перелески и поля —
Псковская родимая земля.
И желанней нет на свете мест.
Век живи — и всё не надоест!

Из новой книги «Возле Савкиной горы»

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА МОЕГО**(отрывок)**

Курсант прибыл домой на побывку. На нем была рубашка щедрого малинового цвета, джинсовые штаны-трубы, шею стягивал аляповатый, но стильный галстук. С ушами, заткнутыми кнопками карманного плеера, он слегка, в ритм музыки покачивал головой с короткой казарменной стрижкой, и казался себе неотразимым. Темные пятячки очков чуть прикрывали глаза с бледными от учения, подглазиями.

Недавно ему стукнуло восемнадцать, а он уже перешел на второй курс военного института. И сейчас прибыл домой на каникулы.

Он прибыл, чтобы встряхнуть эту патриархальную землю, впустить в нее воздух будущего, взять ее голыми руками. И неважно, что и рубашка и штаны-трубы, подтянутые для верности ремнем, взяты у друзей напрокат, зато и плеер и очки с вращающимися стеклами — самые что ни на есть его собственные, купленные на собственное курсантское жалованье.

Собственной была и десятилетняя сестра, совсем ошалевшая от счастья присутствия рядом брата-курсанта, и без конца дергающая его за малиновый отворот рубашки.

И главное — собственной была земля, на которую он ступил.

Это была земля его детства, детства его школьных друзей, его первых огорчений и радостей. И даже «Слепой Пью», встретивший их на вокзале и пытающийся выдать избыток эмоциональной приподнятости за радость от встречи, эта местная знаменитость, родной отец его родной сестры, тоже, как ни верти, а родственник более чем десятилетней давности — эдакий собственный «Слепой Пью». С ним он плавал когда-то на экскурсионных катерах вдоль побережья Черного моря, ловил на даче у деда рыбу, бродил по Питеру, внимая его могучей всесторонней подкованности. Правда, всегда с ними была она, мама, сейчас вот только...

— И куда ее опять понесло? — словно подслушал его мысли Слепой Пью: — Вечно у нее то сессии, то семинары какие-то...

Они уже пересекли поселок и, пройдя сквозь строй скучных в своем однообразии, подслеповатых блочных домов, вышли к турбазе. А там...

«Мы все спешим за чудесами, но нет чудесней ничего, чем та земля под небесами, где крыша дома твоего...» — вдруг, сквозь тяжелый реп и ритмы современных хитов, прорвалось в наушниках.

«Странно: откуда взялась эта песня? Вроде, я ее не записывал...»

«И если вдруг тебе взгрустнется, то грусть не значит ничего, когда ты знаешь, что под солнцем есть крыша дома твоего...»

Курсант вздохнул и расправил плечи:

«А ведь и вправду — дома»!

— Это и есть те самые знаменитые Псковские дали, воспетые многими, в том числе и Сергеем Довлатовым, царство ему небесное, — снова словно прокомментировал его мысли Слепой Пью.

Тропа дальше, набирая скорость, стремительно летела вперед, среди полей, словно ключом, распахивая пространства.

— А вон там, за небольшим лесочком, деревушка Елкино, в которой Сергей Довлатов жил и лакал... Тьфу, ты, Господи, я хотел сказать — слагал...

Курсант покосился с усмешкой: «Ну чем не «Слепой Пью» — герой Стивенса из «Острова сокровищ?»

И в самом деле, слегка подслеповатый, рассеянно поглядывавший из под очков, много знавший и много где побывавший, он уже и сейчас уже подозрительно подмахивал руками.

А еще немного, и минуя сосновый лесок, тропа приведет в их маленькую деревеньку, которую, слегка коверкая название, они с друзьями в детстве шути прозвали «Шавкино». Несмотря на оправдывающий ее название лай собак, он не сомневался: это была лучшая деревня в мире. И не деревня даже: так, крохотулька — деревушка, всю при желании можно уместить на ладони. И все же она была мила его сердцу этой своей кажущейся малостью в географическом масштабе и исторической значимостью в целом.

Прямо за забором — древнее городища с плоской, словно срезанной макушкой. Уютно отдавали теплом бревна старой часовенки. Вечный соблазн — замереть на лавочке, привалившись спиной к бревенчатой стене, вобрав все тепло вместе с вековой намоленностью, и ослепнуть вдруг от пронзительной синевы вокруг. Река — и не река даже, узкая вертлявая речушка, по весне умудрялась разлиться так, что и все вокруг превращала в сплошное море разливанное.

А справа за забором, за покатой полянкой, которая весной звенела вся от желтизны одуванчиков — молодой борок, полный душистой земляники, который, минутой ходьбы, выводил к маленькому, заросшему камышами, озерку.

Вот за этот уют, за эту природную расположенность, и любил он свою деревню еще больше, и радостью охватывало его сердце, когда ноги выносили его на эту самую тропу: «Дома!»

— Не догонишь, не догонишь! Хоть и курсант, а не догонишь! — стремительный метеором пронеслась мимо сестренка, призывно щелкнув брата по руке:

— Попробуй, догони! — весело замелькали среди травы ее пятки.

И ему захотелось тоже — отбросив сумку со всеми воинскими причиндалами, рвануться следом, показать этой длинноногой, как умеет он бегать, а потом дернуть ее в траву, чтобы забарахтаться вместе, чтобы завизжала она, захлебнувшись в своем спасительном «Мама»!

Курсант вздохнул и сожалением посмотрел вслед улепетывающей сестре. Поправил на плече сумку и пошел дальше, солидной размеренной походкой,

слегка прислушиваясь к приборматывающему что-то рядом Слепому Пью, ни на минуту не желавшему терять свои профессиональные качества.

— Когда она вернуться-то собиралась? — вдруг прервал он себя.

— Сказала, дня через два-три...

И вздохнули оба, ощутив вдруг, как войдут сейчас в пустой, словно осиротевший без нее дом.

...И откуда только взялась она, эта девочка — петербуржанка, дочь ценного человека Володи, знатока и ценителя всего прекрасного, всю жизнь глотавшего архивную пыль библиотек, и такого же великого лентяя, чья творческая натура протестовала любому внешнему насилию, особенно связанному с добыванием денег. Который, и сам по себе был явлением, стоило только его чуть «подлечить» и дать возможность открыть рот. Володя этот, друг Бродского и Довлатова, и являлся отцом этой эмансипированной дочки, разговаривающей с ним, отцом, со снисходительностью старшего над младшим.

Вот уже почти месяц, как семейство, покинув пыль и зной города, гостило в здешних местах, где некогда, «Воводя» (так, с легким проглатыванием, произносил он собственное имя), наезжая каждое лето, будучи еще холостым-неженатым, блистая умом и эрудицией в проводимых им экскурсиях. Интеллектуальный фон тех баснословно золотых времен, состоял из питерской (тогда еще ленинградской) интеллигенции, просиживающей ночи напролет продавленные диваны экскурсионного бюро турбазы, по ходу творя анекдоты и из собственной жизни.

Именно тогда и забрел сюда Сергей Довлатов, чья габаритная фигура контрастировала с элегантной хрупкостью литератора и эстета Андрея Дарьева. Как-то, под носом у бухгалтера, отказавшегося, по причине закончившегося рабочего дня, выдать им зарплату — взвалив Довлатову на плечи, двое друзей запросто вытащили сейф с деньгами, видимо желая расплатиться им. Блистали молодостью, красотой и нарядами дамы, вписываясь в усадебный фон девятнадцатого века, а правнук писателя Алексея Толстого, гордясь фамильным сходством, подпитывал местный интеллектуальный фонд энергией могучего прадеда.

Но времена прошли, потребность в дополнительных экскурсоводах пропала, колесо истории крутанулось неожиданным образом: материальное стало превалировать над моральным, и, слегка полинявший «Воводя» со своей неизменной потребностью «подлечиться» — оказался здесь просто гостем, обремененным семейством, состоящим, по его же словам «из двух баб» и изысканного кобелька Чарли.

Дом, где у старых друзей Марковых поселился с семьей Володя, оказался в непосредственной близости от дома курсанта...

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ НЕДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ (отрывок)

Придерживая расхлябанную до предела дверь, вывожу из сарая...

Так и хочется сказать: «своего рысака», или еще лучше: «своего гнедого». А еще лучше: «гнедого в яблоках».

Нет, я вывожу из сарая самый обыкновенный, двухколесный... Зато в качестве «гнедого», мотая хвостом и счастливо повизгивая, пристраивается сзади мой меньший четырехлапый друг.

— Сейчас, мой маленький дуралей, мы с тобой совершим небольшой круиз. Состоятельная домохозяйка и ее верный спутник совершают объезд фешенебельных салонов и магазинов, с целью потратить деньги на маленькие семейные пустячки и дамские шалости.

Мы протряхнем этот маленький городок, где первая улица оказывается и последней, вывернем его изнанкой, как рукав старой шубы, проскочим сквозь него, как сквозь игольное ушко. Городок — и не городок вовсе, а так, местечко, пустычок, царапина на грубой коре земного шара. Собище интеллектуалов и неудачников, прекрасно не умеющих жить, с желанием не приспособиться, а присоседиться, вступить в контакт, выпить до дна твою душу, как забытый на столе чай со сливками.

И ты со мной, мой великолепный крестоносец. Конечно, ведь порядочная женщина не появляется в обществе без сопровождения.

И мы отправляемся в путь...

Мы совершаем круиз в полном согласии и единомыслии. Бараны вдоль дорог остались нетронутыми, встречные машины отлаяны и отогнаны прочь.

Все торговые пяточки бросались нам под ноги, каждый предлагал что-нибудь жизненно необходимое. Семейный багаж, припухший на багажнике велосипеда, смело утверждал незыблемость материалистической догмы: «Деньги-товар-деньги»... Деньги, ау!

Но вот и снова дом, и надо спешить: скоро соберется семейство...

Осторожно: стук в дверь.

— Рыба нужна? Вот тут на полтора килограмма.

На пороге стоит Пасечкин. Наш замечательный сосед Пасечкин, для которого нет ничего невозможного.

Он протягивает мне ведро, в котором бьет по белой эмали полуторакилограммовая щука.

С рыбой у меня сложные отношения. С одной стороны — я уважаю ее, как предмет питания. С другой — мне ее жалко. Когда я смотрю в ее круглые, эмалевые глаза, мне кажется, я в них читаю: — Давай будем считать, что наша встреча не состоялась.

Эти две непримиримые логики соединила в одно маленькая дочка, заключив их в простую житейскую формулу: «С одной стороны — рыбку жалко, с другой — кушать хочется!»

И потому я говорю Пасечкину — Конечно. Рыба нам нужна. Рыба нам просто необходима.

И подставляю большой таз.

Щука медленно переваливаясь, шлепается из ведра на дно таза, плеснув по краю жирным плавником. Ее глаз обалдело взглядывает мне в самую душу: «И кому я, старая дура, попалась...»

С соседом Пасечкиным мы живем в одном доме. Коридор разделяет наши квартиры, как берега одной реки. Наши двери глядят друг на друга глазами двух влюбленных.

Соседа Пасечкина я уважаю не только за то, что он ловит рыбу, когда ее никто не ловит. Сосед Пасечкин умеет все.

Если бы таланты соседа Пасечкина разделить по одному на каждого жителя нашей деревни, мы бы все равно были самой талантливой деревней в мире.

Он мог вернуть к жизни старый отживший будильник, который просто некогда выкинуть на свалку. Внедрялся в любой механизм, как будто это был его собственный дом. Под его руками все начинало греть, крутиться, вертеться, тикать, стучать, гореть и не сгорать.

За что бы Пасечкин не брался — из всего мог сделать конфетку. Огород, сохраняя прелесть ландшафтного стиля, бешено плодоносил, хотя, кажется, Пасечкин не прилагал к этому никаких усилий.

Пасечкин приносил из леса некрупные бревнышки, колдовал над ними, тесал, гладил — так, что вскоре они являлись миру в стыдливой наготе. А потом, как-то сами собой, складывались во всякие столики, шкафчики, лавочки, являя изделия такого вкуса и качества, что эпоха классицизма развела бы беспомощно руками.

К Пасечкину все шли за помощью. Он словно пал жертвой своего таланта. Он был обязан внедряться, чинить, клепать и реконструировать.

Пасечкин был немногословен, но многоделен. К любой вещи он сначала приглядывался, словно определял: пойдет она с ним на контакт? И лишь потом бросал как бы невзначай: «Попробую»...

И это «Попробую» было гарантией и страховкой.

Взгляд Пасечкина был лукав, но сдержан. Но когда Пасечкин смеялся — глаза его, казалось, превращались в бьющие живые родники, в которых просвечивался весь Пасечкин насквозь, до дна, до самого своего младенчества.

Если бы мне вдруг предложили благоустроенную квартиру в новом доме, я бы, наверное, не переехала туда только потому, что там не было бы соседа Пасечкина.

А еще Пасечкин умел плести кружева. Эти кружева он раскидывал по дну озера, выплывая на маленькой утлой лодочке. В кружева попадалась глупая щука, которую приносил нам Пасечкин в белом эмалированном ведре.

Я не уважаю рыболова, берущего рыбу оптом. Мне кажется даже оскорбительно назвать его рыболовом, как оскорбительно назвать поэтом человека, ка-

ждое утро сознательно выдавливающего из себя стихи и тщательно следящего за работой своего организма.

Я уважаю рыболова, примкнувшего к земле, слитого в одно с берегом, рекой, и заискивающе взглядывающим в его глаза закатом. Они отражаются друг в друге, как остатки нематериального мира.

Но когда я представляю жемчужные кружева Пасечкина, затонувшие в глубинах озера, какая-то неясная боль ударяет мне в солнечное сплетение. И я не могу не признать Пасечкина эстетом и отнести его способ к безынициативному атавизму браконьеров. И малодушно машу рукой и ем принесенную Пасечкиным щуку.

Чаще всего Пасечкин бывал холост. Но иногда он бывал не совсем холост. Это почти не отражалось на его привычках и жизненном укладе.

Со стены у Пасечкина зывал к человечеству «Граф Нулин».

Пасечкин был великий гуманист. Граф Нулин утверждал со стены большими печатными буквами, что в «наши времена»... «верная жена» — «совсем не диво»! А «Лидин, их сосед, помещик двадцати двух лет» — при этом почему-то все-таки смеялся!

Вместе с Лидиным смеялся и Пасечкин. Может потому, что, декламируя вслух, и соблюдая логические ударения, для верности закрепленные на бумаге, пытался точнее подойти к характеру Лидина, а может и потому, что сам тоже был чьим-то соседом.

Но по утрам, вспархивая над крыльцом молодо и остро, он приветствовал меня словами из «Графа Нулина».

И была у Пасечкина еще одна страсть. По вечерам он доставал свой аккордеон, раздвигал меха, и, припадая к нему щекой, декламировал в ночь, громко и без всяких логических ударений: «Раскинулось море широко и волны бушуют вдали, товарищ, мы едем далеко...»

И тогда, казалось, вселенная слишком мала для широкой души Пасечкина...

Андрей Бениаминов

Я ЕЩЁ ЖИВОЙ...

*И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.*

Николай Зиновьев

Не надо плача, я ещё живой,
Назло кликушам, в пику лжепророкам,
Живу в краю лесов, озёр и сопок,
В краю степей с нескошенной травой.

Не надо жалости, не надо лишних слёз,
Ведь это я, держал штурвал «Варяга»,
С победой я стоял у стен Рейхстага,
И первым я рукой коснулся звёзд.

Я утопал в болотах и в песках,
Я строил БАМ, я мастерил ракеты,
Я исполнял в обители обеты,
Я был распят за веру на штыках.

Я здесь во всем, в берёзах, в ковыле,
В моих сынах и дочерях, во внуках,
Я выжил в них и в счастье или в муках
Они есть я. Мы живы на Земле.

Не прав поэт. По нам не плачет Бог.
В годину смут крепчает русский норов,
Мы будем жить! И, как сказал Суворов:
Мы — русские!
Горжусь!
Какой — восторг!

ВЕРЮ

И за свои грехи, и за чужие —
Унижена, растерзана, распята...
Но верю я в величие России,
И эта вера — истинна и свята.

* * *

А тишина осталась тишиной,
Хотя её стреляли и взрывали,
В неё орали, брызгая слюной,
Её не раз сиреной разрывали,
Неоднократно мучили войной.

А тишина осталась тишиной...
И в той тиши лишь шёпот откровений
И звуки уходящих вдаль сомнений
И воздух, очарованный весной
И ты в обнимку с ветром и со мной.

Ведь тишина осталась тишиной,
А значит, есть надежда на восход,
На то, что снова сердце запоёт,
На радость встреч, объятия под луной.

На тишину, что будет тишиной...

Владимир Половников

ДОБРОЕ НАКАЗАНИЕ

Как-то вышло что деревеньками
Целый месяц ночами брежу я —
То зеленое Заровенье,
То заснеженное Подбережье.

Что за доброе наказание,
Что ни день — повторяю весело:
То ли прозвище, то ль название:
Горожане, Углы, Запесенье.

Ветер — песнею за околицей,
Песня — звон ручья с поля талого.
Там — задабривают Задобрицы,
Тут — испытывает Пыталово.

Как за главною, да за строкою,
Позабыв о благополучии —
Забредаю я вдруг в Затроповье,
Залучают меня — в Залучье...

Только толку в мечтах — ни капельки.
Наяву бы — куда полезнее.
Надо ж — дали название — Цапелки, —
Понимали же толк в поэзии!

НОЧЬ В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

Чернела ветка в сумрачном окне,
А на дворе вовсю кипело лето.
И в ветке той угадывалась мне
Тень рокового пистолета.

Взволнованный игрой ночных небес
Я отодвинул ветку ту, поверьте.
А если это целился Дантес —
Уже не в Пушкина, в само его бессмертье.

ПРЕЛЮДИЯ

Еще нетронут он строкой —
«Приют, сияньем муз одетый...»,
Еще над Соротью-рекой
Пустуют майские рассветы.

«Цветущий луг» и «темный дол»,
И Пушкин сам — пока моложе!
Одесса, море, говор волн
Его волнуют и тревожат.

Но — час прощания, тоска...
И путь к далекому уезду.
Михайловское — до цветка —
К его готовилось приезду.

«Изгнанья темный уголок» —
А сколько в нем таилось света!
Окно, светильник, камелек,
И — целый мир в судьбе поэта!

ЛЕГЕНДА

Я не знаю, было ль это —
То история таит,
Но в Опочке домик ветхий
На пригорочке — стоит!

А свидетели— старушки:
Стены, двери, — до сих пор
Помнят, как являлся Пушкин.
Помнят смех и разговор.

Он скакал сюда галопом,
Он скакал сюда верхом,
По проселкам, по болотам,
Подгоняемый стихом.

Мчался солнечной опушкой,
На столичный на манер,
Мимо Велья мчался Пушкин
На свиданье к Анне Керн.

Ветры-рифмы, версты-строчки,
А в мечтах — она одна.
А вдали уже — Опочка
За деревьями видна.

И уже в душе смятенье —
Встреча с музою близка...
Мчался — к «чудному мгновенью».
Так и мчится — сквозь века!

Александр Себежанин

РОДИНА

Целый день сегодня небо серое,
Дождичек осенний моросит.
Даже если петь и не умел бы я —
Всё равно запел бы о Руси!

Той Руси, которая заплакана,
Дождиком промочена насквозь,
С небом сиротливым, но однако
Без которой — не прожить мне врозь!

Для меня родное всё навеки:
Лужи, грязь болот и те места,
Где деревни — старые калеки
Доживают век свой без креста.

Где дома стоят полуразрушены,
А вчера ещё — кипела жизнь...
Ну, кому скажите, люди, нужен был
Выдуманный этот «коммунизм»?!..

Но я верю: церкви вновь отстроятся,
Где сейчас разор и пустота,
Засияет Русь моя, как Солнце,
В людях возродится чистота.

И пускай сегодня небо хмурится,
Плачет небо проливным дождём,
Я брожу по улицам, по лужицам —
Хорошо мне с Родиной вдвоём...

ГАРМОНИСТ

Гармонь в обнимку, шапка набекрень,
он в дверь, вразвалку, не вошёл, а враз ввалился,
как будто только-только возвратился
из глу'би наших пско'вских деревень.

Присел на край скамейки осторожно,
отёр гармошку рукавом, развёл меха,
хитро' хозяйке подмигнув: «Не для греха,
а что б душа запела — сто грамм можно?!».

И, стопку выпив, тут же по ладам
чуть заскоружлыми он пальцами прошёлся,
и инструмент заплакал, изошёлся
тоскою вечною по «молодым годам»...

Гармонь стонала, плакала и пела...
И пел, и плакал с нею весь народ,
душа народная взлетала до высот
и там молитвой в небе голубела.

Жив! Жив народ, пока гармонь играет,
пока душа его поёт, пока летает!

ДЕРЕВНЯ

Ах, какую цветастую
клён рубашку надел!
По деревне я шастаю —
у меня много дел.

А берёзки в оранжевом
хоровадят весь день.
Утром встану пораньше я,
починить свой плетень.

Уж калинушка в пламени,
разгорелась костром.
Соберёмся с друзьями мы,
посидеть за столом.

Посидим, погутарим всласть
всё о том да о сём,
Стопку выпьем, другую, знать,
тихо песню споём.

Песня русская, вольная
полетит над рекой.
С ней легко и привольно нам,
с ней на сердце покой.

А потом разойдёмся вновь
по делам, по своим.
Ты, деревня, любовь моя!
Так живём! Так стоим!

Олег Калкин

РАЗЪЕЗД НА СЕВЕРЕ

Поезд шел не спеша, чуть раскачиваясь. Окна в коридоре были открыты, и весь вагон наполнялся неторопливым, размеренным перестуком колес. Я стоял у окна и, положив руки на опущенную раму, смотрел в поля. Был уже вечер, солнце, так и не выглянув за день, угасало за облаками, и только слабые, как бы обессиленные отблески зари изредка пробивались сквозь нагромождение туч.

Наступали сумерки. Они приходили откуда-то с полей по намокшей густой траве, по ветвям редкого, низкорослого кустарника, что тянулся вдоль железно-дорожной насыпи, но потом казалось, что сумерки рождались в ложбинах, наполненных темной прозрачной водой и заросших ольшаником; затем они медленно поднимались вверх, заволакивая серой пеленою лес вдалеке, редкие деревеньки, наш неторопливый, усталый поезд. И только высоко над нами в редких и узких колодцах облаков с золотистыми краями еще голубело небо — чистое. Ясное, не тронутое вечерней мглой. Но постепенно заплывали и эти колодцы, затягивало их голубовато-хрустальные проруби холодным мраком.

У окна я стоял один. Вдыхая влажный, ознобистый воздух, я смотрел, как наступает ночь, как меркнут и без того неяркие краски севера. К окну подошел мальчишка лет двенадцати в расстегнутой на груди белой сорочке, выглянул наружу, подставив встречному ветру стриженую круглую голову.

— Ну и дует! Красота-а...

Я тоже выставил руку в окно, почувствовал, как упруго бьется о ладонь ту-гая и жгучая, словно ключевая вода, струя холодного воздуха.

Поезд остановился. Впереди за поблескивающими лужами и бетонными столбами темнели длинные складские строения, еще дальше, через поле, теплились огни небольшой, с десятков изб, деревеньки.

— Разъезд, — сказал кто-то в глубине вагона.

Было пустынно на разъезде, и только одна девочка, положив руки в карманы короткого распахнутого пальто, проходила вдоль вагонов.

— Ух ты, какая красивая, — громко сказал мальчишка, когда девочка поравнялась с нашим окном. Она подняла голову, скользнула по нашим лицам рассеянным взглядом больших грустных глаз и пошла дальше.

— Вот бы ее с собой взять, — с ухмылкой сказал мне мальчишка и добавил: — Хорошая.

Стал накрапывать дождик. Потемнела лужа напротив нашего вагона, будто из старого серебра, ранние огни деревеньки стали еще меньше, как бы съежились. Пропала куда-то девочка, и теперь один дождь потерянно шуршал по узкой гравийной дорожке между путями.

Откуда-то издалека, из вечернего сумрака прогудел другой поезд, и вскоре можно было ощутить, как громадными толчками, всей силой он стремится к этому тихому разъезду. Потом он подлетел, оглушил все кругом на несколько долгих

секунд, сверкая огнями и голубым мерцанием купейных ламп, и пропал в темноте, унося с собою неистовый грохот, свое чугунное превосходство.

А наш поезд был тих и несмел, он еще постоял, будто прислушиваясь вслед могучему товарищу, робко и стиснуто прогудел на зеленый огонек впереди и осторожно сдвинулся с места, словно поплыл по земле.

Вдруг снова откуда-то появилась девочка в распахнутом пальто, — она стояла впереди и молча смотрела в сторону уходящего поезда. Почему-то я обрадовался и показал на нее мальчишке. Тот встрепенулся и, высунувшись из окна чуть ли не наполовину, стал поджидать, когда наш вагон поравняется с девочкой. Тут же я пожалел об этом, подумав, что мальчишка скажет какую-нибудь грубость, просто схамит и тем испортит эту нечаянную минуту прощания с безвестным разъездом.

— До свиданья, хорошая, — негромко сказал мальчишка, когда девочка оказалась рядом с нашим окном. — Я еще приеду к тебе. До свиданья...

Девочка вынула руку из кармана пальто и легонько помахала нам. Кажется, она улыбнулась. Было совсем темно, и почти ничего нельзя было разглядеть, кроме огней деревеньки, светивших нам вслед.

Олег Тиммерман

А БОЛЬШЕГО Я НЕ ХОЧУ!

Проснулся — окно нараспашку!
Приветствую неба ромашку
Легко улыбаясь лучу...
А большего я не хочу!
На кромке крутого обрыва —
в минуту душевного срыва —
припал к золотому плечу...
А большего я не хочу!
На жактовской кухне ночами,
вонзаясь в бумагу очами,
сменю голубую свечу...
А большего я не хочу!
Да будут в России вовеки
прозрачны озера и реки,
вольготно на пашне — грачу...
А большего я не хочу!
Да будут веселыми речи,
да будут исправными печи,
чтоб славно пеклось калачу...
А большего я не хочу!
Стартуйте к далеким планетам,
хрустите медовым ранетом,
смеясь, наряжайтесь в парчу...
А большего я не хочу!

ПСКОВЩИНА

Башни воеводские
да бойницы узкие.
Люди наши псковские —
люди трижды русские.

Люди трижды славные,
необыкновенные,
ратники державные,
трудолюбцы верные.

Сторона российская
наша изначальная,

словно богатырская
песня величальная.

Одолели врага,
чтоб жилось не горестно.
Всё, что сердцу дорого,
отстояли доблестно.

Дали неоглядные
на четыре стороны.
Новые, нарядные
терема построены.

По озерам ветрами
зорька заполощена.
Крикнешь Русь заветную —
отзовется Псковщина.

ГОРДОСТЬ

Стрелка компаса — на север.
Так и сердце у меня...
Отпущу в багряный клевер
черногривого коня.

К роднику прильну губами
и живой воды напьюсь.
И взойдет по-над холмами
белой звонницею Русь.

— Чей ты? — кликнет мне сурово,
— где вершишь свои труды?..
И отвечу я, — из Пскова,
из Царевской слободы...

И опять обнимет гордость,
и дороже всяких слов,
я услышу вечный голос
голубых колоколов.

ИСКОННЫЙ ДОМ

На лад старинный звать его Плесков,
Он и теперь звенит колоколами.
Наш древний Псков из глубины веков
Глядит пятью большими куполами.

Суров российский западный простор,
Прижился здесь навеки род наш кровный.
Со всей округи Троицкий собор
Далёко виден — наш маяк духовный.

Здесь наша крепость, наш исконный дом!..
(Устало день смыкает свои вежды.)
Мы по проспекту Рижскому идем,
Сверяя с Псковом лучшие надежды.

А псковский нрав по-северному строг,
Но ведаёт с рожденья каждый житель:
Что вдохновенье — с пушкинских дорог
Нас приведет в Печерскую обитель.

Примета наша в светлости очей,
Мы на Руси все — добрые миряне.
Свой род ведём от древних кривичей
И нас зовут в России — псковитяне.

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

О, Родина! Льняное поле,
Полотна рек с каймой травы,
В полнеба огненные зори,
Берёз чернёные стволы.

Смотрю, как солнце поднимаясь,
Лучами пьёт густую синь.
А колокольчики, качаясь,
Поют чуть слышимо — дзинь, дзинь.

За лугом — водное свечение,
Холмов естественный редут.

Как звонко птичьи ополченья
Свою заздравную ведут.

Я вдаль иду, а край заречный
К себе притягивает взгляд.
Проходит день дорогой вечной
И тихо прячется в закат.

В тиши серебряного лона
Ночная птица голосит.
Луна, как древняя икона,
На небе облачном висит.

Сквозит в душе моей тревога,
Когда меня под птичий грай
В далёкий путь светло и строго
Благословляет Псковский край.

ВЕСЕННИЙ ГИМН

Уже рассвет стучится в двери —
Вставайте, сонные тетери!
Как можно спать в такое время?
Ужель весна вам нипочем?
Обманных снов пустое бремя
Пробито солнечным лучом.

Он пробирался к нам давно
И залил светом улицу.
Как хорошо, раскрыв окно,
От солнышка зажмуриться!

Привет вам, вешние леса,
Восставшие от зимней спячки,
Где сильный ветер небеса
Вздымает в медленной раскачке.

Послушай жизнь, твой лучший час
Искать приходится упорно.
Но не весной. Весной как раз
И христорадничать зазорно.

Весна веселая дари
Свои целительные соки,
Чтоб пробегали по крови
Оптимистические токи.

Чтоб призывала высота
И достижимой стала в жизни.
Да будут многие лета
Моей Отчизне!

НА БЕРЕГУ ВЕЛИКОЙ

Любым невздам вопреки,
Себе в угоду,
Хотела б жить я у реки,
Смотреть на воду.

Был продан матерью давно
Дом деревянный.
А речка дарит все равно
Свет осиянный.

Я у соседки попрошусь
В её избушку.
На сколько дней там пригожусь —
Спрошу кукушку.

Изба стоит на берегу
И к речке манит.
Я тишину постерегу —
Мне легче станет.

А у серебряной струи
Блистают блики.
Пропали горести мои
Под птичьи крики.

А речка вечно молода...
И в организме
Моя вода, её вода
Бегут по жизни.

РОДНЫЕ ДАЛИ

Родимый край, близки навек
Твои поля просторные,
И голубые шлейфы рек,
И берега узорные.

Я эти виды берегу
В своей природной памяти.
Мои ромашки на лугу —
Вы про меня всё знаете.

Играет ветер, как скрипач,
Потренькивают дудочки.
Ах, сердце, с радостью поплачь,
Хотя бы две минуточки.

Когда я стёжкою иду,
Со мной ясколка знается.
Настоем воздух на меду
И нива колыхается.

Уже глядятся в зыбкость вод
Туманы волоокие.
И облака ласкают свод,
Как мамин взгляд, далекие.

Вита Пшеничная

ГОРОД

Новелла

Ты по-разному прирастаешь к земле, на которой вырос, часто и не замечая, как это происходит...

Попробуй-ка, выуди из своего «прекрасного-далека» маленький, вроде бы ничем не выдающийся сюжет, и за ним, созвучные твоему нынешнему настроению, близкие по времени, по памяти ощущений, тут же потянутся другие... Подобно нечаянно рассыпавшимся и закатившимся в пыльные углы Прошлого цветным бусинам, которые постепенно нашлись и теперь нуждаются в прочной нити, которая скрепила бы их в Единое целое, теперь уже неразрывное...

Ты послушно сядешь за незнакомое прежде занятие, требующее терпения и внимания; ход Времени начнёт утрачивать свой монотонный ритм, то и дело сбиваясь с него и наполняясь неожиданными эмоциями, звуками, красками...

Но где же ты, моё прекрасное-далеко?.. Где ты, детство?.. Как же мало я тебя помню!..

Сменяющие друг друга муссоны межсезонья, запах моря, шум прибоя, перед которым я замирала; ракушки, морские звезды, выброшенные на мелководье, склизкие медузы. Маленькие крабята постоянно сновали по прибрежной полосе, — возьмешь такого за плотный, золотистого цвета, панцирек, присыплешь песком и с безмятежной улыбкой наблюдаешь, как проворные клешни молотят сыпучую, горячую от солнца массу. И ты, довольный, смеешься, глядя, как вырвавшийся на свободу детеныш быстро и кособоко чешет в родную соленую стихию...

Старое, начала прошлого века кладбище на окраине города... Как бесстрашно мы, детвора с холмистой, в несколько низеньких домов Круговой улицы, бродили между заросших могил и оградок в поисках гильз, а потом, уже во дворе сбившись в звонкоголосую стайку, обменивались своими находками...

Серый, безлюдный, изрытый ковшами мощных экскаваторов, район Второй речки... В его окрестностях в тридцатые годы находился лагерь для политических ссыльных, а одно из братских захоронений, стало последним приютом для Осипа Мандельштама... Какая горькая, мрачная слава у места, запомнившегося мне по огромным, дымящимся пастям котлованов...

Как мало я помню... и всё же.

И все же Псков, куда переехала наша семья в августе 1978 года, в сравнении с родным Владивостоком выглядел бледно и бедно. Ребенку, привыкшему иногда, в коротких промежутках между забавами, восхищённо посматривать туда, где насаженная горбами сопки земля сходится с небом, тихий провинциальный горо-

док совсем не показался. Вернее, показался... невыразительным, невнятным, безвольно распластанным на ровной, такой же невыразительной поверхности. Разочарование было столь сильным, что его не скрасили ни спасительный (для меня) умеренный климат, ни многочисленные, ставшие Историей этого края, примеры подвигов и силы духа, ни имена, достойные и гордости, и почитания.

Первое время я уныло слонялась по грязным, в осенней слякоти улочкам, запоминая дорогу в школу и обратно. В выходные дни садилась в автобус с незнакомым круговым маршрутом и ехала куда-то, хмуро поглядывая в мутное окно. Вскоре начиналось моё мучение: «город» с его красивыми зданиями 17-19 веков, массивными «сталинками», однотипными «хрущёвками» резко пропадал, уступая место подпирающим друг друга деревянным постройкам с прохудившимися крышами и неухоженными дворами. Это сейчас стремительно разрастаются вширь и вглубь новые микрорайоны, застраиваются аккуратными особнячками пустыри и заросшие поля, а тогда... «Большая деревня, большая деревня...» — безрадостно думалось мне. Самой огромной бедой стало понимание, что здесь придётся жить. И жить, по всей видимости, долго. Неопределённость понятия «долго» сразу трансформировалась в «вечно» и это угнетало ещё больше, а до памятной первой (рабочей) поездки в Старый Изборск было целых восемь лет жизни. Срочно требовалось влюбиться, хоть во что-нибудь (место, памятник, панораму...). Но, увы, в детском сознании понятие «чувство», как правило, ассоциируется с отношением к кому-то, а не к чему-то. В поиске привязанности прошли годы. Не помогало ничто: ни прогулки в Корытовский лес или на заснеженную Великую зимой — на лыжах, летом — за Черёху на пикники или за грибами-ягодами с родителями, ни многочасовые хождения по улицам... А неописуемые восторги по поводу наловленной вблизи Снетогорского монастыря плотвы заканчивались прямо на берегу, стоило лишь начать собирать нехитрые снасти. По возвращении я забивалась в отведенный мне за громоздким шкафом угол и «припадала» в очередной книжке. Это утешало и ненадолго примиряло с очевидным — чтение неизменно было моим любимым занятием, оно сбивало скуку и дарило новые впечатления, новых героев, новые ситуации, которые, разумеется, мгновенно примерялись на себя...

Во всём негативе, щедро выплёскивавшемся на меня в школьный период, я с завидной уверенностью и постоянством видела лишь одну первопричину — город, в котором живу. Город, который, казалось, невзлюбил меня сразу, как только я в нём появилась. На мою детскую отчуждённость, душевную угрюмость он отзывался совсем не детскими историями. При желании они составили бы невесёлую основу пухлого дневника, который впоследствии вряд ли бы захотелось раскрывать.

Ты по-разному прирастаешь к земле, на которой вырос, часто и не замечая, как это происходит.

Ах, с какой же легкостью тебя заносит в заманчивое «бы», почему-то всегда лучшее, всегда более чистое, не заляпанное дурными словами, поступками, за которые впоследствии станет стыдно... И как же бесцеремонно тебя вырывают «оттуда» внезапные телефонные звонки, резкие уличные шумы... На идентифи-

кацию себя в реальности уходит больше времени, а затяжные прыжки в «бы» становятся всё продолжительнее.

Фантазируя на тему собственной жизни, ты тоскуешь по чему-то иллюзорному, несбывшемуся, по глупости или малолетству не допуская и мысли, что любое, самое ничтожное изменение событийного ряда влияет на течение всей последующей жизни, справедливо отменяя тебя сегодняшнего.

Потом, слегка повзрослев, ты начинаешь сопоставлять минувшее и настоящее, недоумённо оглядываться, чтобы в какую-то счастливую секунду внутреннего просветления, в изумлении вскинув брови, беззвучно воскликнуть: «Боже, какой я был дурак!.. Как же был слеп!..». И то верно: тебя — полуслепого, немого щенка, чудом выжившего в первые минуты после рождения, милостиво подбросили к чужому сосцу — городу: «на, теперь это — твоё», а ты ещё помнишь и тепло тела родной матери, её дыхание, запах... Интуитивно ты стремишься помнить это всегда, в уютной темноте и тишине оживляя полузабытые приметы детства. Природным своим чутьем ты понимаешь, что в повторяющихся беспокойных снах и почти истершихся воспоминаниях было зачато твоё неповторимое будущее, но не торопишься понять того, что место, где тебе выпало жить и есть материнское тело, тело земли — единого организма с женской сущностью. И любой из нас, в какой бы части света географически не оказался, всегда остаётся вечным дитём выносившей и родившей его земли, а собственно место рождения — понятие в масштабе Судьбы в большей степени всё-таки условное.

Ты по-разному прирастаешь к земле, на которой вырос, часто и не замечая, как это происходит.

Первая потеря, первое чувство, первые робкие открытия, неуверенные, но самостоятельные шажки вперёд... Город (а для кого-то — село, деревня...), в котором ты живёшь, смотрит на твои опыты то с родственным вниманием, то с молчаливой тревогой любящего сердца. Он так давно тебя знает, что предчувствует, чем отзовётся в твоей душе уходящий день, а что вместе с частью тебя сорвётся в ненасытную Лету...

Как тайно и почти безнадежно влюблённый, Город всепрощающ и терпелив в своём долгом ожидании, и встречая тебя по утрам, провожая до ступенек подъезда вечерами, он надеется, что однажды ты обратишь на него внимание.

И когда удивлённый и потрясённый ты, наконец, приходишь в себя от долгого забытья, перед распахнутыми глазами взрослого, ставшего на мгновение ребенком, предстает *мир*, до сих пор не виданный. Так порой вдруг узнаешь тех, кто, оставаясь в тени и на расстоянии, всегда был рядом, готовый в любую минуту помочь, поддержать, защитить... Тех, к кому невольно, ещё где-то на полпути из Детства прикипел сердцем, и томился непониманием этого все последующие годы. Томился, чего только не предпринимая: и противился очевидному, упрямо твердя «не дождёшься...», и срывался, калеча свою душу и тело, и мчался в дальнюю дорогу (что тут ловить-то?), клянясь, что ноги твоей тут больше не будет...

Ты даже позволял себе казаться хуже, чем был на самом деле, пока однажды не понял, что это — *з л о*, разъедающее и уничтожающее, прежде всего тебя. Ты даже позволял себе обманывать, нисколько не беспокоясь о последствиях, пока однажды, в самый бедовый Час Отчаяния тебе, сказавшему чистую правду, никто не поверил...

Как же не похожи и рискованны все твои исходники, но как единственен оказывался итог: «Господи, что творю-то!..»...

* * *

Мы по-разному прирастаем к земле, часто и не замечая, как это происходит. Происходит с той высшей неизбежностью, с какой изо дня в день, из года в год, из века в век вершатся человеческие жизни, постепенно складываясь в единую Судьбу, единое Чувство сопричастности и единое Пространство, в котором, вопреки нашим ошибочным предположениям, не бывает случайностей... А любая, самая малая Пустота, постепенно наполняясь оброненными вскользь и уже позабытыми «спасибо», когда-нибудь обязательно выльется в Благодарность — к Жизни, к Земле, к людям.

И, конечно же, к Городу, наконец, обретшему тебя, теперь уже навсегда...

ВЕЧНЫЙ МОЙ СВЕТ

Я приду к тебе, малая родина,
По высоким лебяжьим снегам...
По просёлкам с цветущей смородиной...
И тебе свою нежность отдам.

Назову тебя мудрой и чистою —
Прегрешенья прощал мне твой суд,
А твои родники серебристые
От рожденья мне песни поют...

Назову тебя звонкою самою
За весёлые нравы твои
И за то, что весеннею гаммою
В полночь звенят соловьи...

И ещё назову самой верною —
Ты опора и вечный мой свет,
Обнимаешь то — ивой, то — вербою,
Охраняешь от гроз и от бед...

Я приду к тебе, родина малая,
Припаду к твоим ветрам, любя...
Может быть для тебя значу мало я,
А вот мне — не прожить без тебя.

КОРНИ

Одни, простившись с русским краем,
Уехали за океан.
Другие — в благостный Израиль,
А третьи — в аглицкий туман...

Их род оттуда. Там — их корни.
Они тут жили без корней
И оказались всех проворней,
Поскольку без корней — вольней.

Теперь они хулят всё рашен.
Есть среди них мои друзья.

Друзья, правдивы речи ваши,
Но это — Родина моя!

Мои-то корни здесь, в России,
В моей деревне небольшой
С большим, просторным небом синим,
С отцовским садом и межей...

Есть радость и печаль, и слёзы
Здесь, где живу и где пою,
И где счастливые берёзы
Шумят за то, что — на корню.

Дельцы здесь землю покупают
И пере-перепродают...
Но я-то знаю, я-то знаю —
Не запоют их души тут.

Здесь хлеб мои растили предки,
Меня качала здесь волна.
И я — на древе здешнем ветка,
И потому я здешним ветром,
Просёлком пыльным, лесом редким,
Корнями здешними — сильна!

Тамара Соловьева

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Горжусь тобою, Псковская земля,
Церквей и храмов белоснежной статью,
Все города твои — родные братья
Вокруг седого Псковского Кремля,

Здесь оберегом — Троицкий собор
С холма взметнулся в небо куполами,
Над реками, лесами и полями
Из века в век святой несёт дозор!

О, Псковщина! Душа тебя поёт,
Старинный край, украшенный церквями,-
Они, как лебеди, что вдруг взмахнут крылами
И — в небеса с хрустальной глади вод.

Храни себя и свой храни народ.
Цвети земля, где вечно святы храмы —
Белы, воздушны, выправкою прямы,
И куполами Троицкий плывет!

СЕРОГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СИНЕГО

Городом, городом, городом
вновь завладела зима,
Ветром, туманом и холодом
к нам постучалась в дома.

Яркие краски небесные
смыла промозглым дождём:
Серого больше, чем синего,
в северном небе моём.

Слякоть зимою и осенью,
и — не указ календарь:
В небе — апрельские просины,
пусть на дворе и февраль;

В марте лавиной обрушится
снег, что не выпал зимой...
Кружится в серой распутице
облако вниз головой...

Синими майскими ливнями
смывает усталость с души.
Белые, летние, дивные
ночи у нас хороши!

Видится, грезится, чудится —
чёлн над волнами скользит,
Ольга — святая заступница —
город свой древний хранит.

С именем светлым повенчанный
добрую тысячу лет,
Сердцем прекраснейшей женщины
Псков наш суровый согрет.

МЕТЕЛЬНЫЙ МИР В ПОЭЗИИ СТАНИСЛАВА ЗОЛОТЦЕВА (Отражение темы «пушкинско-свиридовской метели» в творчестве Ст. Золотцева)

Минул ещё один февраль в родном городе Станислава Золотцева, вместе с ним — ещё одна годовщина его ухода из жизни. В бесснежном феврале 2008 года поэт обрёл последнее пристанище на псковской земле, воспетой в его стихах. Этот месяц долгие годы был особым в жизни С.Золотцева, так как именно здесь зародился и обрел свое всероссийское и международное признание Пушкинский театральный фестиваль, в работе которого он принимал активное участие как театральный критик и событиям которого в разные годы посвящал десятки блистательных очерков, статей, эссе. Нынешний, XXI фестиваль, прошел в стенах отреставрированного здания театра, нового открытия которого псковичи ждали долгих три года. Вновь на разные голоса зазвучали со сцены бессмертные строки гения русской словесности. Пушкинская тема всегда волновала и вдохновляла поэта, но особенно мощно она прозвучала в его лирико-эпическом романе-эссе «У подножия Синичьей горы», написанном еще в 90-е годы прошлого столетия и опубликованном в Москве в роман-газете.

Станислав Золотцев вошёл в поэзию в семидесятые годы. И уже тогда, с первых публикаций в центральных литературных журналах он привлекал внимание читателей мощным звучанием своего поэтического голоса. В его многочисленных выступлениях перед читателями природная сила и звонкость голоса поэта, помноженные на внутреннюю взрывную энергию его стихов, неизменно покоряли слушателей.

Погружаясь в мир поэзии Ст.Золотцева, постепенно и всё больше убеждаешься, что его творческая жизнь имеет своё, особенное русло, в котором она кипит бурными потоками, стремительно несётся из настоящего в будущее, в мир больших чувств, надежд и чаяний.

Порой её поток огибает и омывает острова и целые материки исторического и легендарного прошлого. Временами она попадает в водовороты и, как мощный водопад, срывается в пропасти и бездны настоящего, при этом продолжая кипеть и бурлить страстями.

В поэзии Станислава Золотцева много яркого солнца, огня, костров, гроз, жгучей радости и жгучей боли, полыхающей любви, бушующих цветущих садов, опаляющих звёздно-синими пожарами зим, жар-птиц, мятежных, бредящих любовью соловьёв. В его ранних стихах в «каждой росинке» полыхает солнце, а в поздних — ночное небо вспыхивает, как «тысячеглазый Аргус».

Поэзия Золотцева при всей своей неизменной внутренней насыщенности и интенсивности — многогранна, жанрово и стилистически разнообразна. Станислав Золотцев в своих стихах, прежде всего, увлекает непосредственной силой и игрой чувств. При этом он является «литературным» поэтом, что, на наш взгляд,

составляет особое достоинство его поэзии, её высшее качество, позиционирует его как современного мастера.

В его стихах, в игре слов и выражений постоянно «вспыхивают» ассоциации с образами его любимых русских поэтов, оживляя и озвучивая поэтические голоса и образы и символы прошлых эпох. Этим поэт утверждает силу русского слова в наше сложное переломное время.

Поэзия Ст. Золотцева, как истинная поэзия XX и XXI века в хорошем смысле слова, претендует на всеохватность, всеобщность. Она откликается на «злобу дня» и обращается к вечным темам любви, Родины, жизни и смерти, лирики, пасторали — и трагедии.

И на пересечении многих тем у него, «солнечного» и «огненного» поэта, появляется и становится сквозной, проходящей через всё его, не только поэтическое, но и прозаическое творчество, — тема метели. Метельная зима, метельная Россия, метельная Родина. Эта тема рождается не случайно. К ней приводит поэта любовь к Пушкину и Свиридову.

Пушкинская тема русской метели, как символ и образ России и русской жизни, отражение русского ума и русской души XIX века — в XX веке нашла воплощение в великом творении Георгия Свиридова, в его музыке к кинофильму «Метель».

Важными вехами в творчестве Станислава Золотцева на рубеже XX и XXI веков становятся его поэтические и литературные труды, вдохновлённые двумя русскими гениями и посвящённые им. Среди них — стихи разных лет и, в том числе, стихи на музыку знаменитого Романа из «Метели»:

Царит метель в моей стране:
Весь год метёт она — и даже летом
Кружится пух. А по весне
Заметены сады вишнёвым цветом.

И снегопад, и звездопад,
И золотой листвы летучий терем...
Звнящий свет, мятежный взгляд...
И сердце русское горит в метели!...

Результатом увлечения пушкинско — свиридовской темой стали многочисленные очерки, юбилейные статьи, напечатанные в журналах и сборниках конца прошлого и начала нынешнего века. Роман «У подножия Синичьей горы» был напечатан в 90-е годы XX века в роман-газете, а в 2013 — вышел в книжном издании в Пскове и Москве.

Станислав Золотцев неизменно восторгался музыкой и личностью композитора Георгия Свиридова, и в своём творчестве искал всё новые и новые приёмы, чтобы запечатлеть этот вечный пушкинский, ставший музыкальным, «метельный» образ в своих работах.

Поэт родился и значительную часть своей жизни прожил и проработал в Пскове, на Псковщине, на пушкинских землях, и обращение к этой теме он ощущал и осознавал как призвание.

Но чтобы этот замысел — воплощение темы метели — осуществился, необходим был творческий поиск, и как итог — художественное открытие. Ведь одно дело — «эксплуатация» темы в многочисленных транскрипциях, аранжировках, вариациях. И, другое, — чтобы т е м а стала с в о е й.

И, похоже, Станислав Золотцев нашёл для себя в этой теме — свою «золотую жилу». Прежде всего, эта тема стала для поэта выражением великой любви к России и данью высокого восхищения и преклонения перед русским гением.

Подобного рода возвышенная интонация в эпоху засилия и мощного распространения в современном обществе идей и образов, с одной стороны, авангардного, квазиэлитарного, а с другой, — массового искусства, — отвергается, как «пафосная», она игнорируется и не воспринимается, а если воспринимается, то с неизменной иронией и даже с ироническим (а, по сути, обывательским) презрением.

Метель навек! Метель — повсюду.
И над серебряным родным простором
Звенит-поёт живое чудо —
Свеча любви моей — Святые Горы!

Метель — судьба, метель — подруга,
В морозной нежности, в разгульной силе
«Оставьте мне метель да вьюгу...»,
Да песню вольную в полях России.

И смерти нет сердцам людским!
И дышат радостью снега и взоры,
Когда влюблён, когда любим,
И сквозь метель видны Святые Горы...

Для поэта Золотцева эта интонация восторга и восхищения — природная и естественная, как для человека, родившегося с красивым, самой природою поставленным голосом. Поэт мечтал, как многие его современники — соратники по цеху, чтобы как можно больше его стихов было положено на музыку. Но сила этих стихов, прежде всего, в них самих. Образ метели в этом стихотворении — многокрасочный, «радужный», праздничный, радостный для русской души — это и есть, на наш взгляд, «золотцевская» интонация...

«Метельная» тема и «метельные» мотивы зазвучали, замерцали, зазвенели, запели в его стихах:

За тридцать морозы,
а почва почти без покрова.
Давно не бывало такого у нас января...
Лютует зима наступившего года шестого,
Грядущее лето бесплодьем даря...

... Нет, небо запенится звёздно-пушистым цветеньем,
И наземь падёт, и спасёт нас от гибельной тьмы
Метелью свиридовской,
пушкинской дивной метелью,
Мятежною песнею сказочно-русской зимы...

Поэт, называя себя «мастеровым» поэзии, подчёркивал этим свою любовь к кропотливой работе над словом, образом и смыслом. В следующих строчках образ метели ассоциируется с затянувшимся смутным состоянием души, с разочарованием:

Завтра весна, хоть сегодня метелью заносит
Землю мою и неладную душу мою...

В следующем, «зимнем» стихотворении — метель-кутерьма — становится воплощением души, охваченной радостью новой любви:

Ах, какая нынче знатная зима
Прозвенела над моею головою!
Ах, какая молодая кутерьма
Сердце мне заволокла немолодое...

И, сводя меня, как в юности, с ума.
В небесах цвела лучистая Венера...
...Ах, какая нынче знатная зима
Над моею головою прозвенела!

А в следующем, очень «песенном» стихотворении метель и вьюга превращаются в символ весеннего возрождения души:

Пурга вишнёвая сады завьюжила,
На волю вырвался певучий зов
В зелёном кружеве, в смолёном кружеве,
В белёном кружеве густых лесов...

...Возможно, благодаря «метельной» теме, поэт, по собственному определению, превращается из лирика — в «летописца любви», описывая смену чувств как смену времён года и при этом погружаясь в игру стихий и высших сил, управляющих судьбой лирического героя его поэзии.

К теме Пушкиногорья, священного места для всех русских людей и поэтов, поэт Станислав Золотцев приходит через многокрасочное, словно сквозь сказочную п р и з м у смены времён года видение. У него пение весенней свирели невольно рифмуется с пением новогодней метели:

Там по весне над буйным яроводьем
Поёт свирель Тригорского холма,
И серебром в морозном новогодье
Звенит синеволодая зима...

Многokrатно звучит в стихах Золотцева мотив вьюги как воплощение образа лихолетья, смуты, драматических событий в жизни:

Под звон пасхальный и грачиный грай,
Восстав из вьюг, устав от разрушений,
Родительский и прадедовский край
Становится землёй твоих свершений.

И надо жить, пока жива душа....

В стихотворении, входящем в «Сыновнюю поэму», написанном на рубеже тысячелетий (31 декабря 1999), образ вьюги появляется, как особый, знаковый:

И новый год, и новая эпоха
В последний день возникла в декабре:
И от столетья остаётся кроха —
Двухтысячный завьюжил на дворе...
...Зима, метель...Россия! Смута....
Вот он —
Тысячелетья нового порог.

И вновь, возвращаясь к главному в наследии поэта, к его любовной лирике, в одном из лучших его лирических стихотворений, «Соколиной балладе», видим, как превосходно введён тонкий штрих, «мотив» метели:

И до утра, пока последней змейкой
Не уползала с улицы метель,
Висела рядом с белою шубейкой
Колючая моряцкая шинель...

Образная многогранность «разработки» образа метели характерна для поэтических произведений Ст. Золотцева. В статьях и очерках на пушкинско-свиридовскую тему, а также и в романе «У подножия Синичьей горы» её развитие получило публицистическое и философское, а также, новое художественное преломление. Эта тема, её развитие, как и всё богатое литературно-поэтическое творчество Станислава Золотцева, ждут своего читателя и обращены к нему.

Игорь Плохов

* * *

На картину Н. Апаликовой «Весна идёт»

Мой взор опутан паутиной,
а на холсте — река и свет.
Есть за написанной картиной
те берега, которых нет...

Я здесь, а там, в весенней дымке,
покрыта жёлтым конфетти,
плывет душа на тонкой льдинке,
почти растаявшей в пути

РЫБАК

Взгляни сквозь проталинку на стекле,
взгляни из тепла на стужу:
там — искры фонариков в чёрной мгле,
и белые вихри кружат;
мороз за стеклом, батареи гудят,
а где-то, в седой круговерти,
несёт рыбак сквозь метельный ад
рыбу своим детям.
Но не дойти до родного тепла —
сломит мешок спину, —
ношу свою разделив пополам,
он вьюге отдал половину,
полз, леденеющий, к свету, как мог,
и, воскресая к Богу,
всё же донёс он заветный мешок
до своего порога...

Людмила Тишаева

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Сто миров облетев,
Покорив неземные пространства,
Снова осень явилась,
В небесной лазури скользя,

ЕВГЕНИЙ ШЕШОЛИН

Полыхнула листвою,
Золотое расправив убранство;
Жаль, что в осень войти,
Как и в реку, два раза нельзя.

Но не буду грустить,
Об ушедших вздыхая красотах,
А открою комод,
Где хранится бесценная кладь:
Не случилось воспеть
Эту осень мне в красках иль в нотах —
Постараюсь её
Я в лоскутном шитье воссоздать.

Бархат красно-бордовый
Достану оттуда для клёнов,
Лоскуток пожелтей
Подберу для красавиц-берёз;
Переполнится нежностью
Облако, в осень влюблённое,
И не сдержит, волнуясь,
Серебряных бисерных слёз.

В голубой вышине
Полетят журавли шерстяные,
Сделав круг над рекой
И над белой церквушкой из льна;
Затуманит их даль
За полями вельветно-резными,
И, атласно блеснув,
Затоскует о птицах волна...

Вот такой, немудрёный,
Родится сюжет мой из тканей;
Будет тёплым покровом
Надёжный лоскутный уют;
И в холодную зиму
Мне осень подругою станет —
Пусть теперь за окном
Свою песню метели поют...

...Не я ли был брошен в пустыне у траурных вод?
Не я ли был свыше зачислен в несчастный народ?

...Дальше — хуже и дольше: прибавился на день
Путь возврата домой через высохший лес...
Покажу я следы ученических ссадин
И двойник улыбнется с далёких небес...

Это только цветка небесного завязь.
Сколько помню — всегда цвести собираюсь.¹

Мучительно писать о друге, которого уже нет. Почти невозможно. Память не остыла, образ не прояснился, эхо присутствия длится. Однако, может статься, что, удаляясь во времени и судьбе от этих дней и событий, я уже не смогу подвигнуть себя на воспоминания какие-то бы ни было, и потому скажу сейчас по горячему следу, как смогу. Скажу, что в русской поэзии явился новый поэт Евгений Шешолин.

Один из нас ещё в пору блаженных первых лет студенческой жизни назвал его «Шелошиком». Так и осталось: очень к нему пришлось. Женя или Шелошик. Высокий, худой, широкоплечий и чуть сутулый, с несколько размытыми чертами лица и большими выразительными глазами, ироничный, жестковатый. Почему же не все любили его?

*Решили: «Вылетим его с себя...»
— О, сколько в ваших пальцах зла и боли!*

Но человек — не рубль, чтобы всем нравиться. Он жил, как Цинцинат: он не хотел быть прозрачным; не мог, не умел. Государство мстило растворённым в людях презрением к личности, особым вниманием компетентных органов, черной работой и прочая, и прочая, и прочая... Впрочем, это скорее не месть, а некая глубокая неизбежность...

*...И так как цветы разбросали вокруг семени,
Я смею просить, чтобы вы пробудились от сна,
Я буду просить, как петух золотого зерна, —
Рассвета: ведь ночь и вправду темна и страшна.*

Женя родился в 1955 году. Детство в городе Резекне (Латвия). Последние 15 лет жизни — в Пскове. Трагически погиб в апреле 1990 года. Он принадлежал, как и все мы, к «поколению Дворников и Сторожей». Особенно — сторожей... Этим и объясняется столь часто встречаемый в его стихотворениях образ «сторожки». Образование — высшее. Диплом — «Учитель географии и биологии».

¹ Все цитаты — из стихотворений Евгения Шешолина.

Несколько лет преподавал в сельских школах Псковской области, где вполне оку-
нулся в нищий быт жителя Нечерноземья. Тусклые, ностальгические краски этого
быта растворены во многих его стихах. Собственно учительский опыт, который,
несомненно, был у него, почти никак не отразился в творчестве. Разве только вот:

Вправо по карте

Уроку географии СССР посвящается

*Тянется, тянется карта...
Слезит ли морозный ветер
Сквозных лагерей бесполезных
Замызанной жизнью тех,
Что нечеловеческим матом
В вечную память вмерзли
За гранью запретных тем?
Где выживет ражий и рыжий
С каплями между век?
На теле огромном вижу
Татуировку рек.*

Никогда он не питал иллюзий относительно злой природы царившего в
стране тоталитаризма. Уже на детских фотографиях этого лопухого первоклас-
сника просматривается какая-то обречённость на страшное внутреннее противос-
стояние. Наверное, поэтому чтение книги Александра Солженицына «Архипелаг
ГУЛАГ» не выбило его из седла, как некоторых из нас: он был готов к этому зна-
нию, он давно уже «сгруппировался», ожидая удара. Отсюда, вероятно, некоторая
жесткость его в отношениях с теми людьми, которые не знали, а часто и не хотели
знать той правды, которая могла разрушить их уютный и тёплый миф.

Он не хотел безропотно принимать спущенную сверху на всех одну роль
социальных статистов, винтиков и шпунтиков, тарапунков и штепселей. Он испы-
тывал мистический страх перед большими скоплениями людей и тогда твердил,
как заклинание:

*Нет, я не вливался в метрошную злую толпу!
В уме придержите мою единицу-судьбу!*

Конечно, сам он был не сахар и не подарок. Совсем не подарок. Хотя... Раз-
ве поэт — не подарок? Разве искусство — не праздник на этой серой свинцовой
земле под куполом страха безбожного неба?

*Я хочу быть малым ребенком;
Видеть чисто, а помнить смутно
Красоту незнакомого мира, —
Чтобы мне пробежать по пляжу
Вниз к объятиям тёплого моря,*

*Оглянуться и вдруг увидеть
На закате твою фигуру,
И, вернувшись к тебе, заплакать,
Укрываясь в тёплые руки.
Ты несла бы меня по полю,
А я плакал бы горько-горько
Оттого, что хотел ракушку
Подарить тебе ярче солнца,
А нашёл лишь полные ила...*

Может быть, поэт тем и отличен, что эти слёзы так никогда и не просыха-
ют... «Будьте как дети» — сказал Господь, и вот за соблюдение этой заповеди
многое можно простить поэту.

*Только дети играют всерьёз, потому
Что ещё не соскоблена патина рая,
И пока: лес не рублен, чудесно смотреть
Муравьёв по сосне путь к небесному краю.*

Очень любил тепло и всякие сладости. Щедро делился радостью вновь от-
крытых ойкумен культуры. Иногда буквально заставлял выслушать чтение особо
понравившихся ему стихотворений или обширных цитат из прозаических книг.
Рождённый под знаком Стрельца, был по натуре бродягой: легко «отрывался от
субстрата» (его выражение). Тема дороги — одна из сквозных в его творчестве.

*Я закрывал глаза на полустанках,
Где лают по привычке, но не ждут.
Остатки — сахар, сладки крошки жизни,
Вечерних трав дорожке изумруд.
От Польши до Китая расцветает
По плану лета сказочный маршрут.
Коль хватит сил, не трогайте подольше
И дайте посмотреть, куда везут.*

Не имея специального исторического образования, он имел сильно разви-
тое чувство истории. Прекрасно ориентировался во времени. Изучение древних
культур было его любимым занятием, и там он находил дорогих его сердцу собе-
седников: Чжуан-цзы и Ли Бо, Басё и Ранран, Калидаса, Бхартрихари и Сурдас,
Низами, Хафиз и Бедиль, Кирмани и Галиб. Несколько лет жизни он посвятил
усвоению мусульманской культуры, самостоятельно изучал язык фарси, и его
переложения великого Галиба на русский язык я нахожу лучшими из существу-
ющих. Любимые русские поэты, насколько мне известно, — Мандельштам и Хо-
дасевич. Ходасевич как-то особенно близок оказался ему по складу души и нерву
мироощущения. Любил Гумилёва. Из современников отдавал предпочтение Ио-
сифу Бродскому. Его преданность самообразованию и культуре исключительна
на фоне всеобщего невежества нашего, даже среди творческой интеллигенции.

Культурная традиция в стране почти пресеклась, и мы, самоучки и дилетанты, жадно хватали и впитывали те её крохи, которые перепали нам из книг Лосева и Бертельса, Аверинцева и Малявина, Топорова и Семенцова и некоторых других авторов.

*В горшке волшебницы-души
Запахла времени эфедра,
Коричневых священных книг
Открылись бархатные недра,
И грудь наполнилась волной
Ливанского густого кедра.*

Как-то незаметно и безнадежно он отчаялся. Несложившаяся семейная жизнь, полное отсутствие какой-либо социальной защиты, все эти комнатки-крохотули в частном секторе, все эти фанерные сторожки, пропитанные вьевшейся грязью, жизнь часто чуть ли не впроголодь, и, наконец, эта удушливая атмосфера подпольного быта лагеря развитого социализма эпохи Застоя и первых лет Перестройки, — всё это вместе и порознь давило на его широкую и всё более сутулившуюся спину. Добавим, впрочем, олимпийское равнодушие к его творчеству «официальных органов» советской культуры. И хотя смерть его была трагической и безвременной, но случайной ее, увы, нельзя назвать.

Последние пять лет Женя писал очень мало, всё больше правил старые стихотворения. Последний год, можно сказать, не писал. И если внешне его находили даже благополучным — появились какие-то деньги, то внутренне он был уже подорван.

*Я у ночи расчёсывал кос мумиё,
И звезда на ладонь мне упала её.
Будто чай золотистый пророс в голове,
Осветилось отчаянным светом жильё.
Как вокруг золотистого стебля судьбы
Сном тягуче-зелёным обвилось быльё.
Черный мёд слаще мёда, и тень хочет спать.
Не гоните с насиженных гнёзд вороньё.
Закатилась звезда, пересохло быльё,
Начинается чёрное время моё...*

Влияние демонических сил на жизнь творческих людей — тема серьёзная и большая. Здесь не стоит прикасаться к ней проходя. Скажу только, что и здесь, в этой судьбе, это влияние имело место и безуспешно... Капля и камень точит — и даже такую жизнестойкую и бесстрашную натуру, как у Жени, может подточить и разрушить «безобидная», как кажется, привычка. Домик, в который ему повезло, наконец, вселиться, был очень ветхий, участок — запущенный. Женя так и устроился, ничего не обновляя и не вспахивая, за что мы ему часто пеняли. Он как будто знал, что ему тут долго не жить. На участок вползало церковное кладбище, тоже запущенное, и — руку протянуть — церковь Константина и Еле-

ны XVI века. Вся эта обстановка очень подходила ему, и он любил свой домик с видом из окошка на реку Пскову, от которой и город получил когда-то своё название. Когда я иногда неслышно входил к нему, то мог застать его сидящим на табурете лицом к окну, печатающим на ветхой же своей машинке очередные варианты своих стихов. Вместе с ним в домике жила чёрная собака Умка — гроза всех уличных собак, и кошка, клички которой не помню уже. С ними и их щенятами и котятами он часто делил свой холостяцкий стол.

*...Открыта даль, могуч порыв, мала земля и мал поэт.
В пустыне мёртвой и скупой родник души искал поэт.
Лишь за горой сыпучих слов от зноя отдыхал поэт.
И чудо взял из ничего, и ни за что отдал поэт.
Приготовление к Суду — вот путь поэта, о Аллах!
И в мире праха у меня просыпался меж пальцев прах.
Я переулочек подсмотрел, мне тихий домик нужен лишь;
Судьба неверная моя, ты чистой свечкой догоришь.
И пролетит моя душа над ребусом садов и крыш,
И будут медленные дни и ты страницу сотворишь.
И, предвкушая участь встреч, влажны глаза мои в мечтах,
Как влажен от стиха язык, как будто сахар на губах.*

В таких явлениях, как творчество Евгения Шешолина, ещё раз сбываются слова Фёдора Достоевского о всемирной отзывчивости русского человека. И пусть это явление будет негромким и скромным, но для нас — обнадеживающим, ибо оно в ряду других, подобных ему явлений, таких, например, как не узнанный до сих пор отчаянно-нежный мир Александра Башлачёва, и иных, ещё скрытых до срока.

*Там есть шершавая дорога,
Бегущая среди полей;
Я верю — навсегда немного
Она останется моей...*

...Желтая — песок и глина — среди осенних сжатых полей протянулась к далёкому лесу под низким северным небом — дорога. По дороге идёт человек. Походка его легка и упруга. И он совсем-совсем не сутулый. Он идёт и читает свои стихи. Свежий бодрящий ветер доносит их нам:

*...Казалось, что я походил на осенний цветок,
Печальную песню сложить, снилось, мог,
Казалось, бродяжил во сне полу-гном, полу-Бог,
И солнце мерцало на лужах осенних дорог.
Скажи, что осыпались в чёрную воду цветы,
Скажи, что упали с небес золотые мосты,
Что мы остаёмся, что мы от сомнений чисты,
Что наши надежды и души остались просты.*

*Да, я походил на наивный осенний цветок,
Да, сладко-печальную песню я выудить мог,
Из лужи любой на раскатах осенних дорог,
С родимых обочин, где пахнет бензином песок.
Я где-то в предгорьях, уже недалёк, недалёк,
Уже золотится вон там, впереди, огонёк.
Пахнёт ароматом желанной долины от строк,
Вот это и будет мой первый небесный цветок.
Скажи, что с осеннего неба летят лепестки, —
Когда упаду, да не будет за мною тоски.
Скажи, что цветы осыпают свои лепестки,
И были на свете их дни и светлы, и легки.*

1990

ДОПОЛНЕНИЕ О МИРОСЛАВЕ АНДРЕЕВЕ

Август 1979 года.

Вот мы стоим на Сенатской площади — Женя, Мирослав и я.

Жене — 24, мне — 22, Мирославу — 20 лет.

Женя погиб в 1990, Мирослав в 2000.

Женя прибыл в Псков из Резекне, Мирослав из Рыбачьего (берег Иссык-Куля), я из Москвы.

В Питер подбил ехать Женя — повидать Олега Охупкина, на которого он, уж и не помню как, вышел.

Но пока мы только с поезда — и прямо на площадь: я в Питере первый и, наверное уж, последний раз; Мирослав, думаю, тоже; Женя проучился здесь год в институте до того, как приехал в Псков.

Стоим на совсем пустой площади, созерцаем, стало быть, Зимний Дворец.

Вдруг, откуда ни возьмись симпатичный такой фотограф — ребята, мол, надо. И ведь прислал же через пару недель каждому по три фото! До сих пор удивляюсь.

Уезжали из Пскова ночью в общем вагоне (я согласился в самый последний момент: не люблю дорогу) — курили в тамбуре, болтали долго.

Кое-как перекаптовались.

С Женей мы знакомы с 76 года, с Мирославом — только-только.

Я его всерьез тогда не воспринимал. А он уже тогда воспарял над нами крылато...

Нос кверху — полный понт.

Первый раз я его увидел...

(почему так мучительно мне всегда воплощать в слове воспоминания? Наверное, потому, что они прямо под руками начинают ветвиться и расплзаться как веселые и печальные змеи, и надо успеть всех схватить, а это опять бежать,

шустрить, нагибаться... ох, не люблю! ...но фотограф сказал ведь — «надо»... Ну надо — так надо.)

Короче, занимался я тогда в народном «театре слова», репетировали мы пьесу Горина — «Забыть Герострата», где у меня была роль Клеона, а у Шелюшика (да-да, смешно сказать — у Шелюшика!) — роль купца Крисиппа (вот вижу уже как он вскидывает свои длинные руки и говорит — «Я здесь, Клеон!» или — «о горе мне!»? — что-то путаюсь),

Репетировали мы почему-то в здании кукольного театра, что рядом с «домом Батова» на берегу Великой у Ольгинского моста. Акустика там — фантастическая. Вышли покурить — и вот он, Славик с тетрадкой своих стихов.

Представляет его мне Шелюшик (что говорит — не помню).

Листаю стихи — складная литературщина — всерьез не принял, но что-то снисходительное сказал. А Женя возбужден, рад знакомству, как всегда хихикает что-то... В итоге, Мирослав открыл нам индийскую религиозную философию и «каннабис» — завязались узелки надолго.

От Питера у меня ощущение нереальности осталось — цветные кубики центра, каналы, мостики, Петруша на коне взмывает...

До Охупкина ехали долго — жил он где-то на окраине — зелени много — пух летел? — хорошо. Охупкин Олег сам тоже хорош оказался — красивый, статный, свободный; до сих пор помню его и люблю. Ночевали у него на полу. Что-то пили, читали свои стихи. А он, молодец, терпеливо слушал наши по сути детские еще вирши.

Впрочем, я был тогда в середине «Живой Земли» и помню, как ему понравились «о мои пятипалые! в золотистой крови! и т.д.» — он даже жену свою с кухни кликнул — послушай, мол, как живописно. А вот что Женя читал — не помню, виноват. Вторую ночь пили мы на косе в финский залив у костра.

Купались, орали, бегали.

А вот небо там красивое утром было — в Москве такой голубизны я не помню.

В самом начале «перестройки» была такая передача — «Пятое колесо» — там, однажды, я Олега увидел: стоял он в свете фонаря и печально смотрел в камеру, прижимая к груди первую здесь свою книжку, которую издал фонд Горичевой, если не ошибаюсь, — и грустно до боли мне было видеть скорбный его и несчастный лик. Не знаю — жив ли еще Олег, но где бы он ни был — отсюда ему тихий привет и поклон за прекрасные его стихи, которые есть.

Бродя в третий день по центру, набрали мы на концерт Козловского «Арсенала», который вот-вот начинался и мы как-то легко проникли.

Я вообще (к стыду ли своему? — не знаю) не поклонник джаза, но там они дали в жилу: соло на саксофоне (Козлов), а потом они все ушли — и один барабанщик на пятнадцать минут ка-а-ак.....

На поезд денег уже не было: на электричке ехали до Луги.

Пока ехали — Женя все старался, что бы я в стихи Мирослава въехал — что-то ему пригрезилось там, — но я так до сих пор и не въехал. Мирослав ревниво косился. Он был высокий — выше нас — удобно ему свысока коситься — вот он и косился.

Так я тогда и не понял, что это серьезный фрукт и в зубах надолго завязнет. Родились мы с ним в один день, только я на пару лет раньше.

За Шелошика мы незримо боролись, а он со всеми ладить умел.

Первая трещина меж нами глянула, когда задумали журнал издавать — вот тогда он перетянул. Назвал его — «Майя», а в майю я мистически лезть боялся и не хотел. Я хотел — «Слово», — банально теперь, конечно, видится, но для меня тогда — принципиально. И потом, Мирослав и Женя уже сразу его видели в диссидентском контексте, а я этого не хотел. Долго колебался — несколько лет — и когда окончательно вступать отказался — Мирослав мне этого не простил — написал мне в Москву письмо, где посылал в меня в метафизическую бездну перерождений — на самое дно — злое такое письмо — и если б не Крест Христов — мог бы я туда и споткнуться.

Годы спустя, при очередной редкой и вооруженной до зубов нашей с ним встрече, сидя на скамейке у памятника Кирова в Пскове, в летний солнечный вечер, я рассказал ему сон, где мне приснилось, что я стою в некоем зале, передо мною стол, а на столе — огромная раскрытая книга. Я наклоняюсь над раскрытой страницей — и вижу как бы много миров, распахнутых мне и влекущих бесконечной сладостью воплощения, — вижу, и как будто начинает втягивать меня в эту книгу и вот промедлю еще — и утянет меня безвозвратно. Усилием воли, не иначе, как по милости свыше, отрываю взгляд от книги и слышу тут же чей-то злорадный смех — поднимаю голову — надо мной, как бы на площадке с перилами, стоит некто, похожий на Шейлока в овчиной шубе, смотрит на меня и так недобро смеется: сорвалось, мол, сейчас, но мы еще встретимся. И я проснулся.

«А ведь это был я», — сразу соглашается Мирослав и опять веет какой-то жутью.

...Сошли в Луге — вышли на шоссе до Пскова и пошли потихоньку, надеясь поймать попутку. Вдруг на меня такая тоска напала, что силы все ушли и я сказал ребятам: как хотите — дальше не пойду.

Сошел на обочину, лег.

Пришлось и ребятам тоже.

В Пскове уж очень невеселая меня ждала сцена, вот я и слег, предчувствуя.

Однако, вот и попутка — крытый грузовик, набитый чуть не до потолка матрасами! Добрый шофер легко согласился без денег до самого Пскова.

Уж мы растянулись.

А вот плащ свой любимый, который в руках держу, — оставил там, в машине. До сих пор вспоминаю (Фирма «Макинтош» — в коммиссионке, почти что даром).

Когда в самом конце 80-х Тимур Зульфикаров гостил у нас в Пскове — я пригласил ребят в гости (тогда уже мы редко даже с Женей общались: приход мой в Церковь охладил отношения, — я был неопитом и прощался с прошлым).

Пришли, нормально поговорили. К Тимуру оба с уважением — мэтр, все же.

Они тоже ему понравились.

Женя как-то пошутил потом, что у Тимура — «сахарные дервиши, фруктовый секс», — Тимур ничего — смеялся.

А ведь и Тимура открыл мне Женя: когда вышла первая книга Зульфикарова — «Поэмы странствий», (до сих пор больше всех последующих мной любимая) Женя где-то ее сразу выловил и, усадив меня, стал щедро делиться вкусным блюдом, читая нараспев:

«И дервиш на осле уходит в снежный куст,

И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги...

И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги дальней, дальней, дальней...»

Потом эту книгу привезла мне из Болгарии Ирина, купив ее случайно, то есть — по наитию.

В ночь когда Женю выбросили из окна в Даугавпилсе я был дома один.

И такая вдруг под вечер печаль легла на сердце, — неподъемная.

Поставил я пластинку Башлачева и прослушал от начала до конца, упав в кресло и свесив голову, — О том, как уходят поэты, помните?...

Несколько часов Женя лежал на земле и умер уже в реанимации, не приходя в сознание.

Мирослава тоже убили.

Он несколько лет занимался архивом Жени и подготовил том всех его стихотворений. Этого тома я так и не видел. Но рано или поздно он объявится.

В прошлом году Мирослав издал 100 избранных стихотворений из этого тома.

В целом, издание это могло бы быть лучше, на мой субъективный пристрастный взгляд, но зато теперь первая книжка Шелошика лежит на полках книжных магазинов Пскова и, наверное, это хорошо. Только сиротливо она лежит как-то, за год не раскупили ее. Псков опять его не заметил.

Впрочем, теперь это уже проблема Пскова: дело сделано — гармония извлечена из хаоса мира. Бытия прибыло еще на одну драгоценную каплю смысла.

О творчестве Мирослава — не мне судить. Я — пристрастен.

Но были и у него когда-то прекрасные строчки в море сырого текста. Были!

И был рассказ, который он читал мне давным-давно в Летнем саду прямо под Колесом Обозрения и дождем морозящим.

Рассказ о том, как человек пошел в горы на поиски конопли, как он общался с горами, с ядовитой змеей, как он бежал — летел словно птица, сбега по склону и как убили его советские милиционеры — застрелили из пистолета — мистический такой, хороший рассказ.

Вот, вспомнил фильм и актера, который поразительно похож на Мирослава мифом личности — фильм Сокурова «Скорбное бесчувствие» (или «Дни затмения?»), актер в главной роли — почти один к одному — Мирослав.

Он рос без отца. Мать боготворила его.

Иисусе Сладчайший, помилуй нас.

Псков, 2000

КРАПОВЫЕ БЕРЕТЫ

*Другу, полковнику, командиру
отряда СОБР Николаю Егорову*

Надень мундир, братан, и краповый берет,
До блеска ордена надрай, медали.
Пусть удивляется, полковник, белый свет,
Пусть знают все — спецы как воевали!

Полковник, не стыдись наград и седины,
Ты стал чуть строже и ещё красивей,
Пусть знает молодёжь, гордятся пусть сыны,
Как вы стояли насмерть за Россию!

Пылали города и весь Кавказ в огне,
И банда чёрных псов террор открыла.
Спецгруппа на горе, на выжженной земле.
Бандитам вмиг все тропы перекрыла!

Встречай друзей, братан, и с каждым обнимись!
Напомни им приказ: «Назад ни шагу!»
В краповых беретах вы лихо там дрались,
И первый тост: «За храбрость и отвагу!»

От той лихой войны страдала вся страна,
А в краповых беретах нету бывших.
Налей, полковник, всем, ты крепкого вина:
И третий тост за пацанов погибших!

2013

ОЖИДАНИЕ

*Я убит подо Ржевом.
(Александр Твардовский)*

Ночь. В округе звенит тишина.
Под луной белоснежное поле.
Звёзд мерцанье. Стоишь у окна.
Мама, я задыхаюсь от боли.

Как душа разболелась опять.
И село постоянно мне снится.

Я хочу тебя, мама, обнять, —
Но легла между нами граница...

Не грусти. Уж прошло столько лет.
Не гляди по ночам на дорожку.
Льёт луна на снега бледный свет,
И в морозной чеканке окошко.

От того, что ты в доме одна,
Всё ж душа не наполнилась гневом.
Сколько горя хлебнула до дна, —
В сорок первом... Отец... Подо Ржевом.

Берегла, как могла, «сорванца»,
Мной гордилась. А в сердце кручина.
Не дождалась с Великой отца.
А теперь не дождалась и сына.

Не печалься, прошу, обо мне,
Верю, мама, такое непросто.
И не знаешь, за что на войне,
Был убит я в Афгане под Хостом...

2013

ПАМЯТЬ

*Командиру 80 орр, гвардии подпол-
ковнику ВДВ Виктору Куликову*

Наступила зима. Вьюги воют над нами,
Обостряется память в прокалённом ветру:
Все дороги Афгана, прошагали с боями,
Выполняли приказы и в мороз и в жару.

Опалённая память ещё не остыла,
И на встречу к друзьям, я сегодня лечу.
Командир дорогой, вспомним мы, как всё было,
И любые задачи были нам по плечу.

В раскалённых песках мы, зарывшись, лежали,
Караван, ожидая с пакистанской земли.
Пересохшие губы от жажды кусали,
Но последний глоток для друзей берегли.

Тех боёв иногда отголоски нередки,
Нашу дерзкую роту вспоминаю теперь:
Как с заданий любых возвращались с разведки,
На кабульскую базу без единых потерь...

2014

Евгений Трофимов

* * *

Разбросала осень паутину,
По жнивью, по травам луговым.
Вижу в красках золота картину-
Пёстрый лес под небом голубым.
Тихо тает песня в поднебесье,
Журавлей тревожная печаль...
Ты, сынок, запомни и не смейся:
Я когда-то тоже улетаю.

Родина всегда милей чужбины,
Как чужбину страстно не хвали,
У тоски бездонные глубины,
В каждой открываются дали.
Где-то там, на самом дальнем юге,
Птицы будут зиму коротать.
Переждут губительные выюги,
Чтоб весною встретиться опять.
Осень, осень, проводы и встречи-
На виски ложится седина...
Я грущу в осенний, тихий вечер,
А за мной — любимая страна.

Нина Ульянова

* * *

Опять метель над городом старинным
Кружит, колдует, навевает сны,
Окутывает пухом лебединым
И хочет задержать приход весны.

Не видно тротуаров и тропинок,
И заблудились люди и дома,
И с хороводом звездочек-снежинок
В прощальном танце кружится зима.

Снег замер на березовых сережках,
Укрыл неслышно башни и дворы,

Но тает на ресницах и ладошках,
И на щеках у Псковской детворы.

А снег идет, хоть знает что напрасно —
Проглянет солнце в серых небесах,
Что впереди — весны победный праздник,
И жить ему всего лишь полчаса.

В МИХАЙЛОВСКОМ

Здесь воздух чист, небесно чист.
И вечер звезды зажигает.
Бесшумно одинокий лист
На волны Сороти слетает.

Прозрачный свет, волшебный свет,
Что ночью белою мерцает...
И где-то под луной поэт
Над светлой Соротью мечтает.

Река затихла, лес затих,
Спугнуть боится вдохновенье...
И музыкой ложится стих.
В веках останется «мгновенье».

* * *

Здесь улыбается печаль,
И проливает радость слезы.
Не колыхнет листка мистраль,
И в стороне грохочут грозы.

И слаще меда здесь миндаль,
А сахар горек как обида.
Рукой достать любую даль,
А горизонт исчез для вида.

И даже осени пожар
Здесь говорит о знойном лете.
А до созвездия «Стожар»
Лететь не надо на ракете.

Что ни ковер — то самолет.
Садись, лови попутный ветер.
Здесь каждый вечер чудо ждет,
Но все растает на рассвете.

А ВСЁ-ТАКИ ВЫЖИЛА

Хотя о Великой Отечественной войне накоплено столько информации, что одному человеку и не впитать её в полном объёме, пока есть возможность, современники вновь и вновь вслушиваются в рассказы очевидцев. С Тамарой Ивановной Ламенской я познакомилась в поездке к Кургану Дружбы. Небольшого роста женщина с орденами и медалями не могла не обратить на себя внимание. Поворотливая, с приветливой улыбкой она откликнулась на мою просьбу встретиться в ближайшее время, чтобы вспомнить о минувших суровых днях её жизни.

Перед самой войной Тамаре Ивановне только исполнилось 17 лет. Одна из четверых детей сельского учителя Ивана Филипповича Гранитова в Себежском районе она, как и все, любила жизнь и хотела быть счастливой. Стараясь быть похожей на свою старшую сестру Людмилу, умницу и красавицу, вместе с ней пошла по отцовским стопам — в мирное время обе учительствовали. Тамара Ивановна 12 лет была ещё и директором, руководила Бубновской школой.

Первая любовь и разлука

Тамара готовилась вот-вот вступить в комсомол. Закончила два курса педагогического училища, вместе с братом и сёстрами радовала родителей, и вот война. Хорошие дети были у Гранитовых, однако нормальное житьё закончилось одним махом. А ведь Тамара подружилась с хорошим парнем — трудолюбивым, умным и ласковым Васей Козловским.

После года учёбы в лётной школе парня отправляли на фронт. Уходил из Великих Лук, перед отъездом попросил Тамару принести на свидание фотографию. Нашлось маленькое фото. Тамара прихорошилась и побежала на встречу к 10 часам, как сговорились к мосту, но... опоздала. Страдай не страдай, больше его не видела. Позже узнала, что Василий Козловский погиб в 1941 году.

Вместе с сестрой

Немцы уже рвались в Великие Луки. От бомб гремело так, что в Успенском было слышно. Оставаться дома Тамара не могла, решила податься к сестре. На вокзале было много раненых, они лежали на полу, на асфальте. Всех их придавило обрушившейся плитой. Тамара как раз отправлялась к сестре Людмиле в Земцово, где та преподавала в школе, и наблюдала горестные картины.

Рельсовый путь растянулся на три дня. Немецкие самолёты разбомбили железную дорогу, поезд постоянно останавливался. Приехала. Людмиле уже пришёл вызов из Свердловского лётного училища, куда ею было подано заявление. Тамара засобиралась вместе с сестрой.

Перед отправлением в путь решили пойти в школу попрощаться с товарищами, коллегами Люды. Неожиданно к крыльцу школы подъехала машина с

пограничниками. Среди учителей появился лейтенант Подгорный из штаба 29-й армии. Пригласил на беседу двух учительниц немецкого языка. Среди них была Людмила Ивановна. В одном из классных кабинетов взяли с девушек подписку, по всем правилам мобилизовали в армию.

— Я тогда подошла к сестре, — вспоминает Т. И. Ламенская. — «А это кто?» — строго спросил лейтенант. Говорю: «Сестра!»

— А ну-ка в кабинет!

Побеседовали и со мной. Я пояснила, что имею всего лишь два курса училища, немецкий язык изучала только по программе и ко всему сказанному добавила: «Какой с меня толк?»

Но Тамаре Гранитовой тогда предложили с сестрой ходить в разведку. Девушка согласилась:

— Куда сестра, туда и я.

Первые испытания

Фронт приближался к Западной Двине. Две недели в штабе 29-й армии к девушкам присматривались, изучали характер, испытывали моральные качества, обучали работе в тылу врага. Тамара старалась запомнить, как вести себя на занятой противником территории, как переходить фронт. В 29-й армии ей почему-то более всего запомнился майор Безобразов. Очень остроумный человек, москвич, производил яркое впечатление.

К девушкам в штабе относились доброжелательно, питание было хорошим. Однако вместе сестёр в разведку не отправляли. Попутчицей Тамары в тылу врага была Тоня Вертушкина. Отчёты по возвращению из разведки писала Тамара.

Т. И. Ламенская продолжала воспоминания:

— Помню своё первое задание, когда нам поручили войти в деревню. Возле одного из домов мы с Тоней затаились в кустах сирени. Немцы вот-вот должны войти. Мне стало страшно. И вот оно... Колонна солдат хлопала сапожищами — пыль летела по сторонам. Вскоре по дворам стало раздаваться куриное кудахтанье, завизжали свиньи. Перья кружили над деревней — так немцы обеспечивали себя провизией. Сидеть в кустах уже было некогда, надо задание выполнять.

Пока мы шли по деревне, нас останавливали несколько раз. Один раз сильно испугалась. В избе, куда мы заглянули, Тоня вступила с немцем в спор. Тот всех уверял, что «Москва капут, драй одер фир таген», а Вертушкина ни в какую не соглашалась.

— Нет! — говорит, и всё. Надо отдать должное её смелости, но у меня настроение на тот патриотизм было иное, и я дёргала её за рукав, шептала:

— Молчи!

А та ещё больше распалялась:

— Не видать вам Москвы!

Слава Богу, нас не задержали, и мы, узнав о количестве пулемётных гнёзд, огневых точек, отправились к своим. Возвращение не было приятным. В одной из рощиц уже начался бой. Откуда-то выскочила конница. Нам пришлось наблю-

дать, как повозки с людьми въезжали в горящие дома. К своим пробирались всю ночь. Ярko светила луна. Обойдя краем минное поле, к утру мы уже были в штабе.

В портянках со свастикой

Вздыхая, Тамара Ивановна продолжала свой рассказ:

— Наша пограничная армия отступала к Ржеву, затем уходила из него. Последнюю ночь в городе не забуду никогда. Четырёхэтажный дом, в котором на втором этаже нас расположилось пятеро девушек, вздрагивал от бомбёжки. Вдруг стены просто заходили ходуном. Мы только успели выбежать во двор, как дом рухнул.

В занятый немцами Ржев на разведку меня уже послали одну. В санях довели до Волги. На другой берег реки перешла по льду. Когда направилась к деревне Саблино наша артиллерия начала обстрел. Хотя здесь на меня особого внимания не обращали, без приключений не обошлось.

От Саблино до Зубцова (18 км) я шла пешком. Было морозно. Хотя одета была легко, на ногах — добротные армейские валенки. Прошагав километра четыре, у одной из деревушек встретила с немцем. Фриц, оценив мою обувь, сказал:

— Штигаль гут. Вэг!

Обескуражилась мыслью, что, сняв валенки сразу, мне придётся обнаружить на себе портянки из немецкого флага со свастикой. Материал мягкий такой был, ногам в таких портянках очень комфортно. А тут — вот. На тебе. Я попросила у немца разрешения разуться в ближайшей избе. Там, в уголке сняла своё богатство. Успев спрятать портянки за пазуху, уже спокойно протянула валенки позарившемуся на них. С облегчением вздохнула. Хозяйка дома нашла на своей печке старую прохудившуюся обувь, дала мне. Пошла дальше. В Зубцов пришла почти ночью.

На ночлег в городе не осталась, так как девушка из дома, где остановилась, заподозрила меня в чём-то и предложила пойти в комендатуру. Голодная и холодная я вышла на пустынное шоссе, через которое по обе стороны летели снаряды. Выполнив задание, направилась к своим, к линии фронта.

Живые картины ужасов

Трое суток я безуспешно пыталась пройти через линию фронта, — снова вздохнула Тамара Ивановна. — Ночью меня задержал немецкий патруль, вызвал конвой. На повозке меня повезли в противоположную от линии фронта сторону. Ночь просидела в курятнике под замком.

Наутро — допрос. Наверное, меня выручил мой неказистый вид и моя легенда. Сочли несовершеннолетней, но не отпустили. Отправили в Старицу в формирующийся там концлагерь. Оказавшись в госпитале для военнопленных, стала помогать врачам при хирургических операциях, ухаживала за тяжелооболными. В здании бывшей школы они лежали на голом полу по 50-80 человек в комнате. Умирали здесь десятками и сотнями.

Вскоре меня отправили в Ржев. В концлагере под Ржевом было много так называемых гражданских людей, гражданских. Меня определили в землянку, где было 17 женщин. Моё место оказалось у стены. Стена покрывалась инеем.

Вот где насмотрелась ужасов. Расстрелы, битьё, пытки — каждый день. Больным делали керосиновые уколы в вену. Так «лечили» наших пленных. Доходяг немцы помещали в воронки от взорвавшихся бомб. Я слышала разговор двоих молодых бойцов, которым уже не хватало сил выбраться из ямы: «Хочется покурить перед смертью... — Да...».

Расстреляли группу ржевских комсомольцев-подпольщиков. По-моему 13 человек. В колонне приговорённых замыкающей шла девушка. За ней — немецкий офицер с пистолетом. Там были вырыты огромные ямы. Все эти ямы заполнили трупами наших солдат. И мирных, кто немцам не угодил. Многих спихивали туда ещё живыми. Землёй засыпали только тогда, когда ямы становились заполненными. И вот к этим ямам подвели группу комсомольцев и всех расстреляли. Земля постоянно шевелилась от умирающих людей.

Бабушка Аня

Кормили нас в этом лагере баландой, раз в сутки. Её варили в огромных чугунных котлах недалеко от железной дороги. В чан заваливали убитую лошадь вместе со шкурой, копытами, потрохами, засыпая туда же льняное семя. Эту чёрную баланду с волосами, шерстью давали людям. Я это есть не могла. И многие не могли.

Выручала одна женщина. Её звали бабушка Аня, ей было где-то под пятьдесят. Эту женщину взяли за связь с партизанами. Массивная такая женщина, да и юбки у неё такие широкие были... Она в сговоре с каким-то сочувствующим нам полицейским, работающим на складе, могла принести нам мешочек муки. Она прятала муку в складках юбки.

Ночью на буржуйке, стоящей в землянке, украдкой она пекла лепёшки. За ночь их получалось семнадцать. Всем по одной.

А спали-то как — впритирку. Нары короткие, хватало места только на туловище. Ноги свешены. Так и мучились. И спасала нас вот эта тётя Аня. Ещё тёплую лепёшку она клала нам под голову. Благодаря этому человеку мы остались живы. Я не знаю её фамилии. Просто бабушка Аня.

Тиф

Не одна беда, так другая. Там я заболела сыпным тифом. Солома-то, на которой мы спали, вся шевелилась от вшей. Температура у меня была под сорок. Лежала без сознания. Немцы таких не убивали, а отправляли на станцию в госпиталь для военнопленных. Там работали наши русские врачи — пленные. Они нас выхаживали.

Двадцать или более дней пролежала, не помню, но выздоровела. После болезни своими руками могла талию себе перехватить, так высохла. А всё-таки выжила. Молодость взяла своё. В этом госпитале кормили нас конским мясом,

но это уже была другая пища. Поправиться-то я поправилась, но очень слабая была.

Побег

По выздоровлении меня с четырьмя девушками, среди которых была дочь секретаря Калининского райкома партии семнадцатилетняя Валя, немцы отправили на работу, поселив в здании на берегу Волги. Там нам поручили протирать противогазы. Все до единого противогазы мы прокалывали булавками, чем попадая... А что делать? Надо же как-то нашим помогать, — весело смотрит на меня Тамара Ивановна и продолжает говорить:

— Так как за нами не было строгого надзора, мы решили осуществить побег. Договорились разойтись по разным направлениям, чтобы не попасться вместе. Ушли. Однако позже я услышала, что Валю нашу, высокую, красивую, немцы поймали и повесили. Ей не повезло. Я каким-то образом выбралась из оккупированного Ржева.

Схватили-таки меня, но уже в начале 1943 года, чтобы вместе с молодёжью отправить в Германию. Вели под конвоем, пешком до самой Белоруссии. На ночлег останавливались в деревнях. В одной из них в сговоре с группой комсомольцев убежала и я. По дороге в свои края мы представлялись беженцами. И что вы думаете? Попала к полицаям. В его семье мне пришлось поработать служанкой. У полицая молодая жена и дочь. Для них я готовила, носила воду и дрова, делала всё, что приказывали. Начала думать о том, как бы мне попасть к партизанам, о которых то и дело возникали слухи.

Партизанская страда

Апрель 1943-го. Партизаны сами пришли в деревню Полицай с женой куда-то спрятались, а я, готовившаяся к встрече с нашими, уже припасла карабин, найдя его у хозяина на чердаке и перепрятав в доски сарая. Почему? Потому что в партизаны без оружия не принимали. Никого. Пришёл командир группы:

— Ты кто?

Объяснились. Слово за слово, говорю:

— А я только вас и жду. Сама не могла найти. Никак...

— А оружие есть? — спрашивает. Отвечаю:

— Есть! В сарае.

Принесла карабин, и с партизанами иду через всю деревню, с карабином на плече. Молодёжь деревни глядела на меня с завистью. В лесу меня начали проверять, больше месяца в партизаны не зачисляли. Я им даю сведения, а мне говорят, что они уже устарели. Действительно, фронт-то движется. Начала привыкать к партизанской жизни. Комары и у костров поедом кусали всех. Никуда от кровопийц не спрячешься. Наконец-то зачислили в партизаны, начали в разведку посылать.

Как-то отправилась старшей с группой из пяти человек на задание в деревню. Узнать, есть ли там немцы. В деревню пришли, вроде всё тихо, мирно. А все

люди там почему-то ходят в верхней одежде. Никто не спит. Толкутся смурные. Станем спрашивать — молчат, боятся. Уже в конце деревни послышался какой-то шум, топот. Я скомандовала:

— Уходим! Немцы!

Бежали в чистое поле огородами, по картошке. До леса было полтора километра. Поле со скирдами сжатой ржи. Там мы одного паренька потеряли. Убили его немцы. В отряд вернулись вчетвером. Потом наша 13-я партизанская бригада, которой командовал майор Сергей Мазур, ранее начальник из системы НКВД, показала себя.

Партизанский отряд действовал в Кричевском, Пропойском, Климовичском районах Могилёвской области. Были переходы, бои, рейды. Там я и стрелком была, хотя не знаю, убила какого немца или нет, когда мы однажды залегли вдоль дороги группами в шахматном порядке, ожидая на шоссе немецкую колонну. С детства у меня близорукость.

Скоре меня поставили поваром работать. Готовить на 24 человека. Разведчики были пареньки крепкие, здоровые. Мужички ели со зверским аппетитом. Воды два ведра несла за 5 км. Собирала в балке хворост потолще, чтобы костёр долго горел. Хлеба нет. Давали мне мяса кусок, мешочек муки. Попробуй, хлеб замешай, где хочешь, испеки. На одной сковородке, на костре. Работа эта для меня оказалась жутко тяжёлой.

Сама вбивала в землю колья. Клала поперёк палку, вешала на неё два ведра. Чтобы не было слишком пресно, к мясу добавляла найденные мною грибы, заячью капусту. Получался борщ. Разведчикам нравилось моё приготовление. И что вы думаете? Очень совестливая была — их кормила, а сама вечно голодная ходила. А они, «лбы», придут, всё съедят (2 ведра, и первое, и второе), да ещё добавки просят. Пока командир заметил, что я слабею, сказал:

— Так ты скоро ноги не будешь таскать. Что ты делаешь? Ты сначала себе отложи, а потом их корми.

Я его послушалась. Однако моё рвение и усердие в работе были отмечены благодарностью перед строем. Вскоре в работе повара я получила большое облегчение — стала готовить только для шести человек. Но здесь уже был другой контингент, штабные работники. Продукты стали давать получше. А всё равно было сложно в связи с переходами с места на место. После пройденного пути все, как слоны, валяются спать, а мне надо идти завтрак готовить.

Маленькая месть

Был у нас в бригаде один писарь, белорус по фамилии Ринкевич. Он был страшный националист, ратовал только за Белоруссию. И белорусскую кухню всегда хвалил, которая в основном состоит, как это в песне поётся: «Бульбу варят, бульбу жарят» и так далее. Сало с луком пожарят и заливают горячую.

— Ну, думаю, — смеётся Тамара Ивановна, — я тебе устрою. Всем сделала мясные хорошие котлеты, а ему — котелок картошки сварила. Нажарила сала с луком и, облив этим картошечку, говорю Ринкевичу:

— А вот оно вам, ваше национальное блюдо, пожалуйста!

Вот так! Проучила. А чтоб не был таким националистом! Но это всё в добрую шутку. Всё-таки мы дружили, и я не обостряла отношения с белорусами. Они, действительно, очень хорошие люди, ответственные, трудолюбивые, всегда приходящие на выручку.

Огневые будни

Шли через ручьи и болота, нехоженными тропами. Когда в одно из сёл, отведённых для гарнизона полицаев, немцы своим прислали подкрепление, наши ребята их всех оттуда выпроводили. Но немцы собрали новые силы — и к нам. Помню и мы бежали, двухметровые заборы, как пёрышки, перелетали, и я в том числе, хоть и ростом мала. Мы падали на землю и ползли под сплошным огнём. Наши пулемётчики тоже не дремали — отстреливались. Бой тогда был очень жарким. У меня тогда клок волос на темечке как бритвой отстригло. Какой-то один миллиметр, и могла бы быть смерть. Из того села, не помню название, нам пришлось уйти.

Потом много ещё было боевых рейдов. И самолёты из Москвы принимали с оружием и медикаментами. Костры жгли. Лётчик по фигурам из костров на поляне замечал место сброса груза. Мы дежурили, чтобы он не пропал. Всякое было. Реки переходили и переплывали.

Наступление

Осенью 1943 г. Красная Армия начала своё наступление. Задачей в партизанском отряде стало отлавливать немцев, разбегающихся поодиночке. Мы очищали леса. Шли цепью. Тогда-то мы и потеряли адъютанта комбрига Сергея Мазура, москвича Сашу Ульянова. Высокого красивого парня, весельчака, заводилу. На всех привалах он песни затевал петь с молодёжью.

Своей грудью он заслонил майора Мазура. Был убит автоматной очередью и ещё 20 метров пробежал простреленным. Можно сказать мёртвым бежал в горячке боя.

В одном из боёв было убито 30 человек. Для партизан это считалось огромной потерей. Обычно гибло 1-2 человека. Когда партизаны встретились с бойцами Красной Армии, то соединились. Меня опять в повара определили. В какой-то из деревень, где стояли две или три недели, повесили одного полицая.

Партизан расформировали. Я попала в 391-ю стрелковую дивизию. В 839-м особом батальоне связи, в 84-й роте посадили меня к коммутатору. Так я стала телефонисткой. И везде бойцы относились ко мне с уважением, можно сказать по-джентльменски.

Оказалось, что и мой отец в этой дивизии был, в 278-м, что ли, полку, уже забыла. Иногда, хоть редко, но по моей просьбе командир отпускал встретиться с отцом. У отца тогда была язва желудка, он очень страдал. А где там на фронте

полечишься? Когда освобождали Резекне, там я иногда хлеб и мыло выменивала на молоко и носила отцу, чтобы ему было полегче. У него всё время болел живот.

Отец-то мой сам был очень человечный, грамотный. И не только. Ведь когда ему выделили самую плохую землю на хуторе, он превратил её в цветущий сад. К нему агрономы ездили учиться, как надо хозяйствовать на земле. Отца я обожала всегда. Однажды я при бежала к нему и не застала. Его эвакуировали в медсанчасть на север. В Мурманск кажется. Ранили его тяжело. С войны пришёл живой, с орденом Славы, но жил недолго.

Помнится, когда освобождали Ригу, маршем шли 96 км. Я полностью этот путь прошла пешком. Ноги распухли, не могла даже снять сапоги, резали их. Это был мой последний пеший переход. Потом уже перемещались только на машинах или лошадях.

А по Германии шли зимой. Мне карабин сменили на немецкий автомат. Это оружие было для меня удобнее русского, рожок не так давил на грудь. Дорога была переполнена танками, повозками, самоходками. Носила тогда ушанку и валенки. Многие думали, видя мой маленький рост, что я мальчик, и окликали: «Сын полка!».

В конце 1943-го или в 1944-м между Тукумсом и Либавой, где располагалась 30-тысячная немецкая группировка, повоевали. Отправились дальше. Шли через Старую Руссу, через какие-то сопки и горы. Зимой на санях. Там нас уже посчитали лишними и, посадив в товарный поезд, теплушками отправили на юг, на I Украинский фронт. Доколачивать врага в оставленных нами местах, взялись другие воинские части.

Не всем — на Берлин

I-м Украинским фронтом дошли почти до Берлина. У нас было 4 стрелковых полка и один артиллерийский. На Берлин взяли только артиллеристов. А туда рвались все: «На Берлин! На Берлин!» Каждый хотел оставить там свой автограф. Ну, если нет, так нет.

Мне пришлось вместе со своим стоять в местечке у города Neustadt. Побывали там немного, потом вошли в шикарный посёлок Пейскриган. Там, помню, цвела махровая сирень, не такой мелкий цвет, как у нас. Дома все кирпичные и... свободные. Подвалы полны всяких солений-варений. Чердаки — беконов, свинины всевозможной. Обьедаются наши солдатики.

Нашли даже монастырь, в подвале которого большой запас старинного выстоявшегося вина. Рады были такой находке. Как пошлют туда кого, то один раз сходят — принесут, второй раз — мертвецки пьяные приходят. Но эту лавочку скоро прикрыли. Командиры приказали прекратить туда ходить кому попало. Всё было взято на учёт.

Только в день водружения нашего знамени над рейхстагом солдатам и офицерам выдали этого вина, солдатам по 5 бутылок, офицерам — по 10. Устроили большой банкет. И я была за широким столом. Женщин мало, поэтому внимания

им уделялось много. До сих пор помню богатые букеты живых цветов в немецких горшках. Это была Победа, время, когда я, женщина, смогла надеть гражданскую одежду — нарядное платье.

— Вы долго находились вдали от Великих Лук, периодически приезжали сюда, теперь живёте постоянно. Почему именно Великие Луки Вы выбрали сейчас?

— А что мне теперь в преклонные годы Москва? Здесь живёт моя сестра Ираида Ивановна. У неё плохое здоровье, прислала мне письмо, чтобы я приехала. Ей необходим уход. Не откликнуться я не могла. Но приехала я не только к ней. Здесь моя Родина.

Тамара Ивановна по натуре большой оптимист, но, говоря о больной сестре, всё же взгрустнула и тут же нашлась:

— Жизнь продолжается. Ничего, что здоровье ослабевает, впереди ещё много светлых дней не только для других, но и для меня тоже. Вы там не расписывайте особо, я же ведь не герой, я — как все.

Поистине: «Есть женщины в русских селеньях...». Они прошли сложный путь, полный великих испытаний, всё же выстояли и готовы к новому, оставаясь скромными, настоящими.

2006

ВЕСЕННЯЯ РОССИЯ

Где фиолетовые тени
На желтые снега легли,
И хилые ростки растений
Стремятся к свету из земли
Весенняя моя Россия
Струится талою водой
И каждой капелькою синей
Травинкой слабой молодой
Холодные сугробы снега
Пронзает. Ну-ка посмотри,
Вот два зелененьких побега,
А рядом с ним и два, и три...
И вот уже земля в цветенье
Сирени, яблонь молодых,
Всё звонче, громче птичье пенье,
И зарождается мой стих,
А купола вырастают в небо
Проткнув седые облака...
А хорошо лишь там, где не был...
В руке ломоть ржаного хлеба,
Ну, а в другой — твоя рука!

ПОЛЫНЬ

От холода поблекла синева,
Промозглая докучливая стынь
И отчего-то, взгляд куда ни кинь,
Стоит туманом серая трава.

Напрасно растрезвонила молва —
Что символ наш кудрявая береза,
Та, что весною проливает слезы,
А я не верю. Это все — слова.

Нет, не береза, а трава полынь
Быть символом страны имеет право.
Такая горькая. Ну, прямо как отравы
И с сединой, что отливает в синь.

Дурман полынный голову вскружил
Тем, кто ушел. И нам, живущим ныне.
Лишь тот, должно быть, счастлив, кто не жил
В моей стране — на родине полыни...

ВСТРЕЧА С ЖЕЛЕЗНОЙ БАБОЙ

Большая баба с ведрами пустыми
Мне повстречалась нынче поутру
И, как песок безжалостный в пустыне,
Вдохнула в душу жёлтую хандру:
Большие оцинкованные ведра
Гремели, как трагический набат.
И гордые покачивались бедра
Набату оцинкованному в лад.

Она шагала, полная отваги,
Как будто прямо с площади — на фронт,
А впереди застиранные флаги
Привычно подпирали горизонт.
За пазухой виднелся сноп пшеницы,
За поясом — отбойный молоток,
Монументальный шаг стальной девицы
Направлен был куда-то на восток.

От поступи ее большие реки
Меняли русло, направляясь вспять...

О, поднимите этой бабе веки,
Чтобы могла народ свой увидеть!
Озябшая моя Россия

Какая нынче чахлая весна:
То дождь, то снег, то с ног сбивает ветер,
Нет даже и малюсеньких приметин
Что Русь моя восстанет ото сна.
Озябшая, закованная льдами,
Под сводами небес из хрусталя,
Забытая мирами и богами
От всех окраин и до стен Кремля,
Чего ты ждешь внутри своей дремОты?
Явления посланца иль чудес?
Мне б только знать, моя Россия, кто ты?
За что дарован каторжный венец?

Под саваном из мартовского снега
В тоске застыли жалкие дома.
Ни ручейка, ни хрупкого побега,
Лишь ветер да позёмкою зима.
Проклюнется ли маленький подснежник
Сквозь белый саван зябнущих снегов?..

А всё ж люблю... Люблю Россию нежно,
Как нам завещано любить своих врагов.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Белый дым сигаретных речей
Над овальным столом расстился,
И над чем-то гортанно смеялся,
Женский лик среди ярких свечей.

Фраки, кольца, роскошный плюмаж
В суете гостевых пересудов:
«Ах, да что вы, дружище Нехлюдов?!
Я спешу. Меня ждет экипаж...»

Над Россией серебряный век,
Разливался туманами Блока,
В эти дни умирала эпоха,
И рождался иной человек.

Неожиданный пушечный залп
Оборвал все наивные грезы,
«Ах, мадам, эти алые розы
Я не смог подарить...
Опоздал...»

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Сошла победная весна
С небес под голос Левитана,
И это было даже странно,
Что в прошлое ушла война,
Что голод кончился, и муки,
И ожидание письма,
И слезы горькие разлуки.
А на дворе уже весна.

Хмельным дыханием сирени
Пьяна шальная голова —
Победу, словно день рожденья
Сегодня празднует страна!
Вся улица гудит, ликует:
Объятья, поцелуи, смех,
И раненый солдат танцует,
Имея у девчат успех.

— Ну, победитель, поздравляю!
Хоть раненый, зато — живой!
Болит нога? Да знаю, знаю,
Что ты торопишься домой,
Где ждет тебя твоя невеста
И у окна старушка-мать.
В избушке завтра будет тесно:
Соседи будут поздравлять!

Блестят на солнышке медали
За Кенигсберг и за Берлин!
— А мы сегодня всех встречали,
А повстречался ты, один...
В руках сирень слегка примята
И по щеке скользит слеза...

Ах, будь же навсегда проклята
Прошедшая войной гроза!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ПУШКИНОГОРЬЕ»

Виктор Окунев¹

НО ЖИВ ВО МНЕ СЛАВЯНСКИЙ НОРОВ...

Халат бухарский.
Снег российский.
Как хорошо быть чудачком!
В морозный утренник искристый
Стоять и мерзнуть босиком
На оснеженной половице
Ветрам открытого крыльца.
И скормливать с руки синице
Кусочек стылого сальца.

* * *

Унылая дорога, унылые леса,
Унылые, без Бога
Пустые небеса.
А где мне взять другие?
Когда я не другой?
Унылая Россия,
Я с Богом и с тобой!

* * *

Вот эта тихая деревня,
Вот этих избищ черных ряд —
Мне будто чаша искупления
И омовения обряд.

Я понял здесь, что есть земное
Во всех святых, во всех Богах,
К ним — кровное родство святое
Вот в этих бабах, стариках.

И что в столицах не ужиться,
И что ходить мне в сапогах,
На этих пажитях трудится

¹ Родившись на Алтае, он в 1966 году восстанавливал Ташкент от землетрясения, много путешествовал по горам Тянь-Шаня, пока в 1989 году судьба, а сказать правильнее — добрая воля, не занесла его в Пушкинские горы, навсегда привязав к этим местам.

В семи потах, в семи потах.

* * *

Старики, старухи, старые дома.
Летом — зной да мухи, а зимой — зима.
А зимой в деревне Божья благодать:
Всюду снег. Деревьев безоружных рать.
В снежных шапках избы как холмы стоят,
Прошлого Отчизны помнить нам велят.
И в любой деревне — по крови свой Спас,
И в любой деревне свой особый квас.
Тишины так много... Воздух тронь рукой —
Отзовется строго небо над тобой.

* * *

Не спи, Париж, сияй огнями
Своих дворцов и площадей,
А мне Тригорского холмами
Прости, Париж, бродить милей!

Здесь нет неонов многоцветья,
Толпы, гуляющей в ряды,
Зато славянского бессмертья
Повсюду видятся следы.

Вот два холма и два погоста.
Ах, как же свищут соловьи!
Жить, умереть в России просто —
Как Храм поставить на крови.

Здесь был когда-то дивный город.
Средь кузниц, торжищ и церквей,
Кипела жизнь, и ухал молот,
И плыли стаи лебедей.

Уж нет его, но звезды неба
Все так же светятся во мгле,
И запахи вина и хлеба
Все те же на родной земле.

Не спи, Париж, красивый город,
Твое величье с детства чту,

Но жив во мне славянский нор —
Тригорским ночью я иду!

Ирина Белькова¹

* * *

Мой дом — дорога! Путь безбрежный
Под небесами, в небесах...
В твоих глазах улыбкой нежной
Мельканье стрелок на часах.

Не спи, надежда! Млечный путь
Зовет в неведомые дали...
Боль неизбежна, все забудь,
Но не забудь о чем мечтали.

В порывах юности порой
Нам все казалось очень просто:
Идти дорогою одной,
Одной судьбой умчаться к звездам.

Но свой разменивая век,
На седину меняя зимы,
Хоть к звездам мчится человек,
Но возвращается к любимым.

ДЕРЕВНЯ

Вдоль дороги — камыши,
Пруд затянут тиной...
Я спою, ты не дыши
Песню лебединую.

Мне не быть в краю родном
Белогрудой птицею.
Пропадаю воробьем
За его границами.

Исчезает словно тень
Маленькая Родина...
Но зовет к себе, горит

¹ Сотрудник Пушкинского заповедника. Тонкий лирик, душой переживающий за все, происходящее на земле. В нем бьется сердце всей Руси..

На кустах смородина.

А в заброшенных домах
Ветер разгуляется...
Народ русских в деревнях
Вырождается.

Только речка, моя, реченька блесит,
По судьбе моей как лезвие скользит.

* * *

Ах, как самозабвенно пел
В моем саду соловушка...
А месяц издали глядел,
Склонив пред ним головушку.

А мне та музыка была
Как ангельское пение,
И ночь над садом проплыла
Как сон, как откровение.

Теперь я знаю — соловей
Не просто птаха серая.
В нем тихий шепот тополей,
Моя береза белая.

В нем бьется сердце всей Руси,
С ее полями, речками.
Еще — деревня Караси,
А с ней и избы с печками...

Евгений Трофимов¹

ЗЕМЛИ СВЯТАЯ КРАСОТА...

Стареет озеро, стареет,
Полей, коснувшись бородой.
Шумит о чём-то, сожалеет
В кустах, запутавшись, прибой.
Сжимает грудь травой колючей,
Закрыты илом родники,

¹ Деревенский философ, сказитель, родившийся и всю жизнь проживший на Псковщине, связанный к ней корнями. Кем он только не работал, любя свою землю так, что этому можно только позавидовать.

Рогоза пух летит под кручей
И тянет холодом с реки.
Мелет озеро, мелеет —
Всё шире обруч камыша,
Обидно, если одолеет
Глубины черная душа.
Болеет озеро, болеет —
От мелководья вся беда.
На льду его снега белеют.
А ниже — мёртвая вода.
Мы сохранить должны живое,
Сберечь священные места,
Чтобы не канула в былое
Земли святая красота.

Арина Буковская¹

САВКИНО, СОЛНЫШКО, ЛЕТО...

* * *

Кто говорит, что пора на слом?
Этому не бывать!
На покосившийся этот дом
Мне же не наплевать.

Пусть, как однажды сказал поэт:
«Дом всем ветрам открыт...»,
Печка дымится, мигает свет,
И телевизор спит.

Но сторожит близорукий пес
Этот хромой удел,
Вместе со мною и он там рос,
Вырос и поседел.

Мама там груши трясет в саду,
Папа смеется мой...
Только когда я туда иду —
Знаю — иду домой!

* * *

¹ Журналист, экскурсовод, коренной житель деревни Савкино.

Савкино, солнышко, лето,
В речке пиявки,
Пятки морковного цвета
Бродят по травке.

Мне приготовят гренки,
В кофе подуют —
Я ведь почти студентка,
Страшно подумать!

.
Дружно посмотрим «Вести»,
Вечером в двадцать,
Мама и папа вместе
Ходят купаться.

Савкино, солнышко, лето,
Щеки — румянцем.
Первая сигарета,
Первые танцы.

Мы танцевали с Федей —
Старый знакомый.
Он меня на мопеде
Катит до дома.

Ночью особый запах
Утра в тумане.
Солнце в сосновых лапах
По утру встанет.

Савкино, солнышко, лето —
Без измененья...
Пусть длится в вечности это —
Чудо-мгновенье!

Юрий Иванов¹

МОЙ КРАЙ

Холмы, перелески, озера —
Любимый мой Пушкинский край.
Тебя не сменяю на город —

¹ Коренной житель Псковщины, бессменный заместитель главного редактора газеты «Пушкинский край» — он из тех людей, на чьих плечах держится мир.

Бетонно-асфальтовый рай.

Здесь предки пахали и сеяли,
И били любого врага.
Славянского вольного племени
Нам слава и честь дорога.
Здесь люди в общенье простые,
Во многом познавшие толк...
Ну где вы найдете в России
Подобный такой уголок?
А воздух настоями трав
Пропахнет на целое лето...
Всех красок палитру собрав
Вы в гости спешите к поэту.

НАДПИСЬ НА АСФАЛЬТЕ

На доске как будто мелом,
В первых проблесках зари
Он писал на синем — белым:
«С днём рожденья, Натали!»

На асфальте краской белой.
Подойди к окну, смотри
Кто тебя поздравил смело?
«С днём рожденья, Натали!»

Но замел слова песок,
Не прочтет никто на свете...
И тогда любви помог
Прилетевший резвый ветер.

Всё зима прикрыла снегом.
Во дворе белым-бело
До весны. Но снова небо
Ярким солнцем расцвело.

Снег растаял, будто не был,
И подснежником в пыли
Проступило, как сквозь небыль,
«С днём рожденья, Натали!»

Наталья Рясинцева¹

* * *

Подруга! Сшей мне платье из огней,
Из несказанности, нетленности, обманов,
Из перламутра утренних туманов,
И из любви и нежности моей.

Подруга, сшей мне платье для души,
Чтоб не кукожилась среди холодных взглядов.
И увлекаться роскошью не надо.
Ткань теплую лишь мягко уложи.

Подруга, сшей мне платье для пиров
В кругу друзей по крови и по духу,
Высоких дум и дел, и чистых звуков,
На грани этих и других миров.

Давай устроим празднество-мистерию
Из устремленных линий и затей.
Но только ты из нынешних материй
Ни для меня, ни для себя — не шей.

* * *

Обратный путь. Смятение чувств мыслей.
Транзитных впечатлений пестрота.
Настолько от себя мы не зависим,
Как будто потерялись навсегда.

А океан гудит, синеет, стынет,
Назло нам длит бессмысленный загул.
Циклон сверкнет и снова отодвинет
Желанный берег, что вдали мелькнул.

Нас чайки посещали от Багамских,
И буревестник от Азорских кущ,
Летучих рыбок стайки разлетались,
Случайно наш пересекая путь.

¹ Ученый-эколог, специалист по водным экосистемам, коренная жительница Одессы, добровольным выбором судьбы оказалась вблизи Михайловского, повторив путь самого Александра Сергеевича, «поменявшего» южную ссылку на северную.

А нас качало русской тоской,
Усиленной до спазм, девятым валом.
Мы азиаты жизнью и судьбой
В себе храним своей судьбы начало.

Виктор Никифоров¹

СМЕРТЬ ЕЛИ-ШАТРА

Ель умирала от болезней,
И от глубоких ран войны,
Она не чувствовала лезвий
Надрывно плачущей пилы.

Плыла, подрагивая, в небыль...
Но вдруг ее пронзила боль.
И покатилося быстро небо,
И вверх ушел сосновый бор.

Печально замер мир зеленый,
На век беднее становясь...
Она упала на газоны,
И от корней оторвалась.

Скончалась тихо в сочных травах,
В последний миг увидев свой,
Как ветку юноша курчавый
Погладил ласковой рукой.

Нина Николаева²

ПУШКИНУ

Нет, не убил тебя Дантес
На Черной речке пулей подлой.
Живет, векам наперерез
Твой дух, несломленный и гордый.

¹ Краевед, историк, экскурсовод, научный сотрудник Пушкинского Государственного заповедника, каждым миготом судьбы связанный с Пушкиногорьем, ставший его душой.

² Никогда не изменяя Пушкинским Горам, она еще со школьных лет начала говорить «стихами».

Стоишь ты в бронзе, как живой,
И мир приходит поклониться.
И мы гордимся все тобой,
Как славой русскою гордимся!

Владимир Миловидов¹

РУССКАЯ ДУША

Есть на трассе перекресток,
Где идут машины в лет.
Вижу: такса-недоросток
Там хозяина зовет.
Потерялась, не иначе,
Не уходит никуда,
Даже лает, будто плачет,
Ах ты, Господи, беда!
Это чей же тут таксенок?
Это кто тут поднял крик?
Просигналил жигуленок,
Чертыхнулся грузовик...

Здесь езда не для трамвая,
Дразнит скорости вино,
Тормози, душа живая!
В лет — нельзя! Запрещено!
И неведомая сила,
Может, русская душа,
Тормозила, тормозила,
Объезжая малыша.

Но — явились недотроги,
Не слыхавшие «нельзя»,
По живому на дороге
Пролетят, не тормозя.
Показать всем людям рады,
Кто здесь долларом любим...
Этот джип не знал пощады —
Такса хрустнула под ним.
И такой — насквозь красивый
Он ушел на виражи...

Боже, правый, справедливый,
Догони и накажи!
Нет, верни его обратно!
Пусть он здесь замедлит бег,
И проедет аккуратно,
Как нормальный человек!
Обездушенное тело
Надели душой живой,
Чтоб Россия не хрустела
Под колесами его!

Видел пряник, видел плеть я,
Но за что я Русь люблю:
Никогда в своих столетях
Ты не кланялась рублю.
Лучшей доли не просила...
Что ж тогда приснилось мне,
Что живу я не в России,
А в украденной стране?

Русь родная! Все мы все же
Жить хотели б на Руси,
А не в этой, не похожей,
Новой, Боже упаси!
Всю себя исколесила
По долинам и холмам,
И жива моя Россия!
И моя Россия там,

Где, неведомая сила,
Наша русская душа
Тормозила, тормозила,
Объезжая малыша!

¹ Человек многих профессий, коренной питерец («дитя» блокадного Ленинграда)
— он уже боле четверти века живет на Псковщине, обогащая ее своим творчеством.

ЗАЛЕТЕЛО ПЕРЫШКО ГУСИНОЕ...

Пятое заседание литературного клуба «Пушкиногорье» было необычным. Нет, за столом все как прежде: шуршанье рукописей со столбцами стихов и пометками на полях... Так же звучали, уплотняя пространство, строки:

Я подобрал перо гуся —
В пыли оно валялось.
Поэзия России вся
Когда-то им писалась...

Не было только самого виновника торжества, подобравшего когда-то, на всю жизнь, это необыкновенное перо. Он в это время сидел в своей Луговке, корчился от боли, а «Скорая» почему-то все не шла... А ему так хотелось попасть на свой собственный поэтический вечер, где рука об руку, сидели его друзья, собравшись по «перу», тому самому, которым «поэзия России вся»...

Собравшиеся сегодня — именно ради него.

Действительно ли подобранное перо оказалось таким необыкновенным, или та пыль была какая-то особенная, а только волшебное призвание: стоять в строю поэтов — пронес Виктор Окунев сквозь всю жизнь, высоко поднимая его над собой.

Нередко в Пушкинских Горах можно было встретить «чудика», который, подходя, чуть ли не тряс тебя за грудки с одним вопросом: «Где поэзия?» (как будто ты спрятал ее от него в карман) «Где в Пушкинский горах — поэзия? Ведь мы же живем в Пушкинских горах! Как можно у Пушкина — и без поэзии?»

И он насаждал ее — везде, всюду, где только мог. Собирал любителей поэзии на турбазе, нередко отправляясь с ними читать стихи — то на Савкину горку, то на Михайловскую поляну, прячась от дождя в кафе «Березка», то пристраиваясь в беседке на турбазе. Охватывал кольцом школу, НКЦ, бывшее училище, шел на поляну к доброхотам...

Одержимость поэзией прорастала в нем, как цветок, рвущийся к солнцу, как тот самый его «одуван» — чудо природы, которое так легко по неосторожности можно смять грубым сапогом:

Ах Боже, как они цвели
Весною этой, одуваны!
Трубили гимны им шмели,
Купали росы и туманы.
А я жалел, что в сапогах,
И что летать не научился...
И стыла горечь на губах,
И нежности своей стыдился.

С той же целомудренной нежностью и любовью он обращался ко всему живому и сущему: к земле, деревьям, цветам, старикам и старухам, к женщине, к Богу — ведь Бог это и есть любовь.

В деревне моей — пятнадцать домов,
Пятнадцать старух, да семь стариков.
Я на звезды гляжу — как много миров.
И тянутся к ним пятнадцать дымов...

Как удалось ему: прикрутить дымы деревенских труб — к тем самым далеким мирам, сделав и все мирозданье каким-то домашним, близким, уютным... В этом талант души поэта, умеющей в частном — увидеть общее, в бытовом — ощутить связь с мирозданием.

А может потому, что за плечами у самого этого «чудика» была совсем не чудная в своей легкости жизнь. Послевоенное детдомовское детство сына репрессированных родителей на Алтае (отец был капитаном корабля), постоянные, навязчивые сны:

В этих снах живут, не старясь, мамы.
По утрам пьют дети молоко.
У мужчин не багровеют шрамы.
И до похоронок далеко.

Законченное в Рубцовске ремесленное училище по профессии формовщик-литейщик. Работа по специальности на заводе «Алтайсельмаш». Бродяжничество с кержаками по сибирским лесам... Может, там и родились строки:

Мне хочется обнять весь этот лес,
Мне хочется с ним говорить на равных!
Я видел его слезы, слышал смех,
Березовый, сосновый и дубравный...

Отслужив армию, был отправлен на восстановление Ташкента после землетрясения. Восстановив его, там же работал в отделе вневедомственной охраны оперативным дежурным.

Там же повстречал и свою судьбу...

Много бродил с рюкзаком по горам Тянь-Шаня, брал Курук, другие высоты, пока не занесла судьба в любимое «Михайловское», навсегда привязав сердцем к этой земле. Привязав так, что поблек даже Париж, перед которым пришлось «снять шляпу», попросить извинение, дав название и единственной, увидевшей свет книжечки (2007 год): «Прости, Париж»!

Не спи, Париж, сияй огнями
Своих дворцов и площадей,
А мне Тригорского холмами
Прости, Париж, бродить милей!
Здесь нет неонов многоцветья,
Толпы, гуляющей в ряды,

Зато славянского бессмертья
Повсюду видятся следы...

Ощущение себя до мозга костей — гражданином своей страны, славянином, русским человеком, не оторванным от почвы, а несущим в самом себе, в своем сердце, историю своей земли, со всем ее взлетами и падениями — таков он, наш «Михайлович» Окунев.

Тема Афгана, малых войн — особенная для его творчества. Был ли он в Афгане? Загадка для непосвященных. Он был там чуткой душой поэта, переживающей за своих друзей, за воинов-мальчишек, отправившимся в чужую землю отдавать свои жизни:

Чтобы мальчишке сказали
Немного красивых слов —
В Афгане его убивали,
И в цинковый клали гроб.
А провожая, глотали
Горький табачный дым...
В Россию гробы улетали
На Родину, в тыл...

Был там — сердцем, и потому ныла, болела память:

Камень у дороги, на камне мох.
Устали ноги, присел, где мог.
И глажу камень, и глажу мох...
Заныла память, забыть не смог:
Перевал горный в чужой стране,
Взвод сборный, прижатый к скале.
Патронов мало, воды нет.
Пол взвода не стало в девятнадцать лет...

В нем самом, в Викторе Окуневе, в его поэзии, живет тайна «хожалого», прожившего, много чего пережившего человека, настоящего мужика, сумевшего в жизни все: построить дом, посадить дерево, вырастить сына, и если надо — встать на защиту своей Родины. И все равно — хрупкого поэта, способного увидеть то, что, может не разглядеть, проходя, простой смертный. И задача поэта — подарить этот увиденный, подсмотренный им мир — людям:

И в любой деревне — по крови свой Спас,
И в любой деревне — свой особый квас.
Тишины так много... Воздух тронь рукой —
Отзовется строго небо над тобой.

Коллега по ремеслу Наталья Рясинцева подарила Виктору Михайловичу («Михалычу» — для друзей) чудные строки, поэту — от другого поэта:

...Люди, он «прекрасно болен»!
Не надо лечить его прозой,
Пусть живет, светел и волен —
Как трава, река и береза.
Вслушайтесь в стих вольный,
Что душою его согрет...
Он несет до конца и с гордостью
Свое славное имя — Поэт!

Может потому и мирозданье повышает свой градус, становится таким ощутимо теплым, что его наполняет своей бессмертной энергией человек, поэт, хрупкий ангел мира, охраняющий своим сердцем все сущее вокруг. Несущий ответственность за все, и главное — за свою Родину, готового, как родную мать, принять ее любой:

Я стою на лунном перекрестье
Полевых израненных дорог,
Самолет, блуждая в поднебесье,
Как и я — свободно одинок.
Родина, в сраму и в поруганье,
Ты мне больше жизни дорога...
Будто в церкви я на отпеванье.
А вокруг — снега, снега, снега...

Так и не дождался он «Скорую», и «Благодарственное письмо» от администрации, и поэтический буклет, изданный на средства друзей от литературного клуба «Пушкиногорье» — пришлось вручить, увы, не ему. Он их увидел только вечером, с трепетом неверия приняв в руки...

А он — так и промучился весь день и вечер от боли, находясь на грани... И невольно звучали в сердцах, без него собравшихся за столом, его же строки — страдание за судьбу другого поэта, любимого им, наравне с Николаем Рубцовым — Марины Цветаевой:

Мне сумеречно, тихо, одиноко,
Пишу щемящей болью стих...
А может, где-то рядом, около
Другой поэт в тоске смертельной стих.

Дорогой Михалыч! Не стихай! Нам нужен твой голос, твоя поэзия, начинающая мир своей светлой теплотой, которая учит быть добрее, любить этот мир, его красоту, значимость ее нематериальных ценностей. И одна из которых — талант, данный поэту от Бога:

Небеса набухшей парусиною
Тянут лето красное на дно.
Залетело перышко гусиное
В полуотворенное окно.

Ах, душа, омытая печалью,
Что ж ты полюбила гладь да тишь?
В свой черед за дальними причалами
Перышком по небу полетишь.

Время будто надвое расколется,
Но, не ошибаясь и во тьме,
Проплывешь над милою околицей,
Над церквушкой тихой на холме.

Над остывшим полем, над Россиею,
Надо всем, что в жизни нам дано...
Залетело перышко гусиное
В полуотворенное окно.

Как повезло Пушкинским Горам: в их «окно» залетело перышко поэзии Виктора Михайловича Окунева. А вы, проходя в спешке, может, этого и не заметили. Оглядывайтесь чаще на чудачков, люди! ¹

*Руководитель литературного клуба «Пушкиногорье»
Наталья Лаврецова*

В ТРУДЕ ОБРЕТАЕТСЯ СМЫСЛ БЫТИЯ

¹ От редакции: к сожалению, Виктор Михайлович Окунев не увидел эту статью. На следующий день после поэтического вечера его не стало.

КАМЕНИСТОЕ ПОЛЕ

Поле, ты каменисто,
Как в поэзию путь.
Даже плуг тракториста
Ты сумело согнуть.
«Да, участок неважный», —
Говорил звеньевой.
На меня так однажды
Все махнули рукой.
Сердцу стало тревожно,
Защемило от боли...
Зашуми-ка ты рожью,
Каменистое поле!

Евгений Борисов

Упорный труд создал Россию, труд не ради того, чтобы насладиться его плодами (поехав, например, на модный курорт или погрузившись в не знающие удержу развлечения). Нет, эта трудовая жизнь не имела целью получение удовольствий, наслаждений, (и поэтому труднопостижима для поверженного гедонизмом сознания современного человека). Но где же разгадка этой бесконечной трудовой борьбы за процветание России? Ответы растворены в глубинном смысле самих этих столетий. Если бы мы поднялись вверх над деревнями, поселками и городами России — над Изборском и Палкино, над Псковом и Великими Луками, Екатеринбургом, Казанью, Москвой — над всей Россией, то без сомнения с этих невообразимых высот увидели бы, как поднимают из шахт руду, как выплавляют чугун на уральских заводах, как повсюду стучат молотами по наковальням кузнецы, как сеют и жнут крестьяне, как обрастают такелажем и пушками на корабельных вервях корабли, как к грядущим победам маршируют русские полки... Как в этом безпримерном труде расправляет свои могучие плечи Россия, возрастает из силы в силу, крепнет на зависть всем врагам и недоброжелателям. И вот в этой великой вековой работе, становясь ее малой, но важной, необходимой частью, обретает смысл труд каждого русского человека — крестьянина и мастерового, рабочего и инженера, бизнесмена и чиновника... Из этих крохотных частичек складывается грандиозное панно, в котором все более и более четко прорисовывается непередаваемо прекрасный лик нашей России, самой великой страны, любить которую можно лишь приобщаясь к ее корням, питаясь разумом из ее святых истоков, укрепляясь памятью в ее победах и свершениях...

*Пащут бабы на колхозном поле —
Не вернулись мужики с войны.
Радуются бабы тяжелой доле —
Сеять и пахать на мирном поле,
Разорённой ворогом страны.*

*Ходят бабы целый день за плугом,
Ширится от вспашки полоса.
Надо торопиться, уж над лугом
Жаворонков льются голоса.*

*Хлебушек посеять в сроки надо,
Дум других в помине нет у них,
Пахут бабы землю до «упада»,
До закатных красок золотых...*

(Вера Сергеева)

В данном разделе помещены поэтические и прозаические произведения псковских писателей, рассказывающие о великой созидательной силе человеческого труда, о трудовых подвигах и победах, о современных трудовых достижениях и успехах, прославляющих Псковскую землю.

* * *

Простой и праведный есть труд —
Косить траву, ходить за плугом.
И жизни путь не так уж крут,
Когда зовётся дело другом.

И жизнь надеждой будет греть,
Когда в руках пила, рубанок,
И будет некогда стареть,
Коль дело будит спозаранок,

Коль дело ставит у станка,
Коль дело ставит у штурвала.
Работы ноша не легка,
Душа бы только не сдавала.

Толика добрых, нужных слов
Так помогает в каждом деле,
Вложите, люди, всю любовь
В свои намеченные цели.

РАБОТА

Меняли трубы.
Сделались они,
Как тонкая бумага,
Ржой побиты.
Мерцали сварки
Синие огни
И густо искры
Сыпались на плиты.

Наш бригадир
Задачи нам давал,
В душе довольный
Рвением бригады.
Обычная работа —
Не аврал.
Всё как обычно было,
Всё — как надо.

И стыки, словно кольца,
Горячо
Светились
Раскалившимся металлом.
Их оценил,
Горячие ещё.
Сам инженер
Высоким самым баллом.

Пустили воду...
И улыбкой вмиг
Лицо у бригадира
Засветлело.
Стоял надёжно
Каждый новый стык.
А значит было
Настоящим дело!

В ДЕРЕВНЕ

Я стал причастен
И к большим делам.
В деревне вновь.
Доволен, право слово.
Жизнь на земле,
Всегда была основа
Надёжности,
Такой созвучной нам.

Будылья чёрные
На выцветшей стерне
Впервые под картофель
Тут запашут.
Гул тракторов
Разбудит чувства наши
И что-то главное
Понять поможет мне.

Какие же ребята —
Молодцы,
И радуюсь —
Опять родилось поле.
И выбрана

Стезя, планида, доля,
Которой восхищались бы
Отцы.

Крестьянский дух
Заложен в генах их.
В мозолях руки,
В масле, в солидоле.
Им в пояс нынче
Кланяется поле
И я. Иначе стал
Писать бы стих...

Александр Рябихин

ШЕСТИДЕСЯТЫЙ РЕГИОН

Соседи северной столицы.
Страны, надёжный бастион.
Нас окружают заграницы,
Шестидесятый регион.

Мы крепко связаны незримо,
Как не смотри, со всех сторон,
Моей души неповторимый,
Шестидесятый регион.

Кручу баранку неустанно.
Мне дорог мой рабочий трон.
С тобою в мыслях постоянно,
Шестидесятый регион.

Дорога рвётся за границу,
А я скиталец-Робинзон.
А за границей всё мне снится
Шестидесятый регион.

Бальзамом мне шуршанье шины.
Борта украсил эталон:
Горит на номере машины
Шестидесятый регион.

Родную землю сердце любит.
Старинных храмов перезвон.
Кто был у нас — тот не забудет
Шестидесятый регион.

Признаюсь я, а ты не смейся.
Он для меня, как пантеон,
И я вернусь домой из рейса,
Шестидесятый регион.

2012

Николай Новиков

НА ПОРОГЕ

Точка на карте. Если внимательно посмотреть на карту Псковской области, то в самом дальнем углу Великолукского района, там, где обозначены болота и леса, можно обнаружить маленькую точку с потаенно лесным названием — Лосево. Все линии дорог — железных, шоссеиных и даже грунтовых — старательно минуют эту точку. Из-за бездорожья, видимо, лосевский край издавна считался глухоманным.

Однажды мне пришлось ехать в эту глухомань, чтобы написать очерк о леснике. В середине дня я сошел с попутки и по тропинке, проступавшей в пожухлой траве, направился к лесу. Моросил мелкий дождь, а по небу все ползли и ползли низкие, набрякшие водой тучи. Тропинка часто разветвлялась, и каждый раз я останавливался в растерянности, правильно ли иду. И когда прошел уже километров десять, окончательно понял, что заблудился, — тропинка, минуя болото, все поворачивала в сторону от леса. А день так и истлевал в сумерках, не набрав настоящего света. И теперь мне уже было не до лесника. «Только бы добраться до жилища», — думал я с отчаянием. Быстро смеркалось, и я, хоть уже порядком устал, прибавил шагу. В болотниках неприятно цвикала вода, но об этом сейчас не думалось...

Когда наконец с пригорка увидел деревеньку, то, уже не разбирая тропинки, кинулся к ней напрямую.

С краю селенья стояло бревенчатое здание школы, и там светился огонек. Прежде чем ступить на широкое крыльцо, я нарвал пук травы и, макая эту «мочалку» в лужу, кое-как содрал с ботинок липкую грязь.

В коридоре было темно, и только из одной двери через щель проникала узкая полоска света. За дверью была учительская. У окна, склонившись над столом, сидела полноватая женщина. Я объяснил, как попал сюда.

— Значит, вы из Великих Лук? А я ведь когда-то там училась. — Женщина улыбнулась. — Веселое время студенческое. Бывало, весной пойдем в крепость...

Неожиданно в комнату вошла маленькая, с короткой прической, не то ученица, не то учительница. Поздоровалась, положила классный журнал и, подойдя к печке, прижалась к ней.

Я вежливо слушал воспоминания учительницы, пошевеливая под стулом мокрыми ногами. И вдруг почувствовал, что миниатюрная женщина смотрит на меня сочувственно и нетерпеливо. Уловив момент, она спросила:

— Как это вы к нам в ботинках добрались?

— Да вот...

— А где устроились?

Я пожал плечами;

— Если не возражаете — в интернате или вот здесь.

— Идемте ко мне. И быстрее: разве же можно с мокрыми ногами целый день...

Мне приходилось много ездить. И всегда испытывал неловкость в таких местах, где нет ни столовой, ни гостиницы. Конечно, накормить и приютить человека не такая уж сложность, особенно в деревне. Да только ведь и не всякий спешит уделить внимание приезжему.

По дороге я узнал, что мою знакомую зовут Полиной Игнатьевной и что в школе она преподает историю.

В маленьком уютном домике навстречу Полине Игнатьевне бросились с порога два малыша. Плотный скуластый мужчина ласково улыбнулся:

— А вот и наша мама пришла!

— Мама гостя привела, — в тон ему ответила Полина Игнатьевна.

Мужчина крепко и энергично пожал мне руку и, быстрым жестом откинув со лба льняные волосы, сказал:

— А ну-ка, сынок, неси папины валенки дяде.

— Ваня, а ты сходи в сарай за медом, — скомандовала хозяйка.

От этой естественной простоты и приветливости я почувствовал себя как у старых добрых друзей. Уже за столом познакомились ближе, и оказалось, что попал я в дом председателя колхоза Ивана Ильича Лыса нова.

После ужина Полина Игнатьевна заставила меня напиться чаю с медом и уложила поближе к русской печке.

Проснулся я рано. За дверью кто-то возился и стучал. Встала Полина Игнатьевна, зажгла лампу, отбросила крючок. Женщина в ватнике, в резиновых сапогах на босу ногу шагнула через порог и заплакала.

— Не дает, паразит, покоя, всю посуду перебил, а теперь нож схватил, кричит: «Зарежу!» — всхлипывала она.

В горнице заскрипел пол, и появился Иван Ильич.

Помоги, Ильич, утихомирить моего, — плакала женщина.

Лысанов торопливо натянул сапоги, куртку и с порога бросил:

— Завтракать меня не ждите. Оттуда пойду сразу на ферму. — И уже из коридора добавил: — Поля, ты достань гостю с чердака резиновые сапоги.

За окном еще стоял густой сумрак и едва слышно шелестел дождь.

— И часто вам такие визиты наносят? — поинтересовался я.

— Бывает. К председателю ведь люди идут и с заботой, и с горем, и с радостью.

И действительно, пока мы завтракали, в доме побывали еще трое: старушка, молодой механизатор и девушка, которую Полина Игнатьевна сразу же усадила за стол. Девушку звали Раей, и, как я понял из разговора, в Лосеве она верховодит молодыми.

Когда Рая, накинув прозрачный дождевик, вышла за дверь, я спросил:

— Она что же, в клубе работает?

— Нет, на ферме. — Полина Игнатьевна лукаво улыбнулась: — Что, понравилась? Рая у нас самый интересный человек...

К леснику я в этот раз так и не попал. Да и не жалел об этом. Перед глазами почему-то все стояло лицо Раи, ее большие серые глаза — грустные, вниматель-

ные. Захотелось узнать, почему Полина Игнатьевна считает эту девушку самым интересным человеком.

Днем я пошел на ферму и увидел там много парней и девочек. Когда разговорились, я узнал, что в этом отдаленном крае почти все выпускники школы остаются работать в колхозе. А началось это с тех пор, как поселились здесь Лысановы.

Вечером я снова ужинал в доме председателя. Иван Ильич, после чая с медом размягший, подобревший, вспоминал:

— Раньше из нашего колхоза в город ходили с решетами. Крепкий мужик мог снести за плечами две пирамидки — около ста решет. Если в городе расторгнется успешно, то несет домой мешок с хлебом да еще бидончик с керосином. А путь немалый — сорок километров только в один конец...

Этот же путь «на своих двоих» прошел и Иван Ильич. В колхоз его прислали с крупнейшего в области Великолукского локомотиворемонтного завода.

Первое время новый механик ходил по бригадам с рюкзаком за плечами, в котором было все его имущество: бритва, полотенце, смена белья и слесарный инструмент, подаренный на заводе. Лысанов еще в цехе, где слесарил, был немногословен, зато в работе крут, расторопен. И здесь тоже больше помалкивал, приглядывался, прислушивался, обстоятельно вживался в новое для него дело. Когда было нужно, копался у сеялок, веялок, тракторов. Чувствовал необходимость — орудовал вилами, сортировал зерно, грузил мешки. Где колхозники — там и он. Бывало, и не поест толком за весь день, бывало, и спать приткнется где застанет ночь. Он к людям приглядывался, они — к нему. Он умел их внимательно слушать, и они не прочь были вступить с ним в откровенную беседу. Им пришлось по душе и его рабочая сноровка, и душевная заинтересованность во всем.

На общем колхозном собрании должны были утвердить нового председателя — его рекомендовали из районного центра. В ветхом клубе было тесно. На собрание пришли даже из самых отдаленных деревень.

Пастух Смирнов первым бросил пробный камень. Обращаясь к президиуму, он крикнул:

— Мы этих ставленных председателей видели! Насмотрелись на их работу, хватит.

Потом оглянулся на выжидательно притихших сельчан и уже спокойно сказал:

— У нас есть человек проверенный. Пусть вот Лысанов и будет председателем.

И зал словно взорвался:

— Лысанова хотим! Лысанова! Нипочем, что молодой. Главное — справедливый!

Собрание закончилось под утро, когда на деревне начали перекличку петухи. Лысанов вышел из клуба председателем. Наследство ему досталось «богатое» — два с половиной миллиона долгов. Но хуже всего было с дисциплиной.

Как-то вскоре после того собрания ехал Лысанов из деревни Ямно верхом на «персональной» лошади по кличке Майка. Подъезжая к Лосеву, увидел трак-

тор, который шел, вихляя из стороны в сторону. Иван Ильич почувствовал что-то неладное, махнул рукой: «Стой!» Пьяный тракторист выглянул, ухмыльнулся и поддал газу. Председатель вдогонку. Трактор он настиг уже в деревне и только тогда разглядел, что там двое — Жигарев и Волков. Но стоило Лысанову приблизиться, как трактористы переключили скорость и двинули машину на него. Тогда Лысанов заехал слева. Разбил стекло — и в кабину. Заглушил мотор, пьяных трактористов вышвырнул вон.

— Мерзавцы! — говорит. — Я эти тракторы своими руками делал, а вы их гробить!

О тракторах Лысанов сказал не для красного словца. В войну семью Лысановых эвакуировали на Урал. Ивану было тринадцать лет, когда он пришел на завод. Работал вначале подсобником, рядом с отцом стоял у станка. А потом выучился на разметчика... А на заводе том делали танки, а потом и трактора.

Не раз выручали Лысанова сила и выдержка. Еще когда работал он на заводе, занимался боксом. Крепкое здоровье сгодилося в деревне. Ведь приходилось воевать не только с пьяницами, дебоширами, самогонщиками. Нужны были железные нервы, чтобы преодолеть традиции, складывающиеся на деревне годами... И самое главное — изменить отношение к деревне, к крестьянской работе у выпускников школ и их родителей. А сделать это было необходимо — земле очень нужны были молодые, и грамотные хозяева.

Под родительским крылом. Лысановы рассказывали, что все началось с картошки. А вернее, с той далекой осени, когда несколько дней подряд сыпал нудный холодный дождь и было вокруг сыро, серо и зябко. В поле въедливо пахло дымом — колхозники копали картошку и грелись у костра. Лысанов ездил на лошади по участкам, шуткой подбадривал людей. Подъехал он и к полю, где работали школьники. Ватники и пальтишки, кепки и платки у всех вымокли, обувь густо облеплена грязью. Мальчишки и девчонки озябшими пальцами выковыривали картофелины из липких глиняных пластов, беспрерывно шмыгая носами.

«Вот им в школе говорят о любви к земле — грустно думал Лысанов. — А разве можно полюбить такую работу?» И вспомнил, как с терпеливым отвращением он сам так же выколупывал картошку, когда осенью собирали урожай на маленьком участке в заводском поселке. В такие часы казалось, что лучше бы две смены подряд отработать в цехе...

А ведь на селе не только картошка. Есть и фермы, с вилами, с подойниками, и теребление льна, и покос, и молотьба.

Дома за ужином Полина Игнатьевна рассказала Ивану Ильичу, что приходила доярка Петровна и просила для дочери Ленки справку.

— И угощение тебе оставила, — улыбнулась жена. — Вышла я в сени, а там бутылка с самогоном стоит.

— Вот завтра пойду к ее дому, — вскипел Лысанов, — и разобью это подношение о забор!

— С самогоном-то просто, — задумчиво произнесла Полина Игнатьевна. — А вот как с Леной быть? Мать говорит, что девочка учиться поедет.

— Все они учиться отпрашиваются, а там... — Лысанов в сердцах махнул рукой.

Ночью он долго не мог уснуть. Все думал о невыкопанной картошке, ребячьих озябших руках, о симпатичной белокурой Ленке. Он предполагал послать ее на ферму, девушка уже помогала матери. Тем более три доярки ушли на пенсию и коров приходилось доить по «наряду».

«Нет, не дам справку, — решил Лысанов. А в памяти вдруг всплыли руки Петровны, изуродованные работой. — И у Лены такие же будут...»

Как и большинство председателей, Лысанов старался удержать молодежь в деревне — катастрофически не хватало рабочей силы. Но люди все равно под любым предлогом уходили. Да и что за работник из человека, у которого и мысли только об отъезде?

— «Нет, начинать надо, пока они еще за партой сидят», — твердо решил Лысанов.

Дома он посоветовался с женой и на другой день пришел в школу.

В самом просторном классе собрались будущие выпускники. Иван Ильич заговорил с ними:

— Что такое жизнь и работа в деревне, вы знаете не хуже меня. Но вы не представляете, как нужны колхозу люди. Нужны, чтобы облегчить труд ваших матерей и отцов, дать семичасовой рабочий день, дать выходные. Я пришел предложить вам вместе со мной попробовать решить эту задачу. А насильно держать никого не буду, право уехать в город остается за вами.

Кончив говорить, Лысанов подошел к парте, где сидела Лена, и положил перед ней справку.

Все это было ново и неожиданно. Ребята растерянно молчали. Потом слово попросила лучшая ученица школы Рая Волкова:

— Мне в деревне нравится, но много ли здесь дел для нас, девчонок? Мальчишкам хоть на тракторе можно работать, а нам только вилы и подойники остаются.

— К сожалению, Рая права, — согласился Лысанов, вставая из-за стола.

— Сегодня колхоз еще не может обеспечить девушек интересной работой. Но я обещаю, что очень скоро, к вашему выпуску, мы откроем молочную лабораторию. И это только на первых порах. Мы уже достраиваем новую ферму. Сами видели — это настоящий животноводческий городок. Оборудование там современное, как раз вам, молодым, и осваивать.

О собрании в школе и о том, что председатель предложил выпускникам остаться в колхозе, обещал заработок, профессию, быстро узнали во всех деревнях «Зари». Вечером, наверное, не было дома, где бы не говорили об этом. Почти в каждой избе были школьники, и если не в этом году, то в следующем им предстояло решать: остаться дома или искать счастья в городе. Особенно волновались в доме Шаповаловых. Генка выступил на собрании и сказал, что он, как комсорг, призывает весь класс остаться в деревне! А это значило, что он, Генка, сам должен подать пример.

— Мне за тебя, сынок, родственникам будет стыдно в глаза смотреть, — отчитывал отец Генку. — Учился на пятерки и четверки, а остаешься в колхозе. А я в городе уже договорился: возьмут тебя на завод.

Генка сидел потупившись, не решаясь возражать. Молчала, вздыхая, мать, Клавдия Никитична...

По-иному судили об ожидаемых переменах в доме Бариновых и Тихомировых. И особенно радовался Ягодка. Маленькие его глазки в лучиках морщин растроганно поблескивали:

— Правильно поступает Иван Ильич, что к земле молодых приручает. Под родительским крылом наставляет жить. По мне так: если вся семья вместе, и душа на месте...

А семья у Ягодки была самая большая в колхозе.

Вскоре наступили и перемены. В школу стали приходить колхозные специалисты, приезжали мастера даже из Великих Лук и обучали ребят разным профессиям. В свободное время старшеклассники собирались на новой ферме и помогали специалистам монтировать новое оборудование. И Лысанов всегда был рядом. Иван Ильич и сам словно помолодел. Однажды привез из города боксерские перчатки и объявил: «Кто хочет заниматься боксом, прошу записываться ко мне в секцию». Желающих набралось столько, что председателю пришлось раскошеливаться. Колхоз купил боксерские перчатки, «груши», сетки, спортивную форму, коньки, лыжи с ботинками...

Стали в Лосеве возрождать с помощью стариков и забытые увеселения. Как-то у клуба посреди площадки вкопали высокий ошлифованный столб. А в выходной, когда собрались молодые и старые, повесили на столбе коробку с сюрпризом. И начались состязания в ловкости. Кругом смех, шутки, веселье. Мерились силой, ухватившись за канат, играли в лапту...

На такие праздники в Лосево съезжались гости из соседних колхозов и даже из города.

Рая Волкова написала своей подруге Лене: «С тех пор как ты уехала, у нас многое переменялось...»

Дедовские тропинки. Автобус взревел мотором и укатил. Генка остался на развилке дорог у старой заснеженной березы. Еще минуту назад было приятно подчиняться движению, ощущать уют и тепло. На улице же сразу охватило морозом, вернулось и все усиливалось прежнее беспокойство.

Январское солнце плавilo бирюзу неба. Красноватые отблески падали на искрящийся снег, вызолачивали верхушки дальнего леса, румянили придорожные березы.

По деревне Генка зашагал быстрее. Окна — в морозных занавесках, но чудилось, что за ним отовсюду наблюдают насмешливые лица. И правда, дорогу пересекла девушка с ведром, крикнула весело: «Привет горожанину!» Генке показалось, что даже снег под её валенками поскрипывает ехидно, с укором.

И опять вспомнилось, как он выступал в школе: «Всем классом мы остаемся в родном колхозе!» Генка даже вспотел...

В городе Генка чувствовал себя совсем одиноко. После уроков бесцельно бродил по улицам. Небо между высокими домами казалось маленьким, людей было много, и все они жили своей, непонятной для Генки жизнью... В школе его вначале не замечали. Подружились только после того как всем классом копали в деревне картошку. Ребята обратили внимание, как ловко работал Генка. Но вернулись в город, и опять после занятий приходило чувство тоски и одиночества.

Однажды Генка забрел на автовокзал и встретил там знакомого парня из колхоза. Обрадовался, расспросил, кто где работает, как проходят вечера в клубе.

С тех пор бывал на автовокзале каждый день. Случайные встречи стали праздником.

Жил Генка у тетки, материной сестры. Квартирка после родительского дома казалась ему тесной и неудобной. Однажды приехала мать, привезла деньги и продукты.

— Ты чего такой кислый? — обеспокоенно спросила она у Генки. — И похудел вроде.

— Уеду я домой, мам. Надоело тут.

Клавдия Никитична всхлипнула:

— Приезжай, сынок. А батьку мы как-нибудь уговорим. Завтра у Ивана Ильича машину попрошу, чтобы вещи перевезти.

— Не надо, мама, стыдно перед ним.

— Чего стыдиться-то? Он и Полина Игнатьевна все время спрашивают о тебе...

Генкин дом стоит в центре небольшой деревеньки Свистунково. Широкие окна весело смотрят на все четыре стороны. Дом построил еще прадед Патах, о силе которого до сих пор вспоминают старики. Отец рассказывал: что дед частенько говаривал: «Где ж этот воз взять лошади, если мне не стронуть?»

После войны Сергей Данилович перестроил дом по-новому. Появились кухня, прихожая, горница. У Генки была своя комната, просторная, светлая. Генка любил дом. Зимой, когда по вечерам торжественно гудела голландка и от тепла оттаивали стекла, он садился к приемнику и замирал у волшебного зеленого глазка индикатора. И музыка всей планеты звучала в его комнате.

Весной перед окнами разливалось целое море, до самой полоски леса, и Генке казалось, что дом их плывет. Летом отец, надев маску, ходил по пасеке с дымарем, и к обеду мать ставила целую тарелку пахучего меда. Любил Генка свой дом и осенью, когда пахло чесноком, укропом, свежесваренной капустой...

И когда Генка взялся за кольцо калитки, в горле у него защемило, и какое-то незнакомое, но приятное чувство сдавило грудь так сильно, что пропал страх перед отцом.

Мать бросила с печки валенки и сказала тихо:

— Переобуйся, а то в ботиночках ноги небось заоченели.

Генка медленно развязывал шнурки, чувствуя на себе взгляд отца.

— Ну что ж, сынок, не захотел учиться в городе, будешь всю жизнь в колхозе грязь месить... — Сергей Данилович говорил тихо и с сожалением.

Когда Генка на другой день увидел Лысанова и хотел тихонько обойти его. Иван Ильич крикнул:

— Зайди, Гена, ко мне!

— Понимаешь, какое дело. — заговорил Лысанов так, будто они вчера только расстались, — государственная линия пройдет у нас только через год, а колхозникам нужен свет. У нас здесь, на центральной усадьбе, хоть от движка, да есть, а в других бригадах вообще нет. Сам знаешь, без моторов от лопаты и вил не избавимся... Ты, я слышал, в городе на производственной практике на электрика обучался? — спросил вдруг Лысанов.

У Генки кровь прилила к лицу так, что даже веснушки исчезли. «Сейчас упрекнет», — подумал он и тихо ответил:

— Да... На заводе «Торфмаш».

— Так вот, будешь руководить бригадой электриков. Все ребята из твоего класса. У них, конечно, подготовка не городская, мы их здесь учили.

Генка вышел из правления, стараясь спрятать счастливую улыбку, но лицо выдавало его. Колька Аввакуменков, поднимаясь на крыльцо, даже приостановился.

— Ты случаем в городе «Волгу» по лотерее не выиграл? — насмешливо спросил он.

Генка только взглянул на него и заторопился к дому, поскрипывая валенками по твердому насту.

Назначая Генку бригадиром, Иван Ильич имел дальний прицел. Он понимал: в Генкиной измене виноват отец, так пусть увидит Сергей Данилович, что в колхозе работу можно получить не хуже городской и сын, которому еще вчера надо было возить в город продукты, через месяц сам принесет в дом получку.

В лосевской школе Геннадий был самым способным учеником и пользовался авторитетом у ребят. От Полины Игнатьевны Лысанов знал, что еще до городской жизни Шаповалов серьезно интересовался электротехникой, получал даже специальную литературу.

На другой день Генка вышел на работу Ребята, до этого работавшие в разных бригадах, теперь собрались в один коллектив. Были здесь одноклассники: Виктор Лебедев, Вася Кожевников, Василий и Петр Бельские. Петька тоже был в «городских бегах», но вернулся раньше Геннадия.

— Ну, братцы, благословляю вас, — полушутя-полусерьезно сказал Николай Шаповалов, Генкин однофамилец, секретарь колхозной комсомольской организации. — Вам первым предстоит зажечь в этом краю свет. Момент, так сказать, исторический, так что смотрите, чтобы все было хорошо.

После этой короткой речи Николай подошел к Генке и тихо спросил:

— Ты в школу думаешь ходить?

— Стыдно как-то, — смутился Генка.

— Да брось ты! Когда Петька вернулся, все только рады были.

— Петька — что? Я ведь призывал остаться...

Не сразу Генка решился переступить порог школы. Три дня он появлялся к концу занятий у развилки и вместе с ребятами шел по деревне. В душе он завидовал им — счастливики!

Однажды вечером Генка долго ходил вокруг школы, замерз и решил войти в коридор погреться. Неожиданно скрипнула дверь учительской. Генка отвернулся к стене, рассматривая плакат.

— Ты чего, Гена, в класс не идешь? — услышал он голос Полины Игнатьевны. Спрашивала она так, будто он задержался на перемене.

— Я осваиваюсь, Полина Игнатьевна...

На другой день Генка сел на свое место рядом с Васей Бельским. Ребята та молчали. Только девчата слишком часто оборачивались.

Работать в бригаде электриков ребятам нравилось. Все пятеро ходили в брезентовых робах, опоясавшись широкими ремнями. А Петька Бельский даже вывел на своей куртке черной тушью ЛЭП-Л. Особенно нравилось парням подводить провода к домам. Встречались такие бабки, что от рождения не видели электролампочки, а тут вдруг чудесный свет вспыхивал и в кухне, и в горнице, и в коридоре. Даже на столбах, которые проходили через деревню, ребята вешали большие лампочки. И теперь уже по ночам над Лосевом светилось яркое зарево.

Но не одни радости и почести выпадали на долю электриков. Зимой, когда приходилось работать на столбах, пальцы коченели, а кисти рук сводила такая тупая, ноющая боль, что казалось, больше не будет силы сопротивляться морозу. В такие минуты Генка вспоминал мать. «Как же она могла в войну? — думал Генка. — Маленькая, слабая шестнадцатилетняя девчонка? А ведь там был не только холод, была и смерть».

О том времени, которое для Генки — история, он много думал и читал. Читал о незнакомых людях, и вдруг его маме прислали правительственную награду как военной разведчице. Генка был взволнован и удивлен. С знал, что мать участвовала в войне, но о подробностях никогда не расспрашивал. И только теперь попросил ее рассказать о том времени.

Однажды вечером, когда все хозяйские заботы были позади и в доме стало тихо Клавдия Никитична заговорила:

— Тебе, сынок, сейчас уже восемнадцать а мне тогда и шестнадцати не исполнилось. Помню, в воскресенье сели обедать, вдруг прибегает избач и говорит: «Война началась!» Первый раз мы увидели немцев в августе, а в ноябре появились каратели. В Мартиновке сожгли дом, в Игнашеве — два. Военнопленных на глазах у народа расстреляли. А с ней, — Клавдия Никитична встала, порылась в столе и протянула Генке фотографию красивой девушки, — с Лизой Рубцовой, мы были душевные подружки. Вместе учились, на гулянки бегали. Была она рослая, статная и очень смелая. Вот эта самая Лиза предложила мне идти к партизанам.

В конце января пришли наши из-под Холма. На лыжах, обмороженные. Мы встретили их как самых родных.

В Великих Луках были немцы, а у нас Советская власть. В деревне Иваново — районный центр. Секретарем райкома комсомола был Цветков. К нему мы и пришли в отряд. Посмотрел он на нас и говорит: «Есть, девчата, дело».

После разговора в райкоме отправили нас под Холм, в разведотдел 3-й армии. Начальником отдела был Таранцев Анатолий Владимирович. Молодой, двадцать восемь лет, а пять языков знал.

— «Будете, девчата, ходить в глубокий тыл к немцам», — сказал он.

Получили мы обмундирование, клятву дали. Изучали маршруты, карту. И вот первое задание: пройти Локню, Бежаницы, Сущево и выйти к Чернушкам. Примечать надо было и расположение аэродромов, и где какая техника стоит. Прошли мы две реки — Насву, Кунью, а Ловать уже распустилась, лед тронулся. Лиза побольше и посильнее меня, идет впереди, я — позади. Провалилась я в полынью, но выкарабкалась. На другом берегу деревня. Мы забрались в сарай. Сидим, я зубами стучу. Бабка нас одна заметила, пустила обогреться. Через несколько дней вернулись в отряд, написали отчет, что где видели.

Недели две отдыхали, а потом снова к немцам. Лейтенант меня проводил до леса и вернулся. Прошла я несколько километров, впереди деревня. Иду, и вдруг навстречу немцы. Был у меня шоколад, сухари незаметно выбросила. Спрашивают: «Откуда?» А я мотаю головой, делаю вид, что не понимаю. К вечеру привезли в Опухлики. Привели на допрос к очкастому майору. Били плетью до потери сознания. А я все одно говорила: «Ничего не знаю».

Ночи через две перевезли в Невель, в жандармерию. В камере все стены исписаны: «Погибаем за Родину». Из Невеля меня на машину и в Витебск, в комендатуру. Тут снова допрашивали. Потом услышала, что повезут нас в Германию. На вокзале охрана, собаки.

Выгрузили нас в Польше, в тридцати четырех километрах от Катовиц. Таи и пришлось поработать два года на помещика. Были там и итальянцы, и французы, и англичане. А в январе вдруг — танки. И звезды на них красные. Как увидели — заплакали...

В тот вечер Генка долго не мог уснуть.

Прошли зима и весна. Комсомольская бригада электрифицировала двадцать деревень, скотные дворы, зерносклады.

У себя дома Генка осветил двор, сарай, провел подземный кабель в баню. От обилия света все домашние постройки стали уютнее, просторнее. Двор свой Генка радиофицировал, установил на доме динамик, и теперь можно было, находясь в саду или палисаднике, слушать музыку. Сергей Данилович теперь уже откровенно гордился сыном.

Когда о «Заре» написали в «Комсомольской правде», Генка получил письмо от девушки из Донецка: «Я хочу знать, есть ли в действительности такой человек, который сам вернулся из города в деревню, или это выдумки газетчиков?»

Генка ответил Нине. Письмо он писал почти неделю. Он рассказал и о деревенском лете, и о тропинке, заросшей гусиной травкой, которая кажется под босыми ногами живой и упругой, о тропинке, по которой ходили его дед, прадед, бабка и прабабка. И о ромашках, которые цветут в пору вызревания трав. И о том, как лосевцы до пота работают на воскресниках, а потом едут на колхозных машинах купаться к речке, и как они поют и смеются. Письмо вышло длинное, но суть его можно выразить коротко: человек пишет о своем счастье.

Осенью на заседании правления Генку сделали полноправным членом колхозного верховного органа — ввели в коли в состав правления как секретаря комсомольской организации.

После заседания Генка шел домой вместе со мной. Над полем висела черная, густая тьма. Впереди светилась горстка огней — Генкина деревня Свистунково, немного поодаль целая пригоршня — Лосево, вдали зарево — Ямны.

— Наши огоньки, — сдержанно сказал Генка, но в голосе чувствовалась гордость. — Теперь из школы ходить — ориентиры хорошие. А раньше мать фонарь зажигала и ставила на окно, чтобы я не заблудился. Думаю в техникум энергетический поступить, — сказал, помолчав, Генка. — Чувствую, знаний не хватает. А в колхозе уже сорок моторов. Иван Ильич говорил, что еще больше будет. Хватит, повкалывали наши батьки, пусть теперь электричество работает, — с хозяйской уверенностью заключил он.

Свистунково уже было рядом. Над тихой деревенской улицей пылали светильники, выхватывая из темноты палисадники с голыми деревьями, крепкие дома, крыши с черными рогатками телевизионных антенн.

1981

Александр Гусев

* * *

Хочется когда-нибудь увидеть,
Как с утра работают на поле
Вольные крестьяне, как легки
Взмахи позабытых нами грабель
В загорелых, с россыпью веснушек,
Несравненных, бережных руках.

Хочется когда-нибудь услышать,
Как поют о вековой доле
Голоса, как высока душа
Наша, одинокая, и Богу
Помолиться тихо у иконы,
Прежде чем сказать всему: — Прости...

Ты прости меня, юдоль земная,
Барин мой давнишний, убиенный
В роковом семнадцатом году.
Я и сам — крестьянин твой когда-то,
Я — зерно, взметенное над бездной,
В чью-то землю завтра упаду?

Дабы пролежать, не прорастая,
С потаенной, в глубине, надеждой,
До скончанья века, а потом —
Будет полдень, светами блистая,
Будет поле, и над зябью нежной
Голос мой — в напеве вековом.

Татьяна Лапко

БАБУШКИНЫ УРОКИ

— Что на войне испытывал герой,
Теряя жизнь, товарищей в бою?
И много ль их, отечественных войн? —
Спросила внучка бабушку свою.

В кастрюльке грелось мирно молоко
И птицы щебетали за окном,
Светило солнце нежно, широко
И пахло мятой в домике родном.

— К чему спросила? — бабушка с плиты
Сняла кастрюльку, чуть не обожглась. —
И о войне зачем заговорила ты?
Давай-ка лучше наедемся всласть.

Вот скоро кашка в печке подойдёт!
— Постой ты, бабушка, ответь сначала мне,
Как встал с врагом на битву весь народ?
Наверно, врут те книжки о войне?

Так не бывает, чтобы лёг солдат
На амбразуру, как Матросов лёг?
А почему забыл он автомат?
А почему так жизнь он не берёт?

А где снаряды, самолёты где? —
Всё говорила внучка горячо,
Не замечая сковородки на плите
И блинчиков не требуя ещё.

Вдруг бабушка замялась, молока
Кастрюльку отодвинула от них,
И уголочком фартука слегка
Коснулась глаз небесно-голубых.

Присела, наконец, произнесла:
— Твой дедушка — Михайлов Валентин...
Назад из тех, кто призывался из села,
Обратно не вернулся ни один.

Нам похоронку через месяц принесли
С единственным письмом на пару строк,
Где он писал, как ждёт цветенья слив,
Как нежен у ромашки лепесток,

И признавался, словно тяжкий груз,
Пытался сбросить, словно чёрный рок:
«Быть может, я отсюда не вернусь,
Но к мирной жизни сделаю шагок.

Мы победим, мы всё же победим,
У нас на всё и всем достанет сил».
С тех пор всегда я говорила с ним
И знала, что он солнцем приходил,

Весенней лаской, свежестью зимы,
Он приходил за каждый мирный стол,
Он не вернулся, чтобы были мы,
Для этого он, внученька, ушёл.

Пушай мы ели с лебедою квас,
Работали до ночи, не забыть,
Что кто-то пал не за себя, за нас
И надо жизнь его в своей ещё прожить.

Умолкла бабушка устало за столом,
Задумалась о ясном, тихом дне,
Притихла внучка с голубым бантом,
Сжимая крепко книгу о войне.

— Потом я приготовлю нам компот, —
Сказала бабушка. Но внучка ей в ответ:
— Ты Расскажи, как шёл солдат на дзот,
Ты Расскажи, что смерти в мире нет.

2012

Энвер Жемлиханов

ФЕДЯ

Верен семейной традиции —
Чтобы не выстыл дом,
Федя живет в провинции,
В доме своем родном.

Дождь ли с шумливым нравом,
Сушь ли в начале дня —
Федя идет по травам,
Ищет — зовёт коня.

И от утра до вечера
(Без выходных-то дней!)
Водит телят доверчивых
Там, где трава вкусней.

Хлебом с лошадкой делится,
Так, чтобы без обид.
Встретит высокое деревце,
«Здравствуйте!» — говорит...

РАБОЧАЯ ОКРАИНА

Я возвращаюсь не случайно,
Объехав тридевять земель,
К тебе, рабочая окраина,
Моя большая колыбель.

На пустырях окрест завода,
От счастья детства конопат,
Я был великим коноводом
Среди окраинных ребят.

Мы торопились и выросли,
Уча рабочие азы,
Дотягиваясь еле-еле
До фрикциона и фрезы.

Но гарь цехов — не пух лебяжий:
Частенько не хватало сил!
Меня попутал дух бродяжий
И за собою потащил.

Он доверял людские тайны,
Учил добру в годину зла...
Где б не был я,
Моя окраина
Повсюду рядышком была.

* * *

От бревенчатых изб
 Пали тени синё и глубоко,
 На уснувшем пруду свет луны —
 Золотой лепесток...
 Вот и камни к концу.
 И резцы поломались до срока...
 Что, Данилушка-мастер,
 Не вышел из камня цветок?

Ты гранишь малахит
 И шлифуешь доску молчаливо.
 Раньше срока в кудрях
 Затаился негданный снег...
 Чтоб из камня — цветок?
 Положи свою юность и силу!
 Иль, Данилушка-мастер,
 Уйди в подмастерье навек

ИЗ РОМАНА «НА ЗЕМЛЕ ОПАЛЁННОЙ»

Дела, дела и дела. Захлестнули они нового председателя без продыху. На покосе Александр Николаевич первым вставал в ряд, прокос отмахивал шириной в сажень. Коса со свистом подсекала под самый корень густые травы, а слева вытягивался ровный, как по шнуру, высокий валок. Другие еще на середине прогона шаркают, а он уже отмахал свое, заходит опять от дороги, подгоняет последнего: «Поберегись, дядя, ходули подрежу!» И на стоговании самый тяжелый навильник он же подбрасывает на вершину стога, с головой укроет укладчика. «Шевелись, шевелись, поворачивайся!» Рожь еще не поспела, сам за тракториста паровой клин поднял, да на каждой неделе умудрялся на том же тракторе в лес съездить, а то и по два раза в ночь — разобранные немецкие землянки в деревню свозил. Четверо замшелых дедов рубили из этих плах избы для самых многодетных, сиротских семей. Вторая такая же сивобородая бригада конопатила школу, прирубала к ней небольшую пристройку — жилье Татьяне Дмитриевне.

Иной раз Александр Николаевич брал в руки топор и до того ловко орудовал им, что заправские плотники изумлялись. И все-то у него выходило легко и сноровисто, все к месту. Чуть свет — он уже на ногах, а с поля последним возвращается. Почернел, лицом обострился, глаза — что уголья. Сам без работы часу не мог просидеть и другим не давал спуску. Ругать никого не ругал, говорил всегда ровным голосом, но уж если кого-либо вызывал в правление и оставался с ним с глазу на глаз, человек тот выходил на крылечко в испарине. И все для него были одинаковы: и мужчины и женщины, первостатейный плотник или артельный коных. Вот с ребятишками был поласковее, и это сразу заметили в деревне.

— Не запалился бы наш председатель, — говорили про Нилова в Малых Горюшках. — Как норовистый конь, одним махом подъем одолеть норовит.

— Остепенится, дай срок, — возражали другие. — Какой председатель на первых порах не пыжится? Каждый ведь думает: до меня было плохо, вот я покажу! Смотришь, и власти районные приметят.

— Такие-то больше всего перед властями и изгибаются, — рассуждали третьи. — Только в райкоме да в райисполкоме и обивают пороги. А наш и по вызову-то не особо торопится. Не за себя он печется, пора бы уж это понять!

Вот и рожь наклонила колос. Восковая его желтизна перешла в стебель, опустилась до самой земли. Жать это золотистое поле на взгорке вышли всем колхозом от мала до велика. Оно и понятно: в склоненных тяжелых колосьях были первые зерна жита, взлелеянные на освобожденной земле, щедро политой кровью отцов, сыновей и братьев, зерна первого послевоенного урожая, выращенного на материнских горючих слезах. Это и первая тихая послевоенная радость, залог будущих урожаев, а они принесут с собой и звонкую песню, забытую на четыре томительных года, и гармонь, потерянную в кровавом сумраке оккупации, и хмельную, безудержную весну веселья, о котором и думать не смели вслух. Все

это будет, а пока всего лишь небольшое поле ржи, с межи до межи которого можно перекликнуться не в полный голос.

В день, когда рожь решено было жать, у межи на скошенной луговине собрались все колхозники первой бригады и выстроились полукругом, как это было в партизанских отрядах перед митингами. Нилов был тут же при орденах и медалях. На лицах обступивших его людей он прочел ожидание и поднял руку.

— Мне говорили, что четыре года тому назад на этом поле тоже созрела рожь,— начал он как бы про себя и глядя поочередно в лица колхозников,— и что клин этот уходил за деревню. Смяли его гитлеровские танки. Они шли на Москву, торопились, не опоздать бы к параду. И не дошли. И не наша вина, что Берлин лежит сейчас в развалинах. Не мы начинали войну, не мы размахивали пылающей головешкой. С огнем шутки плохи, теперь и они поняли это.

Он повременил немного, подбирая слова, еще раз окинул взглядом неровный строй. С левого края стояла семья Парфена. После того как Александр Николаевич стал председателем колхоза, Ольга несколько раз порывалась начать с ним какой-то, видимо, очень важный для нее разговор, но наедине им не удавалось остаться. Вот и сейчас, глядя в упор на Нилова, она не столько слушала, сколько манила, звала его. И в этом молчаливом и откровенном зове было что-то тревожное.

— Они поняли это,— повторил Александр Николаевич. — С огнем шутки плохи. А теперь наша задача — как можно скорее залечить раны, причиненные этой земле. В земле наша сила, наше могущество и наша победа над послевоенными трудностями. Давайте же, прежде чем снять с нее эту сиротскую дань, поклянемся друг перед другом, что не оставим своими заботами нашу мать-кормилицу.

По рядам пробежал шепоток. Несколько женщин повернули повязанные платками головы по направлению к дороге. Но там никого не было, и председатель продолжал свою речь, глядя уже на учительницу. Татьяна Дмитриевна находилась в центре полукруга и часто подносила к глазам скомканный носовой платок.

— Мы ничего не забудем! — повышая голос и подняв на уровень виска крепко сжатый кулак, подражая в этом жесте Чугурову и его манере говорить с четкими паузами, продолжал Нилов. — Ни крови, ни слез, ни мучений народа. И никогда не угаснут в памяти нашей имена тех, кто погиб за честь и свободу Родины. Эту заповедь мы никогда не нарушим!

Александр Николаевич вытер ладонью лоб, отбросил назад седую свисавшую прядь волос, хотел еще что-то добавить, но только еще раз потряс над головой крепко сжатым кулаком. Все дружно захлопали в ладоши.

И громче всех старался хлопать Леон Чугуров. Раздвигая плечом толпу, он приближался к Нилову.

— Вон ты, оказывается, мастер какой! — продолжая аплодировать, широко улыбался он. — Вот они где, таланты, скрываются! Молодчина! При всех говорю. И от лица партийной организации района поздравляю колхозников и колхозниц артели «Красное Заречье» с долгожданным праздником первого послевоенного снопа! Так, что ли, день сегодняшний вы назвали?

— А мы никакого названья и не придумывали,— немного смутившись от похвалы секретаря райкома, откровенно признался председатель. — Понимаете, Леон Васильевич, я митинга проводить не думал. А как собрались тут старые и малые, увидел я, что смотрят они на меня и ждут чего-то. Ну вот и решился. Худо, может, сказал?

— Что ты?! Отменно сказано! Дальше что будет?

— Жать начнем! Видите, все с серпами?!

— Давай двух стариков, самых древних! — наклонясь к уху председателя, прошептал Чугуров. — Дедов уважать надо, за это народ сторицей тебе воздаст. Ну и мне уж позволь нажать снопик. Уважь и меня.

Так и сделали. На глазах всей артели два древних деда и секретарь райкома нажали три огромных снопа. Ольга опередила каких-то двух девушек, принявших было крутить соломенные жгуты, сбросила с головы красную шелковую косынку и ловко перевязала ею первый сноп, поставила его на широкий, устойчивый комель, выпрямилась, упруго и гордо откинув красивую свою голову. Потом она повернулась лицом к солнцу, развела перед собой распростертые руки, как бы держа на них хлеб-соль, и заговорила негромко, но твердо, как и Нилов, чеканя каждую фразу:

— Жены и матери, солдатские вдовы! Я не спрашивала у вас совета, как говорить и что говорить. Знаю, сердце мое подсказывает, и вы так же думаете: первый сноп — Родине!

— И этот Родине! — звонко выкрикнула подруга

Ольги, простоволосая, в залатанной короткой кофтенке, босая, с натугой подхватывая с земли второй сноп. И добавила с дрожью в голосе: — Чтобы войны больше не было. Никогда чтобы ос не было!

Подались вперед, шелохнулись женщины. Старики сняли шапки. В едином, согласном выдохе разлилась вокруг святая, торжественная тишина, такая глубокая и емкая, что охватила и луговую низину, и леса, расступившиеся полукружьем, и отлогие взгорки, и неоглядную даль, синеющую вокруг. Только склонившаяся в земном поклоне густая высокая рожь колыхалась мерными волнами, шелестела протяжно и неумолчно. Этот шорох, обычно успокаивающий и полусонный, сегодня пьянил, будоражил мысли, и Нилову почудилось, что он слышит, отчетливо слышит, как бьются сердца обступивших его людей и что это не полусонный шепот колосьев, а накатывающаяся откуда-то издалека и проникающая в жилы огневая непокоренная сила жизни, рожденная только что от властного чувства единства и кровной близости человека к человеку и к родной земле.

Никогда до сих пор не испытывал Александр Николаевич такого нового для него сильного чувства, и у него запершило в горле, защипало в глазах. И люди вокруг него стояли совсем другие — не с изможденными лицами и как бы отрешенные от всего, а улыбчивые и радостные.

Широким строем женщины вышли к меже, пригнулись, как по команде, и в руках у них засверкали отточенные серпы. Отягощенные тучным колосом стебли в рост человека покорно ложились к ногам, подрезанные у самого корня. Позади

жнецов оставались подобранные, туго перетянутые снопы, босоногие ребяташки тут же ставили их в бабки.

— Золото у тебя — не люди! — подходя снова к Нилову, проговорил секретарь райкома. — Дороже золота!

— Вижу, Леон Васильевич, вижу.

— А эту солдатку, — Чугуров кивнул в сторону Ольги, которая как раз выпрямилась над очередным снопом, — во всех делах держи закоперщиком. Смотри — у других по два, по три снопа, а у нее пятый!

— И это вижу.

Вскинув густую клочкастую бровь, Чугуров еще раз глянул на Ольгу, залюбовался.

— Помнится, не она ли пробиралась к нам в Серболовский лес? — минутой позже спрашивал он себя вслух. — Все просилась, чтобы в бригаде ее оставили. Звеньёвого Парфена невестка?

— Она, — подтвердил Нилов.

Чугуров шагнул на тропу.

— Ладно, поеду, брат, — прощался он с председателем «Красного Заречья». — Ну как — повидался с «господином майором»? Слышал я: ловко его подсекли. Узнал он тебя?

— Пока еще не виделись.

Из-за кустов вынырнула машина. Шофер лихо затормозил и не менее лихо развернулся, буквально на пяточке.

— Отвез? — одним словом спросил его Чугуров.

— К сожалению, прямо к вагону доставил, — широко улыбаясь, доложил шофер. — А вам, Александр Николаевич, велено категорический привет передать. И извинение, соответственно, что некогда было заехать.

— От кого бы это? — улыбнулся Нилов. Он узнал уже, что Семен Иванович — словоохотливый шофер Чугурова — очень любит вставлять в свою речь «к сожалению» и «логично» и чаще всего совершенно не к месту.

— От Анны Петровны, товарища Гагариной. Симпатичная женщина, скажу вам.

— В райкоме у нас в командировке была, — пояснил Чугуров, грузно усаживаясь на скрипучее сиденье машины, и обратился к шоферу: — Ты бы лучше сказал, каков лен у Парфена, мимо ведь ехал?

— И ленок, и самого Парфена видел, — не задержался с ответом всезнающий Семен Иванович. — К сожалению, ленок добрый: и высок, и тонок. Дед избу новую конопатит. Покурили еще с ним на бревешках. Председателю столько спасибо наговорил!

— Ладно, давай еще раз заедем к Парфену Даниловичу, — распорядился Чугуров и посмотрел на Нилова. — Ну а ты что стоишь? Садись! Глянем заодно, сколько ты лесу на тракторе навозил в деревню. Землянки-то все разобрал за болотом?

— Раза на два еще съездить осталось.

Когда подъезжали к Малым Горушкам и на подъеме машина несколько замедлила свой разбег, стороной над отлогим взгорком, набирая высоту и тяжело взмахивая широкими крыльями, пролетела большая дымчато-серая птица, красноносая, с запрокинутой длинной шеей и такими же вытянутыми назад ногами. Это был аист, и возвращался он, видимо, с соседнего болота, нес в клюве змею. Добыча его извивалась.

— Ужа подцепил, — глянув вверх, заметил Семен Иванович. — Это уж точно! Гадюку поперек брюха он никогда не схватит. — У самой головы зажмет. Важная, умственная птица!

Аист пролетел над дорогой и направился к одинокой березе, знакомой Нилову с первого дня его появления в Малых Горушках. А всезнающий шофер продолжал:

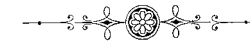
— Парфеновский старожил! Дед говорил, что три года не прилетали. Это после того, как из гнезда вывалился молодой аистенок. Летать еще не умел. Ужасно плохая примета, когда аистенок убьется. А потом и второй кувыркнулся вниз головой. И что бы вы думали? В том же году не стало у старика снохи и старшего сына! Логично. Вот тебе и предрассудки невежества.

— Ну а теперь? — спросил Чугуров.

— Что теперь? — Семен Иванович переждал минуту. — Три года их не было — и беды на старика одна за другой. И на допросы его тягали, и дом сожгли. А нынче вот прилетели — войне конец, сами видите. Ждет Данилович сыновей. Тоже должны прилететь, к сожалению. Особенно самого младшего ждет — Терентия. И я понял так, что Парфен-то Данилыч за невестку сильное опасение имеет: уйдет та из дома — труба старикам!

— Не пойму я твоей философии, — покачал головой Леон. — Начал ты вроде за здоровье... Толковал про аистов. Раз на старое гнездо прилетели — к добру!

— Что аист? — по обыкновению своему задал себе же вопрос Семен Иванович. — В жизни теперь все перемешалось, и никакие аисты не помогут. Глупая птица, простите за выражение. И нет-то в ней ничего пунктуального. Перьев пучок, костей килограмма два, остальное — жилы. Сплошное недоразумение природы.

БАБЫ

Пашут бабы на колхозном поле —
Не вернулись мужики с войны.
Радуются бабы тяжкой доле —
Сеять и пахать на мирном поле,
Разорённой ворогом страны.

Ходят бабы целый день за плугом,
Ширится от вспашки полоса.
Надо торопиться, уж над лугом
Жаворонков льются голоса.

Хлебушек посеять в сроки надо,
Дум других в помине нет у них,
Пашут бабы землю до «упада»,
До закатных красок золотых.

А потом, уставшие до боли,
Из полей гурьбой домой идут,
О земной не размышляют роли,
А поют. Ах, как они поют!

Всяк и все в округе затихают,
Слухом к песне льнут, как в стынь — к огню,
Бабы же за песней — отдыхают,
Копят силы к трудовому дню.

КОГДА ГОРЯТ ЗВЁЗДЫ

*Труженикам молочно-товарной фермы
«Муровицы» Агрофирмы «Победа»*

Ещё на небе не погасли звёзды,
Ещё для снов — раздолье и полёт,
А юркий расшумевшийся автобус
Доярок к ферме весело везёт.

Уже там стойла чистят от навоза...
Идёт раздача утренних кормов...
Там запахи конечно же не розы,
А сена и дыхания коров.

Там — глаз коровьих васильковый омут,
В котором всё увидишь в сущий миг
Доярок души — в этой сини тонут
И не услышишь раздражённый крик.

Они бурёнок нежностью ласкают
И гладят их натруженной рукой...
И награждает всех коровья «стая»
Несказочной молочной рекой...

Проходят зимы, пролетают лета...
Порой — дожди. Порой — снега метут...
Бежит автобус юркий по рассвету...
Спасибо вам — за ваш нелёгкий труд!

Тамара Соловьева

СТЕКЛОДУВ

Как виртуозно вертит стеклодув
На тонкой трубке жаркое стекло!
В него глоток живой души вдохнув,
Он отдаёт стеклу своё тепло.

Что изваяет он, в конце концов,
Какую форму, смысл придаст какой
Посредством тонких ножниц и щипцов
Расплавленному солнцу под рукой?

То будет чаша красного стекла
Для самых лучших и старинных вин?
Иль это будут ангела крыла,
Божественно воссозданные им?

Хвала стеклу, подвластному творцам,
И мастеру, что чудо создаёт
И, в чуде этом растворяясь сам,
Века в своих творениях живёт!

Вот и поэт — всё тот же стеклодув:
Строка его на выдохе живом
Порою, мир за миг перевернув,
Укроет землю ангельским крылом...

Любят ли дворники листья,
 Что на газонах лежат?
 Вечно асфальт от них чистят,
 Листья летят и летят.

Жёлтые, рыжие, лисьи —
 Масти почти что любой,
 Кружат без усталости листья,
 Мир устилая собой.

Видно, у листьев работа —
 С неба сорвавшись, лететь.
 Дворникам, видно, забота —
 Мётлами землю вертеть.

И, не ругая природу
 За листопадный сезон,
 Дворник в любую погоду
 Чистит и двор, и газон.

Он день-деньской собирает
 Листья в огромный мешок —
 Будто для нас повторяет
 Всеми забытый урок.

Кто-то его сторонится:
 Дворницкий труд — не в чести!
 Вот бы нам всем научиться
 Землю родную мести!

УПОРСТВО И ТРУД ВСЕ ПЕРЕТРУТ

Очерк

Ноги слегка дрожали, когда Кирилл преодолевал ступеньки вверх — к площадке, на которую поднимались за прошедшие годы десятки молодых людей, мальчишек и девчонок из разных уголков страны. А теперь и он шагает по ним. Шагает ни быстро, ни медленно, а так и подмывает — через ступеньки! — взлететь и замереть наверху!

На добрых две-три секунды застыл над студией (сколько раз смотрел передачу — не обращал внимания, сколько же там стоят счастливчики), вышел в боковую дверь и только тогда перевел дух. Свершилось: он в четвертьфинале телепрограммы «Умники и умницы»! «Повезло!» — мелькнуло в голове. «Заслужил!» — пискнуло в голове какое-то непонятное существо, какой-то горделивый чертик. Но с подобными он не водил дружбы, и потому мысленно щелчком выбросил из головы.

Выйдя в коридор, прислонился устало к стене. Неужели все позади?! Как бы не так! Это только начало. Перед внутренним взором галопом пронеслись самые решающие мгновения сегодняшнего действия. Первый конкурс — русский язык. Его результат мог любого сломить: из семи заданий по написанию слов у него — ни одного правильного! У других двоих, правда, тоже не ахти — по шесть ошибок, судьи сами признали, что задачку задали сложнейшую. Выбирать дорожку не пришлось — какая досталась. Собрался с духом — умирать, так с музыкой! — и спокойно высказал свое мнение на заданную им тему для конкурса красноречия: что они думают о роли дипломатов в общественной жизни страны. Сосредоточился, высказал спокойно свою версию, даже в регламент уложился. Ему досталась красная дорожка, где всего два вопроса и нельзя ошибаться. Первый вопрос заключался в том, что нужно было перевести с латыни лозунг австрийской династии Габсбургов. Эта фраза ему еще при чтении статьи очень понравилась и запомнилась, потому он без труда ответил: «Пусть другие воюют, ты же, счастливая Австрия, заключай браки, ибо если другим дарует Марс, тебе дарует царства Венера».

На вопрос о комплексе неполноценности и превосходства ответа он не знал, но была возможность идти ва-банк, и он решил ею воспользоваться. Вопрос, который принёс победу, звучал так: «В 1943 году — факультет. В 1944 году — институт. Назовите этот факультет и институт». Институт Международных отношений (МГИМО) — он попал в точку, хотя, если честно, вопрос был легким, во всяком случае, для него.

А дальше ... Что дальше? Полуфинал, новая подготовка, новая поездка в Москву, новый виток соревнования. Но главное даже не в подготовке (он постарается), главное — не подвести школу, родителей, учителей! «Стоп! Притормози!» — оборвал вспыхнувшее было смятение Кирилл. И все же, передачу, на-

верное, все локнянцы смотрели! Это же впервые по Центральному телевидению прозвучала их Локня — небольшой районный поселок на юге Псковской области, где природа сказочно красивая — озер без счета, лесные поляны, а люди добрые, без злобы и зависти. Кирилл всегда считал, что им, местным ребятам, здорово повезло родиться и жить именно здесь, где меньше городских соблазнов, зато есть время и в поход сходить, и спортом заняться, и другим, что по душе, благо школа и Дом культуры — и не только они — дают такую возможность.

«А я иду-шагаю по Москве» — всплыла откуда-то строка из давней песни, когда он вышел на улицу. Теперь появилось время оглядеться — до поезда еще несколько часов. Москва окружила его величественными зданиями, на многих из которых еще угадывался след старины, неумолчным шумом бесконечной вереницы машин, неисчислимым количеством магазинов и всяких кафе. Зато московское метро впечатлило, даже дважды вышел из поезда, чтобы полюбоваться другими станциями, сравнить с питерскими.

Уже в поезде, наконец, улеглось волнение, его мысли перенеслись домой. А с чего всё это с ним началось-закрутилось? С эссе! Конечно, с него. Еще в прошлом учебном году в школу пришло сообщение, что состоится очередной районный литературный конкурс. Без Семенова Кирилла тут не обойтись: круглый отличник с первого по одиннадцатый класс, активист, «музыкалку» окончил, в театральном кружке на первых ролях, до недавнего времени, до его перехода в одиннадцатый, не один год возглавлял Лигу старшеклассников (пришла пора серьезно к ЕГЭ готовиться, вот и пришлось «передать» эту обязанность другу, который классом ниже учится), но главное, — успешный участник многих конкурсов и олимпиад. Кому, как не ему, защищать честь школы?! Хотя, конечно, писали эссе и другие ребята.

На конкурс нужно было написать эссе на историко-политическую тему по Псковской области. Кирилл задумался. О чем писать? Не хочется банальности. Вообще—то он, если за что-то брался, то старательно докапывался в любом вопросе до истины. Мама, Ирина Валентиновна, никогда не забывает напомнить: «Читай сейчас — вырастишь, времени не будет, сейчас твоя голова что губка — все впитывает на лету.» Читает он много, но на чем остановиться?

Говорят «утро вечера мудренее». Так и случилось. По дороге в школу вдруг вспомнил о судьбе генерала Алексея Николаевича Куропаткина. Обществознание — один из самых любимых предметов. Не то что геометрия, хотя и по ней у Кирилла пятерки. Но вычерчивать разные фигуры, теоремами мозги забивать — не его дело. Надо же, куда занесло в девятом: мечтал пойти учиться на физико-математический факультет! Это ж всю жизнь потом с цифрами дело иметь! Нет, он — гуманитарий.

Итак, генерал Куропаткин. А что — вот она, тема: есть возможность не просто пересказать биографию, главное, свою точку зрения на судьбу этого замечательного человека высказать. Даже на уроках где-то в глубине сознания формировался план эссе.

В школе его произведение признали лучшим и отправили в район. Он и думать забыл о нем — захватили повседневные дела и увлечения, да и с друзьями

порой хочется встретиться, к таким встречам они привыкли с детских лет. Это одноклассники Саша, Ксюша; были еще Тёма и Жанна, которая всегда приезжала на встречи, хотя жила в соседнем поселке, но теперь она далеко — студентка Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова в Санкт-Петербурге. Однако, когда домой приезжает, то не преминет заявиться в Локню, к друзьям, попить чаю у кого-либо на квартире, рассказать о студенческом житье-бытье и, конечно же, про все школьные новости услышать. И вообще тем для разговоров не на один вечер хватит, да и поспорить «на тему» тоже бывает интересно.

Спустя недели две Кириллу объявили, что его эссе и в районе оценили и приглашают на встречу. Приехал, и оказалось, что это не просто встреча: идет отбор участников для очередной программы «Умники и умницы» Первого канала Всероссийского телевидения, и именно благодаря удачно написанному эссе он, Кирилл Семенов, стал претендентом на участие в ней. Правда, нужно было еще раз подтвердить свою победу, теперь уже в Пскове, куда Кирилл поехал вместе с Анжеликой Витальевной Захаровой, их учительницей истории и обществознания.

Конкурс проходил в Псковском педагогическом комплексе. Для участия съехалось много старшеклассников из разных школ области, но лишь восемнадцати ребятам по итогам соревнования в первый день предоставлялось право выйти на дорожки. Судить финал приехал бессменный ведущий программы «Умники и умницы» Юрий Павлович Вяземский.

В первый день все писали тест на тему «Псковская земля в XVI веке». По его итогам Кирилл получил право выйти на дорожку — дальнейшее соревнование проходило по сценарию телевизионных передач, поэтому первыми заданиями были конкурс русского языка и красноречия. Без единой ошибки написал слова, красноречием тоже смог блеснуть, ему и выпало право выбирать дорожку. А дальше... он не учел, выбирая желтую дорожку, что на ней нельзя допустить ни одной ошибки. Может, подвела эйфория от первых успехов — вот и получил по носу: срезался на первом же вопросе и отправился к теоретикам. Но ведь не зря же Кирилл столько перечитал литературы, готовясь к конкурсу! Да и в характере уже правило — не отступать! Уже на скамейках успел «отыграться»: заработал два ордена и медаль, в результате — приглашение в Москву на участие в игре.

За три месяца до поездки в столицу были сообщены темы будущей передачи, их оказалось целых четыре! «Зимние Олимпийские игры и зимние виды спорта», «Австрия: история и культура», «У истоков российско-швейцарских отношений», «Гончаров: жизнь и творчество» — какие же они разные, это сколько литературы надо «перелопатить»! А здесь, в Локне, он сможет найти необходимую литературу?

Как всегда, на помощь пришли мама и Анжелика Витальевна, недостатка в литературе не было: сиди, читай, запоминай прочитанное, правда, про уроки и прочие дела тоже не забывай. А как забудешь — впереди ЕГЭ!

Кирилл много раз за эти месяцы мысленно благодарил Светлану Анатольевну Сергееву, заведующую районным отделом культуры и руководителя их театрального кружка, за те уроки, которые она давала им на репетициях. Она неоднократно напоминала, что актер должен мыслить образно, это позволяет легче

усваивать тексты ролей. Кирилл при чтении статей старался зримо представить события, воображение рисовало героев, обстоятельства их действий. Помогало! Кстати, он считает, что именно театр привил умение собраться, сосредоточиться в нужных обстоятельствах, помог преодолеть застенчивость, раскрепостил его в общении со взрослыми и сверстниками. Ничего лишнего в жизни не бывает! Да и вообще в ней все взаимосвязано.

Конечно, он взлетел высоко — так еще из локнянских мальчишек и девчонок не взлетал, хотя сколько их учились в разные годы в престижных институтах. Но МГИМО — мечта многих, а он как бы на полпути к победе. Хотя, если честно, он определился с направлением в выборе профессии, но куда поступать еще не решал. Это судьба сама подсказала путь, и теперь он не отступится, пойдет по нему, приложит все усилия. «Без труда не вытащить рыбки из пруда» — любимая поговорка папы, Александра Васильевича, который только внешне сдержан и немногословен, а сам еще как переживает за своих любимцев — старшего, Кирилла, и младшенькой, всеобщей любимицы Настены. Хоть занят на работе с утра до вечера, но дома, после работы, первый вопрос жене: что нового у ребят. Настя в школу пошла — все бросил, прибежал на торжественную линейку, чтобы обнять дочку, поздравить с началом учебы.

От теплых воспоминаний о доме Кириллу совсем расхотелось спать, да в соседнем купе кто-то громко всхрапывал. Кто же придет его встречать? Мама или вся семья, или Ирина Константиновна, их классная руководительница, она же давала напутствие в дорогу и переживала больше всех? Кто-то обязательно придет.

Он даже не думал, что за эти дни так соскучится по Локне, по семье, по друзьям. Что бы ни случилось в его судьбе дальше, как он заявит себя в полуфинале телепередачи «Умники и умницы», он всегда будет благодарен этому милому уголку Псковщины — Локне, где прошло его такое счастливое детство в кругу дружной семьи, в общении с одноклассниками, с которыми, как говорится, вместе «не один пуд соли съели», в доверительных отношениях с учителями.

Москва... Он ей тоже благодарен: проверил себя и поверил в себя — не хуже других, хоть и из глубинки. Конечно, он будет готовиться к полуфиналу, но конкурс — это своего рода игра, он в этом убедился, это соединение твоего труда, твоих знаний и ...удачи. Конечно, он не против нее, но надо самому покрепче стоять на ногах.

А вот и Локня. Кирилл с волнением прильнул к окну вагона...

* * *

У конторского дома
Шум, табачная муть.
Председатель месткома
Отправляется в путь.
Он на мерине дюжем,
В дорогом пиджаке.
Все совхозные нужды
У него на листке.
Надо выписать срочно
Для свинарника тес,
Разузнать,
Как рабочим
Отмерять сенокос;
Сторожа́м нужны валенки,
Новый надобен плуг.
Трактористам-ударникам
По путевке на юг.
Клуб просторный для песен
С люстрами, как в Москве.
Нужно выходить пенсию
Тетке Марье — вдове.
Все болеет,
К тому же —
Трое малых ребят.
Над могилою мужа
Только елки шумят.
Там строку потемнелую
Долгим ливням не смыть,
Что защитников смелых
Никогда не забыть.
Хоть слова золотые
На осколке гранита,
Все же фразы пустые,
Если тетка забыта.
Председатель вздыхает:
«Много нонче забот...»
И его провожает
С одобреньем народ.

СПЕЦОВКА

Гордясь своею тонкой шерстью
Перед одеждою простой,
С моею грубой курткой вместе
Висит костюм мой выходной.

Я в нем солиднее и строже,
Приятней людям я в обновке.
Костюм, и стоишь ты дороже
Моей засаленной спецовки.

Но не гордись! Красой пустою
Ты перед нею не сияй,
Хоть, может быть, она порою
Тебя измажет невзначай...

Она от дыма закоптела,
Следы не праздности — труда.
Останься эта куртка белой,
Костюма не было б тогда.

РЕСТАВРАТОРЫ

Раствор крутой, и стены быстро сохнут.
Вот трещина, а вот от пули шрам...
Дойдет ли до потомков дом высотный,
Как этот, будто крепость, хмурый храм?

В проломах крутит бесприютный ветер,
И вот она — курится — пыль веков.
Мы в вечевом работаем столетье
При помощи бессмертных мастерков.

Какое чудо — руки человека!
На крепких стенах тает слабый снег...
Из грозного пятнадцатого века
Гляжу с тревогой в двадцать первый век.

Евгений Трофимов

Я СКОБАРЬ

Я скобарь, что в том плохого?
Я — российский человек.
Жизнь, подаренная Псковом,
Не забудется вовек.
Петербург мой прадед строил
От зари и до зари.
Скобы в кузнице готовил, —
Так рождались скобари.
В ту пору петровским словом
Не в обиду звали нас.
Есть строители из Пскова,
В Петербурге и сейчас.
И работают псковские,
Строят город на Неве,
Петербург — врата морские,
Но ведут они к Пскове.

ЗА УРОЖАЙ

Оживлённо, необычно
В это время на селе.
Даль тревожит непривычно,
Рёв моторов на заре.

Почва высохла, прогрелась,
Наступил весёлый май.
Битва в поле разгорелась —
Только делом поспевай.

Дружно трудятся бригады
На весенней посевной...
Лучшим — высшая награда —
Урожай страны родной!

* * *

Работа, работа... До пота, до рвоты,
И середины здесь не может быть...
А наша работа: кусты, да болото
И некогда женщин любить.
Уходишь с рассветом, приходишь с закатом.
И толком не можешь поспать.
А наша работа: кусты, да болото,
Разделся, да сходу — в кровать.
А рядом, а рядом — жена молодая,
О чем-то вздыхает всю ночь.
Я думал, конечно, о ней, засыпая,
И рад бы, да нечем помочь.
А, утром, а утром — чуть зорька займётся,
Не маленький, должен понять...
И снова судьба на до мной посмеётся,
Мне некогда, надо вставать.

НРАВСТВЕННОСТЬ — ОСНОВА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

ХРАМ

Зачем в этом храме, затерянном, старом,
Уют и покой?
Каким непонятным владеет он даром,
И силой — какой?

А может быть, место его неслучайно
На этом холме,
Не скрыта ли в этой земле его тайна,
В глубинах, во тьме?

Иль формы старинной его совершенство
Дарует в тиши
Доверие к жизни самой — и блаженство
Для бедной души?

Но чудо не только в божественной силе,
Оно еще в том,
Что люди веками сюда приходили
С молитвой, с добром.

Они приходили с надеждой и светом,
С открытой душой.
И малая церковка стала при этом
Большой-пребольшой.

Как мир, где есть место не только для наших
Бездомных сердец,
Для горстки монет в незатейливых чашах...
— Прости нас, Отец...

Александр Гусев

*Какой смысл бороться с коррупцией, преступностью, наркома-
нией, лишая при этом людей высоких очищающих и просветляющих душу
плодов, которые бережно и кропотливо возделывает в себе культура? Да
люди давно уже забыли, что хорошо и что плохо. Никто им об этом не
говорит. Они знают лишь «про это...»; они воспитываются «Кривыми
зеркалами» и песнями «Тату». Долг, честь, совесть, защита Отчества —
все это пущено на самотек, забыто; на все это нет денег.*

*А ведь высокодуховный, нравственный человек — это в полном смы-
сле свободное существо, не зависящее от тлетворных, разрушительных
стихий мира, его не поманит золотой телец и не привлечет омут развра-
та. В то же время, он строго ограничен рамками своей нравственности и
духовности, он дисциплинирован и законопослушен не потому, что боится
ответственности за нарушение закона, но потому, что его побуждает к
этому его совесть. Нет, не шоу-бизнес, не бульварная пресса, но высокая
культура воспитывает таких людей. Не будет их, не будет будущего и
у нашей страны. «Носясь без руля и ветрил, по воле чувств, — предупре-
ждает нас все тот же Ильин, — наша жизнь принимает обличье капри-
за, самодурства, обидчивости, подполья, неуравновешенности и ожесто-
чения».*

*И сегодня все зависит от нас, от нашей совести, от нашей нравст-
венной позиции. Хочешь изменить мир — начни с себя. Хочешь чтобы мир
вокруг тебя стал лучше? Стань сам лучше, чем был прежде.*

*Я люблю свою землю, и я не уеду в Париж,
Что бы тут не случилось. У нас есть надежды и силы.
У страны есть герои: Добрыня, Мальчиш-Кибальчиш.
Так что я не безроден. Придется — умру за Россию...*

(Геннадий Кононов)

*Об этом — о совести, о вере, о нравственной позиции, о добрых чело-
веческих отношениях, взаимоуважении, любви, о вечных ценностях наше-
го бытия рассказывается в настоящем разделе книги.*

ЖЕМЧУЖИНЫ В НЕБЕСНОМ ВЕНЦЕ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Псковская земля изначально была славна и богата святынями и Божиими людьми! Князья, преподобные, отшельники, пустынножители, блаженные, Христа ради юродивые, святители и праведные воистину являют собой торжество веры Православной во всей ее Небесной красе. Семена учения Христова, посеянные некогда благоверной княгиней Ольгой, дали здесь благодатные всходы. Однажды, как повествуют житийные источники, открылось святой благоверной княгине следующее видение: с береговой кручи реки Великой увидела она, как три светящихся луча опускались на землю на другом берегу. Святая княгиня сочла это знамением Небесным, означающим просвещение Псковского края Троическим Божественным Светом, и вот, волею ее, поднялся на том месте, отмеченном как бы самой десницей Божией, храм во имя Троицкого Бога. С тех пор Псковская земля стала домом Святой Троицы.

Последователями и духовными приемниками св. княгини Ольги явились благоверные князья Псковские Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей. Первый из них, построивший вместо деревянного Ольгиного храма каменный собор, был по преимуществу князем-строителем, молитвенником, милостивым и любвеобильным отцом. Второй, Довмонт-Тимофей, бежавший в Псков из Литвы, всю свою жизнь посвятил защите города от посягавших на него иноплемеников.

Удивителен подвиг Псковского юродивого блаженного Николая Салоса, не убоявшись гнева Иоана Грозного, пришедшего грабить и истреблять Псков. Смело обличает он грозного Царя и протягивает ему — в Великий-то пост! — кусок сырого мяса...

Велик сонм Псковских преподобных, своей жизнью доказавших, что «иго Христово благо и бремя Его легко есть». Авраамий Мирожский — настоятель первого монастыря на Псковщине, Иоасаф Снетогорский и убиенный вместе с ним игумен Василий Мирожский. От основателя псковского пустынножительного монашества преподобного Евфросина Спасоелеазаровского идет целая плеяда его учеников, которые, выбирая самые непроходимые и глухие места земли Псковской, освящали их своими трудами, постом и молитвой. Почти все они основывали новые монастыри на Псковской земле. Вот их святые имена: преподобный Серапион — ближайший ученик Евфросина, Иларион Гдовский, Савва Крыпецкий, Онуфрий Мальский, Иоаким Опоцкий, игум. Харлампий, Памфил и Игнатий.

Продолжателем их дела стал преподобный Никандр пустынножитель Псковский, более 30-ти лет подвизавшийся в совершенной неизвестности. В его жизни во многом был предуказан подвиг прп. Серафима Саровского.

А разве не достойны удивления жизнь и подвиги святых Псково-Печерских — Марка, Ионы, преподобной Вассы, убиенных обезумевшим царем Иоанном Грозным преподобного мученика Корнилия и Вассиана? В XIX веке в Псково-Печерском монастыре отличался святостью жизни иеросхимонах Лазарь, мощи

которого почивают под спудом в Малых пещерах, а над гробницей его висят вериги, которые старец носил всю жизнь.

А сколько истинных рабов Божиих, живших в миру среди нас, но со Христом в сердце, просияло на Псковской земле! Праведная жизнь их проистекала под покровом величайшего смирения, которое и соделало их наследниками Царствия Небесного. Их подвиги по-настоящему ведомы Одному лишь Богу. Но благодарная память людская, ради великой духовной пользы, принесенной в мир сими праведниками, хранит их святые имена. Назовем лишь некоторые из них... Болящий Матфей Мальский, особо отличавшийся безропотным несением жизненного Креста; блаженные монахи Корнилий, Василий Графов, Екатерина Булынина, блаженная Вера и Анастасия Струлицкая; старцы и истинные, по призванию Божию, пастыри духовные иеросхимонахи Симеон (Желнин), протоиереи Николай Гурьянов и Валентин Мордасов...

Каждое имя — это драгоценная жемчужина в небесном венце русской святости; каждая судьба — бесценная урок добродетельной и святой жизни, пример, который особенно важен для нас сегодня, в период безпримерного наступления апостасии и духовной энтропии.

ТАМ, ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ МИРЫ

Вспоминая протоиерея Валентина Мордасова

В этот майский день небо над погостом Камно, как окно в вечность, было прозрачным и бездонным. Заглядывали в это окно плывущие над землею купола Георгиевского храма, благословляли окрестные поля и дороги, по которым, призываемые колокольным звоном, спешил в церковную ограду на молитву православный люд.

«Подвигом добрым подвизался еси, страстотерпче Христов Георгие, — звучало под сводами храма, — и веры ради обличил еси мучителей нечестие: жертва же благоприятна Богу принеслася еси. Темже и венец приял еси победы, и молитвами, святе, твоими, всем подаеши прегрешений прощение».

День великомученика Георгия Победоносца... Престольный праздник древнего храма погоста Камно! Здесь, в этом удивительном уголке земли Псковской, во всякое время года тихо и благодатно; когда бы ты ни приехал сюда, ничто не возмутит твоего духа. Но этот день особенный, единственный в году, и душа от того переполняется радостью...

А как, должно быть, радовался, как ликовал сердцем, батюшка, протоиерей Валентин Мордасов, когда совершал такие торжественные праздничные богослужения, когда возглашал во время молебствия: «О всехвальный, святой великомучениче и чудотворче Георгие! Призри на ны скорою твоею помощью, и умоли Человеколюбца Бога, да не осудит нас, грешных, по беззакониям нашим, но да сотворит с нами по велицей Своей милости...»

И с каким умилением, с каким упоением духовным, подхватывали верующие слова запева: «Святой великомучениче и победоносче Георгие, моли Бога о нас!»

Да, воистину велика радость веры! Чувство братского, христианского единства, пастырского тепла, заботы, отеческой молитвы! О, как все это знакомо духовным чадам протоиерея Валентина Мордасова! Уж четырнадцать лет как ушел он под вечные небесные кровы, в селения праведников. Но все также живо ощущение его присутствия рядом с нами: нет-нет, и почувствуешь вдруг благодатное тепло его пастырского благословения, услышишь его голос, призывающий жить по вере, покрывать всех любовью и снисхождением, побеждать зло добром...

Я иду мимо батюшкиного домика, приостанавливаюсь, смотрю на знакомое до боли крылечко... И вдруг понимаю, почему замедлил шаг, остановился: причиной тому странная надежда увидеть батюшку — увидеть его присевшем, как бывало это в прежние годы, для краткого отдохновения на скамеечку, поймать его внимательный и такой добрый взгляд, подбежать к нему, поклониться, обнять... Увы, уж не случится этого в этой земной жизни, но дай Бог, чтобы когда-нибудь это все-таки произошло. Надеюсь на это: буди, буди!

Двигаюсь через погост по каменным дорожкам, повсюду кресты, надгробные памятники. Вспоминаю батюшкины слова: «У Бога нет мертвых, но все живы» (См. Лк. 20, 38). Трудно вместить эту мысль, трудно представить, что все, кто обрел место упокоения на этом старом кладбище, все до единого, живы также как и мы, и также как и мы, чего-то ждут и на что-то надеются. Нет, скорее неопределенность — это для нас, обитателей земной юдоли, а у них всё определено — ждут они милости и молитвы от нас и надеются на милосердие Божие. Все богатства мира и вся его власть для них несравнимо малы рядом с единственным «Господи, помилуй» на церковной службе. О, сколько великих и важных дел для своей жизни, своей судьбы можем сделать мы, пока еще не избывшие «последняя своя»? Сколько раз можем произнести это великое прошение «Господи, помилуй»? Какому числу нуждающихся помочь? Но мы, увы, либо выбираем «челси» и «куршавели» или завидуем тем, кто это делает. Да уж, воистину, помни последняя твоя... (См. Сир.7, 39).

Здесь на погосте, где встречаются миры, где завеса над тайным приоткрывается для имеющих глаза, легко думается о вечном. Да, ее невозможно объять и вместить, но можно признать ее права и взглянуть на мир с ее, вечности, точки зрения. Как это сделать? Да очень просто. Вот рядом с тобой честный работага страдает, едва влачит свою нищую жизнь, а рядом зарвавшийся хапуга-чиновник живет в довольстве и богатстве. «Где справедливость?» — спрашиваешь ты. Ты видишь, что умирает невинный ребенок, а продавшийся ворах страж порядка наслаждается жизнью и здравствует. «Где Ты, Бог?» — уж в полный голос восклицаешь ты. А Бог рядом с тобой, Он поддерживает тебя под руку, чтоб ты не упал и указывает десницей в вечность: «Там ваша подлинная жизнь, там вознаградится праведник и будет утешен страдалец, там обретет наказание беззаконник».

Вот так, с точки зрения вечности ты можешь разглядеть и понять, что любое земное, будь то страдание или наслаждение, коротко, по сравнению с будущим, грядущим, неземным. Что может сравниться с вечностью?

И чтобы понять это, не надо иметь семи пядей во лбу. Достаточно просто верить в Бога и быть православным христианином не на словах, а на деле. Так духовные чада отца Валентина, как правило, люди преклонных лет, из незнаю-

щих премудрости наук рабочих и крестьян, легко вмещали в себя представления о самых высоких смыслах христианского учения. Батюшка не требовал многих знаний, «надо, говорил он, с благоговением, радостью и с благодарностью к всеблаговому Отцу Небесному принимать к своему назиданию то, что доступно нашему разумению, при руководстве Святой Церкви. Жаждущему, когда стоит у реки, не нужно выпивать всю реку, а довольно выпить столько воды, сколько потребно для утоления жажды; так и христианину из мирян нет нужды знать всё или даже очень много, а надо знать то, что необходимо для спасения души». Стою у могилы протоиерея Валентина. Служба закончилась, почти все прихожане разошлись и я здесь сейчас один. Батюшка говорил, что при посещении усопшего, хорошо прочитать правило Серафима Саровского. Читаю...

Почему-то всплыла в памяти беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни. «Радость моя! — сказал преподобный Мотовилову. — Молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысяча душ спасётся около тебя!» Нет, не только Мотовилову, всем нам сказал. Но выполняют этот наказ единицы, такие, как отец Валентин. Тысячи спасались рядом с ним при его жизни и сейчас число это не умаляется. А та благодать, которую стяжал он подвигами и трудами, по милости Божией, стала благословением и самих этих мест. Вот почему так радостно здесь находиться и коль побывал тут раз, хочется непременно вернуться. Господи, как же легко здесь дышится!

Иду в новый приходской дом, строительство которого недавно, с Божий помощью, было завершено. Дом большой просторный в два этажа. Привечает меня и угощает чаем нынешний настоятель прихода протоиерей Алексей Вовченко. Знаю этого священника много лет, как доброго пастыря, искренне почитающего и любящего старца протоиерея Валентина Мордасова. Отец Алексей делится радостью: вот наш новый дом причта; здесь и трапезная, и воскресная школа, где окормляются не менее двадцати детей, и несколько комнат для паломников, количество которых год от года не убывает.

Я вспоминаю, как в начале девяностых батюшка Валентин сетовал, что негде привечать приезжающих издалека паломников, тогда их число стремительно росло. Чтобы дать им хоть какой-то прият, построили тогда несколько похожих на шалаши сарайчиков: пусть и без всяких удобств, но зато крыша над головой есть. Уверен, что останавливающиеся там паломники были безмерно счастливы. В новом доме намного удобнее и уютнее. Если бы еще и батюшка Валентин был рядом...

Но он и так рядом. Об этом как раз говорит отец Алексей:

— Нам бы самим никогда не построить. Приход наш человек тридцать, от силы пятьдесят. Это немощные, неимущие старушки. Откуда у них средства? А батюшкиным ходатайством, его молитвами построили хороший дом, в котором можно принимать паломников, учить деток вере православной.

— За последние годы вышло много батюшкиных книг, интересуются ли ими люди, читают ли? — спрашиваю я.

— Читают и бесконечно батюшке благодарны, — отвечает отец Алексей, — ведь сейчас в основном, приезжие не те люди, что знали батюшку при жизни, а те, которые познакомились с ним по его книжкам после его кончины. Это любовь к

батюшке привлекает людей. Они приезжают сюда и видят, что не ошиблись, что состояние радости духа связано с этим святым местом

— Чем вы объясните, что батюшкины книги имеют такой спрос?

— Они доступны для сердца, касаются не общих тем, а каждой души человеческой. Книги содержат живое слово батюшки, ведь он хотел, чтобы народ спасался, у него было страдание за народ. Зримые чудеса происходят по молитвам батюшки. Так часто бывает, что люди боятся холодной воды источника. Приходят и жалуются, что хотелось бы окунуться, но вода страшно холодная. Либо ссылаются на болезни, например, болезнь почек. Кстати, не раз было замечено, что в холодном источнике с ледяной водой исцеляются почки, как это ни парадоксально. Так вот, говорят, что холодно, что боятся купаться. Мы их направляем к батюшке: «Попросите, он вам водичку подогреет». Потом приходят с округлившимися глазами и сообщают, что окунулись и не почувствовали холода, что водичка была такая тепленькая. Вот так батюшка исправляет кривые дороги, сглаживает острые углы, делает для человека все исполненное любовью Божией.

Случаются и настоящие чудеса. Так недавно мне рассказал один раб Божий. Он был военный, получил травму: у него была повреждена рука, его преследовали жуткие боли. Ходил он по госпиталям, но состояние не улучшалось. Прибыв сюда, в Камно, он побывал на могилке, обратился с молитвой к батюшке, окунулся в источник, в тот же миг у него рука исцелилась. Зовут его Рустик. Дай Бог ему здоровья, чтобы он и впредь служил Господу.

Как-то еще один больной здесь побывал. У него тело было покрыто шишками размером с яйцо. Врачи говорили, что без операции не обойдешься. Имея крепкую веру, упование на Господа, он с паломниками пришел сюда, на могилку к батюшке. Молился, окунулся в источник. После первого же окунания шишки у него уменьшились. Он приезжал еще несколько раз и полностью исцелился от тяжелой болезни — без врачей, по молитвам к Господу, к Его угоднику батюшке Валентину.

Мы разговаривали с отцом Алексием еще достаточно долго, и все это время вокруг нас кипела приходская жизнь: кто-то приходил к священнику за благословением, кто-то — за советом, сновали туда-сюда маленькие детки, за стеной распевались клиросные певчие. «И за всем этим, — подумалось мне, — присматривает батюшка Валентин: где надо — поможет, где надо — предостережет, где-то — направит, где-то — остановит». Таково любящее сердце пастыря: и после смерти не оставляет он попечений о родном приходе и духовных чадах.

Уезжал же я, сохраняя в памяти слова отца Алексия, сказанные им в завершении нашей беседы: «Каждый, кто слышал живое слово батюшки Валентина, кто читал его книги, ощутил, что это необыкновенный человек, что это человек, исполненный благодати Духа Святого, исполненный любви. Потому и слова его столь легко ложатся на сердце, проникают в душу, и люди живут этими словами, укрепляясь той любовью, которую открыл им батюшка. Как отец родит сына, так и он рождает своих чад, напоая их любовью Христовой».

А небо над погостом Камно оставалось все таким же прозрачным и бездонным... Над местом, где встречаются миры!

* * *

Ещё прохладно. Но местами
Уже закончился мороз,
И Эос тонкими перстами
Перебирает краски роз.

Светает. Ровная дорожка
Вот-вот засветится, горя,
И в домик мой через окошко
Войдёт весенняя заря.

Закрыта дверь, запёрты сени,
Стоит погода на нуле,
Но бусы ландышей весенних
Благоухают на столе.

2013

СВЕТЛОЕ НЕБО

Светлое небо среди января,
Отсветы падают ниц.
Где загорается утром заря
В прорезях мёрзлых ресниц?...

Что ты бредёшь, виноват без вины,
Волею снов или слов —
Что ты забыл посреди тишины
В царстве арктических льдов?

Выверив странные карты свои
Вновь спозаранку не спишь —
Сзади протянутся две колеи
Старых потрёпанных лыж.

Снова стоять на ином рубеже —
Это не блажь и не спорт,
Компас светящейся стрелкой уже
Вновь указывает на норд.

Смутная прорезь свободной воды,
Посвист позёмки вдогон,

Чёрные скалы и синие льды,
Белая скатерть снегов...

2008

* * *

Небо — это скатерть,
Тучи — это путь, —
Светит на закате
Золотая ртуть.

Вот лесные блики
Потаённых грёз,
Розовые лики
На стволах берёз,

По полям-рубашкам
В тених темноты
По лесным кармашкам
Спрятались цветы.

Рядом — духовитый
Перевитый хмель
И жужжит сердито
Запоздавший шмель.

Евгений Борисов

КАРТОШКА

Вспомнилось снова
Военное детство.
Бабушка сыплет
Опилки в тесто.

А на толкучке
Отдай — не дрожи,
Пару ботинок
За чашку ржи.

И, на птенцов
Исхудалых похоже,
Мы за картошкой
Ходили мороженой.

И за обедом
Картошки остатки
Ели без соли,
Как яблоки сладкие.

И, чтобы руки
Не замерзали,
Мы по картошине
Жаркой совали

В прорезь карманов
(Средство от стужи),
Грели нас клубни
Перчаток не хуже.

Долго спасало нас
Поле за елками,
Там, где картофель
Вместе с осколками.

Николай Иванов
(Великие Луки)

ПРОЩЕНИЕ

Уходят прожитые сутки
И вспомнишь все, что было днем:
Дела, слова, обиды, шутки,
Глаза, горящие огнем.

Ты рад за всех, кого увидел:
Опять здоровья дал им Бог.
И сожалешь, что обидел,
Ненужных слов сдержать не смог.

Ты попроси тогда прощенья,
За плечи дружески обняв.
Вольется в сердце облегченье,
Даря покой остатку дня....

И знай, виновен ты пред Богом
За все деяния свои;
Склонись перед Его порогом,
А гнусных слов не говори...

ВОЗМЕЗДИЕ

Живу. Мой век теперь не плох.
Была война, терзали войны.
Но знаю, что никто не помнит
Таких ужасных катастроф.

От Бога было наказание...
Читаю Библию о том,
Как исчезало мирозданье —
Всемирный двигался потоп.

И вспышки были эпидемий,
Голодомор, холера, тиф...
Я не знавал таких явлений,
Назад години прокрутив.

Сгорела грешная Помпея,
О том историки не врут.
Пишу, конечно, сожалея,
В ней процветали пьянство, блуд.

Помилуй Боже тех, что верят
И наказания не ждут.
По Слову дни свои измерят,
Тропой тернистою пройдут.

Им помогает сила духа.
Который укрепляет Бог,
Поскольку входит в Божье ухо
Раба молитвенный зарок.

Воспрянь в молитвах вся Россия
И веру в Бога обрети.
В тебе такая скрыта сила,
Такие мощные пути.

Пускай уверенней пилоты
Сжимают вверенный штурвал...
Ведь спросит Бог однажды: «Кто ты?
Какие клятвы ты давал?»

НАДЕЮСЬ, ВЕРУЯ И ЛЮБЯ

Встречи накануне Пасхи

Более пяти веков самобытная Печорская земля остается духовной святыней, куда устремляются паломники со всех концов России и мира, находя здесь живой источник для духовного прозрения, покаяния и утешения.

Когда смотришь на торжественные печорские храмы, невольно задумываешься о единении исторических и духовных корней на Псковской земле. На Соборной площади, недалеко от Псково — Печерского монастыря, стоит бело-снежная церковь Сорока Мучеников. Мало кто знает, что конструкция храма выполнена в форме морского корабля, который, по замыслу архитекторов, должен бороздить бушующее житейское море с его неутихающими ураганами и бурями.

Глубоко символично и само название церкви. Оно тоже уходит в далекую старину, в четвертый век прошлого тысячелетия, когда Сорок воинов римского легиона оказались на льду Севастийского озера, что расположено в Армении. По преданию, чтобы облегчить муки умирающих воинов, Бог послал им светоносные венцы, которые растопили озерный лед и тем самым облегчили страдания воинов — мучеников.

До 16-го века церковь находилась на территории монастыря и символизировала укрепление воинского духа защитников крепости. И только при наместнике Корнилии она была вынесена за пределы монастырских стен, тем самым освободившись от строгих монастырских канонов, запрещающих в пределах обители исполнение таких церковных обрядов, как крещение, венчание и погребение рядовых мирян. Последний кирпичный вариант церкви возник в 1817 году. А до этого было несколько аналогов в деревянном исполнении, которые часто погибали в огне пожаров во время вражеских нашествий.

Встреча первая

Соборная площадь, от торговых рядов и до самых монастырских ворот, представляет собой средоточие городской суеты и торжественной церковной умиротворенности. Здесь одновременно уживаются многоцветие вывесок и витрин магазинов, шум автомобилей и одухотворенная тишина храмов, где через проникновенные молитвы идет устремление к Богу и познанию истины жизни.

Белоснежный фасад церкви Сорока Мучеников излучает трепетный свет, который, преломляясь в проёмах колокольни, плавно обтекает изумрудные церковные купола, застывая золотым свечением на крестах храма.

На встречу с настоятелем прихода о. Григорием я шел в самый разгар Великого Поста. Шел с некоторым душевным смятением, предварительно перелистав богословские книги. Честно говоря, с духовным лицом журналистская судьба сталкивала меня впервые. А повод для встречи был знаменателен вдвойне. В

этом году о. Григорий отмечал сразу два юбилея: серебряную свадьбу и 25-летие церковной службы.

Утреннее богослужение подходило к концу. В храме стоял таинственный полумрак. Теплая позолота иконостаса, холодный отсвет подсвечников, притемненное мерцание лампад, запах горящих, оплывающих свечей, строгие лики святых на иконах — всё это настраивало душу на возвышенный, исповедальный лад, наводило на размышления о вере и жизни.

Слушая мелодичный, голосовой речитатив проповедника, невольно вспомнились рассуждения архимандрита Иоанна (Крестьянкина), проповедника-прорицателя, который восковой свечой тихо угас несколько лет назад в стенах Псково-Печерского монастыря: «Мира нет. Мира нет никогда, Господь принес в мир не мир, но меч. И вот этот меч Господень рассекает до самых последних глубин, а успокоение, и утешение, и осмысление приходят только в вере...»

О. Григорий вышел ко мне через боковую дверь алтаря. Лицо, обрамленное темной бородкой, кажется, просветлено какой-то особой внутренней красотой. Очень проникновенная, живая манера говорить:

— Вы уж извините, я освобожусь минут через пятнадцать. Вот только отслужу заупокойную литию.

И он ушел в притвор храма, откуда через несколько минут раздался его бархатистый голос, делавший акцент на именах усопших в молитвенных песнопениях. Прихожан в церкви было немного. Здесь можно было увидеть в основном людей пожилого возраста. Но вот неожиданно слева от себя заметил молодое, девичье лицо. Коленопреклонённая девушка с упоением крестилась, пригибаясь в поклонах, и в ее взоре, обращенном к распятому Христу, светилась искренняя вера. И опять вспомнился Крестьянкин: «Нынешние чада церкви совершенно особые. Они приходят к духовной жизни, отягченные многими годами греховной жизни, извращенными понятиями о добре и зле. Слыша слова наставления от духовников, такие простые и, казалось бы, такие доступные, они не могут принять того, что усваиваются и понимаются эти жизненные истины лишь тогда, когда они исполняются самой жизнью...»

О. Григорий был в простом черном подряснике и с серебрянным крестом на груди. Уходящие со службы прихожане то и дело подходили к нему за благословением. И осеняя крестным знаменем очередного прихожанина, священник рассказывал о своей жизни, то и дело щуя живые, черные глаза.

Родился он в потомственной семье священника, в Подмоскovie. Семья состояла из десяти человек. И что интересно: из девяти братьев шестеро пошли по стопам отца-священника. А трое из них служат сегодня в Печорах. Принял духовный сан о. Григорий после окончания Московской Духовной Семинарии. Три года служил диаконом в Великих Луках, а потом содержал приход в деревне Качаново Палкинского района, после чего в 1985 году его направили в Печоры.

В разговоре о. Григорий каждую высказанную мысль то и дело подкрепляет откровенной и ясной улыбкой, идущей из самой глубины души, и выявляющей, в общем-то, оптимистический взгляд на жизнь, который сформировался за четверть века служения и истинной веры в Бога:

— Что такое вера? — философски рассуждает о. Григорий. — Она в своей сущности идет от сердца, а ум при этом должен быть в роли стража. Но если нет глубокой веры, а преобладают сердечные чувства, страсти, греховные привычки, то ум не в состоянии обуздать эмоции, и человека как бы «захлестывает» в чувственных проявлениях, таких, как пьянство, разврат, наркомания и других пагубных страстях, то есть, человек полностью подчинен этим слабостям и не может управлять собой.

Хотя, по твердому убеждению собеседника, человек должен приучать сердце к сдержанности, в первую очередь, к ограничениям в чреугодии. А это как раз и дают четыре церковных Поста в год, и самый продолжительный из них Великий Пост. В это время идет напряженная борьба между душой и телом. Человек учится преодолевать и познавать себя.

— Значит, познать себя — это великое и не всегда доступное счастье?

— Да! Если человек сумел познать себя, то это дает ему возможность приобщения к заповедям Божьим. А одна из них призывает: люби ближнего, как самого себя. Значит, человек не сможет осуществить это благо, если не познает самого себя...

Церковный служитель гасил лампады и свечи, и церковь погрузилась в еще более плотный полумрак, в котором стройное, красивое тело распятого Христа с мученически склоненной головою казалось светящимся и живым.

— Вот и венчался в этой церкви 25 лет назад, отсюда, наверное, и на покой уйду, — уже у самого порога исповедально проговорил отец Григорий.

Щелкнул дверной замок, и я вновь окунулся в шум мирской суеты.

Встреча вторая

В вечернем сумраке церковь Сорока Мучеников кажется особенно красивой и торжественной. Тем более, в этот субботний день православные христиане чтили Божию Матерь, как Воеводу, как «защитницу от врагов видимых и невидимых». А исторически этот церковный праздник связан с древним Константинополем, во время нашествия на Византию скифов. По преданию, защитники города скрылись в одном из храмов и усиленным молением просили Божию Матерь защитить их от гибели. И Она услышала эти мольбы, и потопила вражеские корабли.

Службу вел о. Григорий. В парчово-бирюзовой ризе с вдохновенным лицом, обращенным к иконе Пресвятой Богородицы, он молился вместе с прихожанами.

— Радуйся, Невеста Невестная, взбранной Воеводе, победительная, — рокотал мелодичный баритон священника. И тут же на этот призыв отзывался церковный хор. Гармоничные звуки песнопения поднимались от клироса, набирали силу и уходили под церковный свод, застывая там торжественным эхом.

Ко мне подошел служитель церкви, щупленький, лысоватый старичок, и заговорщически зашептал, указывая на красивую церковную люстру:

— А вон то большое паникадило церкви подарил еще Николай II во время посещения в начале прошлого века Печорского края.

Паникадило, действительно, впечатляло. Но вот погас свет на алтаре, умолк хор — служба завершилась, и появился о. Григорий, простоволосый, и, кажется, совсем не уставший после двухчасовой службы. И как бы продолжая наш предыдущий разговор, он опять возвратился к теме самопознания.

— Знаете, порой человеку не хватает жизни, чтобы познать самого себя. И чем раньше придет к нему это познание, тем быстрее он начнет отвращаться от всего богопротивного. И если человеку все-таки не хватило времени для самопознания, поверьте, он уходит из жизни подавленным и угнетенным.

— А что же все-таки дает вера в Бога?

— Покойный митрополит Антоний отвечает так: «Материально ничего». Но если признать, что тело без души — труп, то тогда мы начинаем понимать, что духовное — это основа человеческой жизни. Что на сердце человека, то и в жизни его. И только на основе духовного происходит «просветление» человека, приближение его к Богу. Бог-свят, Бог-благо.

— А все-таки человек — это создание Божественного промысла или конкретной живой природы?

— Все мироздание, и космос, и планета Земля — все материально и одновременно творение Божие. А человека Бог создал в порыве своей творческой благодати. Поэтому мы и славословим Его, как своего Творца.

— Но если Он Творец и Спаситель, почему на земле до сих пор столько зла?

— Войны, кровопролития и человеческие страдания — это проявление свободного выбора человека. А Бог создавал не земное, а Небесное Царство. Он говорит: «Царствие Божие внутри вас есть». То есть, Бог создал мир и благоденствие внутри нас, разрушая в нас царство греха. Вот в этом плане Христос и является Спасителем.

— Однако за духовной помощью в церковь идут конкретные живые люди...

— Да, они стремятся принести Богу все свои скорби и радости. Но мы иногда не понимаем, что жизнь наша временная, и забываем о своем бессмертии. На земле много зла. Отсюда и все скорби человеческие. А что мы видим сегодня в нашей жизни? Кровь, насилие, стремление к наживе и обогащению. Нужно помнить, что человек — это предмет Божьей заботы и зловредной дьявольской работы. В человеке должен быть свободный выбор к Богу и отвращение к дьяволу. Поэтому главное в человеке — это ограничение пагубных страстей и трудолюбие. Ну а стремление к необузданному обогащению приносит человеку одни страдания, социальные и нравственные. Ему приходится лгать, прятаться от долгов и при этом страдает он сам и его семья. Православие и призывает человека к скромной, трудолюбивой жизни. И примером этого является сам Христос Спаситель. Ведь Он жил в скромной хижине, работал плотником. А когда Его распинали на кресте, у Него из одежды остался только один хитон.

В разговоре о. Григорий удивляет прежде всего своей открытостью и искренностью. Он одинаково легко говорит и о Божественном и человеческом, церковном и личном.

— Для верующего человека существуют какие-то ограничения в мирской жизни? — спрашиваю я без всякого лукавства.

— Да, существуют, — непринужденно откликается о. Григорий, и тут же начинает развивать свой очередной богословский тезис, при этом подкрепляя свои слова конкретными примерами из личной жизни. К православию он пришел довольно легко. Помогло, как он говорит, родительское начало. Ведь с Богом он родился, крестился и женился. Хотя, как и все, он учился в школе, занимался спортом, служил в армии, работал токарем на крупном машиностроительном заводе, и только после учебы в Духовной Семинарии окончательно ступил на Божественную стезю.

И сегодня его одолевают, как и всех нормальных людей, многочисленные мирские заботы. Вот и дом нужно отремонтировать, и дрова расколоть, а потом, справившись с хозяйскими делами, и книгу интересную почитать, и музыку душевную послушать.

Из литературы, как честно признался о. Григорий, он отдает предпочтение богословской. От этого, говорит он, происходит просвещение ума. А вот из художественной очень любит читать русские народные сказки и басни. Не чурается он, конечно, и газетно-журнальной периодики, при этом вырезая и сохраняя наиболее интересные статьи и материалы. Музыку он тоже выбирает по настроению ума и сердца.

С интересом он рассказывает о своей работе настоятеля.

— Коллектив у нас сравнительно небольшой и дружный, начиная от церковного старосты, который в основном занимается вопросами содержания и благоустройства храма, и кончая регентом хора, который отвечает за церковное пение.

— Вот говорите, что воспитали с матушкой пятерых детей. Наверное, было трудно?

— Как же, воспитали с Божьей помощью. Мир не без добрых людей. А о четырех церковных Постах разве забыли? — с некоторой лукавинкой переспросил священник. — Они, в принципе, дают солидную экономию денежных средств.

И о. Григорий опять улыбнулся на прощание светло и доброжелательно...

Встреча третья

И в третий раз мы встретились с о. Григорием после окончания службы. И опять при входе в церковь я почувствовал какой-то внутренний трепет, глядя на фрески с изображением Сорока Мучеников, строгие, иконописные лики Христа и Его учеников, святой княгини Ольги и преподобного Сергия Радонежского.

Настоятель церкви, видимо, поджидал меня, и тут же усадил на лавку в середине храма. А вопросы к нему были очень серьезные и замысловатые:

— Вот говорят, что русский человек как личность якобы не состоятелен без православной веры? — начал я разговор опять-таки с «трудного» вопроса.

— Да, Россия всегда была православной, конечно, кроме ее древнерусского языческого периода. Но потом истинное православие, как мне кажется, начали

подменять излишней, обрядовой культурой, и возобладали внешняя сторона церковной жизни. А если у человека нет внутренней потребности к вере, все внешнее становится бессмысленным. И поэтому сегодня в России не так уж и много людей, непосредственно живущих с Богом в душе.

— Но Церковь, хотя и отделена от государства, сегодня как-то восстановила свое духовное и нравственное значение в обществе?

— На этот вопрос трудно ответить однозначно. Посмотрите, что делается в российском обществе в последнее десятилетие?. В таких условиях человек теряет прежде всего свою духовность. А он может отвратиться от злых и грешных помыслов только тогда, когда увидит в другом человеке отблеск вечной жизни, пока не прикоснется душой к свету прозрения. Вот почему Спаситель и рассекает своим Божественным мечом мировое пространство на свет и тьму. Что победит, мы точно знаем.

— А как относится сегодня Богословие к научным достижениям?

— Богословие не отвергает научных открытий. Но приветствует их, так сказать, в чистом виде, без всякой политической и идеологической подоплеки.

— Как духовный пастырь, что вы думаете сегодня о чаяниях простых людей?

— Как всегда они находятся в заботе о хлебе насущном. А, в принципе, человеку много и не надо. Человека губит только страсть к материальным излишествам и порокам.

— Сегодня роль священника в жизни общества стала более значимой?

— Да, мы посещаем по приглашению руководства школы, воинские части, детские учреждения. Иначе нельзя. Получая крест, священник принимает от Бога и наставление: образ свой блюди верным словом и житием.

— А человек может сомневаться в вере?

— Вера и сомнение ходят рядом. Я хоть и родился в семье священника и четверть века служу в этом чине, но прошел все трудные стадии становления и познания веры...

И опять о. Григорий степенно провожал меня до дверей храма. На прощание он сказал:

— Знаете, быть священником — это не традиция, это истинное призвание. Это, если хотите, настоящее подвижничество и добровольное мученичество. Священник — горящая свеча, тот негасимый пламень души, который духовный пастырь отдает Богу...

... Несколько дней, до самой Пасхи, я ходил под впечатлением встреч с о. Григорием. Конечно, не всё было понятно для меня в его богословских суждениях. И тогда еще большее значение приобретали его честные слова о вере и сомнении. И неожиданно пришло просветление ума. Разве религиозно-философские разногласия с кем-то — это самое главное в жизни? Главное — прожить Человеком на этой земле. Как говорится, пока живу, надеюсь. А, значит, люблю и верую...

* * *

Ты мне кажешься полем
На закате под осень.
Молчаливою болью
Несжатых колосьев.

Ветер стебли ломает,
Губит спелые зерна.
Ни души. Налетает
Ночь орлицей черной.

Неуютно и пусто —
Ни тепла, ни участия.
Шорох, тихий и грустный,
Замирает в ненастье.

Тонет, впитанный небом,
Низким, зябким и строгим...
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге.

ВИШЕНКА

Светлане Молевой

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не бела-бела?
Что же ты закручинилась, вишенка,
От подружек в сторонку ушла?

Им цветется и просто, и песенно —
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Не приветила сиверка вешнего,
Льется грусть из-под строгих бровей.
Ждешь кого-то иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть суховей?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не раскроешься сердцем ничуть.
Но люблю у высокого бережка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Все горит над забытыми крышами
В ненаглядной печали лицо.
На мою невозвратную Вишенку
Ты похоже, горюн-деревцо.

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Ты нынче песни новые поешь,
По-новому смеешься и горюешь,
Ты городу красу свою даруешь.
А я все тут,
Все на себя похож.

Пашу и сею, с мужиками пью
(И хоть бы что без городского быта).
Тревожу совесть —
Страшную судью,
Припоминаю то, что позабыто.

У нас — дыши!
Уж не томит жара,
И желтизною сентябрит из леса —
Приходит стихотворная пора.
Да это все тебе без интереса.

А я все виршами себя лечу,
Жду славу,
Все надеюсь заработать.
Ты хмуришься: «Пегас не по плечу».
Ты гневаешься: «Свой кусает локоть».

Считай, как можешь. Каждому свое:
Ты любишь жить надежно,
Я надеждой.
Спокойной прозой душеньку утешь ты —
Не мне судить твоё житье-бытьё.

Я не собоюсь с дороги, не тужи,
Не прокляну затученное солнце,
Я не один,
Мне есть что петь, кем жить:
Любимая — любимой остается.

* * *

Поклон, поклон, ржаное поле,
Прозрачный брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжег —
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорово, ласковые звери —
Ежи, сороки и ерши!
Ей-богу, с вами хоть пляши:
Душа в добро открыла двери,

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, беспечальный день,
За все, что завтра неминуе.

Георгий Гринберг

* * *

Любовь слепа. В сиянии зари
Она не видит серых красок буден.
Обман простит, обиду позабудет.
Боль стерпит и за боль благодарит.

Любовь слепа, но чарами мечты
Увидит то, чего не видит зрячий.
«Мгновенье чудное» в волненье обозначит
И «Тайною покрытые черты».

Пусть я слеп. Судьба, повремени,
Не торопись срывать с меня повязку,
Не дай прозреть, очарованье сказки,
Поэзии и музыки сохрани.
Не погаси сиянье серых глаз,

И голоса не погаси до срока.
Будь мудрой, трудной,
Но не будь жестокой,
Не прерывай волнующий рассказ.

Судьба, меня к ответу призови,
Казни меня страданием и мукой,
Безумием казни, казни разлукой,
Но слепоту мою благослови!

* * *

Ты, созданная из противоречий,
Тебе, в ком все смешалось, свет и тьма,
Назначено природой человечьей
Сходить с ума или сводить с ума.
В твоих глазах негаснущие свечи,
Твой каждый шаг замечен и отмечен,
С судьбою ты играешь в чет и нечет
И что творишь, не ведаешь сама.

Ты мечешься, ты каждый миг пророчишь
Возненавидеть или полюбить.
Тебя гнетет проблема дни и ночи
«Как быть?» и просто «быть или не быть?»
И пусть мой вклад в судьбу твою не очень,
Он призрачен, прозрачен и непрочен,
Я верю, что меня ты не захочешь
И просто не сумеешь позабыть.

* * *

Охапки зелени повесили,
С березок локоны повисли,
И бесконечно мало весили
Мои мятущиеся мысли.
Во мне мелодия звучала,
Как может в возрасте звучать,
Я захотел начать сначала,
То, что сначала не начать.

Иллюзии вполне приличные
И ароматом и окраской.
На сердце грустное и личное,

ГАРМОНЬ

Рассказ

Глаза и руки бредят лаской.
Я легкой яхтой у причала
Хотел волны не замечать.
Ведь я хотел начать сначала,
То, что сначала не начать.

Потом до боли, до безумия,
Былое в памяти стирая
И, отшвырнув благоразумие
В пучину Ада или Рая
Я захмелел. Меня умчало,
Сломав условностей печать.
Я так хотел начать сначала
То, что сначала не начать.

Потом греховные и быстрые,
Сверкнув, срывались и летели
Мгновенья резкие, как выстрелы,
И бешеные, как метели.
А образ тот, как лик кумира,
Он мне являлся вновь и вновь.
Казалось мне, я — центр мира,
Я — боль! Я — гений! Я — любовь!

В любви сплетаются дороги,
Ручьи, деревья, руки, ноги...
Уста сливаются в любви
В волшебной связке визави...

Очнулся я, и нет движенья,
И нет огня. Померкли краски.
Я выхожу из наважденья,
Из заблуждения к развязке.

В какой-то бледно-серой мути
Исчез безумия кураж.
Я недостаточен по сути,
Мое безумие — мираж.

Пусть эта боль не отзвучала,
Я не умею не звучать.
Увы, нельзя начать сначала
То, что сначала не начать.

8 Марта Шурка не приехала, как обещала, и Михалыч вынужден был праздновать в одиночестве. Ладно сама не приехала, внуков ведь не привезла, балаболка. Злой, Михалыч ходил по квартире в трусах и в валенках. Курил. Теперь он мог дымить в комнате, но эта вседозволенность не радовала.

Вспомнилась Зинаида. Что ни говори, а с бабой все-таки веселее, все-таки по-людски. Впервые в жизни он праздновал в одиночестве. В Новый год подменял сменщицу на дежурстве. И хоть и был один, зато при деле. Ну а двадцать третьего... Двадцать третьего он сидел в зале с гвоздикой в руке, пиджак в орденах, пах одеколоном «Кронштадт». Двадцать третьего да еще девятого мая — это уж, сами понимаете, святые дни. Тут Михалыч никогда в одиночестве не окажется. Всегда отыщется родная душа.

Он выпил из скорлупы сырое яйцо. Вынул из холодильника фруктовый торт. Понюхал. Говорят, их пропитывают коньяком. Нет, торт не пах даже пивом.

И чего не приехали? На худой конец, одних бы отправила. Серёжка большой уже, да и Анечке пять лет. Там бы посадила, а он бы встретил. И езды-то час всего. Эх!

Михалыч включил телевизор. И всплыли из голубого мельтешения дряхленького «Рекорда» девочки с бантами. Смешные скованно-очаровательные движения. Голенькие тонкие ручки. Как у Анечки.

Слезы ливанули, омывая щетину. Не мог Михалыч просто так смотреть на детей. Никогда не предполагал он раньше, что больше всех на свете будет любить внуку Анечку. Когда впервые увидел он её развёрнутой, тощенькой (вес её при рождении был на нижней предельной норме), с кривенькими, крест-накрест поджатыми ножками и этой ужасной ранкой на животишке, он зарыдал, как и сейчас у телевизора, и с тех пор жалость и нежность к ней не покидала его.

Беседовал он с ней буквально с первых дней жизни. И она слушала, не плакала. У матери или же у Зинаиды, бабки, оборется, бывало. А у деда — молчок. Гордился он этим, ну едва ли не так же, как самой славной своей медалью «За отвагу». В ту пору сживал он с ней и пьяненьким, и потому толковали они, в основном, о политике

— Рейгана-то, слышь, на второй срок избрали. Ну ты не бойсь. Он, мазурик, уже шишек-то понабил. Теперь потише будет.

— Гу, гу, — поддакивала внучка.

Потом, когда Анечка уже сидеть стала, любил Михалыч приносить ей шоколадные конфеты. Шурка ворчала, что у ребенка диатез. Но он все равно украдкой совал ей развернутую конфетину и рыдал, наблюдая, как Анечка умазывается шоколадом. Нет, ни Серёжку, старшего внука, ни своих Генку с Валеркой не лю-

бил Михалыч так, как Анечку. Шурка все чаще доверяла деду ребенка, убегая по своим делам.

И чего не жилось? Приехали как-то с дачи, а дома тишина. Шурка перебралась в Николаевку к матери. Насовсем. И детей увезла.

Давно видел Михалыч, что неладно у них с Генкой, да кто ж думал, что настолько. Как выяснилось, у Генки была другая баба. Променять Анечку на какую-то шалаву! От постоянного отцовского гнева Генка сбежал к этой своей мадаме. И в доме стало совсем пусто.

Бродили старики по комнатам, натыкались то на сломанный Сережкин велосипед, то на Анечкину кукольную кастрюльку.

Все надеялся Михалыч, что Генка одумается и Шурка вернется, привезет ребят. Но он расписался со своей мадамой. И прописался у нее. Значит, намертво.

Не вытерпел однажды Михалыч. Накупил игрушек, конфет, поехал в Николаевку. Повидаться. Анечка длинненькой стала, сроду толстой не была, а тут и вовсе: локоточки остренькие, ножки спичечками, а на длинной шейке неожиданно кругленькое и свеженькое личико с яркими губками цветочком. Ах ты Господи! «Деда, а ты почему плачешь?» Теплые ладошки гладят по наждаку щек. Не забыла... Сережка тоже подрос, но в отличии от сестры был крепок и невысок. Уговорил Михалыч Шурку, стали ездить ребята в гости на выходные праздники. Но в последний год только раз побывали они у деда в гостях, так как заболела бабушка, Зинаида. Потом — похороны. После уж отписал про случившееся.

— У младшего же Михалычева сына Валерки детей не было. Они, видите ли, рожать не хотели со своей Виолеткой. Зато бульдога завели. сопливого. Тьфу! Штрафовать бы таких баб с мужиками. Пустоцветы!

Генкина же вторая мадама, та наоборот — никак не могла родить, лечилась даже. Сначала Михалыч злорадничал в душе по этому поводу, считал карой за измену, а сегодня что-то взгустнул, пожалел горемычную Люду, так звали мадаму. А что, может, еще и вылечится, родит ему внуков. Хотя, конечно. Анечку ему никто не заменит.

Эх! Да если б только мог Михалыч, сам бы себе внучку родил! Не стал бы ни перед кем унижаться.

Вот тебе и праздник называется. Не одному же пить. К сыновьям же, а вернее, к их женам с поздравлениями идти не хотелось. Уж лучше к Николаю. Вот уж родная душа. А что, водка есть, торт для такого дела тоже к стати. Музыка. Михалыч потянулся, достал со шкафа из-под вышитой салфеточки гармонь-подружку, весело гуркнувшую басами.

Дверь открыла жующая Лера. И первое, что увидел Михалыч в ее глазах, был испуг. Электрическим импульсом испуг перескочил в руки, и теперь уже Михалыч испугался, что Лера сейчас захлопнет перед ним дверь. Но она, видимо, вовремя узнала Михалыча.

— Дядя Ваня? Я вас не узнала. Вы к папе?

— И к тебе, — протянул Михалыч торт в нитяной авоське.

— Ой, вы понимаете...

Но в это время в глубине прихожей появился Николай.

— Ваня!

— Колюня!

Лера растворилась в комнатах. Михалыч переступил порог, определил пискнувшую гармонь на тумбочку и заобнимал, заколотил по узенькой старицкой спине друга.

— ...и с гармонью, — вырвались из комнатного женского шепота тревожные слова.

— Ну раздевайся, раздевайся, — приглашал Николай, — да пойдем покурим.

— Ага, пойдем, — согласился Михалыч, ступая в туалет. Курить здесь полагалось в туалете. Он занял свое привычное место на унитазе. Николай пристроился на краю ванны. На сколоченный хозяином сундучок Михалыч поставил бутылку.

— Ну, за женский праздник.

— Счас, погоди.

Хозяин исчез и через минуту появился с двумя чашками и салатницей. Салат был наполовину съеден, сверху кинута два розовых ломтя колбасы.

— Постой, а поздравить-то! Я и торт принес.

— Да сиди ты! Пей, закусывай. Не видали они твоего торта.

— Неудобно же. Ввалился, не поздравил, ничего. У меня и гармонь

— Давай лучше выпьем.

— Я разве против. Бабы не обиделись бы.

— Не обидятся. Пей.

Поплыли в легком хмельном туманце кафельные стены сортира, полотенца на крючках, мочалки на веревках.

— Слабый я стал, хмелею быстро. Раньше-то бывало... Слышь, я ж с гармонью! — снова сорвался с унитаза Михалыч.

— От до чего же ты шепотной мужик! — едва успел ухватить его хозяин. — Гармонь, гармонь... У нас соседи, знаешь какие. Чуть что, сразу в милицию. Гармонь ему! Ешь вот лучше. Закусывай.

Михалыч попытался изловить в салатных охлебках горошину, но она все соскальзывала с вилки.

— Понимаешь, какое дело, — вздохнул Николай, — Лерка сегодня своего начальника пригласила с женой. У них там место одно освобождается на работе. Понимаешь?

— А... Ну дак. Это конечно.

— А она, жена-то его, такая церемонная. Я уж и сам истомился. Скорей бы ушли.

— Давай я их развеселю.

— Куда?! Сиди, тебе говорят! Слушай, Вань, — Николай молитвенно сложил руки на груди, — ты свой человек. Приходи в другой раз.

— Ну дак чего ж, — смущенно крикнул Михалыч. — Можно и в другой раз. Я всегда рад.

— И я рад! Когда я тебе не рад, сам знаешь.

Растроганный, Михалыч, обняв, похлопал приятеля по спине. Робко звякнули медали. Уже одетый, Михалыч вспомнил про торт.

— Я ж так и не поздравил!

— Да брось ты! Я сам отдам. Скажу, что от тебя, — поспешно впрягал Николай гостя в гармонь. — Иди!

После полумрака квартиры молодое мартовское солнце слепило глаза.

— И-эх! — рванул Михалыч старенькие меха.

— Когда б имел златые горы

И реки полные вина...

Прохожие заборачивались на него.

— Дорогие женщины! Поздравляю вас с праздником, — облюбовав в толпе одинокую интеллигентную девушку, с жаром произнес Михалыч. Девушка презрительно повела плечом и отвернулась. «Стесняется», — понял Михалыч. Но любовь и нежность, и жалость к ним, словно все они, люди на улице, были его Анечками, выпирала из него.

— Вы все такие красавицы, — обратился он к разноцветной стайке шестнадцатилетних девчонок. — У вас у всех будет любовь и много-много счастья.

Девчонки захихикали, соря семечками на тротуар.

— Напьются, а потом хулиганят, — прошелестела рядом положительная старушка.

— Эх, мамаша, и чего ты такая сердитая? — повернулся к ней Михалыч. — Все равно, я и тебя поздравляю. Живи долго.

Михалыч вздохнул и пошел по улице дальше.

А не сходить ли ему к Валерке? Приглашала ведь Виолетка-то. И чего он на них злится? Полосатые штаны парень носит! Ну так и ради Бога, хоть розовые в цветочек. И на кобеля ихнего ополчился. Может он и сам не рад, пес-то, что бульдогом уродился. Прийти, выпить мировую... Да, выпить! Выпито уже. Нет, он, конечно, не жалел, что выпил с другом. Колька — это ж, — Михалыч вздохнул мечтательно, — родней брата родного. А Леру, значит, на работе повышают. Ну и дай-то Бог. Девушка она хорошая, уважительная. Всё «дядя Ваня» да «дядя Ваня». Хорошая девушка.

В нежных сумерках вспыхнули голубым буквы над Михалычевой головой. «Продукты». О! Надо зайти, хоть пряников каких купить Виолетке в подарок.

Покупателей в магазине не было. Две женщины в синих фирменных жилетках, разговаривая, не обратили внимания на посетителя. Кассирша, зевая, глядела на часы.

— Женщины, да идите вы все домой к мужьям, к детям, к любовникам. Что вы тут маетесь?

— Ой, и не говори, дедуля, — охотно поддержала разговор кассирша, молодая, лет двадцати восьми, быстрая, ловкая, к таким всегда охотней выстраивается очередь в часы пик.

«Вот и Зинаида такой же шустрой была», — подумалось Михалычу

— Где мои молодые годы?

Кассирша прыснула. Две другие продавщицы прервали разговор. Желая развеселить их и понравиться симпатичной кассирше, Михалыч растянул меха и негромко, но проникновенно, завлекаясь глядя на кассиршу, запел:

— Еще не вечер. Еще не вечер.

Ошибок прежних мы уже не совершим.

Он всего лишь второй раз играл эту песню и потому не разучил ее толком, но всегда догадливые его пальцы сами нажимали куда надо. И веселая кассирша, вытянув шейку и поводя плечами, танцевала, сидя в своей кассовой загородке.

— Ох Раиса, придется твоему Олегу доложить, как ты тут мужчин завлекаешь, — пошутила пожилая, с бедненькими морковного цвета кудряшками, продавщица.

И только одному человеку не понравился Михалыч — второй продавщице, рыхлой, словно из дрожжевого теста испеченной, даме с толстыми рубиново-красными губами, глядя на которые, Михалыч вдруг подумал про вампира.

— Шли бы вы домой, гражданин. Не мешайте людям работать.

— Так ведь нет же никого, — возразил Михалыч.

— Галин Ванна, — вступилась Раечка, — он же не дерется, не ругается — песни поет.

— Странные у тебя вкусы. Раиса, — пожала плечами вампирша.

— Эх, милая дамочка, — вздохнул Михалыч, — вроде и женщина вы видная, только я думаю, скучно вы живете и мужчины вас не любят.

Раечка и та, с морковными кудряшками, дружно прыснула, но тут же испуганно проглотили свой смех. Лицо Галины Ивановны побагровело, так, что кровавые губы стали незаметны на нем.

— Так. Еще и оскорбление.

— Так ить я ж по-доброму. Я к тому, что доброму человеку на свете жить веселее.

— Если вы н е м е д л е н н о не покинете магазин...

И она удалилась, величественная, как египетская царица, впечатывая шаги в звонкий пол торгового зала.

— А ты еще и провидец, дедуля, — заговорщицки сообщила Раечка. — От нее и вправду муж к другой бабе бегаёт.

— Эх, люди... — Михалыч присел на низенький столик, предназначенный для раздаточных корзин, чтобы было удобней, и заиграл свое любимое. Он всегда играл э т о , когда ему было особенно хорошо или особенно грустно. Каждый раз это была чуть-чуть иная музыка, потому что сам Михалыч в разные моменты жизни бывал всегда немножко новым, не таким, как день назад. Вся жизнь вокруг него с синим мартовским небом, с Анечкой, с другом Николаем, с молодой и ловкой Зинаидой — со всем, что было ценным и дорогим, проходя через Михалычеву душу, преображалось в звуки, как нектар, проходя через организм пчелы превращается в мед. Он был музыкально безграмотным, и гармонь сама исполнительно подставляла бока и подсовывала какие надо кнопочки под его пальцы.

Он играл и жалел их всех: и Анечку, и покойную Зинаиду, и несчастную Галину Ивановну, которую он нечаянно обидел сейчас. И теплые слезы капали на гармониь.

— Гражданин, пройдемте.

Перед Михалычем стояли молодой розоволицый милиционерик и два дружинника за его спиной. Пальцы уже перестали играть, но все еще растворенный в музыке, Михалыч продолжал улыбаться и плакать.

— Ишь, назюзькался, — счастливо, словно в предчувствии плотоядного удовольствия, сказал один из дружинников.

— Ребята, вы чего?

— Пройдемте, пройдемте, — поднимал за локоть милиционерик.

— Ребята, да ведь я выветрился уже весь.

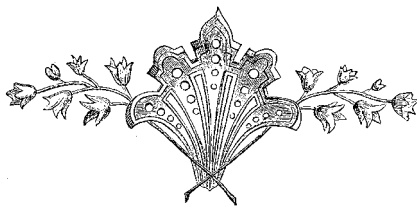
Ища защиты, Михалыч глянул на Раечку, но та озабоченно вправляла ленту в кассовый аппарат. Пожилая исчезла куда-то. И лишь Галина Ивановна, сложив руки на груди, стояла рядом, и ее вампирный рот победно алел на белом холеном лице.

Утром, покидая учреждение, Михалыч напомнил о гармонии. Часы и кошелек, он понимал, канули безвозвратно. Милиционер, явно не выпавшийся после женского дня, нехотя заглянул в ящик стола, похлопал ладонью в глубине.

— Нет твоей гармонии.

И, вздохнув, добавил поучительно, как-то даже по-отечески:

— Пить надо меньше, дед. И не буянить.

* * *

Я сам себя позвал. Я был далек
От мысли жить нескладно и нелепо,
Но возвратиться вновь под это небо
В иную жизнь я никогда б не смог.

Прийти в иной, уже нездешний, час
И осознать себя, и спохватиться,
И замереть: как страшно повториться
И возродиться с памятью о вас.

О вас, о всех, которые ушли
В края вселенской стужи или пекла.
А феникс, возродившийся из пепла,
Не лишний ли на празднике земли?

И вид родимых мест, в которых жил,
Мне дорог был, поскольку рядом жили
Со мною вы, которых я любил,
И снова вы, что так меня любили.

ГОРИЦВЕТ

Всего-то ни много ни мало —
Цветет луговой горицвет,
А горечи как не бывало,
И не было вовсе, и нет.

Все выдумки, враки... Покуда
Я тратил впустую слова,
Росло первородное чудо,
Ни мало ни много — трава.

Трава и трава... И не надо
Глубинного смысла искать:
В цветении луга и сада
Одна на земле благодать.

* * *

...И будет речка. И направо —
Курган старинный. И тогда
Приляг на склон в густые травы
И слушай, как течет вода.

И в час тревожной и случайной
Своей затерянности — вдруг
Услышишь новый отзвук тайный
Ты на земной глубинный звук.

То просто Время, пролетая,
В рожки алмазные трубя
И судьбы наши вспоминая,
Взглянуло тихо на тебя.

Татьяна Гореликова

* * *

Душа не оставит меня умирать.
Она бережет мое грешное тело
Слова, будто птицы, слетают в тетрадь
И строчками песен ложатся несмело.

С годами моя не стареет душа.
Она не вбирает лихую проказу.
Пусть годы мои, словно кони, спешат —
Душа на пути не споткнется ни разу.

* * *

Деревенька — русская душа,
Разбежались избы по пригорку.
Свежий ветер, трепетно дыша,
Посещает низкую каморку.

Как хозяин, старый, дряхлый пёс
Важно мерит улицу пустую.
Край родимый беззаботных грёз,
Без тебя отчаянно тоскую.

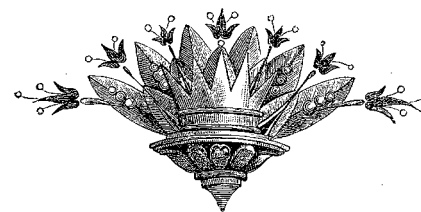
В белой пене вишни у плетня,
В этой пене спрятались листочки.
Край родной, ты, может, ждёшь меня.
Будешь рад мне, как любимой дочке.

ЗАТЕРЯЛОСЬ ДЕТСТВО

Затерялось детство, где его искать?
Дом родимый буду вечно вспоминать.
С маминой молитвы начинался день,
И смотрела в окна белая сирень.

Суетились птицы в кружеве ветвей,
Распевал о счастье песню соловей.
Вечер опускался тихо, не спеша,
Чтоб не испугалась детская душа,

Чтоб смогла услышать сказки тополей.
Мне шептал их ветер, принося с полей.
С маминой молитвы начинался день,
И смотрела в окна белая сирень.

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ

Вечером папа, Василий Петрович, приносит домой картонную коробочку с игрушками, обложенными ватой.

— Это тебе дедушка Мороз прислал, — говорит он Пете, и по озябшему виду папы, по раскрасневшемуся лицу и белым бровям, можно судить, что дедушка, передавая коробочку из рук в руки, заморозил и его.

Было время новостей, диктор из репродуктора на стене говорит, как обычно, о космонавтах Гагарине и Титове, затем про кукурузу, кукурузу и кукурузу. И когда папа достает из коробочки сначала шары и гирлянды, потом игрушечных космонавтов в скафандрах, с надписью красными буквами на них «СССР», а в конце появляются стеклянные початки кукурузы, Петя догадывается, что игрушки прислал не дедушка Мороз, а диктор из репродуктора.

Пете хочется поблагодарить диктора за подарок, но тот, сказав в прогнозе погоды о сильном морозе со снегопадами и метелью, неожиданно смолкает, после чего сразу слышится быстрая музыка со звоном колокольчиков и взмахами крыльев, словно в репродукторе метель уже началась. За быстрой музыкой приходит музыка заунывная, медленная, точно теперь метель сменяется морозом, и Петя понимает, что дальше ждать диктора не имеет смысла, потому что уже давно от ненастья куда-нибудь спрятался.

На следующий день, на новогодние праздники, Петю отправляют гостить в деревню к бабушке, живущей в десяти километрах от их райцентра Локня. И весь день его не покидает ощущение праздника, и он горячо верит, что впереди его ждет не просто поездка к бабушке в обычный деревенский дом, а сказочная дорога в удивительный и тоже сказочный мир, который представляется ему почему-то в виде наряженной новогодней елки. Елка поворачивается вокруг себя, и с каждым поворотом на ветвях появляются новые игрушки, шары, мандарины, зажженные свечи, яблоки, выкрашенные золотой и серебряной краской грецкие орехи, а вокруг с непрерывным шипением взлетают и осыпаются разноцветные салюты, и елка стоит вся в плавающем дыму, огнях и взрывах.

И все, что происходит дальше, оправдывает его надежды. Вечером Василий Петрович решает на чем ехать. Можно на мотоцикле, на котором он, ветеринарный врач, летом отправляется по соседним деревням к заболевшим коровам, свиньям и овцам, можно и на двухколесной бричке. Но и мотоцикл, и бричка малы и застрянут в сугробах, и он выбирает сани с лихо загнутым жестяным передком.

После этого начинаются сборы и проходят они на удивление быстро и слажено. Василий Петрович уже запряг в сани вороного мерина Буфета, который, попав на улицу, первым делом принимается осторожно обнюхивать снег. Петя стоит у окна, укутанный поверх шубейки в огромный тулуп, и ему видно, как папа, управившись с лошадей, приносит из сарая три охапки сена, набивает ими

сани, ставит в ноги корзину с игрушками и едой. Потом мама, Зинаида Ивановна, выкапывает в сене ямку и опускает в нее, как в колыбель, Петю. Настоящую свою колыбель Петя не помнит, но тело, оказывается, хорошо помнит колыбельный покой и уют, потому что само ловко и удобно устраивается в глубине сена.

В дорогу им помогает собираться соседский мальчик Колька Гусев. Гусев почти на пять лет старше Пети и это делает его в Петиних глазах взрослым. В расстегнутой шубе Колька повсюду следует за Василием Петровичем и повторяет его действия: подтыкает с боков сено в сани, щупает застежку на подпруге, трогает оглобли, и с лица его, в подражание взрослым, не сходит озабоченное, неприступное и одновременно снисходительное выражение.

Когда сборы закончены и папа забирается в сани, Колька идет открывать ворота. Буфет, нанюхавшись снега, стоит в упряжке подобранным, нарядным, переступает с ноги на ногу и несколько раз дергает взвизгнувшие на морозе сани, словно проверяет их на вес. В проеме окна видна пустая улица, узкая лента угасающего над полями заката и убеленная инеем березовая роща, вся усыпанная черными точками ночующих галок. И не успевает Петя как следует рассмотреть и ленту заката, и рощу, и галок, как Буфет подхватывается с места и выносит сани на улицу.

По райцентру и под нависшей над дорогой рощей, где гомонятся обеспокоенные галки, они едут быстро, а дальше Василий Петрович переводит мерина на тихий ход. Все виденное много раз, все привычное сегодня представляется Пете по-иному. Заря гаснет, в полях темнеет, хорошо видны лишь вешки, стоящие вдоль дороги. Они наплывают издалека и пропадают за спиной, похожие на часовых или строй солдат. И когда Василий Петрович, которому вскоре надоедает скрюченно сидеть на одном месте, встает, то кажется, что проезжая в сани мимо вешек, он принимает парад.

Буфет бежит, завернув голову на левую сторону, и через каждые четыре шага у него из ноздрей вылетают, отдуваемые ветром, клубы пара, и весь левый бок у него серебрится от инея. У Василия Петровича тоже вся левая сторона — от шапки и одной брови до рукава и полы шубы — в инее, и он, догадываясь, что выглядит как-то половинчато и нелепо, то и дело про себя усмехается.

По-иному, как сказочное приключение, видится и происшествие на дороге, когда они только чудом не вываливаются из саней.

Начинается с того, что в середине пути усиливается попутный ветер, дует в спину. Очередным порывом с саней сдувает клоч сена и он, разлохмаченно взлетая и падая, катится быстрее лошади в темное поле, потом что-то сильно бьет в передок, полозья скребут по чему-то железному, и когда Петя с мамой оборачиваются, на дороге остается лежать подкова, соскочившая с копыта Буфета.

— Вася, — кричит мама, — подкову потеряли!

— Все одно к одному, — отвечает Василий Петрович с каким-то радостным испугом, словно стоит у проруби и собирается прыгать в ледяную воду.

Он говорит так потому, что дорога резко идет вниз, под гору. Он натягивает вожжи, протяжно, нежно посвистывает, чтобы успокоить мерина: «Фюю-

ить, фюю-ить. Тпру, тпру, милый». Но ничего не помогает; сани, накатываясь сзади, толкают Буфета, и сколько он не упирается в дорогу передними ногами, они скользят и разъезжаются. Дело заканчивается тем, что, не выдержав напора, Буфет срывается и его вместе с саними быстро несет вниз. Мелькает застрявший в кустах недавний клочок сена, и все приближается и приближается раскатанный до блеска поворот, за которым чернеют перила моста. Белый серпик луны в этот момент разгорается сильнее, чтобы картина скорой аварии была хорошо видна.

— Прыгай с ребенком! — кричит Василий Петрович, повиснув на вожжах, и Пете даже кажется, что это не вожжи, а так удлиннились, сдерживая мерина, отцовские руки. Крикнув, папа оглядывается, и в глазах у него уже не испуг, а ужас, но ужас опять-таки какой-то радостный. Непонятно, почему, Петю тоже захватывает веселое отчаяние, лишь одна мама, кажется, напугана серьезно. Привстав, она берет Петю на руки, с саней сразу начинает сдвигать сено. Оно взлетает вверх, катится по дороге, уносится в поля, и можно подумать, что сани на ходу сами собой разваливаются на части. Мама в беличьей шубке кажется маленькой, а Петя, обхватив ее в свою очередь за шею, в овчинном тулупе такой огромный, что непонятно, кто кого держит на руках.

— Прыгайте, пропадете, — кричит напоследок Василий Петрович. До поворота, где их скорее всего занесет и опрокинет, остается метров тридцать — сорок. Сам он прыгать не хочет и, натянув вожжи, перегибаясь назад, почти лежит на спине.

Мама подбирается к краю саней, но взглянув на струящуюся внизу полосу дороги, возвращается на место. Сани начинают вилять. Это потому, что Василий Петрович, пытаясь в последний момент поставить мерина прямо, переводит вожжи, дергает то за одну вожжину, то за другую, и Буфет тоже шарахается то в одну сторону, то в другую. На повороте их заносит чуть ли не в кювет, сани накрываются, зависнув на одном полозе, готовые вот-вот опрокинуться и накрыть людей. Все хватаются друг за друга, за сани, даже за сено, и когда хвататься больше не за что, их выручает Буфет. По-прежнему с загнутой головой, а теперь еще с вспученным, ошалелым глазом, он на какой-то миг перестает скользить и, упираясь боком в оглоблю, выравнивает сани. Эта невольная задержка гасит скорость, но все равно по мосту они мчатся с грохотом и треском, и мост гудит под копытами Буфета, как барабан.

И папа, и мама, и Петя тяжело дышат, будто пробежали всю дорогу вместе с лошастью. Буфет тоже тяжело дышит мокрыми боками. Лошадь и сани окутались на морозе густым паром, и дальше они двигаются, словно только что выехали из облака и оно еще продолжает цепляться за них своими клочьями.

Вскоре они сворачивают с большака на едва приметную, заснеженную дорогу, ведущую к бабушкиной деревне. Петя много раз ездил на мотоцикле и возке, но там трясло, а сейчас сани мягко переваливаются с сугроба на сугроб, словно плывут по волнам. Когда выезжали из дома, мама сказала: «Смотри, не засни дорогой, а то проспий праздник». Петя тогда даже задохнулся от обиды: как можно проспать все самое интересное. Сейчас он снова лежит на спине и

смотрит на бледные в лунном свете звезды, потом ему чудится, что это не звезды, а снежинки, что там, в вышине, начался обещанный диктором снегопад. Но снег почему-то завис в воздухе, не долетев до земли.

Дорога местами совсем скрывается под снегом. Вешек, указывающих направление, нет, и просто удивительно, как папа с Буфетом находят правильный путь. В одном месте сани съезжают в яму, а потом начинается долгий подъем в гору.

Но Петя ощущает подъем уже сквозь сон. И уже во сне видит, что Буфет не идет, а резво бежит по небу в лунном свете, как по раскатанной ледяной дороге. И как только они с Буфетом оказываются на самом верху, звезды теперь не кажутся ему застывшим снегом, а напоминают искры, высекаемые копытами лошади. С каждым новым ударом копыта искры целыми гроздьями рассыпаются по небу. Часть их остается висеть, а остальные, как при салюте, летят, светясь, к земле.

В этот момент земля озаряется искристым сиянием, и Пете с высоты хорошо виден сосед Колька Гусев, по-прежнему стоящий у распахнутых ворот. Он стоит, задрав голову и разинув рот, и по лицу его гуляют голубые и зеленые сполохи.

Пете становится весело. Он представляет, что бабушкин дом уже рядом и весь этот блеск и шум ни что иное, как начало праздника. И вот-вот, совсем скоро появится перед ним бабушкина елка — вся в дыму, в огнях и взрывах.

Не просыпается он и когда подъезжают к бабушкиному дому и лошадь останавливается у заледенелого крыльца. По скрипучим ступенькам торопливо и решительно спускается бабушка, в наспех накинута на плечи платке, и у нее такой вид, будто она готова схватить в охапку и унести с собой, не только Петю вместе с мамой и папой, но и Буфета с саними. Дверь она от волнения оставила открытой и внутрь с улицы валит морозный пар.

Но поднимает и подхватывает на руки она одного Петю и в доме усаживает его на диван под тикающими ходиками. И когда холодный туман рассеивается, вдруг выясняется, что бабушкина елка не такая нарядная, как все время представлялась Пете: висят на ней лишь вырезанные из газет снежинки и картонные фигурки зверей.

— Ну и ну, вот те раз, я и не ожидал, — как бы разочарованно говорит папа и сразу принимается украшать елку привезенными игрушками, доставая из коробки сначала шары и гирлянды, потом космонавтов с красной надписью на скафандрах «СССР», и наконец стеклянные початки кукурузы.

И пока Василий Петрович развешивает на ветвях игрушки, мама и бабушка тормозят Петю, расстегивают тулуп и шубейку под ним, снимают валенки, разматывают один за другим шерстяные платки, но Петя только вяло отбивается руками. Наконец он глубоко вздыхает, открывает глаза, несколько минут разглядывает склонившиеся над ним лица мамы и бабушки, и у него такое растерянное ошеломленное выражение, словно он не понимает, что с ним произошло и куда он попал.

— С Новым годом, Петенька, с праздником, — смеясь, говорят ему. — С Новым годом!

КНИЖНЫЙ САД

Начало ноября — льёт дождь,
И ты под зонтиком идёшь
Вдоль ярких праздничных витрин
В любимый книжный магазин.

И пусть от гаджетов с ума
Сошёл весь мир, и кутерьма
Рекламная зовёт — манит,
Но книга таинство хранит:

Ни с чем не схожий взмах страниц,-
Разве — с крылами дивных птиц,
Печатных слов густая вязь,
Заветных древних истин связь.

Когда в руках желанный том,
Весь мир сокрыт, упрятан в нём,
И ты, как подлинный гурман,
Скорей несёшь домой роман.

А дома — жёлтой лампы свет,
И непогоды больше нет,
И комната твоя уже
На том, на дальнем рубеже...

И пусть минует много лет,
Но знаний не померкнет свет.
Года, что листопад, летят,
Но плодоносит книжный Сад.

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Как эта ночь была светла,
Приветливо блистали звёзды,
Мерцали лужи — зеркала,
Преображённые морозцем.

И в старом парке городском,
Что громко кличут Летним садом,

Мы по аллее шли вдвоём,
А лик Луны совсем был рядом.

Взирала бережно она,
На парочку смешных влюблённых,
Которым вовсе не до сна,
И невдомёк им все резоны:

Что поздний час, уже зима
Колючим ветром овевает.
Волшебны ночь, морозец, тьма —
Любовь весь мир преображает!

МЕСЯЦ ИЮНЬ

Время клубники и белых ночей,
Школьных балов, безмятежного вальса,
Время жасмина, влюблённых очей,
Звонких гитар — до утра не расстаться!

Ясные, знойные, светлые дни,
Жажда прохлады, теней, дуновенья.
Месяц июнь... Да пойдёшь, догони,-
Мчится стремительно летнее время.

Как всё успеть? — Недоспать, долюбить,
Воздухом пряным взахлёб надышаться,
Что — то обдумать, понять, прояснить
И написать лёгкокрылые стансы.

Нинэль Елисеева

Я ХОТЕЛА Б ВЕРНУТЬСЯ В ПРОШЛОЕ

Я хотела б вернуться в прошлое.
Жаль, что прошлого больше нет.
И какое — то чувство сложное
Бередит меня много лет.

Я узнала березку стройную-
Как же выросла здесь она.

Я люблю эту тишь привольную...
Но не смотришь ты из окна.

И ничто меня здесь не радует.
Я робею, листок беребя.
Только солнечный лучик падает
На окошко, где нет тебя.

Занавески не те над аркою.
На балконе не те цветы.
А мне помнятся руки жаркие
Сквозь прозрачную ткань фаты.

Колокольни звонят венчальные,
И сирени шальной аромат...
Только вижу я сны прощальные-
Ничего не вернешь назад.

Видно зря прикоснулась к прошлому :
Ни тебя, ни меня тут нет.
Лишь береза, да счастье ложное...
Да печалью промок рассвет.

ДЕТСТВО

У детства не было плохой погоды.
С косой растрепанной, по лужам босиком
Бежала, обгоняя все невзгоды,
По парку, где видения кругом.

У детства не было плохого лета.
Мы часто прятались с тобой в забытый сад.
И нам болтать хотелось до рассвета,
Где обвивал все дикий виноград.

Там свой секрет тебе я открывала-
Закрытый стеклышком пурпурный лепесток.
Лишь одному тебе я доверяла,
Что шепчут травы, где растет цветок.

Я думаю, что тот секрет поныне
Остался в старом и не кошеном саду.

Он в ароматной ягоде малине,
В сверканье бабочек — туда иду...

Но сада нет, лишь прошлого мгновенья
Вернут мне в памяти забытые мечты.
А тучи мчатся, словно сновиденья,
Дрожат от ветра травы и кусты.

Прольется дождик, с радугой играя.
Послышится мне чей — то шепоток :
«Ведь детство кончилось...» — да, я другая.
Но хоть глоток еще, один глоток!

ЗАБРОШЕННЫЙ САД

Хочу оказаться в забытом саду.
Озябшие яблоки в листьях найду.
Калина пылает. Заснеженный склон.
Как будто смотрю удивительный сон.

И с веток срывается снежный обвал.
В заброшенном доме мне чудится бал.
Припомнится старый, забытый роман,
Где столько страстей, и любовь и обман.

Колодец бездонный поманит меня,
И эхом покинут сомнения дня ...
Травинки— былинки на белом снегу,
От стужи закрыть их никак не смогу.

Примчусь в зимний город и ты будешь рад.
Алеет на небе холодный закат.
Давай прикоснемся к «тому» декабрю,
Мороженных ягод тебе подарю.

**ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА МАЛЬЦЕВА —
ОДНА ИЗ САМЫХ ЯРКИХ «ЗВЕЗД»
«ГЕЙЧЕНКОВСКОЙ ПЛЕЯДЫ»**

(1923-1994)

Есть на земле место, где похоронен Александр Сергеевич Пушкин. Поэт любимый, народный, великий. «<...> самое ценное в народе — в его вершинах», а «вершины» — это гении, которые «создают горный хребет культуры»¹. Любят ли какой-либо народ свою «вершину» так, как любят русские Пушкина? Не будет преувеличением сказать, что Пушкина любят все. Не знают, а именно — любят. От ребенка — до академика, и даже чиновника. Все люди, весь народ. К чьему творчеству, к чьему опыту обращаемся в минуты выбора, раздумий и сомнений? Кто опора, кто свет во тьме, маяк, путеводная звезда? Причем, для всех — без разбору и без исключения. Пушкин, конечно же.

Потому и место, где «главный» поэт русский похоронен, священо. Тем более, что рядом — места, им любимые и воспетые. Без преувеличения — самые любимые. Михайловское, Тригорское. Феномен: место ссылки — оно же место, где мечталось жить. Узлы, завязанные историей, нам, простым смертным, не развязать. Можно только приобщиться. Только для себя — прикоснуться и прочувствовать.

Пушкинский заповедник объединил в одно целое место упокоения и место возникновения светоча — «первейшего поэта нашего». Давно замечено, что место это непростое — одних людей «засасывает», других «выталкивает». «Притянуло» оно весной 1945 года Семена Степановича Гейченко. «Повезло» Пушкину с Гейченко. Всю жизнь без остатка положил Семен Степанович на возрождение и сохранение мест поклонения памяти великого, любимого, народного поэта. Высоко держал планку директор заповедника — всех экскурсантов, туристов называл «паломниками». Усилиями всей жизни создал в пространстве и времени некую «выгородку» — Пушкинский заповедник. Место, где каждый мог встретиться со «своим Пушкиным». Каждый! Тем Гейченко и велик.

Мало, кто знает, что Гейченко еще был «ядром», к которому центроостремительные силы истории, прибавляли людей замечательных, людей единственных в своем роде, людей выдающихся — просто мы о них ничего не знаем. Мы, как и во времена Пушкина, «ленивы и нелюбопытны». А они — те люди, не потрудились о себе оставить память в печатных источниках, а только в сердцах тех, кому посчастливилось с ними встретиться на жизненном пути — ненадолго пересечься.

В заповеднике существует выражение «последний гейченковский призыв». А был еще — предпоследний. А был еще первый. И вот фотографию (1962 г.), на которой несколько человек из «первого призыва» разыгрывают шуточную сценку

Заповедные братья. Михайловское. 1962 Ю.Цыбиногин (лесовод),
Т. Мальцева, Т. Жариков (бухгалтер), А. Теплов (н.с.), С. Гейченко

(сколько этих сценок было и целых спектаклей!), Гейченко надписал: «Заповедные братья».

Фотография шуточная, название — нет. Только с таким отношением к людям, к сотрудникам — как к «братьям» — можно было объединить этих единственных, неповторимых и очень непростых людей. Причем, с непростой судьбой. И отрицательным отношением к ним власть предержащих. Его «сверху» упрекали — зачем он «держит» этих «больных» и «дур». А он «держал». Как мог и сколько мог. Потому что видел в «братьях» (в числе которых и «сестры», конечно же, были) ум, талант, душу и сердце. То, что нельзя увидеть и оценить без любви. Той самой Любви, на которой держится мир. Без которой время от времени на земле воцаряется Зло и Хаос, если воцаряются люди, Любви не имеющие.

Глядя на лица этих безоглядно веселых людей, думаешь: а ведь некоторые из них знают, что такое ад на земле — они прошли сталинские лагеря! Могли ли так безоглядно, так искренне веселиться палачи этих людей? Те, которые приносили безвинные жертвы? Родили ли их женщины, были ли у них матери, или это были порождения бездушной машины, запрограммированной на «отрицательную селекцию»? Ну, тогда эта «машина» дала сбой — «программа» дала осечку. Часть людей, подвергшихся «отрицательной селекции», потеряв здоровье, но не интеллект и нравственные устои, выжила. И не просто выжила, а прожила полноценно.

¹ Д. Заметки о русском. М. 1981. С. 55, 56.

Татьяна Юрьевна Мальцева

ную жизнь. О Семене Степановиче Гейченко кое-что мы знаем: о нем написаны книги, статьи. А вот его «окружение»... В этом окружении были люди поистине замечательные. Речь о них впереди (надеюсь). Об одном человеке из этой «плеяды» можно сказать уже сейчас. Это Татьяна Юрьевна Мальцева, 90 лет назад — 19 декабря 2013 года — появившаяся на свет, а 12 июля 1994 года его покинувшая в возрасте 70 лет (о смерти она говорила «кончина»).

Она одна из тех самых «дур», благодаря которым заповедник стал тем, чем он стал — местом паломничества в 60-80-е годы 20-го века. Рассказ о Татьяне Юрьевне — это рассказ о том, как бывает обманчива внешность, и о том, как бывает силен человеческий дух. Роста

она была не просто маленького, а очень маленького. О маленьких людях говорят: ниже среднего или маленький. Это не о Татьяне Юрьевне. По фотографиям каждый, кто ее не знал, может увидеть, что она — всегда — самая маленькая. Вровень только с детьми, которые ее любили (своих у нее не было), по-видимому, чувствуя что-то свое — родную душу, может быть. Говорят, маленький рост, раскачивание при ходьбе, слабые зрение и слух — следствие работы на лесоповале в Красноярском крае, куда она — тогда студентка исторического факультета Московского университета — была отправлена вместе с матерью Надеждой Николаевной, урожденной Шульц, трудом «замаливать грехи» отца, жизнью заплатившего за увлечение в юности революционной деятельностью. Надежда Николаевна была внучкой историка Н.Я. Аристов, а ее предок М.В. Юзефович, помимо своей деятельности на благо культуры, был еще известен тем, что в молодости встречался с Пушкиным во время его путешествия на Кавказ и написал воспоминания об этой встрече. Брат Надежды Николаевны, археолог с мировым именем П.Н. Шульц, знаменит тем, что нашел скифское золото, а нам известен тем, что в 1953 году участвовал во вскрытии могилы А.С. Пушкина.

Отец Юрий Владимирович Мальцев — революционер, разведчик, дипломат. С его краткой биографией, основанной на послужном списке, можно ознакомиться в энциклопедии военной разведки (2012 г.). Советский дипломат в 20-30-е годы 20-го века — разведчик. Правило, по-видимому, без исключений. Татьяна Юрьевна родилась в Эстонии, в первый класс пошла в Москве, в четвертый — в Корею, закончила московскую школу № 276. Счастливое детство в большой интеллигентной любящей семье, которому пришел конец вечером 10 октября 1939 г., когда отец не вернулся домой. Работал он в то время редактором в Воениздате. Был расстрелян 28 июля 1941 г. Обвинение, ему предъявленное, неизвестно. Реабилитирован 10 января 1967 г. Татьяна Юрьевна любила вспоминать свое дет-

Постановка драмы «Царь Максимилиан». 1966 г.
Царь Максимилиан — С. Гейченко, царица Венера — Т. Мальцева,
старик — Гробоко

ство, а об отце неизменно говорила (подчеркивала): реабилитирован. Конечно — кто бы сомневался?!

За свои «грехи» он заплатил жизнью, а его жена и дочь — пятью годами работы на лесоповале, оставленным там здоровьем и еще несколькими годами жизни в звании жены и дочери «врага народа». Без вины виноватых в те годы было много (без преувеличения — вся страна). Не все вынесли тяготы той жизни. По возвращении из Красноярского края, Татьяна Юрьевна 5 лет работала в Луге почтальоном — больше ни на какую работу не брали. За это время заочно (и «подпольно» — ее слова) она закончила исторический факультет Педагогического института им. А.И. Герцена и с 1952 по 1955 год преподавала историю в Тихвинском районе — на 101-м километре. Паспорт она получила в селе Шугозер Каншинского района Ленинградской области. Главное воспоминание ее о том времени — непролазная грязь и вечные резиновые сапоги.

Потом посчастливилось (она всегда так говорила: «посчастливилось») попасть на работу в заповедник. Посодействовал дядя — Павел Николаевич Шульц, в молодости друживший с С.С. Гейченко. Какую смелость нужно было проявить Гейченко, самому прошедшему ад допросов, тюрьмы и ссылки, чтобы взять на работу «дочь врага народа»?! Такой счастливый поворот событий. С 25 ноября 1955 года началась жизнь Татьяны Юрьевны в Пушкинском заповеднике.

Началась она с библиотечной работы. Комплектование фонда, выдача, передвижка и межбиблиотечный абонемент. Да плюс еще важное направление работы — составление библиографических списков литературы о Пушкинском заповеднике. Все сотрудники водили экскурсии, читали лекции по району и области, писали памятки для экскурсантов, в разных учреждениях района оформляли музейные уголки, для районной газеты писали статьи «на злобу дня» и к «датам», рецензии на книги пушкинской тематики и т.д. и т.п.

Татьяна Юрьевна сразу влилась в эту работу. Кроме того, она вела протоколы научных совещаний (на которых и выступала, причем, смело и профессионально). Чего она только ни делала (один раз исполняла даже... роль Снегурочки на детской новогодней Елке)!

Но основным направлением работы была музейная работа (экспозиционная) и сопутствующая ей — научная. Глазу стороннего наблюдателя за очевидной массовой и экскурсионной работой это «занятие» сотрудников не было заметно, и до сих пор не оценено по достоинству. Но без этой работы уровень экскурсий был бы не тот. Каждая научная работа обсуждалась в коллективе, рецензировалась, утверждалась и обязательно сопровождалась газетной публикацией. А как же — без этого нельзя было в 50-70-е годы — народ должен знать, чем занимаются сотрудники учреждения под названием Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина!

Кто-то любил массовую работу больше, кто-то меньше, но занимались ею все. Все «везли один воз» — все четко понимали, что заповедник существует для народа. Отсюда и темы лекций: «Прошлое, настоящее и будущее нашего района» (1959 г.), или «Жизнь колхозной деревни в произведениях В.Ф. Тендрякова» (1961 г.); отмечала страна 100-летие А.П. Чехова, нужно было подготовить лекцию «Жизнь и творчество А.П. Чехова» и даже — «Чехов и Московский художественный театр». И так далее.

Немногочисленных сотрудников заповедника по их лекциям и экскурсиям знал весь район (кстати, факт неоспоримый: больше всех благодарностей в Книги отзывов экскурсанты писали Татьяне Юрьевне, на нее «ходили», как «ходят» в театры на любимых артистов). А многие ли знали (и кто знает сейчас?), например, такие работы Татьяны Юрьевны как «Вновь найденные портреты родственников Вульфов (Борзовых) из имения Берново б. Тверской губернии» (1959 г.)? Портреты и сейчас являются частью экспозиции дома-музея в Тригорском. Статья, написанная по этой работе — захватывающее чтение и в наши дни, и никогда не устареет. Как и работа «Пушкин — читатель Тригорской библиотеки». Те, кто занимались темой чтения А.С. Пушкина и его друзей, уверяют, что Татьяна Юрьевна второй после маститого пушкиниста Б.Л. Модзалевского работала над этой темой. Да и многие научные темы сотрудники Пушкинского заповедника разрабатывали параллельно с сотрудниками Пушкинского Дома (ИРЛИ), иной раз даже опережая их. Например, перепиской родителей А.С. Пушкина с дочерью Ольгой (конечно, той ее частью, где речь шла о Михайловском) в переводе правнучки Ольги Сергеевны Пушкиной Л.Л. Слонимской Татьяна Юрьевна занималась еще

в 1962-м году, задолго до того, как в 1993 году этот перевод был опубликован и прокомментирован сотрудниками ИРЛИ (Мир Пушкина. Т. 1. Дневники-письма Н.О. и С.Л. Пушкиных. 1828 — 1835. СПб. 1993)

Татьяна Юрьевна в заповедник пришла всего лишь через два года после того, как заповедник из состава Академии Наук был переведен в ведение Министерства культуры. Но уровень академической науки держался долго. И долго работу заповедника определяла связь его с Пушкинским Домом. Только вектор науки был музейный: интересами создания новых музеев, новых экспозиций и рэкспозиций старых определялась тематика научных работ сотрудников. Например, пушкинист В.Э. Вацуро романом «Село Михайловское или помещик ХУШ столетия» забытой писательницы В.С. Миклашевич занимался как одним из источников биографии А.С. Грибоедова (как, впрочем, и все предыдущие исследователи), а Татьяна Юрьевна (проявив себя и как литературный критик — заметим в скобках), в первую очередь, исследовала в романе историю и быт, отразившиеся в романе, с точки зрения их «музейности», вплоть до возможности использовать описания некоторых интерьеров для создания экспозиций (1960 г.).

Отдельный разговор о работе Татьяны Юрьевны над темой предков А.С. Пушкина (вернее, его родственников — двоюродных и троюродных братьев, сестер, тетей, дядей — по линии матери — Ганнибалов, которой она занималась с 1961 года) и темой его потомков. Сборник статей Татьяны Юрьевны на тему «А.С. Пушкин и Ганнибалы на Псковщине», приготовленных ею для сборника «Деревенские знакомые А.С. Пушкина», над которым в течение многих лет работал весь коллектив заповедника и который так и не увидел свет (по вине того, кто занимался его изданием), издал отдельной книгой профессор Г.Н. Дубинин (потомок А.П. Ганнибала). Правда, книга вышла после смерти Татьяны Юрьевны. И называется она «Ганнибалы и Пушкин на Псковщине». М. 1999.). Но она вышла — единственная книга рядового сотрудника заповедника.

Тема потомков А.С. Пушкина — первая из порученных ей в заповеднике тем (1957 г.). Результатом этой работы было выступление на конференции (1957 г.), публикации в газетах (1957, 1959, 1963 гг.) и альбом, хранящийся в заповеднике. Не вошедшие в альбом фотографии Татьяна Юрьевна подарила В.М. Русакову, который тогда (временно) работал в заповеднике и всерьез увлекся этой темой, ставшей делом всей его жизни. Татьяна Юрьевна, музейщик и историк, темой этой не увлеклась. Она считала: «Кому это интересно?» И отказалась от соавторства, которое Русаков ей честно предложил. Книга В.М. Русакова «Потомки А.С. Пушкина» выдержала девять изданий. Истоком этой многолетней работы и толчком к ней явилась та первая научная работа Т.Ю. Мальцевой 1950-х годов.

Невозможно в одной статье просто даже перечислить все, чем занималась Татьяна Юрьевна, будучи научным сотрудником заповедника (сколько экспозиционных проектов составлено по всем музеям, в том числе, и по не существовавшим еще тогда музеям в Тригорском и Петровском). Но нельзя не упомянуть, что она занималась рукописями А.С. Пушкина. Сейчас мы даже представить себе не можем сотрудника заповедника, читающего письмо или произведение Пуш-ки-

на... в рукописи. Это, практически, «две вещи несовместные». А Татьяна Юрьевна не просто знала историю рукописного наследия Пушкина, о котором рассказывала в лекциях и в статьях. Нужно было готовить экспозицию дома-музея Осиповых-Вульф в Тригорском и делать реэкспозицию дома-музея А.С. Пушкина в Михайловском — нужно было помещать в экспозиции рукописи Пушкина, нужно было их изучать. У нее были способности и для этой высшей категории сложности исследовательской работы.

Нельзя также не сказать о ее способности создавать в своих научных работах просто-таки художественные образы людей, о которых, казалось бы было достаточно сухой исторической справки (о Павле Исааковиче Ганнибале писали многие — на основании одних и тех же документов. А попробуй забудь созданный ею образ!). Ее эмоциональность, пропитывавшая все, что бы она ни делала, и здесь прорывалась в ткань статьи и делала людей, о которых она писала «живыми». Впрочем, это было свойство и других членов коллектива и, практически, установка на создание «живых портретов». Так, например, 15 апреля 1957 г. на совещании научных сотрудников обсуждая рецензию А.Ф. Теплова на книгу А. Гордина «Пушкинский заповедник» (1956 г.), все были единодушны по двум пунктам: «Гордин — не музейщик» и «Гордин не создал живых портретов».

Особенности исследовательского стиля Татьяны Юрьевны неразрывно связаны с ее человеческими качествами. Говоря о ней, как исследователе и человеке, нельзя не сказать о почти гипертрофированном ее свойстве — благодарности, качестве, присущем, как известно, только людям высокой благородной души. За любую мелкую услугу она была бесконечно благодарна, а уж за реальную помощь — была благодарна пожизненно.

И, последнее, о чем не сказать невозможно. Ее храбрость, проявления которой, всегда были неожиданны — женщина маленькая, скромная, тем более — побитая жизнью. Я не о том случае, о котором и сейчас вспоминают сотрудники заповедника: как к служебному автобусу из леса вышла Татьяна Юрьевна, а за ней шел ...волк! Расстроившийся, наверное, оттого, что на него не обращали внимания (скорее всего, она его просто не видела и не слышала — занятая своими мыслями. Впрочем, «анекдотов» о ней ходило немало). А о тех случаях, когда проявлялось то, что называют, гражданским мужеством. По-видимому, через всю жизнь она пронесла негативное отношение к партии (единственной — правящей) и партийным функционерам. Чувство, которое она не считала нужным скрывать, что, конечно же, число ее врагов не уменьшало. Однажды она такому, начинающему функционеру, подошедшему к крыльцу дома-музея, где «дислоцировались» сотрудники — они же экскурсоводы — радостно сказала: «Ой, смотрите, кто пришел!». А в 80-е годы, когда в коммунистическую партию вступала молодежь исключительно, чтобы сделать карьеру (было правильное ощущение, что природных способностей для карьерного роста может и не хватить), одну такую сотрудницу Татьяна Юрьевна поздравила со вступлением в партию. Та кокетливо отмахнулась: «Да с чем тут поздравлять!» На что последовало стремительное: «Не было бы с чем — не вступали бы». Все правильно. А, главное — не за спиной, в глаза.

Т.Ю. Мальцева и С.С. Гейченко. 1980 г.

Самый яркий эпизод. В начале 70-х годов из библиотек изымали произведения А.И. Солженицына. Татьяна Юрьевна отказалась сдать для уничтожения номер «Нового мира» с «Одним днем Ивана Денисовича». Коллектив, как водится, раскололся на поддержавших и осудивших. Спрашивается: где теперь осудившие, когда в одном из двух ведущих музеев страны проходит выставка «Из-под глыб», посвященная 95-летию А.И. Солженицына?! Когда рядом с бессмертными произведениями искусства выставлены рукописи и произведения, некогда уничтожавшиеся в приказном порядке, а также за честь музей изобразительного искусства считает возможность демонстрировать ватник бывшего заключенного. Сохраненный Татьяной Юрьевной 11-й номер журнала за 1962 год вполне мог бы экспонироваться на этой выставке.

Скромность в совокупности с талантом и знаниями, душевное благородство и бесстрашие, высокий пример служения делу и людям — такой живет в памяти всех, кто ее знал и любил — Татьяна Юрьевна Мальцева. О таких говорят: соль соли земли.

* * *

Когда умолкнут голоса,
Вступает ночь в свои покои,
В природе деется такое:
В тиши рождается роса.

Еще не капли, а налет
Тончайшей, выпаренной влаги.
Позднее ночь ее сольет
В росинку крохотные фляги.

Нанижет их на колоски,
Наполнит полые бутоны.
Украсит листья, лепестки —
Соткет серебряные звоны!

И, завершая чудеса, —
В минуты мнимого покоя —
Свершится таинство такое:
В округе выпадет роса...

ЛУЧИК

Лучик прям и весел
Даже в непогоду.
Налетевший ветер
Взбудоражил воду.-

На озерной шири
Даль затрепетала.
И в пугливом мире
Посветлее стало.

В торжестве апреля
Чуждые печали
Дерева летели,
Кронами качая.

И в настрой полета —
Добрый подпевала —
Пел я, но чего-то
Песне не хватало.

Отдыхал я малость,
Начинал я снова...
Только все казалось,
С голоса чужого.

И в весенний полдень,
Посрамлен вчистую,
Я, светлея, понял
Истину простую:

Чтобы песня спелась,
Надо так немного:
Чистота да смелость,
Да еще — дорога...

СОЛОВЕЙ

Из кустов ударил соловей —
Не пеньем, неожиданным волненьем,
А появление было мне явленьем
Над утреннею свежестью полей.

Я сквозь кусты продрался напролом.
Он не слышал, забвеньем безоружен.
То чистил горло горным хрусталем,
То промывал горошины жемчужин...

Он был в двух метрах от меня, чудак,
Едва заметный в лозняковой куще.
...Потом я думал: мне бы спеть вот так,
Словами очаровывая души.

НОЧНАЯ ДОРОГА

Соседа тихий разговор
С тоской по дому.
На что-то жалуясь, мотор
Свивает дрему.
А за стеклом, за ветровым —
Белополосо —
Поземка гонит
Снежный дым
Нам под колеса.

Сижу, зависим от всего,
От разговора,
От настроенья моего
И от шофера.

Уют дорожного тепла,
Печаль, разлука.
Дремотным пленом обвила
Дороги скука.

Мелькает мыслей уклея
Цветные пятна...
Сижу, зависимость моя
Мне так приятна!

Зажмурюсь, слышу птичью трель
И вой волчицы.
Сквозь нескончаемый туннель
Автобус мчится...

Геннадий Кононов

* * *

Вновь — июльское кружево,
вновь — ночей белый соус.
Хамство сходит за мужество,
а усталость — за совесть.
Дразнит лето холодное
переменами лика

И в каком-нибудь Лондоне,
И на спуске к Великой.
Но в душе закорочено.
Нет ни капли смущенья.
То, что кончено, кончено.
Не просите прощенья.

* * *

Вот диплом мой и паспорт. Возьми, полистай не спеша.
Всех живых я живее, и свет мой не сгинет во мраке.
Я не бомж, господа. Говорят, у меня есть душа.
Я плачу за жилье, состою в профсоюзе и браке.
В документах указаны имя, и возраст и пол.
Без труда в пять минут я любую анкету заполню.
Снимки предков я в старом альбоме недавно нашел.
Рассмотрел — с ощущением странным,
как будто их помню.
Я люблю свою землю, и я не уеду в Париж,
Что бы тут не случилось. У нас есть надежды и силы.
У страны есть герои: Добрыня, Мальчиш-Кибальчиш.
Так что я не безроден. Придется — умру за Россию.
Мир погряз наш во зле, справедливости нет на земле,
Но не зря приходили волхвы со святыми дарами.
Я читал, что распяли Христа за меня в том числе.
Он не русский, но наш. Иногда я бываю и в храме,
и висит грозноликий, внушающий мужество Спас
над рабочим столом в нашей тихой, уютной квартире.
Есть двуглавый орел. Думцы думают думу за нас.
Господин Президент обещал, что замочит в сортире
Всех врагов государства. Пусть жизнь в нас висит на соплях,
Мы должны делать дело на совесть и ладить с законом.
Я на службу хожу. Получаю зарплату. В рублях.
Вам охранник покажет мой письменный стол с телефоном.
У меня есть друзья — и, скажу вам, немало друзей,
Стоит номер набрать — обласкают, нальют и накормят,
в этой пятиэтажке когда-нибудь будет музей.
Посмотреть бы — да жалко, без нас это дело оформят.
Так вела колея, так дорога сложилась моя.
Я чирикал в пути, хоть насквозь простудился и вымок.

Есть листы со стихами — считаюсь их автором я.
На журнальных страницах найдешь мое имя и снимок.
Опекают меня. А могли б, например, посадить.
Все сложилось о кей на пути моем мягко-пологом.
Но — при таком счастье — боюсь, не смогу подтвердить
своего бытия после смерти пред Господом Богом.

ЧТО НУЖНО ПОЭТАМ

Желать почти что нечего...
Звезд — на пути беспутном.
Немного водки вечером,
Немного кофе утром.
Немного неба хмурого
Над хмурою рекою,
Немного хлеба, курева,
бумаги и покоя,
да смыслов потуманнее,
да пару рифм недружных.
Немного понимания....
Любви — совсем не нужно.

* * *

То, что слышишь — не всегда фраза.
Что открыто — не всегда дверца.
То, что сверху — не всегда разум.
То, что слева — не всегда сердце.
Трудолюбие — не знак дара.
Что разбито — не всегда билось.
То, что больно, — не всегда кара.
То, что впору, — не всегда милость.

* * *

Бумага в сальных пятнах,
торговые ряды.
Кленовый лист распят на
поверхности воды.

Так пожелал Создатель —
и грустен день-вдовец,
и жалок покупатель,
и жалок продавец.

Плоды земли и света
Горою, как во сне.
Приснившееся лето
по рыночной цене.

А день уже недолог,
и в сердце нет огня.
А я совсем недорог.
Купи меня.

* * *

Где твой билет, душа, и где твоя прописка?
Хоть паспорт предъяви — так хочет офицер...
Россия — черновик. Что вычеркнем из списка?
Октябрьский вечер гол, октябрьский ветер сер.
Присядь со мной, душа, хотя бы на мгновенье.
Уходят поезда, и вызывает дрожь
привычная игра: доступное забвенье,
трехслойная мораль, обыденная ложь.
В пьянящей натошак осенней круговерти,
Пока проходит то, что мы зовем судьбой,
Прими вино и хлеб, дающие бессмертье,
Поговори со мной, покуда я с тобой.

«СПИ СПОКОЙНО, СЫНОК»

Сейчас уже не вспомнить, как я попал в тот небольшой русский городок, затерянный в одной из северо-западных областей. Наверное, по делам редакции, в которой я тогда работал, а может, по каким-то другим; но только помнится мне, что была в том городке одна-единственная улица, бесконечно длинная, застроенная двухэтажными домами с узкими, напоминающими бойницы, окнами. Говорили, что до войны городок был совсем другим: зеленым, живописным, удивлявшим обилием деревянной резьбы — один дом с другим не спутаешь, не то что на теперешней улице. Скучно было в доме приезжих, где я остановился, в полутемной, холодной комнате, под окнами которой целыми днями кололи дрова и лениво поругивались подвыпившие мужики. Пойти было некуда: вокруг городка лишь низинные пустоши, залитые рыжей болотной водой, с редкими, как бы в насмешку над здешней природой торчащими там и сям чахлыми кустиками. Только в восточной части городка виднелась купа высоких — вершина к вершине — густых деревьев. Возможно, там были остатки какой-то усадьбы с одичалым старинным парком и заросшим фундаментом помещичьего дома — в этих краях такое встречалось нередко.

И в последний день, когда все дела были сделаны, а до отъезда оставались считанные часы — тем невыносимей становилась скука, — я отправился посмотреть на эти деревья.

Никакой усадьбы там не было. Деревья, казавшиеся могучими издали, составляли небольшую тополиную рощицу на склоне холма, уходящего в сторону полей. Наверху было кладбище. Поднявшись по узкой дороге наверх, я увидел, что кладбище тянется за рощицей по всему хребту горы, не видимому снизу из-за деревьев. Чуть поколебавшись, я прошел под деревянной аркой ворот с небольшим образком наверху.

Как и на большинстве русских кладбищ, здесь было тесно, ограды могил лепились одна к другой, всюду росла густая сорная трава, на дорожках лежали сухие, почерневшие от солнца и дождей старые венки с обрывками выцветших лент — от нечаянного прикосновения они шуршали, как жестяные. Я шел по дорожке среди могил и читал на крестах, памятниках и плитах надписи, полные мольбы, страдания, неутешного горя — слова, какими только и можно выразить людскую скорбь. Но скоро я устал от этих давящих на душу изречений и уже повернул было к выходу, когда заметил невысокую, выкрашенную в голубое деревянную пирамидку. К пирамидке была прикреплена фотография мальчика лет десяти, с пионерским галстуком, — он смотрел независимо, чуть горделиво, пряча улыбку. Под рамкой были написаны его фамилия, имя, даты рождения и смерти, а еще ниже, покрупнее: «Спи спокойно, сынок».

Эти слова меня и остановили. Я всмотрелся в портрет, оглядел памятник и небольшую могилку, окруженную невысокой деревянной оградкой, и снова, чуть не по складам, медленно прочитал: «Спи спокойно, сынок».

Я был ошеломлен. Эти ласковые, успокаивающие слова обычно говорят своим сыновьям отцы и матери, желающие им доброго сна и уверенные, что завтра их дети непременно проснутся еще более красивыми, добрыми, сильными. Но встретить подобные слова здесь, вдали от жилья, под пустынным, пасмурным небом, где, кажется, сам воздух пропитан безысходной тоской, — это было непостижимо. Казалось, люди, написавшие эти слова на памятнике, не поняли или не хотели понять, что произошло. Ведь не могли же они и на самом деле думать, что их сын спит, что смерти нет, нет извечного закона гибели всего живого. Словно они были убеждены, что их мальчик не исчез, не растворился в окружающем мире, а все еще с ними, и ни холодная неподвижность дорогого лица, ни грубая реальность кладбища, ни глухой, бездушный звук сыпаемой земли, ни вдруг проявившаяся жуткая геометрия холмика — ничто не поколебало их веры: он жив, он рядом и пребудет с нами всегда...

Конечно, я понимал, что это был великий предрассудок, это была иллюзия осиротевшего сердца. Наверное, мы, люди, слабы и беззащитны, если нуждаемся в подобном утешении. Быть может, в далеком будущем, когда люди станут могучи и совершенны, как боги, они и научатся глядеть на смерть другими глазами: спокойно, с отчетливым сознанием того, что за смертью уже ничего не может быть — ни-че-го! И лучшим утешением для наших далеких потомков станет продолжительность их жизни — лет сто, триста, а то и все полтысячи. И не будет уж тогда никаких сомнений, никаких иллюзий, ни даже самой крохотной, малюсенькой, самой фантастической надежды: а вдруг смерть — это неправда! Может, так оно и будет когда-нибудь, только жить в этом будущем я бы не хотел.

Пора было возвращаться. Я спустился извилистой, едва заметной тропинкой на дорогу и зашагал в городок, где было все так же тихо, просторно и светло.

Вскоре я уже катил в автобусе по гладкому асфальтированному шоссе, глядел на пробегающую мимо картину — все те же залитые водой низины, отдаленные покатые холмы, перелески, — легко задремывал, будто плавно погружаясь в теплую воду. Когда же я проснулся, было темно, все спали, за окном автобуса в пустынном небе ярко светила луна, и ее серебристый след неустанно несясь по безмолвной, темной, волнистой земле. И глядя на этот знакомый и всегда чем-то новый лунный лик, я припомнил свое дневное блуждание по кладбищу, фотографию пионера в деревянной рамке, и мне подумалось, что было бы величайшей на свете несправедливостью — считать, что и следа не осталось от мальчика на этой залитой лунным светом земле — ни его шагов, ни голоса, ни улыбки на его открытом, чуть торжественном лице, — ничего, кроме обращенных к нему нежных слов: «Спи спокойно, сынок». И верилось, что никогда не смирится с такой несправедливостью любящее человеческое сердце.

* * *

Наверно в этом что-то есть,
Какая-то в душе тревога,
Когда в дела и в чувства весть
Примчит с родимого порога.

И вот тогда дела не в счет,
И помыслы не в счет благие,
Когда безудержно влечет
В родные дали дорогие.

Туда где речки поворот,
В логу распаханное поле.
Пусть дел всегда невпроворот —
Такая нынче вышла доля.

И пусть мне говорят: Чудак,
Зачем тебе твое бывшее...
Я знаю — в поле каждый злак
Отворотить сумеет злое.

Я знаю, что ни говори —
Душе крестьянской нет предела.
В деревне на краю зари
Опять пичуга зазвенела.

Поет себе, зовет к себе
И я противиться не в силах.
Знать линия в моей судьбе
Легла среди пенатов милых.

И по велению судьбы
Я к вам спешу и лес, и поле,
И к косяку родной избы
Я прислонюсь — поплачу вволю.

СТАРЫЙ ГАРМОНИСТ

В поля средь маленьких селений
Стремлюсь опять: там птичий свист,
Там песни прошлых поколений
Играет старый гармонист.

Заводит лихо плясовую,
И сумрак полнится игрой...
А я иду наудалую
На свет костра по-над горой.

Когда-то здесь плясать любили —
Был посиделок тесен круг.
Но мужиков в войну убили,
Лишь с песней гармонист сам-друг.

И только я, захожий странник,
Приду и сяду у костра,
И стану слушать, будто в праздник,
Игру гармошки до утра.

В ночном щипают травку кони
И слышен наигрыш простой,
Танцуют в дедовых ладонях
Меха у «хромки» расписной.

И радость в душу мне прольётся —
И засветлеет ночи миг.
Ведь песня вечна, словно солнце.
Давай, наяживай — старик!

УЛЫБКА

А мне печалиться неслед,
Когда душа вздохнет устало.
Я говорю: «Печали нет.
Печали нет, и не бывало».

Улыбку встречному дарю,
Потрусь щекой о луч скользкий.
И всем печальным говорю:
«Печали в жизни преходящи».

Ведь даже в пасмурный денек
Светлее даль, коль смех на лицах.
Улыбка девушки — намек
На то, что время ей влюбиться.

Смеется в сквере старичок,
И будто лучики морщины.
Он будет здравствовать ещё,
И хмурить брови — нет причины.

Пусть быт сильнее давит нас,
Но, зная, старается напрасно.
Огонь улыбки не погас,
А это, знаете ль, прекрасно.

ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ

Забытая, давняя песня
Воскресла во мне, и мотив
Звенит и новей, и чудесней,
И мне помогает в пути.

Оставят года отпечаток
На жизни твоей, человек...
Миг счастья — он в вечности краток,
Миг славы — как мартовский снег.

Но песня, как творчества слиток,
Добра, и «веселия глас»
Доносит из дали забытой
Родные напевы до нас.

Волнуется, плачет, смеётся,
Над нею не властны года...
Все тленно — душа остается,
А песня в душе навсегда.

ЗИМУШКА

Дарит Матушка-Природа
Красоту весны, зимы —
Для души, для глаз народа,
Жаль, не ценим это мы.

Ни жарою, ни морозом
Нам ничем не угодить...
Но как хочется, серьёзно,
Зиму русскую хвалить.

Ты б на улицу хоть вышел,
Поморозил нос, мой друг,
Осмотрел: сугроб на крыше,
Как бела земля вокруг,

Как в лазурные оконца
Средь пурпурных облаков
Лезет диск багряный солнца
Из-под облачных оков.

А снежок хрустит, искрится —
И всё в инее вокруг...
Красота! Как говорится,
Но не главное, мой друг.

На коньках и лыжах дети,
И на санках — на горе,
Ну, а в оттепель все вместе
Крепость строят во дворе...

И, конечно же, рыбалка,
Где на озере, зимой,
И в мороз бывает жарко
От поклёвок, дорогой!

Безусловно донимают
Ночи, вьюги, холода.
Но хоть грозы не сверкают —
Воздух чист зимой всегда.

Мошка, овод не кусает,
Не зудит в ушах комар,
Слава Богу, не пылает,
Хоть зимой, лесной пожар.

А какой подарок детям
Новый Год и Рождество?!
Прелесть всё ж зима на свете —
Русской сказки Волшебство!

Лев Маляков

* * *

Заболел я словами с детства.
Понимая мужицкую боль,
Деревенское приняв наследство,
Как завещанную юдоль.

В час порухи, в дурную годину
Приходили на помощь слова
И внушали крестьянскому сыну:
На земле ты всему голова.

Позабыл я карателей плети
И морозные ночи в снегу.
Но слова обвинений, как сети,
До сих пор разорвать не могу.

От магических слов воскресая,
Я сдавался на милость огня.
Те слова, как молитва святая,
Подымали над болью меня.

И теперь, в непонятное время, —
Даже козырь червонный не в масть.
Лишь русского слова беремя
Не дает мне бесследно пропасть.

* * *

Начну как с чистого листа —
Я снова на коне!
Родные сизмалу места
Судьба дарует мне.

Я долгожданной встрече рад
С приветливой рекой,
Бреду лугами наугад —
В моей душе покой.

За рошей бронзовеет бор,
Смолистый дух струит.
Что ни сосна — как бы собор
Над берегом стоит.

И словно в зеркале, в реке
Застыли облака.
Былинка у меня в руке,
Как лучшая строка.

* * *

Пейзаж увяданьем помечен —
Березы сгорели дотла...
В душе ворохнется: не вечен,
Не вечными были дела.

В смятенье прильнешь к белоствольной,
Свидетель — пустынный большак.
И вызвездит думы невольно:
Что сделано что-то не так.

И снова готов, как впервые,
Пустынное небо принять
И эти поля ветровые,
Где вольно любить и страдать.

ПУСТЫНЬ

Любезному батюшке отцу Иосифу...

Отец небесный, в пустыньке Твоей
Душа моя — Ты прикоснись к ней:
Она измаялась во тьме дорог
И только здесь нашла святой порог.

Душа устала от ненужных ссор,
Ведя с собою бесконечный спор.
Она устала от мирского зла
И просто ищет тёплого угла.

Душа боится «тени» за спиной,
Вот и несёт Твой Образ пред собой.
В уединенье тянется она,
Но я не знаю в чём её вина.

Ведь ей не надо почестей мирских:
Ей нужен Ты — не надобно других.
Отец небесный, тянется она
К Тебе, как к солнцу тянется трава.

Душе моей так холодно в миру,
А в чём вина её — никак не разберу:
Она устала рваться на куски,
Пытаясь жить по правилам мирским.

Готов предстать перед Тобою я,
Дай мне познать, в чём сила бытия...
Хочу постичь я истинную жизнь —
Ту, где едины Бытие и Мысль.

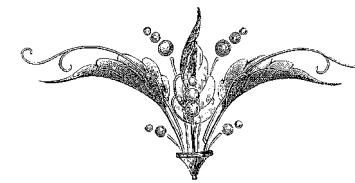
* * *

К себе ты загляни на «огонёк».
Чайку налей, горячего до боли.
Окно открой,пусти оттуда воли
Немного в свой укромный уголок.

Не прячься от погоды за стекло,
Пускай пробьют дожди твою беспечность:
С надеждой Бог нам вверил нашу вечность,
Так будем жить достойными Его.

И капелькой прольёмся за порог,
Увидим сами — все кругом пролились!
А там земля уже зазеленилась,
И сверху смотрит на Россию Бог...

Коснись любовью моего лица,
И в нём её увидишь отраженье:
По капле — реки, Словом — пробужденье,
И нет у нас начала, нет конца!

ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА

«Пашка, Пашка, приехал!» — эта новость моментально разнеслась среди малышни. Двор забурился, предвкушая встречу с Пашкой. И ребячье воображение уже рисовало горы шоколадных конфет, мороженого, жвачек и всякой другой сладкой «радости».

Пашка спускался по лестнице, а на лавочках уже чинно сидели ребята. Стоило только Пашке выйти во двор, как к нему рванулась толпа ребятишек. Началась толкотня, шум и гам. Пашка явно обрадовался такой встрече. И деньги из его карманов быстро были розданы малышне.

Из окна за сыном с укором смотрела мать. «Опять деньги раздает. Сколько раз говорила ему, что не надо так делать».

А он отвечал, что денег ему не жалко, пусть дети покупают на них сладости. Они же их любят.

«Сынок, тебе же эти деньги как достаются? Ведь жизнью рискуешь!»

«Ничего, мама, все равно».

«Сколько же можно, сынок, когда ты это бросишь? Пожалей мать! Ведь могут же и убить! Надо же до такого додуматься — бои без правил! Бог с ними, с этими деньгами».

Получив денежки, малышня притихла. Пашка улыбался, был доволен. И вдруг из-за плеча брата показалась кудрявая девчоночья голова, и в тишине прозвучал вопрос: «Дядя Паша, а правда, что у тебя голова железная?»

После паузы Пашка ответил: «Правда». Ребят как ветром сдуло, и Пашка остался наедине со своими думами. «Не железная, а титановая». И воспоминания, которых он так боялся, снова нахлынули на него...

Гул боя все нарастал. Духи прятались за деревьями и камнями, приближались перебежками. Вдруг ослепила яркая вспышка, за которой наступила темнота. Темнота эта жила. Клубилась вокруг него, обдавая то жаром, то прохладой. И тогда казалось, что он погружен в воду и, задыхаясь, из последних сил пытался выплыть наверх... Очнулся он в яме, в зиндане, где за плечо его дергал дружок Костя: «Пашка, очнись, очнись». Голова гудела, тело ломило, было больно пошевелиться.

«Что делать будем, Пашка? В плен взяли, гады! Ничего очухаемся, рванем отсюда!»

Рвануть удалось... Только Костю убили.

Слава Богу, Пашку нашли федералы. Потом снова война. Ранение и итог — в голове титановая пластина. Так голова стала железной, а какой стала душа? После лечения нашлись люди, которые вспомнили о его спортивном прошлом и предложили участвовать в боях без правил. Попробовал, сначала шло нормально, были и победы и деньги. Последний бой плохо помнил, соперник оказался

крепкий. А его подвела железная голова. Вправлять мозги отправили в дурдом. Если в зиндане не усидел, то что говорить о дурке. Далеко убежать не удалось, охранники скрутили. Пришлось вспомнить спортивные навыки. А в итоге получил срок. Адвокат на суде просил учесть, что воевал, имел боевые награды. Дали не слишком много. Спасибо, учли заслуги фронтовика...

А сейчас в тридцать лет надо начинать жизнь сначала.

15-8-3

Августовские ночи уже холодные и темные. Но волнение (приятное надо сказать), связанное с предстоящей поездкой заставляло забыть о ночной прохладе. Запах угля, такой специфический, приятный и такой вокзальный будоражил. Уже подали поезд, пассажиры стали входить в вагон. Народу набилось много. До тамошни еще было пару часов, а значит, можно отдохнуть.

Наконец приехали. С вокзала отправилась на маршрутку, которая повезла меня по родному городу, где я родилась и где сейчас меня ждет подруга. Возле дома подруги на глаза попался человек. «Да это же Сергей!» — была первая мысль. Да не может быть, он же живет совсем в другом городе. И потом, Сергей был высокий, красивый шатен с карими глазами, а этот мужчина в какой-то робе и стоптанных кроссовках, если и Сергей, то как отражение в мутном, треснувшем зеркале... Наверное, ошиблась.

И вот я уже сижу в доме подруги, мы долго говорим, ведь надо много-много рассказать друг другу. Город, с тех пор как я уехала, изменился, похорошел. Отреставрировали церковь, которая на моей памяти много лет стояла разрушенная.

«У церкви стали собираться бомжи» — рассказала подруга, — в основном мужчины. Есть даже бывший афганец. Сергеем зовут».

«А можно увидеть этого Сергея?» — спросила я.

«Конечно. Завтра пойдем в церковь. Он в выходные там побирается».

«Он или не он? — я насторожилась, сердце громко стукнуло. — А если он, Господи, что же с ним стало».

Назавтра пошли на утреннюю службу.

А когда вышли из церкви и огляделись, увидела вчерашнего мужчину, сидевшего на ящике перед входом в церковную ограду. Он не смотрел на проходящих мимо людей, отвернув голову в низ и в сторону. Но я уже узнала его, подошла.

Спросила: «Помнишь ли ты меня, Сергей?»

«Помню», — был его ответ, и его по смущенному взгляду, поняла, что он узнал меня еще вчера в городе, но не подошел, постеснялся.

Таким было начало нашего разговора, а продолжением его, а точнее рассказ Сергея о своей жизни, вышел печальным.

Пятнадцать лет назад сестра моей приятельницы вышла замуж. Ее избранником и был Сергей. Любила она его сильно. Но получилось, что через год развелись. И причиной их расставания стала Афганская война. Вернее ее последствие.

Тяжелая контузия, ранение... Смирный в трезвой жизни, во хмелю он за себя не отвечал. Выпивая, кричал, вспоминал гибель товарищей, с крика переходя на какой-то иступленный шепот: «Простите, ребята, прости комбат, что я остался жив, а вас нет. Я не виноват, я не виноват». Кричал он и ночами во сне.

Через год Сергей ушел жить к тете, благо у той в квартире хватило места и для него. После смерти тети ее квартиру продали, и Сергей оказался бездомным. Затем находил приют у женщин. А сейчас живет в ночлежке. Не работает.

Говорили мы с ним долго. О войне не хотел рассказывать. Я знала, что Сергей был связистом у самого комбата Королева — легендарного Королева. В афганской войне было много тяжелых сражений. Но потерям в Пандшерской операции ей не было равных. На глазах Сергея убивали комбата, ребят.

«Лучше бы я тогда вместе со всеми лег, — устало сказал Сергей. — Посмотри на мою жизнь — это мука и наказание».

Не раз его вынимали их петли. Орден Красной звезды он пропил. Документы, присланные из военного архива, потерял. Отморозил ноги, заснув на снегу. А когда попал в больницу, ему поставили диагноз — «порок сердца», который не замечали раньше.

Это была наша последняя встреча.

В ноябре получила письмо от подруги — о смерти Сергея. Не выдержало сердце. Умер мгновенно. Похоронили его как бездомного.

Через год в августе, я снова приехала в город моего детства. Пошла на кладбище искать могилу Сергея. Комендант, полная женщина, покрашенная, в каком-то цветастом платье, неуместном в скорбном месте, похожая в нем на увядший букет, высмотрела в регистрационной книге номер могилы: 15-8-3. Она же, недовольная, что приходится идти на кладбищенскую окраину, повела меня на участок для бездомных. Было видно, что ей неприятно здесь бывать, и когда я спросила, можно ли поставить крест, раздражаясь еще больше, ответила: «Над могилами бездомных не должно быть ни крестов, ни других опознавательных знаков». — И поскорее ушла.

Так и останется теперь могила русского солдата могилой неизвестного солдата Сергея безымянной, значащейся в архиве под числом 15-8-3.

А нужны ли они, эти опознавательные знаки, если к его могиле некому приходиться.

ЗА ПОСЁЛКОМ

Затуманились синие дали
И желтеет июльская рожь
От меня все печали отстали,
На ребёнка сегодня похож.

За посёлком косарь мирно косит,
Голубой свет по долам разлит.
Тёплый ветер июля доносит
Аромат отцветающих лип.

В косогоре душистом ,отлогом
Цветик— часики вспыхнул огнём!
Иван— чай у заросшей дороги
Разгорается ярким костром.

А роса так блестит перламутром,
По траве росной босым пройди!
У меня этим благодным утром
Разлилась безмятежность в груди.

ЗЕЛЕНОГЛАЗЫЙ АНГЕЛ

В пути безлюбном и суровом
Под вечер жизни кочевой
Лечи меня волшебным словом,
Зеленоглазый ангел мой.

Ты мне дана за всё мученье,
За всё терпенье и труды.
Ты мне дана для облегченья
Сердечной боли и беды.

Ты мне дана за все мытарства,
Моей хранительницей став,
Как проводник в другое царство,
Где свой закон и свой устав.

И за тобой иду, играя,
В страну, куда меня зовёшь,
И верю я, не понимая,
В твою пленительную ложь.

БЫТЬ!

Пока дано тревожно сердцу биться,
Пока рассудок говорит мне:
— Быть! —
Я буду плакать, радоваться, злиться,
Обманываться, верить и любить.

Спешить в пути,
Брести по бездорожью,
Учиться ремеслу у мастаков,
На тропах между правдою и ложью
Не возводить сомнительных мостков.

Ну, словом — быть!
И мудрости набраться:
Среди дорог протоптанных, чужих
Не оступиться и не затеряться, —
Чтоб совесть жгла!
И лгать, не смел бы стих!

ДУША ПОЭТА

Над Соротью Михайловские рощи,
Облюбовали живописный холм,
Где до сих пор стоит, простого проще —
Опального поэта скромный дом,

Где произнёс его опальный житель,
Вдали от воли суетной большой:
— «Поэзия, как ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой...»

С тех пор, подобно голосу свирели,
Слова живут во всех концах земли.
Кому-то, может, сердце отогрели
И, может быть, кого-нибудь спасли...

Пусть мир устроен «грозно и прекрасно»,
Но, сохраняя душу в чистоте,
Наверно, жизнь ты прожил не напрасно,
Когда она — служенье Красоте!

ЛАСКОВОЕ СЛОВО

И родилось слово
Светлое на свет.
Ничего такого
В этом слове нет.

Только всё на свете
Подобрело вдруг;
Стал теплее ветер,
Стал нежнее звук.

Стало небо ново —
Изменился цвет.
Ничего такого
В этом слове нет.

Но ушли печали,
И пропала злость.
Мы — не одичали:
Слово родилось.

В климате суровом
Стало жить и петь —
Ласковое слово
Победило смерть.

Александр Себежанин

ХЛЕБ

Хлеб ржаной, ещё тёплый, испечённый в печи деревенской,
Ничего в мире нет, что могло б быть вкуснее тебя!
За секретом твоим шли в наш дом из избышек соседских.
Бабка всем говорила: «Вы тесто месите любя!»

Печь топите с любовью, и хлеб в неё нежно сажайте,
А когда хлеб дойдёт — вынимайте на стол не спеша.
И за вашу любовь хлеб сполна вам ответит, вы знайте,
Хлеб удастся на славу, коль ласковой будет душа!

Если лада нет в доме, и кошки скребутся на сердце,
То не ставьте опару — не выйдет хороших хлебов,
Есть у теста «душа», всё она понимает, поверьте:
Чтобы вкусным был хлеб, жить должны в доме Мир и Любовь!».

* * *

Звёздами вышита неба косынка.
Ластится к берегу тихо волна.
Слышно, как шепчутся робко осинки.
Пахнет духмяным настоем копна.

Ветер улёгся в луга на ночёвку.
Дальней деревни зажглись огоньки.
Крест силуэтом венчает церковку.
Кротко молитву поют тростники.

Тихо на Русь мою ночь опускается,
День суетливый сменяя собой.
Время приходит подумать, покаяться,
Поразмышлять над своею судьбой...

НУЖНО ВЕРИТЬ

Ты не думай, что песни — отпелись,
что живые цветы — отцвели.
Что снегами злые метели
уж судьбину твою замели.

Заколдует весна капелями,
лето — травами задурманит,
птиц чарующими напевами
снова в юность тебя поманит.

Предзакатные зори-сполохи
мир раскрасят цветными красками;
Листопадов осенних шорохи
душу вновь разволнуют сказками.

Станет жизнь продолжаться, как чудо,
нужно верить лишь в это твёрдо.
После ночи — наступит утро.
После слякоти — встанет ведро!

Олег Тиммерман

И СНОВА МОЛОДОСТЬ ПОЕТ

Судьба в руках метаморфозы:
то свет ей мил,
то мрак сродни...
А ты
в стакан житейской прозы
вина поэзии плесни.

Не сомневайся в том,
что завтра
прерваться может с миром связь.
Святое зелье
выпей залпом,
а может быть не торопясь.

Представь, что вечен ты,
как солнце,
верша таинственный полет...
И снова женщина смеется.
И снова молодость поет.

В ПОЕЗДЕ НАДЕЖДЫ

Наряжается земля
в разные одежды.
Полстолетья еду я
в поезде надежды.
Здесь не спят проводники.
Здесь под стон гитары
юность пишет дневники.
старость — мемуары.
И мерещится опять

в полудреме липкой:
надо мной склонилась мать
с ласковой улыбкой.
Беспокойная душа
светится бессонно
и качает не спеша
колыбель вагона.

* * *

Когорта гениев земных.
Бессмертный путь...
Люблю я каждого из них
за что-нибудь:
за уникальный клавишин
и мудрый холст,
за стих в альбомах у кузин,
который прост.
И пусть я сам —
не обессудь! —
Ни то, ни се.
Я всех люблю за что-нибудь,
тебя — за все.
И значит,
ты прекрасней их
в моей судьбе:
рисунок, музыка и стих —
все есть в тебе.
Иначе и не может быть.
Пойми же суть:
не мог тебя я полюбить
за что-нибудь.

ДУША

Никуда душе не деться:
путешествует во мне.
Вот она
в скворешне сердца
Умещается вполне.
Вот она в моем мозгу
над страницей тетрадки.
Вот сгибает жизнь в дугу —
и душа уходит в пятки.

Вот со скоростью стрижа
в сновиденья улетела...
Вот люблю я.
Где душа?
В каждой
малой клетке тела.

СТАРЫЙ ЛЕС

Ни имени, ни отчества
у этого творца,
но как прекрасно зодчество!
И нет ему конца.

Какой архитектурой
волнует старый лес,
чьи ели темнобурые,
как шпили, — до небес!

А голубое озеро,
которое зима
под мрамор заморозила
и нас свела с ума?..

Творит природа истово,
красиво, от души,
поглядывая искоса
на наши чертежи.

ТОЛЬКО Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

В детстве каждый из нас наивен и доверчив. Проходят годы, и череда постоянных обманов заставляет нас учиться врать. Врать постоянно, надо и не надо, для собственной выгоды и во благо, которое часто оборачивается бедой.

Но пока нам четыре-пять лет, то если мы и врём, то только ради таких мелочей как выпросить побольше сладостей. Можно считать, что мы ещё чисты, почти чисты, но первые росточки великой лжи, в которой мы живём всю жизнь, уже пустили первые корешки в столь благодатную почву — наш мозг.

В самом начале безумных девяностых мне довелось работать в мастерской при одном из цехов великолукского локомотиворемонтного завода в должности прихватчика. Не удивляйтесь, у нас в стране большинству творческих людей приходится ещё где-нибудь работать, чтобы кормить семью.

Так вот, моя работа заключалась в том, что я собирал из прокатного уголка теплицы и электросварочным аппаратом начерно сваривал детали. А после этого профессиональные сварщики производили сварку набело. Всего нас работало шесть человек: три прихватчика и три сварщика, и среди сварщиков была одна женщина. Работа грязная, тяжёлая. Эта женщина, как и все сварщики, ходила в грубой брезентовой робе, но сварщицей она была знатной. А звали её тётя Женя. В прочем, на производстве, где все ходят в одинаковых робах, уравнивающих всех, сидя в курилке во время обеденного перерыва никаких «тётя» естественно не было и не могло быть. И звали мы её просто Женя.

В нашей «конуре», где мы отдыхали, постоянно шла игра в домино, за которой велись какие-нибудь разговоры, а так как в это время была война в Карабахе, мы однажды заговорили и о ней. Разговор был довольно-таки нейтральный, и каково же было моё удивление, когда Женя вдруг запричитала:

— Только б войны не было, только б войны не было.

Я с удивлением остановил её:

— Женя, ты чего? Какая война.

— Да мало ли американцы нападут на нас, или кто-нибудь ещё... немцы, например.

— С чего они будут на нас нападать? Сейчас совсем не та обстановка в мире, — попытался успокоить её я.

Но Женя не успокаивалась:

— Ты ничего не понимаешь. Война может быть в любой момент. Только б войны не было.

— Да брось ты, надо быть сумасшедшим, чтобы с нами войну начать.

— Молод ты ещё...

... И вот что она мне рассказала.

Женя родилась перед войной в глухой деревушке Баландино великолукского района. Деревня нищая, вокруг только болота, потому и называли её по слову «баланда», настолько голодно было в ней жить.

Немцы пришли в сорок первом. Думали, пройдут победным маршем, да не вышло. Поначалу им не до местного населения было, а вот ближе к сорок третьему году, когда их погнали, фашисты стали зверствовать, вымещать на жителях злобу. Пришли и в Баландино. Построили тех, кто остался, всё в основном бабы да дети малые. Даже дедов и то мало. На Руси мужики испокон веков долго не живут, а тут ещё и война покосила многих.

Согнали всех жителей к сельсовету. Стоят селяне, с ноги на ногу переминаются.

На крыльцо вышел холёный офицер, сапоги начищены, усики напояжены, в правой руке хлыст для форса, на лице брезгливость.

— Швайн, ви есть партизан.

— Что, Вы, господин, — запричитали бабы, — какие ж мы партизаны.

— Вы сейчас показывайт мне семьи коммунист и комиссар.

— Нет у нас таких, откуда им взяться. Мы люди бедные, — а сами головы опустили, взгляд прячут, боятся.

— Вы обманывать, — рассердился офицер, — это не есть хорошо. Мы вас будем стрелять.

Бабы завывали в голос:

— Нет у нас таких.

Но фашист не унимался:

— Обманывать не хорошо.

И тут произошло неожиданное. Что приключилось в маленькой детской головке у Жени, трудно сказать, дети ведь всё воспринимают непосредственно. Выбежала пятилетняя Женя из толпы и весело заявила:

— Есть у нас такие. Вот эти и эти, — и указала на семьи коммунистов и комиссаров. Как она запомнила, одному Богу известно. В деревнях оно ведь как, всё на виду, всё на слуху. Видно бабы между собой переговаривались, а Женечка всё слышала. А тут взрослый дядька, которого все слушаются, строго спрашивает. Скорее всего, в маленькой головке мелькнула мысль, что взрослым врать нельзя.

Семьи, указанные Женей, были повешены посреди деревни. Девочку никто не наказал, что с дитя неразумного взять? И в деревне ей никто этого случая не поминал. Вот только Женя всю жизнь маялась воспоминаниями. Чем старше становилась, тем больше осознавала ужас произошедшего с ней в раннем детстве.

Когда тётя Женя закончила свой рассказ, всё её лицо было в слезах, а губы нервно дрожали.

С тех пор прошло много лет. Я иногда вижу тётю Женю в городе. Она стареет, как стареем и мы. За эти годы Россия воевала в локальных конфликтах, а я всё время вспоминаю причитания:

— Только б войны не было, только б войны не было.

БЕЛОСТВОЛЬНЫЙ СВЕТ

У края поля — мятлик, хвощи,
И полевая веет грусть.
Вхожу в березовую рощу
И тихой-тихой становлюсь.

Вокруг светло и белоствольно,
Быть светлой надобно самой.
И так душа моя довольна,
Как будто я пришла домой.

А в роще благостно и ясно,
И с поля мне кричит дергач,
И шепчет ветер соучастно:
— А ты от радости — поплачь...

Смиренье или умиление —
Что душу тронуло опять?
Иль это Высшее веленье —
Березку-крохотку обнять.

О, эта сладостна отрада,
Вокруг святая благодать...
Я не могу березкой стать,
И мною ей не стать, не надо.

Игорь Исаевъ

* * *

Ну вот, опять иду на ощупь
И обернуться не умею.
Жить стало, в общем-то, попроще,
А выжить — чуточку сложнее.

Казалась длинною дорога
И нереальными — потери.
Но версты тают понемногу.
Непросто знать. Сложнее — верить.

Так незаметно мы стареем.
Хоть тело кажется сверхпрочным,
Но любознательное время
Отщипывает по кусочку.

И где они, мои свершенья?
Мои победы и ошибки?
Встречать последнее мгновенье
Спокойной, светлою улыбкой.

* * *

У реки крутые берега,
Но запас воды почти исчерпан.
Учит Церковь: Отпусти врагам!
Отпускаю. Падают зачем-то.

От обид, измен в крови — пожар,
Выпадают все пустые шансы.
Как-то много стали обижать.
Слишком часто стали обижаться.

За добро отдарится добром,
Может быть, еще ключом от рая.
Падает с деревьев серебро,
Но никто его не подбирает.

Иногда забытою виной
Осень вдруг потребует расплаты.
Раз простили все давным-давно,
Значит, скоро буду виноватым.

Сложное становится простым,
Но простое всякий ли поднимет?
Я опять прошу тебя: Прости.
Помяни в молитве мое имя.

* * *

*...Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу.
Иеромонах Роман*

Бог не вернул ума и чувств:
Господь не шлет и день не тот.
Найди себя под небом — пусто?
Заря крестила небосвод.

Отсчет секунд казался точным,
Глянь, от Адама — миллион
Имен, фамилий, или отчеств,
Пророчеств, что родится Он.

И не хватало нам немного
На той земле полупустой.
Толпа, рванувшаяся к Богу,
Так и останется толпой.

Ты попадаешь в чисто поле
Сквозь тернии и пустоту,
И, будь на то Господня воля,
Останешься надолго тут.

Не избежишь скорбей и плача,
Утрат, рожденных из надежд.
А если жив еще, то, значит,
Ты что-то должен был, но где ж

Лежит тропиночка к порогу?
Пройдя болото, степь пройди!
И если обратишься к Богу,
То и придешь к Нему — один.

* * *

Отче наш!
Во гневе и любви
Я молюсь Тебе во искупленье,
Чтобы все свершения мои
Не служили скудости и лени.

Славят: книголюб и книгочей.
Я молюсь и в праздники, и в будни,
Чтоб гордыне суетной моей
Не отдать и крохотной секунды.

Изречение сирое мое
Так ли уж кому-нибудь и нужно?
Слова заостренное копье
Слишком уж опасное оружие.

И во дни короткие мои
До тех пор, покуда кровь не стынет,
Дай мне, Боже, веры и любви
И избавь от гнева и гордыни...

Наталья Лаврецова

* * *

На Руси когда-то без причины
С чьей-то легкой повелось руки —
Самых дельных, терпеливых, сильных,
Называть простецки — мужики!

Он, мужик — он может дом построить,
Если надо — первым примет бой,
Он, мужик, не только в поле воин,
Если уж с тобой — то он с тобой!

Никогда с ним не бывает скучно,
К политесам разным не привык, —
Говорим, взирая равнодушно:
«Что же взять с него — ведь он мужик»!

То, порою, спорят без причины,
Пьют вино, но позабыв про страх
Мужики, по имени — «мужчины»
Очень тихо падают в полях.

Тост подыдем — за таких красивых,
За простых за наших мужиков,
На которых держится Россия.
На которых держится — любовь!

* * *

Отшумела любовь и прошла гроза,
Новость вечная — Se la vi...»
Я давно не глядела в твои глаза,
Ты давно не глядел в мои.

Сгоряча ударь по всем тормозам,
Хоть вселенной код набери,
Но уже не посмотришь в мои глаза.
Да и мне не смотреть в твои.

Будет все, как верховный судья сказал,
И как карты на стол легли...
Я давно не смотрела в твои глаза.
Ты давно не смотрел в мои.

Даже если за тысячу дальних верст
Разнесут нас в ночь поезда,
Будешь помнить одно ты всегда всерьез:
Ты в мои не смотрел глаза!

Катаклизмы миров, мировая дрожь,
Гул войны, земли передел...
Все за сердце берет, но важнее все ж:
Что в глаза мне не поглядел!

Жизнь прокатиться как по щеке слеза...
Но и с кем-то вдвоем, вдали,
Будешь думать: «А если мои глаза
В чьи-то смотрят, а не в твои?»

И когда сил не станет, чтоб вслух сказать,
Вспомнишь вдруг почти в забытии:
«Как давно не глядел ты в мои глаза...»
Я давно не гляжу в твои.

* * *

В этом мире при целях спесивых:
«Где бы, как бы, и чтоб поскорей,» —
Много стало людей некрасивых.
Мало стало красивых людей.

Тех, что ехали, строили, знали,
Что их руки повсюду нужны...
Но и все-таки мы их встречали
На просторах огромной страны.

Что такое и есть в этих лицах,
Что сыграть с ними хочется в «блиц»?
Чтобы как из колодцев напиться
Из святой глубины этих лиц?

Тех, что верили, новые даты
Прозревая в призывах весны...
Не судите, что так простоваты
От ветров вечных строек страны!

Но зато их глаза не лоснятся
От прибавочных центов в крови,
Но зато в их сердца не стучаться
Франки, доллары, евро, рубли!

...Что ж такое должно приключиться,
Чтоб вернуть лицам свет и мечту?
Как из этих колодцев напиться?
Как же лицам вернуть красоту?

Вера Сергеева

ЧЕЛОВЕКУ

Сначала встань чуть свет, чуть синь,
Тогда увидишь ты денницу.
Сначала зёрна в землю кинь,
Тогда ты соберёшь пшеницу.

Сначала отыщи ручей,
Тогда отведаешь водицы.
Сначала склон преодолей,
Тогда вершина покорится.

Сначала дерево полей,
Тогда оно с плодами будет.
Сначала ты согрей людей,
Тогда тебя согреют люди.

Сначала парус распусти,
Тогда и ветер жди в подмогу,
Бывает всякое в пути —
Взять совесть не забудь в дорогу.

* * *

Только с крылечка — навстречу мне звёзды,
Только на тропку — полынная чадь...
От суеты и до Вечности — вёрсты,
Разумом их не объять, не понять...

Месяц в речной колыхается сини.
Стынет за лесом сгоревший закат.
А за закатом — уже не Россия,
Там чужеродных селений парад.

Светят им эти же чистые звёзды
И отражаются в чьём-то пруду.
Так же качает полынная роздымь
Чью-нибудь радость и чью-то беду...

Нас разделяют приметы границы
И пограничный серьёзный дозор,
Им не подвластны лишь вольные птицы
Да золотистых созвездий узор.

Вот бы и нам, как созвездьям, как птицам,
Не утопать бы в губительном зле,
Не враждовать бы, а всем — научиться
Светом душевным светить на Земле.

ВОСПОМИНАНИЙ ВАЛЬС

Рассказ

В торжественность, приподнятость выпускного вечера постепенно стало вплетаться какое-то липкое, тягучее напряжение. Позади главное событие дня — вручение долгожданных аттестатов зрелости, подтверждавших, что прошедшие годы прожиты не зря. Поздравительные слова директора школы — проникновенные и добрые, а главное, для каждого выпускника, даже самого нерадивого, но дотянувшего до заветного дня. Горячие и искренние слова благодарности учителям — и от ребят, и от родителей. Шумный переход к длинному, узкому столу вдоль дальней стены, уставленному разноцветными пахучими салатами, десятком живописных тортов и запотевшими бутылками с безалкогольными напитками. Первый и единственный тост под громкий салют пробок от шампанского. Одним словом, все, как положено на выпускном вечере.

Когда стол оказался опустошенным, народ отступил, занимая пространство вдоль стен: учителя постарше и мамы ушли в сидячую оборону — на стулья вдоль стен; немногочисленные отцы, преодолевая пустоту широкого пространства зала, сбились в стайку у входа, восполняли упущенные за долгие годы учебы чад возможности общения, знакомились, активно пожимая друг другу руки, перебрасываясь незначительными фразами по поводу течения вечера. Чувствовалось, что у этой группки уже созревала мысль об исполнении своего родительского долга и об острой необходимости закрепить знакомства где-нибудь подальше, в пространствах более замкнутых и менее многолюдных. Однако каждый из них ощущал на себе прицельные взгляды своих половин, зорко стороживших желающих незаметно исчезнуть мужчин.

Первая часть вечера закончилась, началась вторая — танцевальная, которую выпускники ждали с особым нетерпением. Но именно переход к ней и внес в вечер какую-то разлаженность. Разогретые общением и чувством свободы от школьных обязанностей ребята готовы были самоотверженно отдаться зажигательным ритмам, но не было привычного полумрака, в котором они только и могли чувствовать себя раскованно. А тут — как на подиуме, где со всех сторон — пристальные взгляды взрослых.

Музыка звучала, но танцы не начинались. Ребята, потоптавшись в кучке, стали вышмыгивать из зала — проветриться. Интерес девушек к танцам мгновенно поубавился. Конечно, можно подергаться, но без ребят и вовсе скучно. А тут еще — глаза, глаза. Вечер грозил быть скучным и недолгим.

Ирина Григорьевна, председатель родительского комитета, сама бывшая учительница, шестым чувством угадала причину возникшей неловкости. Но как её исправить? Попросить родителей и учителей удалиться — верх бестактности. Сами же они не уйдут. И все же вечер-то для ребят! Как член оргкомитета,

отвечающий за сценарную часть вечера, она лихорадочно искала выход, чтобы переломить ситуацию.

Нужен был толчок, событие. Снова оглядев порядком опустевший зал, группки скучающих и чего-то ждущих людей, она быстро поднялась на сцену, скрылась в звуковой рубке.

Музыка прервалась, и неожиданная оглушительная тишина опустилась тяжелым облаком на присутствующих. И тогда в микрофоне зазвучал голос Ирины Григорьевны, взволнованный и оттого торжественно-значительный, заставивший даже стоящих за дверью заглянуть в зал и посмотреть, что там происходит.

Она не стала поздравлять выпускников с окончанием школы — об этом уже столько сказано! Просто напомнила, что сегодня вечер особый, неповторимый, и, каким бы он ни был, он останется в памяти на всю жизнь. И еще о том, что час назад все присутствующие испытали удивительное чувство единения, душевной привязанности к школе. И что сейчас прозвучит для всех собравшихся бессмертный, вдохновлявший не одно поколение выпускников «Школьный вальс» — во имя учителей, отдававших детям свои знания и тепло души, во имя родителей, деливших с ребятами и горести, и радости ученических лет.

— Этим вальсом вы, дорогие ребята, прощаетесь с детством. А вы, уважаемые взрослые, на мгновение вернетесь в свою незабываемую юность. Мужчины, юноши, за вами право начать этот общий танец, после которого мы, взрослые, дадим вам, ребята, возможность еще раз окунуться в стихию школьной дискотеки.

Когда Ирина Григорьевна спустилась в зал, танец был в самом разгаре. Она отметила, что мальчишки пригласили в основном учительниц или матерей и неумело, но очень старательно вели своих партнерш по кругу, к сожалению, лишив их возможности прочувствовать в полной мере обаяние танца — кружить своих партнерш большинство из них не умело. Молодежь выбрала другие ритмы, другой стиль, вальс остался для них не востребуемым. Другое дело пары, ведомые папами, которые в короткий срок сумели подчинить себе своих, в большинстве юных, партнерш и в одночасье закружить их по кругу.

Танец растормошил зал, заполнил пространство музыкой, движением, вернул в зал ускользнувшее было веселье. «Школьные годы чудесные дружбою с книгою, с песнею. Как они быстро летят — их не воротишь назад! Разве они пролетят без следа? Нет, не забудет никто никогда школьные годы!»

Глядя на этот живой хоровод танцующих пар Ирина Григорьевна невольно перенеслась мыслью в далекие годы своей юности, в свой выпускной...

Их школа дружила с речным училищем. Общие вечера, общие концерты для ветеранов, выезды в один и тот же совхоз на уборку урожая, много других общих дел. И, конечно, первые влюбленности, в том числе в ребят из училища, в речников, как принято их называть.

Она могла бы сказать, что её не коснулась повальная влюбленность одноклассниц в этих бравых, подтянутых ребят — тайным хранителем её сердца был одноклассник Миша, однако у него была другая избранница. И все же был один

человек, который занимал её воображение, из-за которого она тоже рвалась в субботние вечера на танцы в училище. А получить приглашение на вечер было чрезвычайно трудно, особенно если у тебя не было там парня, который передал бы желанный билет. Выручали общие вечера, в программе которых были танцы.

Ведь именно из-за этих злополучных танцев она и обратила внимание на Него. Кстати, за все полтора года, что длилась эта непонятная ее тяга к Нему, она так и не узнала имени — вернее, сознательно избегала этого узнавания, чтобы не разрушить очарование тайны, неизвестности, недостижимости то ли мечты, то ли желания знакомства. Она, действительно, не была в него влюблена. Главное было в другом: ни в школе, ни в училище не было никого, кто так виртуозно, притягательно-легко, предупреждающее вежливо умел вести в танце партнершу. В его руках любая девушка вдруг становилась летящим, порхающим мотыльком. Особенно если они танцевали вальс.

Ей, натуре возвышенной, воспитанной на средневековых романах чести и бескорыстной, чистой любви, этот танец оставался навсегда любимым. Новомодные, сменяющие друг друга стили «самовыражения», железные, бухающие по голове ритмы так и не повернули её в сторону «кривлянья», что и стало причиной раннего охлаждения к танцевальным вечерам, дискотекам, как их стали называть.

А в речном училище, большую часть вечера играл духовой оркестр, часто звучали вальсы и танго. Светлый, блестящий и очень скользкий паркет так и зазывал ступить на него в паре с надежным партнером. Он положит свою твердую руку на талию, слегка притянет партнершу к себе и уверенно увлечет за собой в стихию музыки и слаженного ритма, когда даже малейшее движение, совершенное ведущим, тут же угадывается и подхватывается ведомой им девушкой, и эта гармония и слаженность движения, это единение волнует больше, чем объятья и поцелуи, которые разрушают воздушность и недосказанность душевного притяжения.

Она не раз видела, она всем существом ощущала в Нем талантливого танцора. Не раз с замиранием сердца наблюдала, как вихрем пронесется он с очередной партнершей из конца в конец зала, виртуозно находя лазейки в плотном круге танцующих пар. И её сердце разрывалось от единственного желания — хоть на один миг оказаться в вихре вальса рядом с ним.

Ирина была хороша собой, её многие приглашали на вечерах, пытались завязать знакомство, но она всякий раз уходила домой одна, ускользая от наиболее навязчивых поклонников. Почему? Она сама не знала. Может, ждала встречи с ним? Нет, вне танца он был как все, хотя весьма недурен собой, но отталкивала, а может, просто настораживала его, возможно кажущаяся, ветреность: партнерши, что ни вечер, менялись им, как перчатки. Нет, ей хотелось одного: утолить неумную страсть — хоть однажды оказаться в его руках и закружиться в вальсе.

Это случилось, когда надежды не осталось, да она вообще как-то потускнела и улетучилась в преддверии важных событий — экзаменов, выпускного вечера. Как раз на выпускном, неожиданно для себя, она увидела Его, резко вы-

делявшегося из толпы своей формой. Странно, кто бы мог пригласить, подумалось ей, ведь ни разу не замечала, чтобы танцевал с кем-то из их выпускного класса.

Закончилась официальная часть, начались танцы. Зазвучал «Школьный вальс»; пары, одна за другой, вливались в круг. Она как раз решила присесть — жали новые туфли, тем более танец был в разгаре, а её никто не пригласил.

И тут, только она нагнулась, чтобы рукой стянуть упирающуюся туфлю с пятки, как кто-то перехватил руку и повелительно, как ей показалось, сказал: «Пойдем!»

И все. Дальше все впечатления слились в одно ощущение полета. Она не замечала, когда ее ноги успевали едва коснуться пола, чтобы снова вознести неведомое, управляемое опытной рукой партнера тело в вихрь кружения, она летала над полом, над землей, она торжествующе осознала, что потрясла его своей чуткостью к любому движению, податливостью и упругой отстраненностью своего тонкого стана — она победила Его! Да и сама она была потрясена ощущением беспредельности своих душевных и физических возможностей. Она летала! В танце, имя которому — вальс.

Это нельзя было повторить — ни в вальсе, ни в другом танце. Она вздохнула легко и свободно. Что-то свершилось, прекрасное и желанное, для нее этот вечер закончился самой высокой нотой. Нельзя было прозой жизни развеять тайну откровения, и она вышла из школы, не оглянувшись, не ища взглядом Его, ничуть не жалея, что переступает порог, и в прошлое не будет возврата. Именно в минуты ей открылись какие-то неизведанные дали, к которым нужно спешить.

Её окружила серая дымкость зарождающегося дня. Она жадно вбирала в себя зябкость и свежесть земли, её тишину и умиротворенность. А душа куда-то спешила, звала. Куда? Она не знала. Возможно, летать. А может, просто жить.

Музыка умолкла, и Ирина Григорьевна оторвалась от воспоминаний. Взглядом окинула зал, по которому в разные стороны расходились пары. Взгляд из толпы выхватил Галю. Раскрасневшаяся, явно счастливая, дочка шла к подружкам, по-взрослому положив руку на сгиб локтя Николая, ее одноклассника. Ирина Григорьевна давно заметила, что между ребятами установились трепетные отношения, они часто встречались, и, кажется, что особенно радовало мать, не торопились переступить грань дозволенного.

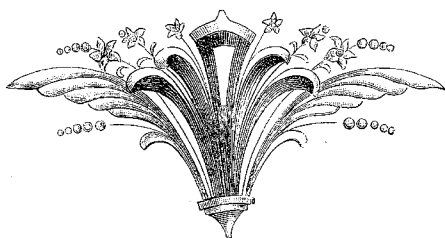
Николай подвел Галину к подружкам, но не отошел, видно, ожидая следующего танца. Ирина Григорьевна улыбнулась: нечего подглядывать за молодыми.

Атмосфера торжественной приподнятости и единого светлого настроения собравшихся мгновенно была разрушена громовыми залпами дискотечных ритмов. Молодежь оживилась, зашумела, самые нетерпеливые, на ходу пританцовывая, заторопились к центру зала, создавая плотный круг танцующих.

Ирина Григорьевна проследила взглядом за Галей и Николаем — они тоже вошли в круг, но их движения были замедленными, они, видимо, никого не замечали, занятые только друг другом, а возможно, все еще находились под гипнозом вальса. Да, скоро им предстоит разехаться в разные города, чтобы поступать в институты — увы, разные. У них сегодня вдвойне особенный вечер.

Ребята уже не обращали внимания на взрослых, а те потихоньку стали исчезать за дверью. Только несколько родительниц о чем-то тихо беседовали в дальнем углу зала, им предстояло дожидаться конца вечера — мало ли что может случиться! — и после навести порядок в зале. А вот ее миссия подошла к концу. Можно уходить. Попрощавшись с оставшимися дежурить членами родительского комитета, она вышла из здания школы.

Белая ночь невидимым ласковым покрывалом окутала ей плечи. Дивная ночь! Она по привычке окинула взглядом небесный свод, отыскивая любимое с детских лет созвездие Орион. Три звезды его пояса слабо мерцали на уже светлеющем с двух сторон небе. Что загадать в этот раз? Дай, Боже, дочке испытать всю глубину чувства первой привязанности, не омраченной пошлостью скороспелой близости. Звезды мерцали в вышине, как будто передавали азбукой Морзе ее просьбу куда-то выше, в бесконечность.

ДУША ПОД НАРКОЗОМ

Душа моя — будто под местным наркозом:
Всё видит, всё слышит и всё понимает,
Однако давно сострадания слёзы
Её, онемевшую, не посещают.

Торнадо, пожары, цунами на море...
Уносятся жизни, ломаются судьбы...
Но душу чужое не трогает горе;
Ах, как ей навеки веков не уснуть бы!

Глазам не поспеть за бегущей строкою:
«...с радаров исчез...не осталось...не найден...»
И вновь не задело несчастье людское...
Ну, дайте проснуться душе моей, дайте!..

Мольбу мою кто-то услышал — и жалость
Ко мне одноногой голубкой спустилась;
Ей крошки бросала, а сердце сжималось,
И слёз накатившихся я не стыдилась.

ШЁЛ МУЖИК...

Через поле, травой некошенной,
Шёл мужик в одежонке поношенной;
Много вёрст мужиком было пройдено
По ухабам, канавам, колдобинам...

Шёл мужик и в жару, и в ненастье,
Как слепней, отгоняя напасти;
Горькой доли своей не перечил —
Нёс её, приторочив на плечи.

К унижениям и хворям привычный,
По земле шёл мужик горемычный;
Истрепалась обувка, одежда,
Лишь в душе не погасла надежда

Шёл мужик, кулаки сжав до боли,
Через жизнь, как по минному полю...

НЕ ОБОЗЛИСЬ, ДУША

Не обозлись, душа, не обозлись —
Пускай, судьба с судьбою разошлись,
Или обидел чем-то лучший друг,
Или удача вырвалась из рук.

Не обозлись, душа, не обозлись —
Синице упорхнувшей улыбнись:
Прислушайся, как песенка звонка
Той пташки, что взлетела к облакам.

Не обозлись, душа, не обозлись —
От друга сгоряча не отрекись;
И слово долгожданное — «прости» —
Ты за него сумей произнести.

Не обозлись, душа, не обозлись —
Своим невзгодам в ноги поклонись:
Судьба, что бьёт так больно, всякий раз
Усиливает прочности запас.

Не обозлись, душа, не обозлись.

Игорь Плохов

* * *

Моей любимой супруге Белле

И снилось мне,
что мы с тобой венчались
среди икон
и плачущих свечей,
и там, во сне,
мелодии звучали —
печальный звон
и радостный ручей.
А мы летели
(были мы крылаты!) —
парили где-то
в сладостном чаду,

и песни пели
в дождь про перекааты
и про ладошку,
спасшую звезду.
И не «от жира»
мы пекли картошку,
варили чай
и мудрую уху;
под жар костра
взрослели понемножку,
предпочитая
праведность греху...

* * *

Лунные лиры,
Юные музы...
Мы полюбили
Дождливые блюзы;
Сотни историй
В нашем портрете —
Млечное море,
Солнечный ветер,

Призрачный поезд;
Снежная буря
Окна укроет,
Брови нахмуря...
Прячась от холода,
Катят вагоны
В стужу из города
Вечных влюбленных...

Ранние встречи,
Белые ночи,
День на престоле —
Гения почерк...
Сонные мели,
Талые ливни,
Соло метели —
Соль на картине...

* * *

То бьют литавры исступлённо —
то плачут скрипка и гобой;
то притяженье глаз влюблённых,
то глаз незрячих взгляд пустой...

То жизнь, то смерть, то воскресенье —
и возвращенье на тропу,
где на Голгофу восхождение
иль нисхождение в толпу.

То радость от неожиданной встречи,
то горечь от пустых побед;
то ощущение, что — вечен,
то понимание, что — нет.

Николай Рассадин

ТРЕТИЙ РИМ

Теперь уже не в счёт долги и сплетни.
Теперь не важно трезв ты или пьян.
Нас не пугают ни петля, ни плети,
Ни самый омерзительный изъян.
Всё на виду, изнанкою наружу:
И подлость в плюс, и алчность не порок.
И храм искусства никому не нужен,
И храм науки никому не в прок.
И вот уже грядёт четвёртый всадник,
Но третий Рим не слышит стук копыт...
Гуляет плебс, и у богемы праздник,
А «римский консул», как младенец спит.

ИСХОДА НЕ БУДЕТ

Не будет исхода, «египет», ликуй,
Мы строим твои «пирамиды».
Их будет немало на нашем веку,
Ступенями в царство Аида.

Нам эти постройки милее пенат.
Нам рабство дороже свободы.
Суровой бедой обернулась вина,
На долгие, долгие годы.

Ещё «моисей» не родился на свет.
«Иосиф» понятнее судит...
Не будет исхода, коль пастыря нет,
Живите, исхода не будет!

Владимир Свекольников

МОЙ ПОКЛОН

Поклон земле от тела,
А небу от души...
Судьба так повелела —
Не пролагать межи
Меж небом и землею,
А быть у них звеном —
Искринкою живою
В пространстве мировом.
В костре самосожженья
На поприще земном,
Мы ищем откровенье
Всегда, везде во всем —
И в малом, и в великом,
В мудренном и простом.
В молитве перед ликом
С утра и перед сном.
И если не находим, —
Не прерываем путь, —
Концы с концами сводим,
Нащупывая суть...
Кому какое дело,
Что круты виражи —
Поклон земле от тела,
А небу — от души!

СУДЬБА

Судьбу не переломишь
И не перехитришь.
Лишь свет желанный ловишь
Или в сердцах молчишь,
Терпенье собирая
На весь дальнейший путь,
До самого до края
И там уж не свернуть...
Судьба-судьба... Суд Божий, —
Тебя не угадать,
Но есть надежда все же
На Божью благодать.
Любой из нас, из смертных,
Надеется и ждет,
Что на последних метрах
Прозренье обретет.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Грех на душу возьмешь? —
Не надо, не бери...
Смотри, куда идешь —
Там пропасть впереди.
Там сущий ад и ложь,
Которой нет конца.
Там вечный зуд и дрожь
С потерей лица.
Постой, повремени —
Не торопи судьбу.
Еще горят огни
И светят на тропу.
Куда она ведет?
Не спрашивай, иди.
Всю жизнь, как крестный ход
С молитвою в пути.

ДОРОГА

Дождь на вкус немного пресноват, —
Иногда навязчив и зануден.
День под ним обычно мрачноват
В череде меняющихся буден.

Но и в нем, как и во всем другом,
Есть всегда сермяжная утеха, —
Что не зря мы все-таки живем,
Постигая тайны слез и смеха.

Принимая дождь и суховей,
Мы уже не сетуем на Бога,
Потому что знаем, что дорога
Выбрана Всевышним для людей.

Нам идти по ней, скользя и спотыкаясь,
Нам идти по ней до самого конца...
Не всегда, быть может, улыбаясь,
Но стремясь не потерять лица!

Надежда Камянчук

МОЛИТВА

Я посреди Руси стою,
как будто бы на поле битвы:
узри, Творец! Услышь, молю,
мои горячие молитвы.
Мне страшно видеть, как враги
терзают наше государство,
прошу, Россию сбереги
от их корыстного коварства.
Земные недра и леса
не отдавай на разграбление,
являя миру чудеса,
всели в них совесть и смирение!

Гляжу на светлые кресты
в невежестве своем великом,

сомкну неловкие персты,
клонясь перед светлейшим ликом:
неискуплённая вина —
жестокая судьбина наша,
быть может, нам на то дана,
чтоб выпита была до дна
Тобой наполненная чаша?..

Услышь! Я снова повторяю
мои горячие молитвы.
Я посреди Руси стою
Как будто бы на поле битвы!

Станислав Золотцев

РОССИЯ ПИШЕТ...

Россия пишет стихи и прозу
в годину смуты, в чаду разрухи.
А — всё про то же: и о берёзах,
и о свиданьях, и о разлуке.
Любого в мире сильнее гипноза
её словесность — а ей всё мало! —
Россия пишет стихи и прозу
как никогда ещё не писала.

В ином посёлке — ни баб тверёzych,
ни мужиков не найдёшь тем паче.
Но — есть мальчишка: такую прозу
он сочиняет, что черти плачут.
И есть девчонка: как жемчуг нижеет
стихи, что мёртвых бы воскресили.
И знать не знает она, что движет
её ручонкой сама Россия.

Дождём кровавым исходят грозы
над ней, но болью, глубинной самой
Россия пишет стихи и прозу,
как НИ-КОГ-ДА ещё не писала!
О них и ведать ещё не может
читатель русский в быту свинцовом.

Но день России не даром прожит,
коль в нем возникло живое слово.

Почти нагая, почти босая,
не перестанет сквозь кровь и слезы,
себя спасая и мир спасая,
писать Россия стихи и прозу.

РУССКАЯ ВЕРА

Верю в чудо жив человек на Руси —
даже смертельно устав от врачей и аптек,
даже не в силах восстать из житейских трясин,
даже когда он изгой или зэк —
верю в чудо жив на Руси человек...
На пепелище родном посреди головех
верю в чудо жив человек на Руси.

Что же мы впали в уныния грех,
словно в пустыню — остатки замученных рек?
Разве Всевышний уже нас не воскресил?
Верю в чудо жив на Руси человек.
Верю в чудо жив человек на Руси.

* * *

В начале века
и тысячелетья —
всё то же на земле, что век назад
и тысячу годов... Свинцом и медью
звучит небес недремлющий набат.
И на дыбах Россия — и на дыбе.
И мертвен лик её — и жив. И свят.
И кривичи-словене молодые,
как пращурь, душою не кривят.
А время хлещет огненной плетью,
и ядерные точатся мечи.
В начале века и тысячелетья
ещё звенят Словенские ключи.

О, если бы магнитной сердцевиной
 для русских сил размётанных им стать
 Так воедино матерью пчелиной
 сбирается роящаяся рать...
 Чтоб не истлел в духовных медоносах
 наш добрый мёд, не собранный пока.
 Чтоб рядом встали Невский и Матросов
 с Шестою ротой псковского полка!
 Ни сгинуть не смогу, ни умереть я,
 пока живут на свете псковичи.
 В начале века
 и тысячелетья
 ещё звенят Словенские ключи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Анатолий Алексеевич. Родился 27 октября 1953 года в деревне Кладовицы Локнянского района Псковской области. Окончил Локнянскую среднюю школу. В 1976 году окончил Ленинградский университет, кафедру археологии. С 1976 года работает в Псковском государственном музее-заповеднике. Автор научной книги и более 100 научных статей. Кандидат исторических наук с 1985 года. Издал поэтический сборник «И Пскова вечная дорога». Член Союза писателей России. Живёт в г. Пскове.

Алексеева Валентина Александровна. Прозаик, поэт. Родилась в 1948 г. в г. Шадринске Курганской обл. в семье военнослужащего. Закончила Псковский Индустриальный техникум. Работала инженером-конструктором на заводе, методистом общества «Знание», оператором газовой котельной. Публиковалась в журналах «Нева», «Север», «Молодая Гвардия», «Бежин Луг», «Наш Современник», газетах «Литературная Россия», «Гудок», в «Антологии Псковской литературы», в коллективных сборниках, в местных периодических изданиях. Имеет две книги прозы «Утро Тихона Васильевича» и «Возвращение к себе», а также три поэтических сборника: «Цейтнот», «Линия судьбы», «И вновь на Руси...». Член Союза Писателей России с 1994 г.

Бениаминов Андрей Геннадьевич. Родился в г. Пскове в 1968 г. Офицер государственной противопожарной службы МЧС России. Поэт, публицист, член Союза писателей России, член Русского литературного клуба. Номинант международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» за 2010 г. Автор сборника стихов «Может, сбудется?», вышедшего в 2008 г. Неоднократно публиковался в поэтических сборниках Пскова, Москвы, С-Петербурга, а также в литературной периодике (газета «Российский интеллигент», журналы «Голос эпохи», «Родная Ладога», «Викинг»...). Ряд стихотворений переведены на болгарский и украинский языки. Редактор сайта псковской писательской организации «Псковский литературный портал» (<http://pskovpisatel.ru>). Постоянный координатор и ведущий фестиваля исторической поэзии «Словенское поле».

Бологов Александр Александрович. Родился 7 сентября 1932 года в г. Орел, в семье железнодорожных рабочих. В 1949 году окончил школу юнг Балтийского флота в Риге. Затем в 1955 году судомеханическое отделение Ломоносовского мореходного училища. В 1981 году закончил заочно филологический факультет Ленинградского государственного университета. После

переезда в Псков в 1963 году, работал учителем литературы и черчения в школе № 8, затем старшим редактором в Псковском отделении издательства Лениздат. Повести и рассказы А. А. Бологова публиковались в центральных российских журналах («Юность», «Наш современник», «Нева» и др.). А.А. Бологов — заместитель председателя приемной комиссии Союза писателей РФ и член Высшего творческого совета Союза писателей РФ. В 1983 году за книгу «Последний запах сосны» получил премию Союза писателей РСФСР «За достижения в прозе». В 1995 году — премию Администрации Псковской области за роман «Слепые крылья мельницы». В 2006 году — премию В. М. Шукшина — конкурса «Светлые души» (короткий рассказ).

Березов Александр Григорьевич. Родился 30 июня 1964 г. в д. Гавры Пыталовского района. Псковской области. В 1986 году окончил факультет иностранных языков ПГПИ им. Кирова в г. Пскове. Печатался в местных периодических изданиях, «Учительской газете», альманахе «Скобари». Изданы книги стихов «Дорога В Приют Богов» и «Между светом и тьмой». Работает учителем в Пыталовской средней школе. Живёт в г. Пыталово.

Борисов Евгений Андреевич (1932—2004). Родился в деревне Апросьево Палкинского района Псковской области. Отец был репрессирован, мать была схвачена гестаповцами в 1944 году. Воспитывался бабушкой, был малолетним узником в фашистских лагерях. После войны учился, работал, служил подводником на Балтике. Учился в литературном институте им. А. М. Горького. Работал линейщиком связи, журналистом, кочегаром. На Камчатке работал на буровой вышке. Член Союза писателей России. Автор поэтических книг: «Срочный груз», «Каменистое поле», «Гостинец» и книги прозы «Ольгинский мост».

Будылин Иосиф Теодорович. Автор книг «Деревенский Пушкин», «Пушкинский заповедник: музей и жизнь», «Святые Горы» (автор-составитель), «Золотая точка России». Работал в Пушкинском Государственном заповеднике: заведовал музеем-усадьбой «Тригорское» (1995—2000). Научный руководитель издания «Пушкинская энциклопедия «Михайловское» (2004). Публиковался в журналах «Псков», «Мир музея», «Живописная Россия», «Экология и жизнь», «Невельский сборник», «Литературная газета» и других. Культуролог, краевед. кандидат педагогических наук.

Винк Владимир Иванович. Родился 14 июля 1933 года в деревне Семёновка Локнянского района Псковской области. окончил Ленинградский сельскохозяйственный техникум. Служил в армии: зенитная артиллерия, город

Горький. После армии работал в мелиоративной станции (Локнянский район): помощник бригадира тракторной бригады, бригадир, начальник участка и т.д. Позже работал редактором районной газеты в Плюссе, потом снова локнянская газета и наконец «Великолукская правда». Первая подборка стихов была опубликована в локнянской газете в 1959 году. Однако от стихов вскоре отошёл. Первая книга прозы «Дуэль» увидела свет в 1994 году. Затем были «Белая гипотенуза», «Конец фон Засса», «А зачем козе гармонь», «История далёкая и близкая», «Полёт Маруська на планету Ку-ку», «Победители», «Повести», «Искры и осколки любви», «Ностальгия по жар-птице», брошюра «80 лет «Великолукской правде». Публиковался в журналах «Север», «Русская провинция», в сборнике «Скобари», газетах. Член Союза писателей России с 1998 года.

Виноградов Иван Васильевич (1918—1995). Профессиональный журналист, прозаик и поэт. Участник Великой Отечественной войны на Псковской и Ленинградской земле. А.Ф. Майоров, бывший начальник политотдела 2-й Ленинградской бригады, писал в предисловии к книге «Строки, пропахшие порохом»: «Автор этой книги И.В. Виноградов — опытный журналист, отдавший газетному делу более сорока пяти лет своей жизни. Редактировал районную газету, был редактором «Псковской правды», в течение 25 лет был собственным корреспондентом «Правды»... Основные публикации: На берегах Шелони (Очерк о Ленинградском партизанском крае). М., 1963; Костры и версты: Стихи и песни. М., 1969; Не расстанусь с тобой: Стихи. 1976; Дорога через фронт. Записки партизан. М., 1976; Строки, пропахшие порохом. Л., 1981; Тревожные дни марта: Ленинградский край в марте 1942 г. Л., 1984; Легендарный обоз: О продовольственной помощи Второй партизанской бригады осажённому Ленинграду весной 1942 г. Воронеж, 1987; Душа у памяти в плену: Стихи и проза. В 2 т. Псков, 1996; Герои и судьбы: Партизанское движение в Великой Отечественной войне. Л., 1998.

Гринберг Георгий Михайлович. Родился в 1929 году. С 1941 г. по 1944 г. был в эвакуации в Сибири. В 1953 году окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал изыскателем железных дорог на Севере. С 1961 года по 2000 год жил в г. Алма-Ата, работал в проектной организации. В 2000 году переехал в г. Псков. Автор книг стихов: «Я вновь судьбу благодарю» и «Я так вижу».

Гончаров Николай Семёнович (1925—2014). Родился на Украине. Вырос в Сибири, куда во времена сталинских репрессий была сослана его семья. В Новокузнецке закончил литературное отделение местного педагогического

института. В 1962 году переехал в Великие Луки. Н.С. Гончаров преподавал изобразительное искусство в школах, историю искусства в детской художественной школе. Ему принадлежит авторство ряда публикаций о деятелях искусства прошлого и современности, о достопримечательностях края, о выдающихся земляках, писателях Псковщины. В 2001 году вышла его книга «К берегам детства». Им же подготовлена к изданию книга о художнике Леониде Птицыне. Писатель вёл активную просветительскую деятельность, выступал с лекциями о литературе и искусстве на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях. Также им было организовано несколько выставок художников-земляков. С 1980 по 1997 год был художником-педагогом дополнительного образования в Полибинском детском доме, создал музыкальную гостиную и студию. Гончаров — инициатор и организатор районных праздников Пушкинской поэзии. Он постоянный участник праздников фронтовой поэзии в д. Борки, искренний почитатель и пропагандист творчества писателя-публициста И.А. Васильева. Н.С. Гончарову присуждена премия имени И.А. Васильева. Умер 4 января 2014 года.

Горшков Сергей Игоревич. Родился 10.09.1961 года в дер. Обозерской Архангельской области в семье офицера. После окончания средней школы в г.Пскове (последнее место службы отца, ныне покойного) работал на заводе слесарем-инструментальщиком. С 1979 года служил в рядах Советской Армии. В 1985 году окончил Ленинградское высшее военное инженерное Краснознамённое училище имени генерала армии А. Н. Комаровского (ЛВВИ-СКУ). Служил в инженерных частях ГУСС МО СССР и МО РФ. В настоящее время в запасе. До 2005 года — индивидуальный предприниматель (реклама). Далее, полностью «перешёл» на литературную и художественную деятельность. Член Союза писателей России с 2013 года. Пишет и публикуется с 80-х годов.

Григорьев Игорь Николаевич (1923—1996). Родился в деревне Ситовичи Порховского района, Псковской области. Окончил среднюю школу в поселке Плюсса, там же встретил войну. Во время Великой Отечественной войны был подпольщиком, воевал в разведке. Был четырежды тяжело ранен. В 1954 году окончил филологический факультет Ленинградского университета. Был первым председателем Псковской писательской организации. Член Союза писателей СССР. Автор более двадцати стихотворных сборников: «Листобой», «Забота», «Не разлюблю», «Целую руки твои», «Дорогая цена» и др.

Гореликова Татьяна Викторовна. Поэт. Родилась в 1958 году в м. Киверево Псковской области; с 1960 года живёт в Пскове. Образование среднее

профессиональное. Работала на Псковском льнокомбинате, с 1991 года работает в Псковской областной типографии. В свет вышли авторские сборники поэтессы «Стихи — моя Молитва» (1999 г.); «Падающая звезда» (2001 г.). Книга посвящена памяти воинов, погибших в военных конфликтах на Кавказе: героям — десанникам, героям — спецназу; «Зачем пришла я в этот мир...» (2004 г.); «Что нашептывают листья» (2007 г.); «Мой аленький цветок» (2011 г.); «Не счастье ль — Жить?» (2011 г.); «Псковские частушки масленице» (2012 г.). Публиковались в сборниках и альманахах «На ладонях небес», «Берёзы, не покидайте Россию», «Пскова негасимый свет», «На берегах Великой и Псковы», «Скобари», «Земляки», «Антология одного стихотворения», «Мы эхо, мы память...», «Вижу, как сейчас», «С любовью — женская душа», «Вспомним всех поимённо», «Родная Ладога», «Медный всадник», «По лестнице веков», «Из Варяг в Греки» и др. Член Союза писателей России с 2004 года.

Гусев Александр Иванович (1939—2001). Родился в деревне Шемякино Порховского района Псковской области. Окончил Ленинградский радиотехникум в 1958 году, служил в армии. В 1971 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал на Псковском заводе радиодеталей, в музее-заповеднике, в Псковской областной научной библиотеке. Член Союза писателей СССР. Автор поэтических книг: «Пожелай мне удачи», «При свете памяти», «Измерения» и др. Посмертно двухтомник «Боль, переплавленная в мудрость».

Гусева Евгения Викторовна. Родилась 8 сентября 1958 года в городе Пскове. В 1981 году окончила ЛЭТИ им. Ульянова-Ленина в городе Ленинграде. Стихи пишет с юности. Публиковалась в периодической печати, в коллективных сборниках, в литературном альманахе «Скобари». Живет в г. Пскове.

Докучаев Игорь Анатольевич. Псковский журналист, заместитель главного редактора — ответственный секретарь газеты «Псковская провинция». Родился в 1966 году. Образование — высшее. Служил в Советской Армии. С 1991 по 1994 году — издавал газету «Псковская старина». Позже работал в газете «Псковская правда», редактором Псковской областной типографии. Автор книг-путеводителей «Изборск на ладони», «Печоры на ладони». Книга «Изборск — старинный русский город» стала Лучшей псковской книгой по туризму 2012 года. Публиковался в Альманахе псковских писателей «Скобари», в журнале «Новая прагматика» и др.

Елисеева Валентина Александровна. Старший научный сотрудник Пушкинского Государственного заповедника (Михайловское), хранитель фото-

негафонда. Закончила ЛГИК им. Н.К. Крупской, по специальности «библиотекарь-библиограф художественной литературы и искусства». Печаталась в журнале «Мир музея», сборнике «Михайловская пушкиниана», музееведческих сборниках СПбГУ, альманахе «Псковский летописец». Коренная уроженка Белгородской области, с 1980 г. живет в Пушкинских Горах, всю жизнь проработала в Пушкинском Государственном заповеднике.

Елисеева Нинэль Алексеевна. Родилась в Пскове. Закончила Псковское музыкальное училище, струнное отделение по классу виолончели. Работала преподавателем музыки в печорской средней школе № 2. Стихи публиковались в разных сборниках: «Скобари», «Опаленные войной» и др.

Жаркова Вера. Профессиональный педагог, учитель русского языка и литературы. Автор романа «Не бывает любви безоглядной» (Псков, 2012). Родилась в Кировской области. После окончания школы закончила Коми Государственный Педагогический институт филологический факультет. Работала в школе. В Пскове живет с 2002 года. Печаталась в газетах, альманахах, сборниках российского и регионального значения.

Жемлиханов Энвер Мухамедович (1936—1995). Родился в г. Магнитогорске. В 1949 году семья переехала в г. Великие Луки. Служил в армии, после демобилизации работал на предприятиях г. Великие Луки: лаборантом, гальваником, станочником. В 1967—1972 годах жил и работал в Бухарской области Узбекистана. В 1972 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей СССР. Автор поэтических сборников: «Оазисы», «Двойная радуга», «Звучанье тишины» и др. Посмертно «Я возвращаюсь не случайно».

Золотцев Станислав Александрович (1947—2008). Поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Родился 21 апреля 1947 г. в деревне Крестки под Псковом, в семье сельских учителей. Трудовую деятельность начал в 15 лет слесарем на псковском заводе АДС. Окончил филологический факультет Ленинградского университета (по специальности преподаватель и переводчик английского языка и литературы). Два года работал переводчиком в Индии. Затем преподавал в столичном вузе. В 1972—1975 гг. служил офицером авиации Северного флота. Учился в аспирантуре МГУ на кафедре зарубежной литературы, кандидат филологических наук. Печатается с 1970 г., первая книга стихов вышла в 1975 г. Член Союза писателей России с 1975 г. До 1995 г. жил в Москве, несколько раз избирался писателями на различные руководящие должности в Союзе писателей. С 1995 г. живет по преимуществу в Пскове. Ру-

ководил Псковской писательской организацией. Автор 20 книг стихов, 3 книг литературных исследований и ряда романов, повестей и рассказов, опубликованных в журналах. Его перу принадлежат также многие книги переводов поэзии Востока и Запада. Член Союза писателей с 1975 года. Неоднократно избирался на руководящие должности в Союзе писателей России. Руководил Псковской писательской организацией. Автор слов гимна города Пскова. Скончался 4 февраля 2008 года в Москве. Похоронен в Пскове.

Иванов Иван Васильевич. Родился в 1948 году в деревне Бородино Палкинского района Псковской области. В 1967 году переехал в город Псков. Окончил Северо-Западный заочный политехнический институт (Псковский филиал) по специальности инженер-электрик; работал на промышленных предприятиях Пскова электриком, мастером, инженером-конструктором, инженером-метрологом, начальником лаборатории, главным механиком, главным энергетиком. Печатался в заводской многотиражке, в местных газетах, в коллективных сборниках литераторов Псковщины. Член Союза писателей России. Автор 10 поэтических книг: из них «Татьянин день», «Третий Спас», «Июль благословенный», «Тот дивный мир», «Чувства неостывшие»

Иванов Николай Иванович (Великие Луки). Родился 4 декабря 1926 года в деревне Дубровка Торопецкого района Тверской области. До начала Великой Отечественной войны окончил семь классов. В 1943 году ушел на фронт. Участвовал в боях в Румынии, Югославии, Венгрии. За форсирование Дуная награжден медалью «За отвагу». Под Будапештом был дважды ранен. В 1945 году вернулся в Торопец. Работал трактористом. Поступил и успешно окончил художественно-графический факультет Ленинградского пединститута им. Герцена, специальность «художник-педагог». Стихи продолжал писать все годы, особенно вернувшись с фронта. Публиковала стихи местная пресса, а также «Комсомольская правда». С 1998 года стали выходить сборники его стихов: «Вечеря любви», «Зимняя радуга», «Цвета побежалости», «Вехи войны», «Плоды Духа» (издан за рубежом), «Бег за счастьем» (2008). Участвовал в сборниках и альманахах. За военные и трудовые подвиги награжден многими орденами и медалями.

Иванов Николай Иванович (Псков). Родился в 1944 году в деревне Сопки Палкинского района Псковской области. Окончил Пашское строительное училище в Ленинградской области. Служил в армии, 36 лет отработал водителем. Стихи пишет с 1995 года. Автор 6 поэтических сборников, из них: «Кстати», «Рокот вечности», «Вопреки» и других. Живёт в Пскове.

Ильин Борис Тимофеевич. Родился 1 мая 1940 года в Ленинградской области. Окончил военно-морское училище и литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. 18 лет возглавлял редакцию газеты «Льновод» Палкинского района, Псковской области. Автор 9 книг прозы. Живет в пос. Палкино Псковской области.

Исаев Игорь Олегович. Родился в г. Пскове в 1973 году. Имеет высшее образование: окончил факультет русского языка и литературы ПГПИ им. Кирова. Более 7 лет работал учителем в сельской школе. Поэт и прозаик, выпустил 3 книги стихотворений. Произведения публиковались в центральных изданиях и коллективных сборниках: «Литературная газета»; в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Сибирские Афины» (Томск), «Пролог» (Москва), «Русский переплет» (Москва), в альманахе «Скобари» (Псков) и др. Живет и работает в Пскове.

Казаков Александр Петрович. Родился в Смоленске в 1954 г., жил и учился в Подмосковье (г. Клин), после срочной службы в Советской Армии переехал в Новгородскую область, где работал в учреждениях культуры. В 1978 г. переехал в Псков, с отличием окончил дирижёрско-хоровое отделение псковского областного культпросветучилища и исторический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. Работал в Ансамбле песни и пляски профтехобразования, преподавал в общеобразовательной школе, служил по контракту в спецназе ГРУ. Композитор, поэт, прозаик, переводчик, драматург. Член Союза писателей России. За сборник рассказов и повестей «Пройти полмира», вышедший в 2005 году, был удостоен звания лауреата премии Администрации Псковской области в области литературы. Публиковался в журналах «Всерусский Собор», «Сибирские огни», «Север», «Родная Ладога», «Балтика», «Московский Парнас», псковских альманахах «Скобари» и во многих коллективных сборниках.

Калкин Олег Андреевич (1943—2007). Родился в Томске. После окончания средней школы работал каменщиком на целине, служил в ракетных войсках. Закончил исторический факультет Псковского педагогического института. С 1974 по 1994 год жил в Эстонии, работал учителем, редактором в книжном издательстве. С начала «перестроечных» событий в Прибалтике возглавлял историко-культурное общество «Славия». В 1994 году переехал в Псков; работал редактором на областном радио. Печатался в коллективных сборниках, в периодических изданиях. Член Союза писателей России. Автор книг «Первый день осени», «О чём поёт ветер», «На мятежных рубежах России».

Камянчук Надежда Анатольевна. Родилась в середине прошлого века на Урале, в городе Ирбите. Работала художником-оформителем в городских художественных мастерских, а после — дизайнером в Издательском доме «Печатный вал». Ее стихи были опубликованы в литературно-художественном журнале «Русское эхо» (издательство г. Самары), печатались в местных газетах, журналах: «Веси», «Зауральский край»; поэтических сборниках «Слепое счастье», «Я подарю тебе Ирбит», «Признание в любви». В два сборника стихов: «Ожидание весны» и «На пороге осени». В 2001 году стала лауреатом Акуловской премии, а в 2007 году победителем областного поэтического конкурса «Пою мое отечество». Член Союза писателей РФ.

Канавищikov Андрей Борисович. Родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Главный редактор городской газеты в Великих Луках. Член Союза писателей России. Автор книг «Иней», «Призвание Рюрика», «Егорыч», «Три войны полковника Богданова», «Цивилизация троичников», «Александр Матросов: подвиг и судьба» и других. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Н. Алексеева, Международной литературной премии «Чернобыльская звезда», премий Администрации Псковской области, Всероссийской литературной премии «Сталинград».

Карнаухова Тамара Михайловна. Родилась в Себеже, закончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работала в средствах массовой информации в Пскове. Член Союза журналистов России. Автор двух стихотворных сборников «От человека к человеку» и «Ностальгия», а также книги очерков «Вижу Русь» и рассказов для детей «Хорошему человеку стыдно...». Публиковалась в коллективных сборниках.

Киселева Елена Григорьевна. Родилась в Латвии. Закончила филологический факультет Латвийского университета. С 1994 года живет в Пскове. Печаталась в коллективных сборниках и периодических изданиях. Автор публикаций о творчестве латышских писателей и поэтов: Аспазии, Я. Райниси, братьях Р. и М. Каудзите, О. Рихтере и др.

Клевцов Владимир Васильевич. Родился в городе Великие Луки Псковской области, детство провел в поселке Локня, с 1961 г. живет в Пскове. Окончил Великолукскую сельскохозяйственную академию, в разные годы работал лаборантом, лесником в заповеднике, помощником наездника на ипподроме, корреспондентом, заместителем редактора и редактором псковских газет. Печататься начал в областной газете «Молодой ленинец» и детских изданиях Ленинграда и Москвы. В

1986 г. в московском издательстве «Современник» вышла первая книга «Дельта». Работает в жанре традиционного русского рассказа, нередко используя элементы юмора и гротеска. Для творчества В. Клевцова характерна и пейзажная лирика. Дважды становился лауреатом литературных премий, книга «Шаг в бессмертие» удостоена звания (совместно с О. Дементьевым) по номинации «Событие года». Занесен в книгу «Золотая летопись славных дел Пскова». Живет в Пскове.

Козмин Вячеслав Юрьевич. Хранитель музея «Пушкинская деревня» — Бугрово, (Пушкинский Государственный заповедник «Михайловское»). В 1978 году окончил Псковский педагогический институт, кафедру русского языка и литературы. Кандидат филологических наук. Автор монографии «... Тот уголок земли», литературного путеводителя по музею «Мельница в деревне Бугрово», различных публикаций в научных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Орла, Ярославля. Работает в Пушкинском заповеднике с 1985 года.

Кононов Геннадий Владимирович (1959 — 2004). Поэт. По образованию — филолог, по профессии — учитель русского языка и литературы, по призванию — поэт. Его творческое наследие глубоко и объемно: 18 прозаических текстов и около 2000 стихотворений. В начале 2000-х вышло несколько публикаций в журналах «Русская провинция», «Юность», «Литературная учеба», «Москва», в альманахах «Истоки», «Третье дыхание», «Скобари», «Приют неизвестных поэтов», в газетах «Литературная Россия» и «Трибуна». Многие из его стихов положены на музыку и стали великолепными образцами русского романса XX века. В 2009 году на средства друзей поэта в Пскове издан поэтический сборник Геннадия Кононова «На русских путях». Предисловие В.Я.Курбатова. Послесловие А.Семенова. Презентация книги состоялась 11 июня 2009 года в Центральной городской библиотеке г.Пскова.

Курбатов Валентин Яковлевич. «Родился в Ульяновской области в Салаван-городке в 1939 году. Служил на Северном флоте, где и написал в 1961 году первую заметку в газету «Комсомолец Заполярья», «разделав» в ней со всей строгостью Сальвадора Дали, Джексона Поллока, Хуана Миро и Джорджо де Кирико. После службы поработал грузчиком, корректором районной газеты, журналистом. Закончил ВГИК. С 1978 года член Союза писателей СССР. К нынешней поре выпустил полтора десятка критических книг. Член Академии российской словесности (1997), член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов (1997), действительный член Академии философии хозяйства. Секретарь СП России (1994—1999),

член правления СП России (с 1999). Входит в состав редколлегий журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета» и многих провинциальных журналов. Член Президентского Совета по культуре. Лауреат премии им. Л.Н. Толстого (1998). Лауреат Горьковской (2009) и Новой Пушкинской (2010) премий.

Лаврецова Наталья Анатольевна. Поэт, прозаик, автор семи книг, среди них — сборники стихов, повестей и рассказов для взрослых и детей. Работает в жанре «детского познавательного детектива». Ее книга «Трость Пушкина» является своеобразным «путеводителем» по Пушкинскому Государственному заповеднику. Член союза писателей России с 1994 года. Печаталась в журналах: «Север», «Карелия» (Петрозаводск), «Двина» (Архангельск), «Наш современник», «Москва», «Слово», «Согласие» (Москва) и других. Лауреат Международной Пушкинской премии («Нью-Йорк, 1997), премии карельского писателя Бориса Кравченко (Петрозаводск, 1999), Премии Псковской администрации (Псков, 2011), Премии «Север — страна без границ» (Санкт-Петербург, 2012). Имеет грамоту от Псковского областного комитета по культуре. С ее помощью и при ее непосредственным участием выходят книги самостоятельных поэтов Пушкиногорья, общий сборник «Литературное Пушкиногорье», звуковой диск «Поэтическое Пушкиногорье». Член Союза писателей России с 1993 года.

Лапко Татьяна Михайловна. Член президиума городского совета ветеранов, член Союза писателей России. Секретарь литературно-художественной творческой группы «Рубеж». Поэт, художник. Автор книг «Друзья на высоте», «Наши сказки», «День превращений», «Ландыши для инопланетянина» и других. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. П. П. Ершова. Живёт в Великих Луках.

Лаптева Татьяна Александровна. Музыковед, композитор, музыкальный критик. Автор вокальных, инструментальных, хоровых произведений, опубликованных и исполненных в разные годы. Дипломант международных и всероссийских музыкальных и театральных конкурсов. Член Союза композиторов России. Член МАПП.

Маляков Лев Иванович (1927—2002). Родился в деревне Калашниково Гдовского района Псковской области. Во время Великой Отечественной войны был партизаном-разведчиком, служил на Балтийском флоте. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал в газете «Псковская правда», редактором газеты «Молодой ленинец», заведующим

сектором печати обкома КПСС, заведующим Псковским отделением Лениздата. Заслуженный работник культуры РСФСР. Член Союза писателей СССР. Автор многих поэтических сборников «Заколдованное счастье», «Заряна-печальница», «Иваны России» и др. и романов «Доверие», «Затяжная весна», «Страдальцы» и др.

Микрюков Ростислав Алексеевич родился в 1949 году в селе Ошлань Кировской области. Окончил: в 1969 году Кировское культпросветучилище, в 1974 году Ленинградский институт культуры, в 1985 году Псковское музыкальное училище. Более 30 лет работал в Бежаницкой музыкальной школе. Издал два поэтических сборника: «Макушка лета» и «Весенний день» и два музыкальных сборника: «Песни псковских авторов» и «Березовый дым». Заслуженный работник культуры России. Живет в Пскове.

Моисеенко Геннадий Константинович. Поэт, прозаик, музыкант. Родился 25 августа 1959 года в Великих Луках. Литературной деятельностью стал заниматься в седьмом классе. Пишет стихи, прозу, сказки. Проживает в городе Великие Луки. Автор книг: «Под цвет обоев»; «История в пурпурных тонах» «В тихом омуте»; «Венера Грэйтбоузская» (стихи, 1997 год); «В тени». Печатался в журналах «Встреча» (Москва), «Наша улица» (Москва), «Старая крепость» (Великие Луки), альманахе «Московский парнас» и др. Член жюри музыкального фестиваля-конкурса «Псковская весна» с 1995 по 2002 год. Член литературного объединения «Московский парнас» с 2004 года. Работал в журнале Music Box (Москва) (2003—2004), сейчас работает в журнале Classic Rock. Награжден Почетной грамотой Правления Союза писателей России, Почетной грамотой Государственного комитета Псковской области по культуре за вклад в развитие культуры Псковской области. Член Союза писателей России с 1999 года.

Молева Светлана Васильевна (1946—2005). Поэт. Родилась 7 сентября 1946 года в селе Чихачёво Псковской области Бежаницкого района в семье медсестры и рабочего. Увлекалась чтением, любила природу, играла на кларнете в оркестре. Начала писать стихи уже в начальных классах. В 1961 году, когда Светлане было пятнадцать лет, вышла в свет ее первая книга стихов «Подснежники», написанная в лучших традициях русской поэзии. Окончила литературный институт им. Горького в Москве, работала редактором в Лениздате и в г. Пскове. В перестроечные времена пишет прозаическую книгу «Единородное слово». Первые главы этого труда благословил отец Николай Гурьянов. Вышел в свет сборник стихов Светланы Молевой «Забывшие песни». Умерла 10 февраля (в день смерти А.С. Пушкина) 2005 года. Похоронена в

Пскове на Мироносицком кладбище.

Москалинский Анатолий Александрович. Родился 1 октября 1976 г. в г. Пскове. В 1993 г. закончил ППК (Псковский Педагогический комплекс). В 1998 году закончил Естественно-географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. 10 лет работал учителем географии в школе. В данный момент занимает должность старшего преподавателя кафедры «экономики и менеджмента» в Псковском филиале Санкт-Петербургского экономического университета. Член союза писателей России с 2009 г. Автор книг «Чудотворцы», «Междометья счастья», «Девочка и Христос». Живет и работает в Пскове.

Мухин Валерий Михайлович. Родился в 1942 году в пос. Кесьма, Весьегонского района Калининской области (ныне — Тверской). В г. Пскове живёт с 1957 года. Окончил: Псковский индустриальный техникум, Псковское музыкальное училище, Псковский филиал СЗПИ. Работал музыкантом, певцом, руководителем хора, преподавателем, ведущим конструктором на заводе ТЭСО и во ВНИИ ЭСО. Ветеран труда. Автор 12 поэтических сборников, многих публикаций в журналах: «Наш современник», «Север», «Московский Парнас» и других. Награждён медалью «Святая Ольга». Член Союза писателей России. Живёт в Пскове.

Нечаев Евгений Павлович (1915—1999). Писатель. Родился 6 марта 1915 года в селе Моядык Бирского района Башкирской АССР. В 1933 году окончил Бирский педагогический техникум и три года работал учителем русского языка и литературы в школе. В 1938 году окончил 2-е Ленинградское артиллерийское училище и 16 лет прослужил в армии, пройдя путь от командира взвода до заместителя командира артиллерийского полка. В годы Великой Отечественной войны командовал батареей тяжелых гаубиц, в составе части прошел путь от Севастополя до Берлина. После демобилизации в 1949 году выбирает местом жительства Псков. Более 10 лет работал журналистом в газете «Псковская правда». В середине пятидесятых годов в ней были опубликованы его первые очерки и рассказы. Тема войны — главная в его произведениях: «О тех, кто защищал Родину» (1957), «Под горой Метелихой» (1962), «Батарейцы» (1977), «Огнем и колесами», «На земле опаленной» (1985), была знакома бывшему фронтовику не понаслышке. Дважды был ранен, награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя Красной Звезды, орденами Отечественной войны, орденом Александра Невского. Послевоенному Пскову и его людям посвящен роман «Люди нашего города». За эту книгу был удостоен премии Администрации Псковской области за 1995 год. Е.П. Не-

чаев был членом Союза писателей СССР и Почетным гражданином Пскова (1996).

Николаева Валентина Федоровна. Родилась в деревне Леонково Пушкиногорского района Псковской области. Окончила Беззвано-Нивскую школу, В 1941 году — Псковский Педагогический техникум. Работала учителем русского языка и литературы в Пушкиногорской, Моглинской, Гризинской и Беззвано-Нивской школе. Работая в школе, активно занималась краеведением. В качестве внештатного корреспондента, сотрудничала с изданиями центральной и местной прессы, псковским радио. Была участником многих тематических эфиров и победителем многих литературных конкурсов на всероссийском радио. Автор книг: «Гостеновские байки», «А шумелиха шумит».

Новиков Николай Степанович (1933—2013). Прозаик, публицист, член Союза писателей СССР с 1989 года. Печататься начал с 1958 года. Автор книг очерков и повестей «Пора ромашек», «Неутомимая», «Каждый день на рассвете» и других. Лауреат премии еженедельника «Литературная Россия», победитель ряда областных, республиканских и всесоюзных конкурсов очеркистов. За создание книг о Мусоргском, Патриархе Тихоне, Пушкине «У истоков великой музыки» (переиздание «Молитва Мусоргского»), «Колыбель опального патриарха», «Легенды и были Пушкиногорья» автор занесён в Книгу «Золотая летопись славных дел к 1100-летию г. Пскова» и удостоен звания лауреата премии Администрации Псковской области (1999 год). Жил в Великих Луках.

Панченко Ирена Язеповна. Драматург, поэт, художник. Родилась 6 ноября 1938 года в городе Краслава в Латвии. Война заставила семью на долгие четыре года переселиться в лесную землянку. Окончила Омское педучилище. Работала в школах учителем рисования, русского языка и литературы и др. Заочно окончила Великолукский педагогический институт. Публиковалась в местных и республиканских газетах. В 1968 году переехала в город Псков. Работала литсотрудником областной газеты, редактором издательства, директор городского Дома культуры и др. Закончила Высшие театральные курсы при ГИТИСе им. Луначарского в Москве. Была избрана председателем Регионального отделения СП России «Объединение псковских писателей». За большую издательскую и общественную деятельность в 2005 году на книжном форуме «Русский Запад» стала победителем в номинации «Человек книги». Имеет звания Почетного работника общего образования РФ и заслуженного работника культуры РФ. Персональные выставки проходят в Пскове, в музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское», в Латвии. Член Союза писате-

лей России с 1992 года, автор десяти пьес, трех поэтических сборников, книг для детей и юношества. Живет в Пскове

Петренко Эдуард Петрович. Уроженец Донбасса, образование высшее, филологическое. Работал журналистом в газетах, на телевидении и радио. На Псковщине живет уже более двадцати лет. Его поэзия, проза и публицистика постоянно появляется в региональных и всероссийских альманахах. В этом году в издательстве «Российский писатель» вышла его книга прозы «Тринадцатый венец».

Плохов Игорь Владимирович. Родился 21 апреля 1959 года в городе Пскове. Окончил Псковский государственный политехнический институт. В 1992 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2002 году — докторскую. Прошел путь от учебного мастера, до проректора по научной работе. В настоящее время работает в Псковском государственном университете профессором, заведующим кафедрой. Стихи и песни начал писать с 5-го класса школы. Является одним из основателей Псковского клуба авторской песни «Горизонт». Организатор фестивалей авторской песни на Псковщине. Автор трех авторских сборников стихов «Да и Нет», «Островок света», «Возвращение» и трёх аудиоальбомов песен. Стихи опубликованы в нескольких сборниках Псковского отделения Союза писателей России и других коллективных сборниках.

Половников Владимир Алексеевич (1931—1999). Поэт. Родился в Казахстане 14 января 1931 года, затем жил и работал в Таджикистане и Азербайджане. Последние три десятка лет своей жизни провел в Пскове. Он был моряком, проходчиком, фрезеровщиком, кровельщиком, оставаясь поэтом. В его творчестве нет вычурности, есть скромность и деловитость. Тематика его стихов многообразна. Это и очарованность псковским говорком, и жизнь Пскова, города самобытной культуры, и его люди, к которым поэт относился с большой любовью. Автор книг «Псковский говорок», «Едут сваты», «Красивая мечта» и других. Член Союза писателей России.

Пшеничная Вита Валерьевна (Шафронская Вита). Родилась во Владивостоке. Образование высшее. Член СП России с 2004 года. Публикуется с 1986 года. Автор книг: «Впервые так...», «Солёная палитра», «В этой жизни...», «То, что внутри». Публикации: «Литературная Россия», «День и Ночь», «Ковчег», «Дальний Восток», «Санкт-Петербург-Интеллигент», «Слово», «45-я параллель» (Россия), «Русский Базар», «Континент» (США), «Экспресс-Европа» (Германия), «Путник» (Украина), «Ракурс», «Настоящее время» (Латвия), «MyWayOk» (Греция), «Германия плюс», «Контакт» (Греция), «Зарубежные

задворки», «Новый ренессанс» (Германия), «Венский Литератор» (Австрия) и многих других печатных и Интернет-изданиях. Лауреат и финалист Международных (Австрия, Германия, Польша) и Всероссийских («Живое Слово», «Рождественская звезда») и ряда Интернет-конкурсов. Живёт в Пскове.

Рассадин Николай. Родился 21 октября 1961 года в Москве, где и прожил до 2006 года, после чего переехал на постоянное место жительства в Псковскую обл. Стихи пишу с 16 лет, с того же времени пишу песни. В творческом активе три музыкальных альбома, в стиле шансон (1999, 2005, 2007 гг.), одна книга стихов «...а более ничего!» (издательство «ЛЕНАНД», 2007 г.) и несколько публикаций в коллективных сборниках, газетах.

Рыжова Татьяна Семеновна. Поэт. Родилась 26 октября 1948 года в г. Кокчетав, Казахстан. Окончила педагогический институт, в 1981 году аспирантуру Ленинградского государственного университета. Работает заведующей кафедрой Псковского университета. Печаталась в местных периодических изданиях, в коллективных сборниках. Автор сборников стихов «Рядом с мамой на этой земле» и «Религия сердца».

Рябихин Александр Алексеевич. Родился в 1948 году в селе Нагорное Рязского района Рязанской области. Поэзией увлекается с детства. После окончания Нагорновской школы приехал в Великие Луки. Как охотника и рыбака, Псковщина привлекла его поэтическую душу своей красотой озёр и лесов. Работал на ВЗВА (Великолукский завод высоковольтной аппаратуры). Служил в Советской Армии после окончания «учебки», инструктором в учебном полку. Закончив службу, вернулся на тот же завод. Любимые поэты С. Есенин, А. Блок, А. Фет, Э. Жемлиханов, Н. Рубцов. Член Союза писателей России. Автор книг «Глухаринные зори», «Вкус полыни», «Эхо нашей судьбы», «Когда падают звёзды». Участник 31-го Всесоюзного фестиваля поэзии в Пушкиногорье и Всероссийских Дней фронтовой поэзии в Борках. Живёт в Великих Луках.

Свекольников Владимир Степанович. Поэт. Родился 2 июля 1945 года в Кишиневе. В 1967 г. окончил Театральное училище им. Щепкина. Народный артист России. Актер Псковского театра им. А. С. Пушкина, артист театра и кино. С 1995 года заслуженный артист России. Пишет стихи и уже выпустил два поэтических сборника. Награжден медалью Академии российской словесности «Ревнителю просвещения». Лауреат премий Администрации области в сфере театрального искусства за 1996, 1997 и 2002 годы. Живет в Пскове.

Себежанин Александр (Павлов Александр Михайлович). Родился

25.01.1950 г. Окончил 8 классов Томсинской ср.ш. Себежского р-на в 1964г, затем Псковский индустриальный техникум в 1968 г. с квалификацией техник-электрик, с отличием. Работал на различных предприятиях Пскова регулировщиком аппаратуры связи, электромехаником телеграфа и т.д. Последняя должность перед уходом на пенсию — заместитель директора института «Псковгражданпроект». Вышло две книги стихов: «Так бывает... и не в том чуда» — 2003 г. Псков и «Нежность сердца» — 2011 г., Москва. Печатался в десятке разных сборников в г. Ленинск-Кузнецкий, г. Кемерово, г. Санкт-Петербург, г. Москва, г. Псков. Номинант премии «Поэт года» литературного портала Стихи.ру в 2011, 2012, 1013 гг.

Сергеева Вера Михайловна. Поэт. Родилась 23 января 1948 года в д. Загорницы Псковского района. Окончила в 1970 году Ленинградский электротехникум Связи. Служила в системе МВД и Минюста. Печаталась в литературных альманахах: «Скобари», «Земляки», г. Псков, «Каблуковские литературные встречи» г. Тверь, «Третье дыхание», «Неопалимая Купина», «Берновская осень» г. Москва, «Родная Ладога» г. Санкт-Петербург, в коллективных сборниках: «На берегах Великой и Псковы» и «Пскова негасимый свет» г. Псков, также в сборниках «Каблуково поле» г. Тверь. Вышли отдельные книги: «Межсезонье» (Санкт-Петербург, 1998), «На перепутье дум» (Псков, 2000), «За розовой далью» (Псков, 2002), «Прощёное воскресенье» (Великие Луки, 2005), «Фиалковый ветер», (Псков, 2010). В 2008 году награждена Почётной грамотой Управления культуры г. Пскова. Член Союза писателей России с 2004 года.

Скатова Людмила Анатольевна. Родилась 12 октября 1960 года в Великих Луках. Поэтесса, член Союза писателей России. Закончила общеобразовательную и музыкальную школы. В течение 20 лет работала в городской газете «Великолукская правда», была редактором отдела культуры, пробовала себя в театральной критике: с 1989 по 1991 гг. являлась участницей семинара театроведов Северо-Запада в Санкт-Петербурге. Ее православные очерки и репортажи отмечены серебряной медалью Российского Фонда «Памяти и наследия Святителя Тихона». Сейчас Л. А. Скатова — главный редактор еженедельника «Великолукское обозрение». В 1996 году вышел первый сборник поэтессы «Ностальгия», затем — «Кассандра» (1998), «Лири на ветру» (1999), «Пепел и Ветер» (2001), который она представляла на творческом вечере в Международном Славянском Культурном центре в Москве. В 2003 году в православном издательстве «Сатис» (Санкт-Петербург) вышел пятый сборник Л. А. Скатовой «Русский венец», посвященный 85-летию со дня Цареубийства, в 2005-м — «Крест Цветущий». Кстати, подборка ее стихов с таким же названи-

ем вошла в число лучших публикаций журнала Министерства культуры России «Встреча» за 2004 год.

Смолькин Игорь Александрович (творческий псевдоним Игорь Изборцев). Родился в 1961 году в Пскове. Прозаик, публицист, председатель правления Псковского регионального отделения Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей РФ. Является членом МАПП, членом Всемирного Русского Народного Собора, членом Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства, действительным членом Академии Российской словесности и Петровской академии наук и искусств. Автор семнадцати книг прозы и публицистики. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. благоверного Великого князя Александра Невского, всероссийской литературной премии им. В.Я. Шишкова, литературной премии имени Михаила Алексеева, Всероссийской литературной премии «Отчий дом» им. братьев И.В. и П.В. Киреевских, литературной премии имени Расула Гамзатова и др. Живет в г. Пскове.

Соловьёва Тамара Томашевна. Поэт. Родилась в Белоруссии, затем жила на Кургане Дружбы на границе Белоруссии, Латвии и России. С отличием окончила Псковское культурно-просветительное училище, работала актрисой в Псковском Областном театре кукол. Публиковалась в сборниках псковских писателей «Весенние ростки», «Опаленные войной», в изданиях «Псковский ежегодник», «На рубежах Отчизны. Псковская крепость», «Псковская земля», печаталась в псковском литературном альманахе «Скобари», «По лестнице веков», в сборниках проектов «Библиотека современной поэзии», «Словенское поле» и др. В 2012 году вышла книга лирических стихов «Люби меня такой, какая есть». Участница литературного альманаха «Русский смех» (2013) и международного проекта Dzeias almanahs «Резекне -2013». Член СП России. Живёт и работает в Пскове.

Тасалов Артём Владимирович. Родился в 1957 г. в г. Москве. В 1976 г. поступил на естественно-географический факультет Псковского педагогического института. Окончил институт в 1982 г. С 1988 по 1996 — работал на восстановлении храмов г. Пскова. В 1994 г. опубликовал учебное пособие «Учителю о Православии». В 1999—2003 — главный специалист администрации Псковской области по связям с религиозными организациями. Изданы 2 книги стихотворений: «Живая Земля» (2004), «Улица Сна» (2010). Член СП России.

Тиммерман Олег Владимирович (1928—1984). Родился в г. Пскове. Во время Великой Отечественной войны был в эвакуации, в Горьковской об-

ласти. Служил в авиации Военно-Морского Флота. Окончил исторический факультет Псковского педагогического института. Работал электриком, журналистом, культработником, научным сотрудником в музее. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Аврора» и др. Издал книги стихов: «Удивление» и «На земле обелисков». Посмертно «Уголек любви».

Ульянова Нина Федосьевна. Экскурсовод, журналист, музейный работник. Родилась на родине Святой Ольги — в Выбутах (деревня Бабаево). С отличием окончила Псковский государственный педагогический институт (филологический факультет). Работала в школе, заведующей библиотекой, в Псковском музее-заповеднике, в Старом Изборске. Автор фильмов: «Легенды Словенских ключей», «Сказ про то, как пчела мужика тамбовского к Храму привела» (об истории Мальского монастыря). Пишет стихи. Автор многочисленных публикаций, печаталась в альманахах и сборниках регионального, российского значения.

Федотова Ларина Викторовна. Родилась 8.01.1936 года в деревне Пахтеево Череповецкого района Ленинградской области. Во время войны была в оккупации в Невельском районе. Образование средне-техническое. Работала на радиозаводе в г. Касли на Урале, потом в г. Снежинске на военном производстве. Первый сборник стихов «Аленушка» вышел в 1981 году в Москве. В 1983 г. переехала в г. Псков. Автор 14 сборников стихов, печаталась в псковских и центральных газетах и журналах. Член Союза писателей России.

Яковлев Виктор Николаевич. Родился в 1951 г. в Уфе. В 1975 г. окончил актерский факультет ГИТИС. С 1979 г. — актер Псковского Академического театра драмы им. А.С.Пушкина. Со времени знакомства со священником Павлом Адельгеймом в 1982 г. становится одним из ближайших его помощников. С 1989 по 2010 гг. — председатель Приходского совета (староста) церкви свв. Жен Мироносиц. Автор пьес, рассказов, эссе, нескольких очерков об о. Павле Адельгейме; автор рубрики «Актерский дневник» (опубликовано около 140 статей) на портале ПЛН — «Псковская лента новостей». Заслуженный артист РФ (2006), член Российского Авторского общества (РАО) и СТД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая память и слава России

<i>Александр Гусев</i>	
Стихи о России.....	7
У Вечного огня.....	8
<i>Станислав Золотцев</i>	
«Белокаменным витязем дремлет...»	8
Родина	9
Последний дом	10
<i>Андрей Бениаминов</i>	
Есть в России места	10
«Всё как было — так есть...»	11
«Память засыпало пеплом, зарыло золою...»	12
<i>Валентин Курбатов</i>	
«По снегу русскому — домой».....	13
<i>Анатолий Александров</i>	
Молитва о России	17
«Ближнюю границу...»	18
<i>Николай Гончаров</i>	
Пелагеюшка (Из повести из жизни спецпереселенцев)	19
<i>Ларина Федотова</i>	
Победа	27
Мать-Россия.....	27
<i>Андрей Канавицков</i>	
Живая Русь	29
<i>Евгений Борисов</i>	
«Неля мечтала быть летчицей...»	31
Псковский лес	32
<i>Вера Сергеева</i>	
А кривичи сюда пришли с Дуная	32
Письма с фронта.....	33
<i>Виктор Яковлев</i>	
Верь, Бойся, Проси! Слово о радости отцу Павлу Адельгейму.....	35
<i>Евгения Гусева</i>	
Три свечи	41
<i>Энвер Жемлиханов</i>	
Песня	41
Участник войны	42

<i>Людмила Скатова</i>	
Царский крест.....	43
<i>Татьяна Рыжова</i>	
Да разве перечислить имена... ..	50
Псковский гений	51
<i>Николай Иванов</i>	
Где ложь, где, правда — обнаружат.....	52
Олегу Погудину.....	52
<i>Борис Ильин</i>	
Владимир и Рогнеда. Рассказ.....	53
<i>Лев Маляков</i>	
Русская душа	61
«За деревню сквозь желтую осыпь...» ...	62
Святая Троица	62
<i>Ростислав Микрюков</i>	
О гражданской войне	63
Валдайский колокольчик	64
<i>Игорь Докучаев</i>	
Страницы из Неформального путеводителя по городу Пскову	65
<i>Анатолий Москалинский</i>	
«Нас подбили над родиной где-то...»	71
Но не сдаётся барабанщик Коля	71
<i>Игорь Плохов</i>	
Старый псковский дворик	73
<i>Николай Рассадин</i>	
1918.....	73
Весна 1917	74
Семь цветов, семь дней, семь ручьёв, семь нот.....	74
<i>Игорь Исаевъ</i>	
Серебряная ложечка.....	75
<i>Наталья Лаврецова</i>	
Псковским витязям	77
Дуэль	78
Зимний Псков	79
Псковским названиям	79
<i>Соловьева Тамара</i>	
Русские крепости	79

«И бысть сеча зла...»	80
<i>Иосиф Будылин</i>	
«Живой, как жизнь...». Путешествие «котловастого» камня	81
Последний путь А.С. Пушкина по псковской земле (новые материалы).....	83
<i>Людмила Тишаева</i>	
Памяти подлодки «Курск»	86
Плач славянки.....	86
<i>Евгений Трофимов</i>	
Над Великой	87
Земля моя	88
<i>Вера Жаркова</i>	
Бессонные ночи	89
<i>Нина Ульянова</i>	
«Тот прекрасный город над Великой...»	93
«Городище древнее над озером...»	93
<i>Александр Березов</i>	
Башни	94
<i>Тамара Карнаухова</i>	
И ввысь по лестнице веков.....	96
<i>Валерий Мухин</i>	
Псковщина	104
Здесь русский дух	104
Св. Александру Невскому — солнцу земли Русской.....	105
<i>Сергей Горшков</i>	
Солдатское письмо.....	106
<i>Вячеслав Козмин</i>	
В них «слышен стон ослиный...» (неизвестные страницы из истории Бугровской мельницы).....	107
<i>Александр Рябихин</i>	
«Люблю тебя, святая Русь...»	117
Напишу на русском.....	117

Моя жизнь и судьба — Россия

<i>Игорь Изборцев</i>	
Вершины Святой Руси (О подвиге и воинской славе)	123

<i>Станислав Золотцев</i>	
Господин Великий Псков	129
Гдов.....	130
«Как легко быть печальным пророком...»	130
Два коня	131
<i>Игорь Григорьев</i>	
Ситовичи.....	132
По росе.....	133
Разведка	134
<i>Андрей Канавицков</i>	
Амбразура	135
Бокс.....	136
Воскресенье.....	136
С корнями	137
<i>Александр Гусев</i>	
«Я оттуда, где речка Пскова...»	138
«Обождите меня...»	139
<i>Александр Бологов</i>	
Победа	140
<i>Иван Виноградов</i>	
Клятва.....	145
«Да, Псков, я не забыл твоих огней...» ..	146
По Берлину — огонь!.....	146
Полдень	147
Жатва	147
<i>Сергей Горшков</i>	
«Я здесь опять! На этих берегах...»	148
Лёшки, Мишки и Серёжки	148
Я дойду!	149
<i>Светлана Молева</i>	
«Позабылось?...»	150
Долгая дорога	150
«Край мой, край...»	152
<i>Анатолий Москалинский</i>	
«В доме детства моего окна...»	153
<i>Валентина Николаева</i>	
Мария Резицкая	154
Ещё раз о Пушкинских праздниках	155
О Клавье Назаровой.....	156
В прифронтовой полосе (Воспоминания о генерале Шатилове)..	157
День 25-летия Победы.....	159

<i>Валентина Алексеева</i>	
«Ветра над Ладогой, над Доном...» 160	«А тишина осталась тишиной...» 198
Мачеха 160	<i>Владимир Половников</i>
«Любить твои дворцы и Храмы...» 161	Доброе наказание 198
<i>Татьяна Гореликова</i>	Ночь в Пушкинских Горах 199
«Видишь, Родина, как в мирном небе	Прелюдия 199
играют зарницы?...» 161	Легенда 200
«Высокий берег, глубока вода...» 162	<i>Александр Себежанин</i>
«Еще вдыхают облака...» 162	Родина 200
<i>Игорь Исаевъ</i>	Гармонист 201
«Мне часто снятся города...» 163	Деревня 202
Остров. Детство 163	<i>Олег Калкин</i>
«Маленькие, желтые, осенние...» 164	Разъезд на севере 203
<i>Владимир Винк</i>	<i>Олег Тиммерман</i>
Узник № 15788 (отрывок) 165	А большего я не хочу! 205
<i>Геннадий Моисеенко</i>	Псковщина 205
Мост разочарований 172	Гордость 206
«Над Изюмом небо в синей	<i>Ларина Федотова</i>
проседи...» 172	Исконный дом 207
В Пушкинских Горах 173	В далекий путь 207
«Летом слишком поздно вечереет...» ... 173	Весенний гимн 208
<i>Николай Иванов</i>	На берегу Великой 209
Псков 174	Родные дали 210
<i>Лев Маляков</i>	<i>Вита Пшеничная</i>
Россия 175	Город. Новелла 211
Родина 176	<i>Вера Сергеева</i> 215
Моему современнику 177	Вечный мой свет 215
<i>Александр Казаков</i>	Корни 215
Не одной только памятью. Рассказ 178	<i>Тамара Соловьева</i>
<i>Ростислав Микрюков</i>	Псковская земля 216
У Плоской башни 188	Серого больше, чем синего 217
Пустая Ржева 188	<i>Татьяна Лаптева</i>
<i>Валерий Мухин</i>	Метельный мир в поэзии Станислава
Берёзовая Русь 189	Золотцева (Отражение темы «пушкинско-
Родине 190	свиридовской метели» в творчестве
Псковская земля 190	Ст. Золотцева) 218
<i>Наталья Лаврецова</i>	<i>Игорь Плохов</i>
Под крышей дома моего (отрывок) 191	«Мой взор опутан паутиной...» 223
Один день из жизни неделовой	Рыбак 223
женщины (отрывок) 194	<i>Людмила Тишаева</i>
<i>Андрей Бениаминов</i>	Лоскутное одеяло 223
Я ещё живой... 197	<i>Артем Тасалов</i>
Верю 197	Евгений Шешолин 225
	Дополнение о Мирославе Андрееве 230

<i>Александр Рябихин</i>		<i>Виктор Никифоров</i>
Краповые береты 234		Смерть ели-шатра 259
Ожидание 234		<i>Нина Николаева</i>
Память 235		Пушкину 259
<i>Евгений Трофимов</i>		<i>Владимир Миловидов</i>
«Разбросала осень паутину...» 236		Русская душа 260
<i>Нина Ульянова</i>		Залетело перышко гусиное... 262
«Опять метель над городом		
старинным...» 236		В труде обретается
В Михайловском 237		смысл бытия
«Здесь улыбается печаль...» 237		<i>Иван Иванов</i>
<i>Татьяна Лапко</i>		«Простой и праведный есть труд...» 271
А всё-таки выжила 238		Работа 271
<i>Надежда Камянчук</i>		В деревне 272
Весенняя Россия 245		<i>Александр Рябихин</i>
Полынь 245		Шестидесятый регион 273
Встреча с железной бабой 246		<i>Николай Новиков</i>
Серебряный век 247		На пороге 275
В день Победы 247		<i>Александр Гусев</i>
Литературный клуб «Пушкиногорье»		«Хочется когда-нибудь увидеть...» 286
<i>Виктор Окунев</i>		<i>Татьяна Лапко</i>
Но жив во мне славянский норв... 251		Бабушкины уроки 286
«Унылая дорога, унылые леса...» 251		<i>Энвер Жемлиханов</i>
«Вот эта тихая деревня...» 251		Федя 288
«Старики, старухи, старые дома...» 252		Рабочая окраина 289
«Не спи, Париж, сияй огнями...» 252		<i>Светлана Молева</i>
<i>Ирина Белькова</i>		«От бревенчатых изб...» 290
«Мой дом — дорога!		<i>Евгений Нечаев</i>
Путь безбрежный...» 253		Из романа «На земле опалённой» 291
Деревня 253		<i>Вера Сергеева</i>
«Ах, как самозабвенно пел...» 254		Бабы 296
<i>Евгений Трофимов</i>		Когда горят звёзды 296
Земли святая красота... 254		<i>Тамара Соловьева</i>
<i>Арина Буковская</i>		Стеклодув 297
Савкино, солнышко, лето... 255		Осенняя ода дворникам 298
<i>Юрий Иванов</i>		<i>Ирена Панченко</i>
Мой край 256		Упорство и труд все перетрут. Очерк... 299
Надпись на асфальте 257		<i>Евгений Борисов</i>
<i>Наталья Рясинцева</i>		«У конторского дома...» 303
«Подруга! Сшей мне платье		Спецовка 304
из огней...» 258		Реставраторы 304
«Обратный путь. Смятенье чувств		
мыслей...» 258		

<i>Евгений Трофимов</i>	
Я скобарь.....	305
За урожай	305

**Нравственность —
основа жизни человека**

<i>Игорь Изборцев</i>	
Жемчужины в небесном венце русской святости.....	311
Там, где встречаются миры	312

<i>Анатолий Александров</i>	
«Ещё прохладно. Но местами...»	316
Светлое небо	316
«Небо — это скатерть...»	317

<i>Евгений Борисов</i>	
Картошка.....	317

<i>Николай Иванов (Великие Луки)</i>	
Прощение.....	318
Возмездие.....	319

<i>Эдуард Петренко</i>	
Надеюсь, веруя и любя	320

<i>Игорь Григорьев</i>	
«Ты мне кажешься полем...»	326
Вишенка	326
Письмо любимой.....	327

<i>Георгий Гринберг</i>	
«Любовь слепа. В сиянии зари...»	328
«Ты, созданная из противоречий...»	329
«Охапки зелени повесили...»	329

<i>Валентина Алексеева</i>	
Гармонь. Рассказ	331

<i>Александр Гусев</i>	
«Я сам себя позвал. Я был далек...»	337
Горицвет.....	337
«...И будет речка. И направо...»	338

<i>Татьяна Гореликова</i>	
«Душа не оставит меня умирать...»	338
«Деревенька — русская душа...»	338
Затерялось детство.....	339

<i>Владимир Клевцов</i>	
Новогодний рассказ	340

<i>Евгения Гусева</i>	
Книжный сад	344

Преображенья.....	344
Месяц июнь	345

<i>Нинэль Елисеева</i>	
Я хотела б вернуться в прошлое.....	345
Детство.....	346
Заброшенный сад	347

<i>Валентина Елисеева</i>	
Татьяна Юрьевна Мальцева — одна из самых ярких «звезд» «гейченковской плеяды» (1923—1994)	348

<i>Энвер Жемлиханов</i>	
«Когда умолкнул голоса...»	356
Лучик.....	356
Соловей	357
Ночная дорога.....	358

<i>Геннадий Кононов</i>	
«Вновь — июльское кружево...»	358
«Вот диплом мой и паспорт. Возьми, полистай не спеша...»	359
Что нужно поэтам	360

«То, что слышишь — не всегда фраза...»	360
«Бумага в сальных пятнах...»	361
«Где твой билет, душа, и где твоя прописка?...»	361

<i>Олег Калкин</i>	
«Спи спокойно, сынок»	362

<i>Иван Иванов</i>	
«Наверно, в этом что-то есть...»	364
Старый гармонист.....	365
Улыбка.....	365
Забытая песня.....	366

<i>Николай Иванов (Псков)</i>	
Зимушка	367

<i>Лев Маляков</i>	
«Заболел я словами с детства...»	368
«Начну как с чистого листа...»	369
«Пейзаж увяданьем помечен...»	369

<i>Сергей Горшков</i>	
Пустынь	370
«К себе ты загляни на «огонёк»...»	371

<i>Елена Киселева</i>	
Железная голова	372
15-8-3	373

<i>Ростислав Микрюков</i>	
За посёлком.....	375

<i>Валерий Мухин</i>	
Зеленоглазый ангел.....	375
Быть!.....	376
Душа поэта	376
Ласковое слово	377

<i>Александр Себежанин</i>	
Хлеб.....	377
«Звёздами вышита неба косынка...»	378
Нужно верить	378

<i>Олег Тиммерман</i>	
И снова молодость поет.....	379
В поезде надежды	379
«Когорта гениев земных...»	380
Душа	380
Старый лес	381

<i>Геннадий Моисеенко</i>	
Только б не было войны	382

<i>Ларина Федотова</i>	
Белостовольный свет	384

<i>Игорь Исаевъ</i>	
«Ну вот, опять иду на ощупь...»	384
«У реки крутые берега...»	385
«Бог не вернул ума и чувств...»	386
«Отче наш!...»	387

<i>Наталья Лаврецова</i>	
«На Руси когда-то без причины...»	388
«Отшумела любовь и прошла гроза...».....	388
«В этом мире при целях спесивых...»	389

<i>Вера Сергеева</i>	
Человеку.....	390
«Только с крылечка — навстречу мне звёзды...»	391

<i>Ирена Панченко</i>	
Воспоминаний вальс. Рассказ.....	392

<i>Людмила Тишаева</i>	
Душа под наркозом	397
Шёл мужик... ..	397
Не обозлишь, душа.....	398

<i>Игорь Плохов</i>	
«И снилось мне...»	398
«Лунные лиры...»	399
«То бьют литавры исступлённо...»	400

<i>Николай Рассадин</i>	
Третий Рим.....	400
Исхода не будет	400

<i>Владимир Свекольников</i>	
Мой поклон.....	401
Судьба.....	402
Крестный ход.....	402
Дорога	403

<i>Надежда Камянчук</i>	
Молитва.....	403

<i>Станислав Золотцев</i>	
Россия пишет... ..	404
Русская вера	405
«В начале века...»	405

Сведения об авторах	407
----------------------------------	------------

«НАМ СВЫШЕ РОДИНА ДАНА»

**Псковская земля, ее история и достижения в свете
духовного возрождения общества и человека
и возвращения к нравственной традиции бытия
в поэзии и прозе псковских писателей**

Редактор

Рисунки художника О. Тихоновой

Технический редактор Р.П. Васильева

Корректор Т.П. Николаева

Компьютерная вёрстка И.Г. Александровой

Подписано в печать 1 .04.2014 г. Формат 70х100¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Объём 28 печ. л.
Заказ №. 186. Тираж экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34

12+

ISBN 978-5-94542-307-7

